

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ОРБИТА
LEGAL ORBIT

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРБИТА №4

№ 4 2024

Автономная некоммерческая организация
«Юридическая орбита»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРБИТА
LEGAL ORBIT

Ежегодник
Научно-прикладной журнал

№ 4

Нижний Новгород
2024

Издается с 2021 года

Учредитель:

Автономная некоммерческая
организация
Нижегородский научно-
исследовательский центр
«Юридическая орбита»

Свидетельство
о государственной
регистрации АНО от 19 ноября
2021 года; государственный
регистрационный номер
1215200041165

Статьи публикуются
в авторской редакции.

Мнение авторов может
не совпадать с мнением
редакции.

16+

Дизайн обложки К.А. Быкова

Подписано в печать
06.12.2024.
Формат 60х84/8.
Усл. печ. л. 22,3.
Печать офсетная.
Тираж 500 экз.
Свободная цена.

Отпечатано:
ЮНИКОПИ
Нижегород, ул. Нартова, 2в

© Нижегородский научно-
исследовательский центр
«Юридическая орбита», 2024

Юридическая орбита: Научно-прикладной журнал. Ежегодник.
Нижегород: ЮНИКОПИ, 2024. – № 4. – 216 с.

Главный редактор:

Черных Евгения Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Заместитель главного редактора:

Баранова Марина Владимировна – доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Члены редакционной коллегии:

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Безбородов Юрий Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (научная специальность 5.1.5 – международно-правовые науки).

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Биюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной и прокурорской деятельности юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки)).

Габов Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Иванов Никита Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Каргин Константин Васильевич – заведующий кафедрой трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки) – ответственный секретарь журнала.

Карпычев Михаил Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Красс Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки)).

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки)).

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Сизимова Ольга Борисовна – доктор юридических наук, доцент, проректор по правовой и кадровой работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Синюков Владимир Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Терехин Владимир Вячеславович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Торбин Юрий Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Федулов Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия» (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Хужин Альфир Мисхатович – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Шайхутдинова Гульнара Раифовна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (научная специальность 5.1.5 – международно-правовые науки).

Чупрова Антонина Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Шаршун Виктор Александрович – кандидат юридических наук, заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки).

Эбзеев Борис Сафарович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки)).

Юдин Андрей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

СОДЕРЖАНИЕ

Состояние, проблемы и тенденции правовых ограничений в орбите современных реалий жизни государства и социума	7
--	---

Корпус исследователей с ученой степенью доктора наук

Абдулин Р.С. Конституционные критерии, препятствующие ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации	9
Баранов В.М., Милюков С.Ф. Институт ограничения свободы в фокусе междисциплинарности (системный доктринальный анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 года № 4-П)	13
Баранова М.В. Модернизация ограничительной регламентации в современном рекламном законодательстве Российской Федерации: технико-юридический аспект	24
Биюшкина Н.И. Формирование правового режима ограничительного характера в Российском государстве XIX – начала XX веков	28
Калинина Е.В. Аксиология социально-правовых ограничений в контексте религиозной философии иудаизма	34
Лановая Г.М. Полные и частичные ограничения прав: к вопросу о возможности дифференциации	38
Макарейко Н.В. Правоограничительный потенциал государственного принуждения ...	42
Погодина Т.Г. Ограничения прав граждан, госпитализированных из-за психического расстройства	47
Репьев А.Г. «Лимитчик»: объективация ограничения через правовой статус личности	50
Романовская В.Б., Безносова Я.В. Дхарма как наставление и ограничение в праве Древней Индии	53
Румянцев Ф.П. О некоторых субъектно-объектных ограничениях в земельном праве Российской Федерации	57
Скоробогатов А.В. Ограничение исторической памяти в мемориальном законодательстве	60
Толстик В.А. Правовые стимулы и правовые ограничения: парные ли категории?	64
Туранин В.Ю., Нестеренко В.В. Постоянные и временные правовые ограничения ...	68
Хужин А.М. Ограниченные вещные права: теоретико-правовое осмысление	72
Шаров В.И. Правовые ограничения в оперативно-розыскном законе	76
Шафиров В.М. Правовые ограничения как средство обеспечения прав и свобод личности	81

Корпус исследователей с ученой степенью кандидата наук

Гоглева К.Ю. Конституционализм и правовые ограничения: импликация смыслов и юридических практик	86
--	----

Горбунов М.Д. Правовые ограничения: вопросы пределов и эффективности реализации	89
Грачев С.А. Ограничение прав близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) путем неисполнения законодателем решения Конституционного Суда Российской Федерации о внесении изменений в порядок прекращения уголовного дела	93
Жданов П.С. Правовые ограничения и чрезвычайное положение в политико-правовом дискурсе Нового времени	97
Каргин К.В. Правовые ограничения юридической аргументации в процессе судебного разбирательства	100
Климова М.В. Деонтологические ограничения деятельности правоохранительных органов: правовая и этическая специфика	105
Корабельникова Ю.Л. Ограничение личных прав человека в Китайской Народной Республике при обеспечении безопасности в условиях развития информационных технологий	107
Костин С.А. Международно-правовые институты и национальные ограничения, связанные с нетрадиционными угрозами обеспечения международной безопасности	111
Кулик О.В. Ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел Российской Федерации	114
Орлова Ю.М. «Ограничительные меры» в практике Суда Европейского Союза	118
Парфенов А.В., Лапшин В.Е. О необходимости юридического ограничения компромиссов	121
Пирогов П.П. Ограничения избирательных прав граждан в дореволюционной России: историко-правовые вопросы регламентации	125
Погодина И.В. Ограничения для народного правотворчества: необходимость и правовое регулирование	129
Путинцев А.В. Привилегированный статус партий в политических процессах и сопутствующие правовые ограничения для иных участников	132
Скобелев В.П. Обеспечительные меры как правовые ограничения в исполнительном производстве: о некоторых вопросах изменения, замены, приостановления и отмены	137
Скоробогатова А.И. Ценностные пределы правовой социализации студентов	141
Соколова М.А. К вопросу о совершенствовании правовой регламентации ограничений прав и свобод человека и гражданина	144
Тарасов И.С. Евразийская концепция отечественного уголовного судопроизводства и правовые ограничения	148
Тюленева М.А. Ограничения в авторском праве (на примере трудов В. Д. Спасовича)	153
Филипова И.А. Исследование правовых ограничений в сфере регулирования искусственного интеллекта на юридическом факультете ННГУ им. Н. И. Лобачевского	157

Фроловичев Я.В. Актуальные проблемы правовых ограничений в уголовно-исполнительном законодательстве России	160
Чистякова Ю.А. Ограничения ответственности поставщика в рамках общих условий поставки	164

Ассистентско-преподавательский корпус

Абдуллина Л.Р. Принцип разумности в учении И. Канта: ограничительная и расширительная интерпретация	166
Аверин И.Ю. Использование правовых ограничений в целях противодействия преступлениям экстремистской направленности	169
Бирюкова В.П. Международно-правовые ограничения, связанные с нейтралитетом государства: опыт Швейцарии	172
Герасименко Ю.А. Ограничительное толкование права посредством норм-оговорок ...	175
Есаева Е.А. Правовые ограничения культуры внешнего вида населения Вьетнама в XIX веке: историко-правовой аспект	178
Завурбеков Ф.З. Правовые ограничения в отношении этноконфессиональной одежды: опыт Шахского Ирана	181
Леднев А.А. Юридические пределы правового эксперимента	184
Мальцева Т.В. Правовое ограничение как средство реализации предупредительной функции права: законодательная характеристика	186
Нефедова Е.В. Квота как форма правового ограничения	188
Плешаков Е.А. Международное сотрудничество в юридической науке и практике во второй половине XIX в. (по материалам специализированной периодики) ...	191
Плясунова Е.С. Мораторий как форма законодательных ограничений на проведение контрольно-надзорных мероприятий на землях сельскохозяйственного назначения	195
Рожкова М.Е. Правовые ограничения внедрения цифровых платформ в системы социального обеспечения: аспекты цифровой трансформации	198
Сергеев И.Д. Проблема диссенсуса в определении понятия злоупотребление правом на защиту, ведущая к законным правовым ограничениям в УПК РФ	201
Сидорук А.Ю. Критерии допустимости ограничения публичной власти	205
Тихонова Е.Н. Служебные проверки в органах внутренних дел: правовые ограничения	209
Щерова Н.С. Определение тематики материалов в периодических изданиях второй половины XIX в. как правовое ограничение	213
Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в журнале «Юридическая орбита»	216

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЭССЕ РЕДКОЛЛЕГИИ

Состояние, проблемы и тенденции правовых ограничений в орбите современных реалий жизни государства и социума

Уважаемые читатели!

Три ранее вышедших ежегодника «Юридическая орбита» отражали итоги многоуровневой дискуссии ведущих правоведов, видных представителей юридической практики и начинающих исследователей по поводу острых и актуальных проблем развития права, законодательства, правовой интерпретации и правоприменения, проходивших в рамках ежегодной Международной научно-практической конференции «Нижегородские юридические чтения». Гармоничное сочетание ежегодной формы издания и регулярного научного мероприятия позволило сплотить коллектив разновозрастных, обладающих научным и социальным статусом различного уровня исследователей, создавая благоприятные условия для планирования участия в конференции и подготовки качественной тематической публикации. Ежегодник предоставил своего рода «площадку для мозгового штурма» конкретной злободневных для национальной правовой системы и для права в целом проблем. В 2024 году традиция обращения к исследованию тем, обусловленных вызовами политических, экономических и социокультурных мировых и отечественных реалий была продолжена.

Четвертый номер нашего ежегодника посвящен итогам V Нижегородских юридических чтений, обратившихся к теме: «Правовые ограничения: состояние, проблемы, тенденции», инициированной, организованной и проведенной юридическим факультетом ННГУ им. Н.И. Лобачевского в коллаборации с Нижегородским региональным отделением Общероссийской общественной организацией «Ассоциация юристов России». Обращение к анализу востребованного на данном этапе развития права такого технико-юридического средства, как правовые ограничения позволяет объединить усилия представителей теоретической, исторической, отраслевой науки, вызывает яркий интерес представителей широкого спектра видов юридической практики.

В рамках V Нижегородских юридических чтений была предпринята попытка системного анализа концептуальных основ и доминантных аспектов специфики, современных проблем, ключевых трендов, актуальных инноваций в сфере формирования, функционирования и реализации правовых ограничений. Участники исследовали доминантные черты, значимые проблемные зоны, определяли перспективные направления развития, специфику формирования, закрепления, толкования и реализации правовых ограничений в национальной правовой системе современной России и зарубежных стран.

Перманентная трансформация мира меняет право, создает инновационные сферы, нуждающиеся в регламентации, сохраняя неизменным стремление правоведа к познанию, расширению общения и креативного результативного взаимодействия в рамках научного сообщества. Форматы и специфика подачи материала меняются, при этом отраднo осознавать, что в «орбиту притяжения» наших научных мероприятий включены, ставшие постоянными участники, развивающие сотворческое взаимодействие, привлекающие новые пытливые, облекающие в слово и текст мысли и идеи о повышении эффективности формы и содержания права.

Вселенная правовой науки и юридической практики безбрежна, как вдохновивший нас на создание проекта «Юридическая орбита» космос. Столь притягательный и поражающий обилием тайн и сложных связей элементов своей до конца не изученной структуры космос сегодня, благодаря профессиональной научной исследовательской

деятельности, помогает человечеству в решении насущных проблем. Так, данные дистанционного зондирования земли используются в современном сельском хозяйстве, навигации, городском планировании, освоении природных ресурсов. Анализом таких данных успешно занимаются сегодня российские ученые в Самарском университете имени Королева¹. Они видят возможности, перспективы и ...пределы использования космических технологий для жизни современного общества. В 2024 году после масштабных ремонтных работ открылся Нижегородский планетарий, всегда гостеприимно принимающий всех стремящихся узнать больше о безбрежном и сложно-осмысляемом мире звезд и планет, отзывы посетителей и журналистов о преобразованном пространстве и техническом устройстве планетария можно вместить в одно словосочетание – «просто космос». Интерес, радость от столкновения с непознанным, обретение нового знания и, главное, познавательной мотивации, стимула к исследованию дарят столкновение неискушенного человека с информацией о космосе, исследованиях вселенной. Аналогичным представляется погружение в бескрайний мир права, генерирование доминантных перспективных идей маститыми исследователями, яркий интерес и смелость мысли начинающих правоведов. Это дорогого стоит! При всей бескрайности космоса и научного познания, в том числе правового, реальная социальная жизнь немыслима без упорядочения отношений через выставление конкретных правовых ограничений. Эта неизбежная необходимость актуализирует избранную для диалога в рамках Нижегородских юридических чтений тему.

Редакция нашего журнала уверена, что у любого издания, генерированного активными людьми, преданными своему делу, всегда есть перспективы, смысл и возможность стать центром «орбитального притяжения» для ярких креативных людей. Основой привлечения талантливых исследователей и практикой всегда будет интересная актуальная идея, способная сплотить творческие умы. Новые реальные практические пути, новые идеи во имя глобальных смелых планов будущего вдохновляют на позитивное отношение к проблемам, актуализируют интенсивное осмысление и обсуждение современных вызовов. На страницах нашего ежегодного издания мы предлагаем площадку для публичной научной дискуссии о таких новых направлениях. В 2025 году темой для диалога в рамках VI Нижегородских юридических чтений станет тема: «Правовые рекомендации: состояние, проблемы, тенденции»

Мы признательны авторам четвертого номера ежегодника «Юридическая орбита» за поддержку нашего инициативного проекта. Приглашаем Вас принять участие в следующих номерах журнала, будем благодарны за любые разумные замечания и предложения относительно перспектив в его функционирования.

Главный редактор
журнала «Юридическая
орбита»

Е.Е. Черных

Заместитель главного редактора
журнала «Юридическая орбита»

М.В. Баранова

¹ Взгляд из космоса // Российская газета. 7 февраля 2023. №26 (8971).

КОРПУС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ С УЧЕНОЙ СТЕПЕНЬЮ ДОКТОРА НАУК

Абдулин Роберт Семенович

*доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент,
Заслуженный юрист РФ, судья Курганского областного суда в
отставке, заведующий кафедрой уголовного права Института
экономики и права Курганского государственного университета*

Abdulin Robert Semyonovich

*Doctor of Law, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the
Kurgan Regional Court, Head of the Department of Criminal Law at the
Institute of Economics and Law of Kurgan State University*

abrosem@yandex.ru

Конституционные критерии, препятствующие ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Constitutional criteria preventing the restriction of fundamental human and civil rights and freedoms in the Russian Federation

Аннотация: В статье рассматриваются конституционные критерии, направленные на ограничение прав и свобод человека и гражданина. В частности, автор через призму Конституции РФ и право человека на достойную жизнь рассматривает проблемы демографии, бедности, вопросы здравоохранения. По мнению автора статьи, обеспечение прав и свобод человека и гражданина может быть достигнуто лишь при неукоснительном исполнении законов органами государственного и муниципального управления и должностными лицами. Только в этом случае Конституция РФ в целом способна обеспечить нормальное функционирование государства и общества.

Ключевые слова: Конституция РФ, государство, должностные лица, местное самоуправление, достоинство, публичность

Abstract: The article examines constitutional criteria aimed at limiting the rights and freedoms of man and citizen. In particular, the author examines the problems of demography, poverty, and health care issues through the prism of the Constitution of the Russian Federation and the human right to a decent life. According to the author of the article, ensuring the rights and freedoms of man and citizen can only be achieved with strict compliance with laws by state and municipal government bodies and officials. Only in this case can the Constitution of the Russian Federation as a whole ensure the normal functioning of the state and society.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, state, officials, local government, dignity, publicity

Говоря о конституционных нормах, а тем более, конституционных критериях, препятствующих ограничению прав и свобод граждан, мы должны подходить к их изменениям скрупулезно и взвешенно. Поскольку каждое конституционное положение несет в себе не только юридическую нагрузку, но и устанавливает определенные правила поведения, как для граждан, так и иных субъектов права. В каждом случае возникновения спора или противоречия в ходе применения права мы обращаемся к конституционным нормам и ищем там окончательный ответ на возникшие вопросы. Это свидетельствует о том, что установленные в Конституции РФ критерии являются аксиомой и не требуют какого-либо подтверждения свыше. Конституционные нормы выступают высшим выражением права и поэтому его положения можно обозначить как «верховенство закона» и «господство права». Следовательно, при любом ограничении прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ, безусловно, должен действовать принцип взвешенного подхода, с объяснением мотивов и целей такого ограничения. Ведь сужение прав граждан согласно части 3 статьи 55 Конституции РФ возможно лишь «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и

законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹. Тем самым, данное конституционное положение является аксиоматичным и для любого законодателя или правоприменителя общеобязательным базовым правилом, поскольку в названной норме Конституции РФ закреплены фундаментальные ценности правового государства. Между тем конституционность «государственного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства» корреспондирует еще с одним конституционным положением, таким как запрет «издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Данное обстоятельство приводит к тому, что конституционность любых законов придает им особую прочность, что, в свою очередь, позволяет им быть моделью для любых нормативных правовых актов на стадии их принятия. И этот тезис имеет важное значение, поскольку конституционные нормы конкретизируются не только в принятии законов и иных нормативно-правовых актов, но и в законности деятельности органов государственного и муниципального управления и иных субъектов правоотношений обязанных обеспечивать надлежащее исполнение правовых норм. Только при таком состоянии государственного устройства положения Конституция РФ способны обеспечить устойчивость и стабильность критериев, препятствующих ограничению прав и свобод граждан, и не становятся декларативными нормами, не содержащими обязательности их исполнения. Так, примером декларативности конституционных норм могут быть некоторые положения Конституции СССР 1936 года. В частности, статья 127 гарантировала «гражданам СССР неприкосновенность личности. Никто не мог быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора», а отправлением правосудия, согласно статье 102, должно было осуществляться системой советских судов. Тем не менее, в нарушение конституционных прав советских граждан в стране применялась и внесудебная репрессия. В этих целях, еще до принятия Конституции СССР, были созданы Особые совещания при НКВД СССР, которые наиболее активно действовали именно после принятия Конституции СССР. В этот период, несмотря на конституционные запреты, эти Особые совещания могли без заслушивания обвиняемых, предоставления им защиты и иных процессуальных гарантий, принимать решения по назначению уголовного наказания, вплоть до применения высшей меры наказания - расстрела. В последующем право осуществления внесудебных репрессий в краях и областях было предоставлено так называемым «тройкам» и «двойкам». Также следует отметить, что некоторые нормы Конституции СССР 1936 года устанавливали такие критерии, которые давали правоприменителям не только возможность произвольно толковать конституционные нормы, но изначально устанавливали репрессивность государства в отношении своего народа. Так, статьей 131 было введено в научный и практический оборот понятие «враг народа», которое могло быть применено в отношении «лиц, покушающихся на общественную, социалистическую собственность». Однако данная конституционная установка, как правило, применялась в совокупной связи с конституционными положениями об обязанности граждан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя. Тем самым, можно сделать вывод, что «врагом народа» априори можно было признать любого гражданина².

Возвращаясь к конституционным критериям, препятствующим ограничению прав и свобод граждан в современной России, обратимся к сегменту Конституции РФ, которые являются базовыми.

И это первая проблема. Речь идет о статьях 1, 2 и 3 Конституции РФ, определяющих Россию как «правовое государство», «человек, его права и свободы являются высшей ценностью и защищать их это обязанность государства» и «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». В то же время будет не лишним обратиться еще к одной норме Конституции РФ, которая, на взгляд автора, может быть реализована только в случае соблюдения вышеуказанных конституционных положений. Это право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей, закрепленная в статье 7 Конституции РФ и презюмирующей российское государство как «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Между тем в главах 1 и 2, конституирующими основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, довольно много острых и вызывающих постоянные дискуссии положений. Так, одной из таких проблем является снижение уровня бедности в стране. По данным Росстата, численность населения с доходами ниже границы бедности в первом полугодии 2024 года составила 13,3 миллиона человек или 9,1% от всего населения. Границей бедности в стране в настоящее время считается доход в 15 225 рублей на человека в месяц³. Следует отметить, что данная проблема становится не только социальной, но и имущественной, поскольку граждане, находящиеся в бедности, не могут приобрести нормальную еду, лекарства, необходимые вещи и, тем самым, постоянно находятся буквально на грани выживания.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

² <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения 08.10.2024 г.)

³ Снижение бедности не означает сокращения неравенства// https://www.ng.ru/economics/2024-09/1_9087_poverty.html (дата обращения 08.10.2024 г.)

Второй проблемой, имеющей прямое отношение к конституционным критериям, препятствующим ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, является демографическая проблема. Согласно оперативным данным по естественному движению населения России в первом полугодии 2024 года число родившихся составило 599, 6 тыс. детей. За аналогичный период 2023 года количество родившихся детей составило 616,2 тыс. Таким образом, произошло сокращение рождаемости на 16,6 тыс. детей. В стране не уменьшается количество и умерших. Так, за первое полугодие 2024 года их количество составило 921, 1 тыс. человек, тогда как за аналогичный период прошлого года количество умерших составило 888,7 тыс. Естественная убыль населения между числом родившихся и умерших в первом полугодии 2024 года составила 321,5 тыс. человек, тогда как за аналогичный период 2023 года естественная убыль населения составляла 272,5 человек¹. Безусловно, складывается не совсем отрадная картина. Для улучшения данной проблемы должны быть не просто призывы для повышения рождаемости и повышения качества здравоохранения, а принятие конкретных мер как на государственном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. В частности, по мнению Н.А. Останиной, председателя комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, только материальными мерами, например пособиями, эту проблему не решить. Должна быть уверенность в будущем: смогут ли родители отправить ребенка в детский сад, получит ли он хорошее образование в школе, сможет ли получить высшее образование. И это при том, что в настоящее время от 10 до 20 процентов семей с детьми не имеют денег ни на что, кроме еды. Налоги, оплата жилья, новая одежда, кружки, театры и музеи — это для них уже сложности. По мнению Н.А. Останиной, все это вопросы доверия к власти, ее авторитета².

Третья проблема. Не лучше обстоят дела и в сфере здравоохранения. Еще в 2019 году вице-премьер Т. Голикова признала, что «оптимизация здравоохранения во многих российских регионах «проведена неудачно». Аналогичное мнение выразил и вице-премьер А. Силуанов. Он отметил, что медучреждения находятся в ужасном состоянии³. Характерным для неудачно проведенной оптимизации здравоохранения является сокращение количества больниц и поликлиник, нехватка, как врачей, так и среднего медицинского персонала. Думается, что для устранения ошибок в неудачной оптимизации здравоохранения, на которые были затрачены более 15 лет (с 2000 по 2017 гг.), понадобится не меньшее количество лет. И, безусловно, все это не пройдет бесследно для здоровья нации, о чем уже свидетельствуют приведенные выше статистические данные.

Четвертая проблема. В обществе существует постоянный запрос на достойную жизнь: здоровье, образование, работа, заработная плата, достойная пенсия, жилье, дороги, транспортное сообщение, чистый воздух и вода и многое другое, что человека приводит к мысли и ощущению своего достоинства. И такое ощущение и понимание своего достоинства должно быть не только в огромных мегаполисах, но и в самых маленьких поселениях. Но так ли это на самом деле? Для этого обратимся к истории реструктуризации системы местного самоуправления, в рамках которого были приняты в 2014 и 2017 годах федеральные законы (27.05.2014 г. № 136-ФЗ № 136-ФЗ и 03.04.2017 г. 62-ФЗ). В январе 2020 года во время своего очередного послания Федеральному собранию Президент РФ указывая на необходимость расширения и укрепления полномочий местного самоуправления на основе закрепления принципа единства системы публичной власти. При этом он прямо заявил о запрете ограничения прав местного самоуправления⁴. В последующем 2022 и 2023 годы проходили под эгидой укрупнения муниципальных образований, то есть ликвидации двухуровневой системы: муниципальный район – городские и сельские поселения. Безусловно, такую реструктуризацию должны были проводить с условием учета мнения или согласия населения, проживающего на территории городских и сельских поселений. Между тем такая реструктуризация, на взгляд автора статьи, привела к отчуждению граждан от власти, поскольку теперь в сельских поселениях нет своего депутатского корпуса, они не могут иметь своего бюджета, не имеют административной власти. В связи с этим гражданам для решения своих вопросов приходится ехать в орган власти, который находится во многих случаях на приличном расстоянии. Здесь же возникает вопрос транспортного сообщения, здравоохранения (во многих населенных пунктах нет фельдшерско-акушерских пунктов, образования (детей надо доставлять в образовательные учреждения, которые находятся вне данного населенного пункта), во многих сельских поселениях не стало учреждений культуры, спорта, детских садов, остро стоит вопрос охраны общественного, пожарной безопасности. Таким образом, местное самоуправление которое должно быть фундаментальным элементом всей системы управления страной, становится слабым, не имеющим

¹ Общие итоги естественного движения населения Российской Федерации за первое полугодие 2024 года // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_06-2024.htm (дата обращения 08.10.2024 г.)

² 70% российских семей с детьми можно назвать бедными - Восточный экономический форум // <https://utyug.info/new/48124/> (дата обращения 08.10.2024 г.)

³ Голикова назвала ужасным проведение оптимизации в здравоохранении // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e02d8b19a79473c2779152c> (дата обращения 08.10.2024 г.)

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета, N 7, 16.01.2020. (дата обращения 08.10.2024 г.)

реальной самостоятельности. Несомненно, все эти новеллы по централизации полномочий могут привести к оттоку населения из деревень и сел, и к перекосам в решениях проблемных вопросов на местах. Не следует исключать и то, что постепенно все это может быть следствием роста общественно-политической нестабильности.

Подводя итог изложенному следует сказать, что конституционные положения, направленные на обеспечение устойчивости и незыблемости основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, могут быть реализованы только в том случае, если государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица будут неукоснительно исполнять конституционные нормы и принятые на их основе иные нормативно-правовые акты. Органам власти следует помнить, что конституционные критерии, препятствующие ограничению основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, выступают своего рода барьером для всех субъектов конституционных правоотношений, нарушение которых является нарушением Основного закона страны.

Баранов Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Baranov Vladimir Mikhailovich

doctor of law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant to the head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activities, President of the Nizhny Novgorod research and applied center "Legal technology"

E-mail: baranov_prof@bk.ru

Милюков Сергей Федорович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Milyukov Sergey Fedorovich

doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

E-mail: dikoepolesf@gmail.com

**Институт ограничения свободы в фокусе междисциплинарности
(системный доктринальный анализ Постановления Конституционного Суда РФ
от 31 января 2024 года № 4-П)**

**The Institute of Restriction of Freedom in the focus of interdisciplinarity
(systematic doctrinal analysis of the Resolution of the Constitutional Court
of the Russian Federation dated January 31, 2024 No. 4-P)**

Аннотация. Ограничение свободы – междисциплинарный институт действующего российского законодательства. Исходя из этой методологической предпосылки, в статье предпринимается попытка показать внутренние и внешние связи уголовно-правового института ограничения свободы с другими юридически значимыми ограничениями в различных отраслях частного и публичного права.

Ключевые слова: свобода личности, институт законодательства, межотраслевой институт законодательства, институт ограничения свободы, формальные основания ограничения свободы, материальные основания ограничения свободы, судебное решение как источник правовых ограничений

Annotation. Restriction of freedom is an interdisciplinary institute of current Russian legislation. Based on this methodological premise, the article attempts to show the internal and external links of the criminal law institution of restriction of freedom with other legally significant restrictions in various branches of private and public law.

Keywords: personal freedom, institute of legislation, intersectoral institute of legislation, institute of restriction of freedom, formal grounds for restriction of freedom, material grounds for restriction of freedom, judicial decision as a source of legal restrictions.

«Высший смысл человеческого бытия – в свободе, ибо, придавая смысл чему-либо, человек утверждает свою свободу. Именно она придает смысл бытию человека. Все в человеческом мире имеет смысл только потому, что утверждает свободу человека».

(Меликов И.М. Социальное бытие свободы. М., 2024. С. 5)

Из наименования статьи ясно: авторы стоят на позиции, что ограничение свободы личности представляет собой междисциплинарный правовой институт.

Доктринальный системный анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 года № 4-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной» может помочь выявить дополнительные закономерности развития этого массива юридических норм, более точно определить основные линии расширения (либо сужения) сферы его функционирования.

Часть первая статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит: «Ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным» (в ред. Федерального закона от 05.04.2013 N 59-ФЗ).

Раскрывая содержание и формы реализации вышеприведенной уголовно-правовой нормы, важно иметь в виду (в качестве политического и общеправового фона) все элементы юридически значимого ограничения свободы личности.

В.В. Лазарев, оценивая статью 53 УК РФ, пришел к выводу: «Установление каких-либо ограничений в качестве наказания представляет собой научно- необоснованным». По его мнению, «в большинстве случаев данная мера уголовного наказания скорее связывается вообще с личностью, а не с характером предусмотренного состава преступления и, если законодатель действительно имеет в виду данное основание, он должен соразмерно предусмотреть лишение свободы, то есть изоляцию человека от общества»¹.

Полагаем, что эта интересная позиция является следствием преувеличения естественно-правовых оснований ограничения прав человека и в этом ракурсе выступает некоторой идеализацией существующего положения. Природа человека (как правонарушителя, так и потерпевших от него лиц) настолько многообразна в своих проявлениях, что законодатель не в состоянии в каждом конкретном случае четко нормативно разграничить запреты, ответственность, обязанность. И вряд ли правовые ограничения свободы стоит исключать из ряда наказаний, мер государственного принуждения.

Более того, карательная специфика ограничения свободы как уголовного наказания может быть выражена еще одним путем, если обратиться к Федеральному закону Российской Федерации от 29 мая 2024 года № 126 «О внесении изменения в статью 6 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»», где установлено: «В уголовно-исполнительной системе могут создаваться учреждения объединенного типа. К учреждениям объединенного типа относятся исправительные колонии, в которых созданы изолированные участки с различными видами режима, изолированные участки, функционирующие как тюрьма, а также помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов»². Эту юридическую норму при желании и наличии политической воли законодателя можно дополнить всего одним словосочетанием – «либо ограничение свободы». Режим ограничения свободы в случае принятия такой организационной меры может варьироваться, ослабляться либо ужесточаться судом в зависимости от законопослушности наказанного лица.

¹ Лазарев В.В. Естественно-правовые основания ограничения прав человека и гражданина // Юридическая техника. 2018. № 12: Материалы XIX Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Ограничения в праве: теория, практика, техника» (Нижний Новгород, 28–29 сентября 2017 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2018. С. 22-23.

² Российская газета. 2024. 3 июня.

Касаясь междисциплинарных перспектив совершенствования института ограничения свободы, надо отметить, что по своей правовой природе, по обременительности для лица эта мера наказания может быть отнесена к разряду **щадящих**.

К трехсотлетию Иммануила Канта (1724–1804) в Калининграде под эгидой Балтийского государственного университета издано собрание его сочинений в трех томах, которые (сочинения) не только **заново переведены** на русский язык, но и снабжены подробными комментариями.

Интересно и важно для понимания антропологии Канта отметить такой нюанс – постепенное вытеснение в трудах философа понятие «человек мира» и замена его на понятие «гражданин мира». «В отличие от «человека мира», ориентирующего в социальной среде, но пассивно наблюдающего за процессами ее развития и трансформации, – подчеркивается в предисловии редактора, – гражданин мира активно участвует в социальной жизни и вносит свой вклад в развитие социальных правил и институтов»¹. На с. 392 И. Кант констатирует: «**Свобода и закон** (которым эта свобода ограничивается) – вот две оси, вокруг которых вращается гражданское законодательство».

По нашему мнению, институт ограничения прав и свобод «рассчитан» на гражданина мира, на понимание им необходимости установления государством пределов деятельности. Гражданин мира – **ответственный** за свои деяния субъект, в том числе в условиях ограничения свободы.

По С.Э. Либановой, ограничение прав и свобод человека – «это ограниченное базовыми принципами-гарантиями Конституции Российской Федерации, отраженное правовыми актами, принятыми компетентными органами для достижения законной цели, необходимое и соразмерное умаление прав гражданина и его свобод (установление пределов юридически дозволенного поведения, полный запрет определенных действий), обусловленное необходимостью защиты охраняемых общественных интересов как высших ценностей всего общества, основанных на нравственно-культурном коде российского народа»². По ее убеждению, три базовые конституционные принципы-гарантии (человек как высшая ценность, народовластие, верховенство права) представляют собой универсальный методологический ключ определения критериев предела ограничения прав³.

Ограничению свободы есть резон придать межотраслевой общеправовой характер. «Привязывать» институт ограничения свободы только к «географии» передвижения малопродуктивно, неэвристично. В будущем вполне вероятно появление новых форматов ограничения свободы – такая мера государственного принуждения может быть в разумных пределах применена почти к любой творческой юридически значимой деятельности, в каждой сфере креативной индустрии. Области биомедицины, нейросетей, цифровизации не могут функционировать без каких-либо ограничений.

При ограничении мера свободы всегда меняется в сторону **уменьшения** ее количественно и **усложнения** процессуально при реализации конкретного права. По Лазареву В.В., «ограничивая право, мы расширяем обязанность; ограничивая обязанность, мы обогащаем право»⁴.

В «фундаменте» института правовых ограничений лежат разнообразные **механизмы ограничения государственной власти**. Можно дискутировать о достаточности и эффективности функционирования этих механизмов, но применительно к теме статьи важно подчеркнуть другое. Поскольку государство, экономически и политически властвующая элита идут на ограничения собственной власти, фиксацию ее пределов, то у него (государства) есть право на установление границ свободы граждан и их законных объединений.

Известный польско-британский социолог Зигмунт Бауман, исследуя свободу в современном западном капиталистическом обществе, акцент сделал на **свободе потребления**. Считая этот род свободы куцым, односторонним, он, тем не менее, считает: внутри самой системы не осталось выбора между потребительской свободой и иными видами свободы⁵. Трудно согласиться с таким подходом, который неявно предполагает: личная свобода означает определенное безразличие к государственным и общественным делам, а свобода потребления может доминировать над коллективными интересами. Режим свободы торговли невозможен без ограничений, которые для потребителей в силу множества внешних и внутренних причин могут быть масштабными и длительными либо «точечными» и короткими.

¹ Кант, Иммануил. Сочинения по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / И. Кант; Балтийский федеральный университет им. И. Канта; под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. Т. 1: Сочинения по антропологии / под ред. А. Г. Жаворонкова; пер. с нем. Д. О. Аронсона, А. Г. Жаворонкова, С. В. Лугового, А. К. Судакова под ред. Д. О. Аронсона, Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. С. Зильбера; предисл. А. Г. Жаворонкова; коммент. Д. О. Аронсона, А. Г. Жаворонкова, А. С. Зильбера, С. В. Лугового, М. В. Ровбо, А. К. Судакова. 2024. С. 16.

² Либанова С. Э. Методологический ключ определения критериев предела ограничения конституционных прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 31.

³ Там же, с. 32.

⁴ Лазарев В.В. Естественные-правовые основания ограничения прав человека и гражданина // Юридическая техника. 2018. № 12: Материалы XIX Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Ограничения в праве: теория, практика, техника» (Нижний Новгород, 28–29 сентября 2017 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2018. С. 29.

⁵ Бауман Зигмунт. Свобода. М.: Логос, 2005.

Правовое ограничение свободы означает пределы, рубежи, границы, некоторое сужение возможностей, изъятие из системы правомочий человека. «Ограничение прав и свобод, – подчеркивает В.А. Лебедев, – это скорее исключение из правил, а не само правило. Задача национального законодателя и правоприменителя сводится к обеспечению свободы личности, а не её ущемлению»¹.

Институт ограничения прав личности либо компетенции организаций (общественных объединений) оказывает существенное влияние на правовую политику, правосознание, правовую культуру, обеспечение социальной и экономической солидарности, прочность правопорядка в целом.

В экономической науке детально рассматриваются теоретические и практические проблемы такой формы экономической организации как вертикальная интеграция и вертикальные ограничения². Остается сожалеть, что доктрина, практика, техника правовых ограничений не применяет достижения экономической концепции вертикальных ограничений. Дело в том, что ограничения в праве иерархичны и вертикальные связи между ними имеют существенное значение, обуславливают их юридическую силу, жесткость, масштаб.

Вряд ли кто сомневается в целесообразности функционирования Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии (утверждены постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 года № 442). И вполне оправданы факты обжалования некоторых деяний уполномоченных государственных органов, когда они не соизмеряют ограничение потребления электроэнергии с реальными факторами (причинами), приведшими к обременительной для граждан мере. Проблема ограничения потребления гражданами и организациями электрической энергии настолько остра, что содержание некоторых пунктов рассматриваемого нормативного правового акта оспариваются в Верховном Суде Российской Федерации. Например, вступившим в законную силу решением Верховного Суда РФ от 16 мая 2023 года № АКПИ23-150 пп. 16 и 161 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии признаны не противоречащими федеральному законодательству³.

Кому-то может показаться следующий наш тезис парадоксальным, но он имеет право на существование, если исходить из универсальных ценностей, установок, целей. Ограничение свободы личности при определенном фокусе теоретического междисциплинарного анализа реально ведет к **увеличению ее степени**.

Ограничение свободы предполагает тот или иной объем (границы) ее существования. Ограничить можно лишь то, что реально функционирует, развивается. Ограничение свободы личности в широком смысле включает в себя всю гуманитарно-деятельностную сферу, все грани, плоскости, состояния, процессы, свободы⁴.

Ограничения свободы всегда специализированы, содержательно и технико-юридически «зависят» от предмета правовой регламентации. Интересное и весьма острое с политической точки зрения «проблемное поле» теории, практики, техники правовых ограничений отфиксировал Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 30 мая 2024 года № 27-П по делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов «в», «в1» пункта 24 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Е.Г. Силаевой⁵.

Суд, исходя из конституционного предназначения выборов, императивно предложил «избегать необоснованного ограничения электоральной конкуренции, в особенности в отношении политических партий». Раскрывая критерии определенности правового регулирования выборов, Конституционный Суд России установил для правотворческих органов всех уровней правило: «не порождать избыточных, чрезмерных ограничений (барьеров), создающих вопреки конституциональному принципу юридического равенства неоправданные препятствия для электорального волеизъявления граждан и свободного осуществления ими избирательных прав». Суд со ссылкой на конкретные правовые акты законодательного и подзаконного уровня констатировал факт официального юридического признания института самозанятости граждан и сделал вывод: «При таких обстоятельствах лишение кандидата правомочия указать в документах, представляемых в избирательную комиссию в целях уведомления о выдвижении и регистрации, в качестве рода своих занятий сведения о том, что он является самозанятым, существенно ограничивает его электоральные возможности».

¹ Лебедев В.А. Конституционные права и свободы человека и гражданина в современной России: концепция, ограничения, механизм охраны и защиты: монография. – Москва: Проспект, 2016. – С. 64.

² См.: Бутыркин А.Я. Вертикальная интеграция и вертикальные ограничения в промышленности. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2023. 200 с.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 5. С. 12.

⁴ Подробнее об общетеоретических и отраслевых юридических ограничениях в законотворческой, интерпретационной, правореализационной деятельности см.: Юридическая техника. 2018. № 12: Материалы XIX Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Ограничения в праве: теория, практика, техника» (Нижний Новгород, 28–29 сентября 2017 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2018. 821 с.

⁵ Российская газета. 2024. 21 июня.

Перед российской юридической наукой и практикой стоит непростая задача: а) с общетеоретической и отраслевой точек зрения максимально точно (при этом предельно широко) «обрисовать» обозначенное Конституционным Судом России «проблемное поле»; б) показать связь двух относительно самостоятельных институтов самозанятости и ограничения свободы; в) выявить зависимость свободы предпринимательства и конкуренции; г) установить признаки «существенного» и «несущественного ограничения прав, свобод и законных интересов граждан».

Современная законодательная регламентация национальных отношений (в отличие от правового регулирования царской России¹, где превалируют ограничения и запреты) применяет широкий спектр технико-юридических средств, в том числе стимулирующе-поощрительных и разрешительно-дозвоительных. При совершенствовании миграционного законодательства, отношений по приобретению и утраты гражданства России эти подходы имеют особое значение и нуждаются в более широком применении. Чрезмерные ограничения в этой области нередко создают социальное напряжение.

Нуждается в анализе проблема ограничений при выборе гражданами профессий. Существующие ныне запреты нуждаются не только в конкретизации, но и в дополнении мерами, ограничивающими право занимать определенные должности и выполнять некоторые профессиональные функции (преподаватель, воспитатель) в случаях нарушения традиционных нравственных и иных ценностей.

Так или иначе, но ограничение свободы при разумной адекватной «дозировке» может служить действенным средством духовного и физического развития человека. «Отрешение» от телеэфира, временная отмена концертов некоторых участников непристойной «голой» вечеринки – фактическое и заслуженное ограничение их свободы самовыражения. Такого плана «самовыражение» – дали понять государственная власть и гражданское общество – неприемлемо.

Возникает отнюдь не риторический вопрос – почему ограничение свободы отсутствует среди мер административного наказания? Административное законодательство предусматривает за некоторые правонарушения штрафы, порой превосходящие по размеру уголовно-правовые штрафные меры. Широкое распространение имеет административный арест, то есть мера государственного принуждения мало чем отличающаяся от ареста по уголовному законодательству. По всей видимости, требуется специализированные доктринальные исследования о возможности введения ограничения свободы и в административно-правовом порядке. Может быть, даже есть резон подготовить соответствующую экспериментальную административно-правовую норму и по итогам эксперимента принять окончательное законодательное решение.

Думается, может быть расширено ограничение свободы и в налоговом законодательстве. Уклонение от налогов, другие нарушения налогового законодательства до сих пор в массовом правосознании не считаются социально опасными, их вредность явно недооценивается. «Спектр» государственного принуждения за налоговое правонарушение желательно расширить посредством введения особых форматов ограничения свободы нарушителей. Налоги – не просто один из существенных признаков государства. Это – источник жизнеобеспечения государства, средство укрепления национальной безопасности. Здесь уместно вспомнить гипотезу, которую выдвинул петербургский экономист и журналист Дмитрий Трубин. По его убеждению, парламенты появляются там, где у монарха возникает потребность в значительных финансовых ресурсах на набор и содержание наемной армии. В европейской истории, полагает он, такая потребность впервые возникла в Англии в период Столетней войны, когда монарху потребовался источник доходов для завоевания Франции. Феодалная традиция не знала таких прецедентов, и королям пришлось создать переговорную площадку для того, чтобы договариваться с элитами о порядке и условиях введения налогообложения².

Значительным своеобразием отличаются меры ограничения в действующем земельном праве России³.

Междисциплинарная природа института ограничения прав подтверждается еще одним редко отмечаемым обстоятельством – в реальной жизни имеются факты **неосновательного ограничения компетенции** органов государственной власти и даже суда. Например, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2024 года № 17-П по делу о проверке конституционности статьи 85, части 4 статьи 87 и статьи 211 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Сергеева зафиксировано: «Признать статью 85, часть 4 статьи 87 и статью 211 КАС Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 18, 44 (часть 2), 46 (части 1 и 2) и 68 (часть 4), поскольку в системе действующего правового регулирования они, устанавливая возможность применения судом,

¹ См., например: *Гессен Ю.И.* Закон и жизнь. Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России. Изд. 2. М.: URSS, 2017. 200 с.

² См.: *Травин Д.* Историческая социология в «Игре престолов». Санкт-Петербург: Страта, 2020; *Федоров В.В.* Ума палата. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 12-13.

³ *Мельников Н.Н., Москвина У.В.* Ограничения оборотоспособности земельных участков: учебное пособие. Орел: Орлик, 2024. 151 с.

рассматривающим в порядке, предусмотренном главой 21 названного Кодекса, административное исковое заявление о признании недействующим правового акта регионального органа охраны объектов культурного наследия об отказе во включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия, мер предварительной защиты в виде запрета применения оспариваемого акта к административному истцу, *необоснованно ограничивают полномочия суда по применению иных мер предварительной защиты по административному иску* (курсив наш. – В.Б., С.М.)»¹.

Ограничение свободы экономической деятельности и права частной собственности – институт, который нацелен на защиту конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении требований необходимости, пропорциональности и соразмерности, на согласование частной экономической инициативы с интересами соответствующих потребителей и общества в целом².

Взаимосвязь элементов междисциплинарного института ограничения прав многолика и нередко помогает гуманизации юридической регламентации. Так, если женщина – мать ребенка – ограничена в родительских правах, то мужчина (его отец) считается единственным родителем и ему в соответствии со ст. 82 УК РФ может быть отсрочено уголовное наказание³.

В России, как известно, функционирует объемное и постоянно совершенствуемое законодательное регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. И в «связке» с предметом правовой регламентации даже в наименовании фиксируется – «и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»⁴.

Вряд ли у кого может возникнуть сомнение в том, что этот вид ограничения не является посягательством на свободу личности, на частную жизнь гражданина.

Ясно и неоспоримо, что государство может, но не должно вмешиваться в частную жизнь, в сферу досуга и культивирование сексуальных отношений супругов. Но и здесь имеется ограничительный критерий – аморальное поведение должно оставаться в частном поле, не быть достоянием всех и каждого.

Если бы «голая вечеринка» у Анастасии Ивлеевой не «выплеснулась» в социальные сети, то правовых оснований для привлечения их к какой-либо юридической и даже моральной ответственности не было.

Во избежание кривотолков, при юридической оценке подобного рода безнравственных деяний, желательно сформулировать юридическую норму следующей редакции: «Противоречащие российским духовно-нравственным ценностям факты частной жизни подлежат защите от неправомерного или случайного доступа к ним, копирования и распространения сторонними лицами».

В случае реализации этого предложения основанием юридической ответственности станет **не обеспечение** физическими лицами и организациями распространения осуждаемой государством информации.

Если угодно, такого рода сведения должны иметь правовой режим аналогичный информации ограниченного доступа, информации ограниченного распространения.

Вышеприведенные, казалось бы, разнородные, иллюстрации ограничений прав и свобод граждан и организаций в разных отраслях действующего российского законодательства, приведены для формулирования методологического рода тезисов, которые следует положить в основу становления и развития теории, практики, техники межотраслевого института правовых ограничений.

Независимо от отраслевой принадлежности законодательно устанавливаемые и затем реализуемые ограничения в праве не должны диссонировать ни в общем плане, ни в частностях (деталях) с уже функционирующей системой правовых ограничений. «Дух» конституционных ограничений призван «пронизывать», «пропитывать» собой все виды конкретизирующих их юридических обременений. Мы исходим из того, что всякое правовое ограничение (в большей или меньшей степени) выступает для субъекта **обременением**. Например, в Постановлении Конституционного Суда

¹ Российская газета. 2024. 26 апреля.

² О необходимости и практических трудностях обеспечения баланса интересов участников правоотношений при ограничении их прав см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2024 года № 19-П по делу о проверке конституционности части 10 статьи 162 и части 3 статьи 200 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью Управляющая компания «Мир» // Российская газета. 2024. 8 мая; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2024 года № 21-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В. Штраус // Российская газета. 2024. 14 мая.

³ См.: Постановление № 47 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 года «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 2. С. 2-4.

⁴ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 11 марта 2024 года № 46-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" // Российская газета. 2024. 13 марта.

Российской Федерации № 7-П от 20 февраля 2024 года¹ по делу о проверке конституционности подпункта 22.1 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ДОМ.РФ Управление активами» многократно понятия «ограничение» и «обременение» употребляются как тождественные.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 9 июля 2021 года № 34-П применительно к вопросу об установлении иностранным государством в ненадлежащей международной процедуре и в противоречии с многосторонними международными договорами, в которых участвует Россия, ограничительных мер против нее и ее хозяйствующих субъектов отметил, что исходя из статей 2, 18 и 751 Конституции Российской Федерации деятельность органов публичной власти не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, затронутых соответствующими санкциями; более того, самой приемлемой и ожидаемой реакцией органов власти является принятие решений, направленных на содействие таким лицам как попавшим в тяжелую ситуацию из-за противоправных, по сути, обстоятельств. Приведенная правовая позиция в полной мере применима и к обстоятельствам, связанным неправовыми ограничительными мерами недружественных стран, направленными на противодействие хозяйственной деятельности, в том числе в банковской сфере, на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя².

Ограничение деятельности, создающей непосредственную опасность причинения вреда в будущем, как показано и доказано в цивилистической науке³, влияет на многие права, свободы и законные интересы в самых разных сферах государственной, общественной, частной жизни.

Предусмотреть в ст. 1065 ГК РФ все последствия этого рода ограничения невозможно, а вот в правоприменительной практике при квалификации конкретных юридически значимых ситуаций к этому можно и нужно стремиться. Речь идет о необходимости ориентации участников, «попавших» в орбиту законодательных ограничений, на постоянный системный поиск **линий взаимодействия** функционирующих ограничительных мер (санкций) со всеми примыкающими смежными элементами института правовых ограничений.

При ограничении предпринимательской и иной разрешенной законом деятельности важно «видеть» связи частного и публичного права, иметь в виду систему санкций в целом.

Если обратиться к иной правовой сфере – порядку выезда за границу носителей секретов – то на первый план выдвигается поиск разумного баланса государственных интересов и личных интересов граждан, должностных лиц, имеющих допуск к государственной тайне. Целая серия предельно конкретных ограничений введена Указом Президента Российской Федерации от 11 марта 2024 года № 177 «Об утверждении Положения о порядке принятия Межведомственной комиссией по защите государственной тайны решений об ограничении права на выезд из Российской Федерации лиц, замещающих должности, предусмотренные перечнем должностей, при замещении которых лица, считаются допущенными к государственной тайне».

Пункт 15 Положения гласит: «В решении Межведомственной комиссии об ограничении права на выезд указываются: а) фамилия, имя, отчество (при наличии) лица, дата и место его рождения; б) серия и номер паспорта гражданина Российской Федерации лица; в) наименование должности, которую замещало лицо; г) дата начала исполнения полномочий и дата прекращения исполнения полномочий должностным лицом по должности; д) номер и дата утверждения заключения; е) дата последнего документально подтвержденного доступа лица к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, послужившим основанием для принятия такого решения; ж) вывод об осведомленности лица в сведениях особой важности или совершенно секретных сведениях на дату прекращения полномочий; з) срок, на который ограничивается право лица на выезд из Российской Федерации, с указанием даты его окончания»⁴.

Для профилактики нарушений, введенных Указом Президента России от 11 марта 2024 года № 177 ограничительных мер в Госдуме, рассматривается законопроект, которым предлагается руководителям и сотрудникам режимно-секретных подразделений предоставить право проверять отметки в загранпаспортах работников, которые имеют допуск к государственной тайне⁵. Тот, кто нарушил условия выезда за границу не только может быть лишен допуска к гостайне, но и привлечен к уголовной

¹ Российская газета. 2024. 12 марта.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2024 г. № 5-П "по делу о проверке конституционности части 16 статьи 4 Федерального закона "О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя", части 2 статьи 117, части 8 статьи 2916 и части 1 статьи 322 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества "Крыммолоко" // Российская газета. 2024. 16 февраля.

³ См.: *Сенотрусова Е.М.* Запрет, приостановление и ограничение деятельности как меры гражданско-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2023. 31 с.

⁴ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403110031> (дата обращения: 15.05.2024)

⁵ *Егоров И.* Тайная виза // Российская газета. 2024. 22 мая.

ответственности (при скрытном выезде за границу носителя совершенно секретной информации либо сведений особой важности).

Лица, которые воспринимают правовые ограничения на выезд за границу чрезмерно обременительными и для которых в приоритете заграничный туристический отдых, имеют выбор – отказаться от замещения должности, где требуется получение допуска к государственной тайне.

Полифункциональная теория судебного права и все разновидности судебной практики (в большей или меньшей степени) выступают не только формальным основанием правовых ограничений¹, но и содержательным корректирующим, конкретизирующим фактором сужения либо расширения сферы функционирования «блоков» юридически значимых ограничений. Так, в последние годы увеличилось число судебных решений за публичное «выставление» дискриминирующих ограничений (по полу, возрасту, национальности, внешности, одежде) при объявлении о приеме на работу, заполнении свободных вакансий работодателями.

В единой «связке» уголовно-правовой институт ограничения свободы находится с уголовно-исполнительным законодательством, где реализуется порядок реализации этой меры государственного принуждения.

В 2023 году под эгидой Ташкентского государственного юридического университета опубликован объемный учебник уголовно-исполнительного права, где рассмотрен институт ограничения свободы осужденных с учетом особенностей законодательства Республики Узбекистан и Российской Федерации с упором на процессуальную сторону реализации уголовно-правовой санкции.

В соответствии со ст. 47.1 УИК РФ, уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного к наказанию в виде ограничения свободы не позднее 15 суток со дня получения копии приговора (определения, постановления) вручает осужденному официальное уведомление о необходимости его явки в уголовно-исполнительную инспекцию для постановки на учет. Осужденный к наказанию в виде ограничения свободы в течение трех суток после получения указанного уведомления обязан явиться в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства для постановки на учет. Уголовно-исполнительная инспекция разъясняет осужденному его права и обязанности, порядок и условия отбывания наказания, а также ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания.

Уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства осужденного к наказанию в виде ограничения свободы ставит его на персональный учет. При постановке на учет осужденный подлежит дактилоскопической регистрации и фотографированию².

Право при его бесспорной социальной (но не абсолютной!) ценности всегда являлось и является ныне в руках экономически и политически властвующих элит содержательным и технико-юридическим инструментом управления массами, группами людей и отдельными индивидами путем принуждения их к должному поведению и воздержанию от нарушения установленных ими норм под угрозой и страхом применения разнообразных мер государственного принуждения. Этот признак, характеристика присуща так называемым «карательным» отраслям права, к коим, помимо права уголовного, относятся уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное.

При этом законодатель нечасто лишает правонарушителя того или иного права полностью (например, активного и (или) пассивного избирательного права). Чаще всего он прибегает к **ограничению** пользования различного рода свободами, правами, благами. Даже полная конфискация имущества виновного, ныне криминологически совершенно не обосновано изъятая из системы наказаний³ была все же неполной (см. прилагавшийся к УИК РФ, в его первоначальных редакциях, перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда).

Это суждение относимо и к лишению свободы (в том числе пожизненному), поскольку осужденный к нему таковой свободы полностью не лишается.

В соответствии с ч. 1, 3 и 4 ст. 96 УИК РФ по постановлению начальника исправительного учреждения (заметьте: не суда!) осужденным может быть разрешено передвижение без конвоя или

¹ Подробнее см.: *Лазарев В.В.* Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 5-16; *Болдырев Н.А.* Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т.18. – № 9. – С. 38-46.

² Уголовно-исполнительное право Узбекистана и России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. д.ю.н., проф. Н.С. Салаева и д.ю.н., проф. А. П. Скибы. – Ташкент: Ташкентский государственный юридический университет, 2023. С. 565-566. См. также: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А.П. Кузнецова, А.Я. Гришко. Москва: ИНФРА-М, 2023. С. 306-323; Уголовно-исполнительное право Российской Федерации и Азербайджанской Республики. Общая часть: учебник для бакалавриата и специалитета / Под ред. А.П. Скибы и М.Г. Гумбатова. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 18, 21, 31-32, 37-38, 60-61, 66, 81, 83, 115, 121, 136, 139, 141, 145, 147, 149, 151, 184, 192-193, 217, 220, 234-238, 241, 248, 276, 318, 324-326.

³ Подробную аргументацию см., в частности: *Милоков С.Ф.* Комментарий к утратившей силу статье 52 УК // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3-х т. Том I. Общая часть / под общ. ред. Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. Тамбов-СПб-Липецк, 2014. С. 112.

сопровождения за пределами такового учреждения (ИУ). Им может быть разрешено проживание в общежитиях за пределами ИУ.

А в соответствии со ст. 97 того же Кодекса осужденным к лишению свободы могут быть разрешены краткосрочные выезды за пределы ИУ продолжительностью до семи суток, не считая времени на проезд туда и обратно и даже длительные выезды на время ежегодного оплачиваемого или неоплачиваемого отпуска. С 2017 года осужденным, имеющим вне исправительной колонии (ИК) несовершеннолетнего ребенка-инвалида могут быть разрешены четыре выезда в год на срок до 15 суток каждый, не считая времени проезда туда и обратно. Если ребенок не является инвалидом, таковых выездов может быть два до 10 суток каждый.

В одном из учреждений ФСИН, а именно колонии-поселении (по непонятным причинам законодатель не называет ее исправительной) установлен режим, который вообще несовместим с тем, что называется лишением свободы. Достаточно сказать что в соответствии со ст. 129 УИК РФ осужденные в этих колониях содержатся без охраны, могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги и ценные вещи и пользоваться ими без ограничения, получать посылки и бандероли, иметь свидания без ограничения их количества, проживать со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади за пределами колонии.

Один из авторов этой публикации уже не одно десятилетие предлагает законодателю отказаться от этой вопиющей коллизии, искусственно завышающей число фактически лишенных свободы в нашей стране, что является политически важным показателем гуманного отношения к той части преступников, которые, по мнению суда, не представляют большой общественной опасности¹. Для этого достаточно перевести рассматриваемые колонии в ранг мест отбывания другого наказания, не связанного с лишением свободы — а именно принудительных работ (ст. 601 УИК РФ). Но законодатель остается глух к этим и аналогичным предложениям.

На этом фоне рельефно обозначается тотальный карательный характер смертной казни, которая продолжает фигурировать в текстах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного, Кодексов РФ, как, впрочем, и в тексте Основного закона, но фактически выведена из состава отечественной системы наказаний вопреки мнению большинства российских граждан и ряда ученых². При этом лишение жизни преступников отнюдь не исчезло из практики силового противодействия общественно опасному поведению и достаточно широко применяется в виде внепроцессуальной (внесудебной) репрессии³.

Обратимся теперь к весьма интересной и поучительной для российского нормотворчества судьбе наказания, которое прямо называется ограничением свободы.

Еще в 70-е годы прошлого века ряд правоведов предлагали легализовать его в тексте Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (С.В. Бородин, Н.Ф. Кузнецова, А.К. Музеник, И.С. Ретюнских, П.И. Самошин, Н.А. Стручков и др.), однако, не в виде принципиально нового наказания, не связанного с лишением свободы, а лишь в виде переименования громоздких названий уже существовавшего в двух ипостасях и часто применявшегося на практике наказания — условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 242 УК РСФСР 1960 года) и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 532 того же Кодекса). К тому же советский законодатель не внес эту меру в перечень наказаний (ст. 21 УК РСФСР 1960 года), что породило терминологические споры преимущественно схоластического характера.

В противовес этому один из авторов настоящей статьи предложил еще четыре с половиной десятилетия назад действительно новое наказание под упомянутым выше названием.

По его мнению, ограничение свободы целесообразно назначать на срок от 3 месяцев до 5 лет. Осужденному может быть запрещено: менять по собственному желанию место жительства (этому может предшествовать поселение осужденного в определенном населенном пункте вне его прежнего места жительства) и работы, выезжать на время из данного населенного пункта без разрешения компетентных органов, заниматься определенной деятельностью, посещать те или иные заведения (например, рестораны, бары, вокзалы, рынки и т. д.), покидать жилище в определенное время (в основном ночное). На него могут быть возложены обязанности возместить причиненный вред (в том числе извиниться перед потерпевшим), поступать на работу или учебу, пройти курс лечения, являться на регистрацию в специальные органы, безвозмездно участвовать в общественных работах. В случае нарушения режима отбывания наказания осужденный может быть подвергнут штрафу, домашнему или административному аресту. Злостное уклонение от ограничения свободы должно влечь лишение свободы на неотбытый срок⁴.

¹ См., например: *Милюков С.Ф.* Российская система наказаний / науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб.: СПб юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 15-16.

² *Милюков С.Ф.* Смертная казнь: дискуссия должна быть продолжена // *Юридическая орбита*. 2021. №1. С. 285-289.

³ *Милюков С.Ф.* О соотношении судебной и внесудебной репрессий в механизме противодействия преступности // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. №2(53). С. 31-33.

⁴ *Милюков С.Ф.* Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступника. Дис... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1980. С. 178-180.

Однако законодатель предпочел пойти по пути, предложенным вышеуказанными учеными. В первоначальной редакции ныне действующего УК РФ появилась статья 53 «Ограничение свободы», в которой (ч.1) было записано, что таковое «заключается в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора».

А в части 5 той же статьи было записано, что «ограничение свободы не назначается лицам признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет, женщинам достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, а также военнослужащим, проходящим военную службу по призыву».

Тем самым была сделана попытка реанимировать наказание, которое в советское время, как уже отмечалось выше, называлось «условным осуждением (освобождением) из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду».

Но эта попытка была предпринята с негодными средствами: к середине 90-х годов в России полностью изменился не только политический, но и экономический строй, практически все крупные и средние производства были приватизированы и большинство из них были расхищены новоявленными «бизнесменами». Не случайно еще законом РФ 18 февраля 1993 года из текста УК РСФСР были исключены статьи 242 и 532, а созданная за 30 предыдущих лет инфраструктура исполнения данного наказания (так называемые «спецкомендатуры» и общежития для осужденных) были приватизированы, а порой – просто брошены либо расхищены. Кадры этих учреждений остались вне службы и быстро потеряли свои компетенции.

Поэтому еще до введения в действие УК РФ 1996 года законодатель был вынужден отсрочить введение рассматриваемого наказания сначала до 2001 года (ФЗ от 27 декабря 1996 года №161-ФЗ), а потом еще на четыре года (ФЗ от 10 января 2002 года №4-ФЗ). Но этот срок оказался совершенно нереальным по тем же причинам, и законодатель перестал (!) его продлять. Только Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ это наказание было реанимировано в уголовно-правовом поле под другим названием — «Принудительные работы» (ст. 531 УК РФ)¹.

Но еще за два года до этого (Федеральный закон от 27 декабря 2009 года №377-ФЗ) законодатель предпринял весьма сомнительное с точки зрения юридической техники действие — он изъясил из статьи 53 УК РФ прежнее содержание и заменил его совершенно новым, которое приведено в начале нашей статьи.

Легко заметить, что законодатель вольно или невольно в целом реализовал наши рекомендации, публично защищенные за 29 лет до этого, включая сроки данного наказания и ответственность за злостное уклонение от него (см. ч. 2 и 5 ст. 53 УК РФ).

Суды сравнительно нечасто назначают ограничение свободы. Так, в качестве основного наказания в 2023 году к нему было приговорено 25 025, а в качестве дополнительного наказания еще 15 200 чел., тогда как к исправительным работам — 48 197 чел., обязательным работам — 80 688 чел., штрафу — 82 857 чел., к реальному лишению свободы (вместе с пожизненным) — 71156 чел.

На этом фоне непропорционально много преступников было осуждено условно к лишению свободы — 137 340 чел., условно к иным наказаниям — 9 140 чел. Юридически условное осуждение наказанием не является, течение испытательного срока никак не влияет на его отбытие, но осужденные условно претерпевают обременительные правоограничения (см. ч. 5 ст. 73 УК РФ).

Выход видится в «очищении» условного осуждения от элементов кары и замещении другими наказаниями, не связанными с лишением свободы, прежде всего его ограничением. Перед условно осужденным должна ставиться одна задача — не совершать новых преступлений и, возможно, некоторых административных деликтов сродни нарушениям уголовного закона.

В январе 2024 года оценку содержания и формы части 1 статьи 53 УК РФ дал Конституционный Суд Российской Федерации (постановление №4-П от 31 января 2024 г.). Поводом к этому послужили жалобы граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной, которые, будучи потерпевшими и гражданскими и истцами, настаивали на возложении на осужденных по уголовным делам запрета посещать места их жительства и работы, а также находиться ближе 300 метров от них, а Чернигина, сверх того, требовала установить запрет осужденному приближаться к ней независимо от места нахождения, а также приближаться к месту учебы ее ребенка. В связи с тем, что судебные инстанции, включая Верховный Суд РФ отказали в их притязаниях на основании того, что УК РФ не предусматривает таких правоограничений, женщины подали жалобы, в которых указали, что часть 1 статьи 53 указанного Кодекса не соответствует статьям 19, 20, 21, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции РФ.

¹ Насколько нам известно, инициатором столь «большевистского» наименования данного наказания явился А.В. Коновалов, министр юстиции РФ в 2008-2020 годах, который настойчиво добивался его введения в систему реально применяемых наказаний (в настоящее время он занимает пост полномочного представителя Президента РФ в Конституционном суде России).

Конституционный Суд постановил признать оспариваемую норму не противоречащей Конституции, поскольку она не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места за счет запрета приближаться к тем из них, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние.

В то же время Конституционный Суд указал, что установление ограничений (запрета) приближаться к самому потерпевшему является правовой новеллой, возможное установление которой относится к компетенции федерального законодательства.

Давая доктринальную оценку и анализируя нормативное содержание приведенных правовых позиций данного постановления, следует отметить, что Конституционный Суд РФ прибег к расширительному толкованию рассматриваемой правовой нормы. Это нежелательно по отношению к законодательным нормам, вообще, а к уголовно-правовым установлениям – особенно. Нельзя не учитывать темпоральные пределы¹ и организационные возможности реализации актов официального расширительного толкования юридических норм. Конституционный Суд России при подготовке постановления № 4-П не в полной мере учел эти свойства распространительного правового толкования.

Дабы без крайней нужды не прибегать к этому рискованному приему, нужно реконструировать ч. 1 ст. 53 УК РФ, включив в нее норму, ныне необоснованно помещенную в ч. 5 ст. 73 того же Кодекса, а именно то, что суд: «может возложить на [...] осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению». Соответственно это норма, как и большинство других, ныне находящихся в рамках ст. ст. 73 и 74 УК РФ должны быть исключены из текста, поскольку, как уже отмечалось выше, они носят ограничительный характер, свойственный каре, то есть уголовному наказанию, а не освобождению от него, чем по своей сути призвано являться условное осуждение.

Расширительное толкование Конституционного Суда России рассматриваемой статьи УК РФ об ограничении свободы, как свидетельствуют эксперты², пока слабо стимулирует правоприменителей к проявлению творчества в защите потерпевших от бытового насилия.

Нельзя не согласиться с тем, что серьезный «вклад» в повышение эффективности такой защиты может внести введение охранных ордеров. И здесь с технико-юридической точки зрения важно избежать излишней детализации – лучше предложить **рамочную** правовую регламентацию, предоставив правоприменителям широкое усмотрение в выборе средств защиты от агрессивных насильников. Особенно тщательно требуется разработать механизмы отслеживания исполнения требований охранных ордеров. С учетом загруженности полиции, кадрового «голода» в ее рядах, многое придется «поручить» техническому «оснащению» (электронный браслеты, специализированные программы в мобильных телефонах и т.п.).

В анализируемом Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 4 в **мотивировочной** части зафиксировано: «Федеральный законодатель не лишен возможности *конкретизировать или дополнить* (курсив наш. – В.Б., С.М.) содержание ограничения свободы с учетом задачи обеспечения и превентивной защиты прав потерпевших в части минимизации объективно обоснованных рисков продолжения (повторения) противоправных или фактически психотравмирующих действий со стороны осужденного». По сути, здесь имеются в виду границы усмотрения законодателя и суда относительно содержания ограничения свободы. Но пункт 1 **постановляющей** части документа сформулирован по-другому – в «зауженном», если можно так выразиться, формате. Он гласит: «Признать часть первую статьи 53 УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места запретом посещения мест, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние». Как видим, здесь о возможности **дополнения** законодателем и судом ограничений свободы не упоминается, то есть возможностей суда выйти за рамки содержания ст. 53 УК РФ нет. При буквальном толковании пункта 1 Постановления Конституционного Суда РФ № 4 можно заключить: «изобрести», «придумать» какие-то новые (может быть даже экзотические) меры ограничения свободы ради фактического действительного обеспечения прав потерпевших суд не может.

Для адекватного назначения и исполнения ограничения свободы в обновленном виде желательно введение в УПК РФ нормы, позволяющей суду проведение криминологической экспертизы, позволяющей в полной мере учесть личность преступника, характер и степень общественной опасности деяния, им совершенного.

¹ См.: Назарькова Е.О. Темпоральные пределы действия актов официального судебного толкования: теоретико-правовой анализ: автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 23 с.

² Трифонова Е. Конституционный суд призвал к борьбе со stalkingом. Отечественная Фемида неохотно применяет даже действующую статью УК об ограничении свободы // Независимая газета. 2024. 16 февраля.

Баранова Марина Владимировна
доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

Baranova Marina V.
doctor of Law, PhD (Cultural Study), Professor, Professor of
Department of Theory and History of State and Law, of the Law Faculty
National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

**Модернизация ограничительной регламентации
в современном рекламном законодательстве Российской Федерации:
техничко-юридический аспект**

**Modernization of restrictive regulations
in modern advertising legislation of the Russian Federation:
technical and legal aspect**

Аннотация: Аннотация: Автор отмечает динамику и эффективность развития сферы рекламной деятельности в современной России. Анализ ключевых аспектов модернизации ограничительной регламентации позволяет прийти к заключению об упрочении контроля государства за сферой рекламной деятельности, констатировать четкое понимание законодателем значение этого особого вида информации, особенно при распространении рекламы в интернет-пространстве, проявить событийную обусловленность вновь вводимых нормативных правовых барьеров. Перспективным и актуальным представляется плановое выстраивание продуманного правотворческого процесса в коммуникации с субъектами рекламной деятельности, что позволит придать дополнительную структурированность перманентной модернизации ограничительной регламентации в современном рекламном законодательстве.

Ключевые слова: реклама, модернизация, ограничения, пределы, законодательство, правовая регламентация, контроль, информация.

Abstract: The author notes the dynamics and effectiveness of the development of the field of advertising in modern Russia. An analysis of the key aspects of the modernization of restrictive regulation allows us to come to a conclusion about strengthening state control over the sphere of advertising activities, to state a clear understanding by the legislator of the importance of this special type of information, especially when distributing advertising in the Internet space, to show the event-driven conditionality of the newly introduced regulatory legal barriers. The planned building of a well-thought-out law-making process in communication with the subjects of advertising activity seems promising and relevant, which will allow for additional structuring of the permanent modernization of restrictive regulation in modern advertising legislation.

Key words: advertising, modernization, restrictions, limits, legislation, legal regulation, control, information.

Смысловой доминантой современного правового государства является главенство закона стоящего на страже прав и свобод граждан в условиях равенства и взаимной ответственности государства и общества. Право, являясь традиционным ключевым регулятором, обеспечивает существование и эффективное функционирование такого государства. При этом, задавая систему координат для должного соблюдения прав и качественного отправления обязанностей, право сущностно представляет собой не просто регулятор, а, в первую очередь, государственный властный системный ограничитель. Этот выставляющий понятийные и поведенческие барьеры феномен уникален своей внутренней справедливостью. Профессор В.С. Нерсесянц отмечал, что «...только право и справедливо. Ведь справедливость потому, собственно, и справедлива, что воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном виде означает всеобщую правомерность, т.е. существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы»¹.

¹ Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 1997. С. 47.

Перманентная качественная модернизация правовой регламентации, количественный рост нормативных установлений стали трендом в национальной правовой системе России за последнюю четверть века. Трансформация жизни социума в этот период детерминировала становление новых сфер бизнеса, эффективно и динамично стала развиваться сфера рекламы. Эффективное поступательное развитие рекламной отрасли зависит, в первую очередь, от качества действующего законодательства, следовательно, правотворческая деятельность обретает особую ценность, требует мониторинга, системного анализа. Доминантным направлением правовой политики государства стало упрочение контроля в активно растущем рекламном сегменте экономики, поиск действенных путей выставления пределов, ограничений, запретов на пути поспешания нормативных велений. В настоящее время сформировано, носящее комплексный характер, рекламное законодательство, обеспечивающее системное функционирование юридической ответственности за рекламные правонарушения. Базовый закон – Федеральный закон «О рекламе»¹, проявляет тенденцию к разрастанию нормативных регламентов, живой реакции на новые вызовы, активно трансформируясь.

Сфера рекламного бизнеса неоднократно подтверждала способность к стойкому и гибкому противостоянию кризисным явлениям, будь то глобальный финансовый кризис 2007–2008 годов, эпидемия COVID-19 или сложная политико-правовая ситуация, связанная с проведением СВО. Рекламный рынок России в самые трудные периоды показывал умение стабилизировать достигнутые результаты, показывать рост. В 2023 году объем рынка маркетинговых коммуникаций демонстрировал суммарный объем рекламы равный 730,7 млрд рублей, что по отношению к 2022 году больше на 30%. Даже с учетом инфляционных погрешностей это однозначно хороший результат. По истечении первого полугодия текущего 2024 года комиссия экспертов Ассоциации Коммуникационных Агентств России подвела итоги развития российского рекламного рынка, заключила, что его суммарный объем превысил уровень в 400 млрд рублей. Налицо стабильное состояние и рост порядка 28%².

Вице-президент АКАР, сопредседатель Комиссии экспертов АКАР Сергей Веселов отметил: *«Наш рекламный рынок продолжает расти, причем делает это очень уверенно. Этот сверхдинамичный рост продолжается уже пять кварталов подряд, начиная со 2 квартала 2023 года – за эти прошедшие пять кварталов ежеквартальная динамика колебалась в интервале от 24 до 50%! И если высокие темпы роста, скажем, во 2 и 3 кварталах 2023 года можно было как-то объяснить за счет восстановительной динамики после кризиса 2022 года, то данные за последние несколько кварталов просто впечатляют. Следует отметить, что достаточно высокую (двузначную) динамику демонстрируют все основные сегменты рынка»*³. Такое положение вещей внушает оптимизм и уверенность в наличии политических, экономических, социокультурных и специальных правовых условий для качественного перспективного функционирования рекламной деятельности в России.

Законность в сфере рекламной деятельности воплощается в правопорядке только при наличии законодательно закрепленных границ допустимого, то есть, через ограничение свободы деяний субъектов рекламных отношений. Исключительно гарантией прав, их предоставлением, защитой невозможно обеспечить реализацию всех нормативных правовых установлений. В жизни людей существует некий «континуум свободы», задающий рамки «свобода от...» и «свобода для...», проявляясь через систему социальных ограничительных установлений, в том числе и правовых. Выставляемые при помощи государственных властных велений границы неоднородны, уровень запретов, степень и инструменты воздействия различны. Нормативные ограничения в первую очередь получают закрепление в национальном и международном праве, этико-деонтологических регламентах. В сфере рекламной деятельности границы могут быть заданы государством (правовая составляющая), саморегулируемыми организациями (деонтологическая составляющая), социумом – через типичные на конкретном временном промежутке неюридические социальные нормативы (моральная и культурная составляющая). В реалиях современной России эта триада «государство – саморегулируемые организации – социум» находится в неразрывной связи и довольно гармоничном сосуществовании. Право, осуществляя регулятивную функцию, упорядочивая отношения, создает «стержневую основу» для функционирования сложной системы юридических и неюридических ограничений.

Российское рекламное законодательство с момента вступления в силу в 1995 году первого базового закона «О рекламе» трансформировалось, сообразно социальным вызовам и политическим стратегиям. Стечением времени менялся доминантный вектор воздействия и ключевая цель – с защиты неискушенного рекламопотребителя на утвердившийся в действующем с 2006 года законе «О рекламе» многоуровневый государственный контроль через ограничительную регламентацию. Общество и государство заинтересованы во введении ограничений, хотя их желаемый спектр, объем, специфика реализации могут разниться. Неизменным остается интерес к упорядочению отношений, защите прав, противодействию рекламным правонарушениям и правонарушениям в сфере рекламы через ограничение вариаций дозволенного или возможного. Здесь весьма важным представляется четкое понимание

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

² https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id10808 (Дата обращения 20.08.2024)

³ https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id10800 (Дата обращения 20.08.2024)

биполярности последствий любых включаемых в рекламное законодательство новых ограничений. Как любая модернизация действующей правовой регламентации, вновь вводимые нормативные установления должны адекватно коррелировать с социальной действительностью, учитывать потребности регулируемой сферы отношений, гармонично внедряться в действующее сложное, носящее комплексный характер рекламное законодательство. При этом могут возникнуть незапрограммированные последствия, например, ответом на введение жестких ограничений рекламы продуктов табакокурения, алкоголя, пива, азартных игр и пари в некоторых случаях привели к укреплению позиций монополий на внутреннем рынке, активному привлечению внимания к объекту рекламирования, отягощенного ограничениями, под видом иного, допустимого продукта («реклама зонтичных брендов»). Минимизация временных лимитов на радиорекламы, телевизионную рекламу обусловило рост стоимостных показателей единицы эфирного рекламного времени, что легло дополнительным бременем на рекламодателя.

Наполнение рекламного законодательства новыми нормативными установлениями ограничительного характера детерминировано не только политическими и социокультурными особенностями жизни государства, но и принятыми в обществе ценностными ориентирами. Реклама, рекламные технологии в условиях цифровизации, облегчающей доступ широких слоев граждан к информации, становятся весьма востребованными и влиятельными, затрагивают большое число людей, воздействуют на умы не только с коммерческими целями. Именно поэтому модернизация рекламного законодательства опирается на социальную необходимость, наличие конкретных проблем, что позволяет, в свою очередь, строить прогнозируемые модели желаемых позитивных и возможных негативных последствий введения государственных властных ограничительных велений.

Событийный ряд определяет специфику и сущностные характеристики трансформируемой или вводимой вновь ограничительной регламентации рекламы. Сама реклама, как информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижению на рынке (п.1 ст.3 ФЗ «О рекламе») нуждается в отграничении от смежных правовых понятий (ч.2 ст.2 ФЗ «О рекламе»). Проблема такого отграничения не теряет актуальности в правоприменительной деятельности, поскольку правовой статус субъектов рекламной деятельности, юридические последствия распространения рекламной и иных видов информации определяются на основании признаков рекламы, содержащихся в законодательной дефиниции. Квалификация противоправного деяния, как рекламного требует наличия в законодательстве четких границ между рекламной информацией и, например, обязательными для распространения данными, сообщениями государственных органов, справочно-информационными и аналитическими материалами, вывесками и указателями, информацией о характеристиках товара на упаковке товара, а также объявлениями, не связанными с ведением предпринимательской деятельности (ч.2 ст.2 ФЗ «О рекламе»). К проблеме отграничения рекламной информации от смежных категорий обращался Высший Арбитражный Суд РФ в Постановлении Пленума от 8 октября 2012 г. N 58

«О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе», указывая на значение ассоциативного ряда потребителей относительно взаимосвязи отдельных сведений о товаре и самим товаром. Суд пришел к выводу, что для привлечения внимания и поддержания интереса к товару достаточно изображения части сведений о товаре. В подобных случаях информацию следует признавать рекламной. Ценность такого заключения неоспорима, однако, проблему выставления границ понятия оно окончательно не решило.

Федеральная антимонопольная служба РФ, как ключевой контрольно-надзорный орган, многократно обращалась к этой проблеме. Так в Приказе ФАС России от 14.11.2023 № 821/23 содержится разъяснение о границах сферы действия требований законодательства о рекламе¹. Из-под действия рекламного законодательства, во-первых, выводится информация в средствах массовой информации, не формирующая интереса к товару.

Во-вторых, информация о продукции и оказываемых услугах на официальных сайтах и в социальных сетях производителя.

В-третьих, информирование об ассортиментном ряде, ценах, правилах использования, если оно проводится на сайтах-агрегаторах.

В-четвертых, не являются рекламой отзывы покупателей и высказанное их личное мнение.

Представляется важным, что проблемы разграничения рекламы и смежных понятий по-прежнему остается значимой для правоприменителя, обращения к попыткам ее разрешения непременно будут предприниматься.

Современная сложная событийная повестка требует реакции государства и детерминирует модернизацию ограничительной правовой регламентации. Показательными здесь представляются новые ограничения рекламы в сети Интернет.

¹ <https://its.1c.ru/db/newsclar/content/487087/hdoc> (Дата обращения 20.08.2024)

Решением Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022 деятельность компании Мета была признана экстремистской. В тексте решения особо отмечено, что меры судебной защиты не ограничивают действий по использованию программных продуктов компании Мета физических и юридических лиц, не принимающих участие в запрещенной законом деятельности¹. Данное решение не только ограничило использование продуктов компании Мета на территории нашей страны, но и обусловило появление новых законодательных барьеров. Распространяться в отечественных средствах массовой информации может только информация со специальной маркировкой, не содержащая логотип организации Meta Platforms Inc. и принадлежащих ей социальных сетей Facebook и Instagram (ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»). Названные ограничения отразились на распространении рекламной информации, создав новые существенные пределы для размещения рекламы на ресурсах компании Мета.

Еще одним существенным нововведением явился запрет рекламы на ресурсах иноагентов, введенный Федеральным законом от 11.03.2024 N 42-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Конкретизацию эти положения получили в статье 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года N 2124-I «О средствах массовой информации» и в Федеральном законе от 13 марта 2006 года N 38-ФЗ «О рекламе».

Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 08.11.2023 № 168 «О внесении изменений в Критерии оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», утвержденные приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27 февраля 2023 г. № 25» ввел запрет рекламы и популяризации VPN.

В свете комплекса новых ограничительных (вплоть до полного запрета) регламентов несомненный интерес представляет Законопроект № 652920-8 «О внесении изменений в статью 12 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статьи 5 и 38 Федерального закона «О рекламе», предлагающий нормативное закрепление запрета распространения рекламы на информационных ресурсах иностранных или международных нежелательных организаций. Данная законодотворческая инициатива аналогична и логически связана с отмеченным ранее запретом рекламы на ресурсах иноагентов.

Приведенные примеры модернизации ограничительной регламентации свидетельствуют об упрочении контроля государства за сферой рекламной деятельности, четкое понимание законодателем значение этого особого вида информации, особенно при распространении рекламы в интернет-пространстве, проявляют событийную обусловленность вновь вводимых нормативных правовых барьеров.

Следует признать, что не всегда введение новых ограничений носит системный характер, что неизбежно сказывается на качественной стороне рекламного законодательства в целом и на эффективности правоприменительной практики. Любая незначительная ошибка во вновь вводимой нормативной регламентации, незначительная небрежность в ее технико-юридическом оформлении может вызвать проблемы гармонизации новых нормативных правовых установлений с нормами действующего комплексного рекламного законодательства, сказаться воплощении законности в правовой порядок.

В самобытной культуре Российской Федерации с ее сложно-структурированной правовой системой актуальным представляется плановое выстраивание продуманного правотворческого процесса в коммуникации с субъектами рекламной деятельности, что позволит придать дополнительную структурированность перманентной модернизации ограничительной регламентации в современном рекламном законодательстве.

¹ <https://www.garant.ru/files/6/6/1660666/reshenie-tverskogo-rayonnogo-suda-g-moskvy-ot-21-marta-2022-g-po-delu-n-02-24732022.pdf?ysclid=m3ewec5rr8168552916> (Дата обращения 20.08.2024)

Биушкина Надежда Иосифовна
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
судебной и прокурорской деятельности юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Biushkina Nadezhda Iosifovna
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial and
Prosecutorial Activities of the Faculty of Law of the National Research
Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Формирование правового режима ограничительного характера в Российском государстве XIX – начала XX веков

The formation of a restrictive legal regime in the Russian state of the XIX – early XX centuries

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам формирования и функционирования системы мер организационно-правового характера, нацеленных на восстановление правопорядка и общественного спокойствия в условиях фактической угрозы терроризма и экстремизма. Обосновывается тезис о необходимости обращения к опыту Российского государства, который предполагает изучение важных аспектов деятельности верховной власти в связи с реальной опасностью, представляющей угрозу существующему строю, вызванной масштабной деятельностью тайных организаций революционной направленности. В работе анализируются ключевые нормативные правовые акты рассматриваемого исторического периода, в которых предусмотрена регламентация различных сфер общественных отношений именно с позиции ограничительных мер. Сделан вывод об обоснованности, необходимости и своевременности их принятия.

Ключевые слова: правовой режим, ограничительный характер, организационно-правовые меры, охранительный курс, эффективность, нормативный правовой акт, государственный порядок, общественное спокойствие, Генерал-Губернатор, Император.

Annotation. The article is devoted to topical issues of the formation and functioning of a system of organizational and legal measures aimed at restoring law and order and public peace in the face of the actual threat of terrorism and extremism. The thesis is substantiated on the need to refer to the experience of the Russian state, which involves the study of important aspects of the activities of the supreme power in connection with the real danger that poses a threat to the existing system caused by the large-scale activities of secret revolutionary organizations. The paper analyzes the key normative legal acts of the historical period under consideration, which provide for the regulation of various spheres of public relations from the standpoint of restrictive measures. The conclusion is made about the validity, necessity and timeliness of their adoption.

Keywords: legal regime, restrictive nature, organizational and legal measures, protective course, effectiveness, regulatory legal.

Государственная политика в сфере регулирования мер охраны общественного порядка и общественной безопасности непосредственно связана со сложившимися в конкретный период времени условиями, характеризующимися внешними и внутренними факторами, создающими фактическую угрозу нормальной жизнедеятельности. С этим связаны постоянные изменения в определении подходов к пониманию сущности и назначения тех или иных правовых режимов, вводимых с целью стабилизации политического курса страны, в зависимости от господствующих идеологических установок (либеральной, консервативно-охранительной, марксистско-ленинской).

Непрекращающиеся дискуссии в этой сфере касаются таких ключевых вопросов, как пределы действия чрезвычайного законодательства; ограничения прав, свобод и законных интересов граждан, ведущих правомерный образ жизни; степень эффективности принимаемых исключительных мер в борьбе с экстремизмом и терроризмом как революционного толка, так и иного характера; соотношение

полномочий административных органов власти, должностных лиц и компетенции военной администрации; законность и обоснованность принимаемых мер ограничительного характера¹.

Глубокое и всестороннее изучение указанных процессов, в ходе которых формировались различные ограничительные правовые режимы, определяющие особенности функционирования как отдельных регионов, так и государства в целом на протяжении длительных периодов времени, позволяет детально проанализировать этапы развития и особенности регулирования общественных отношений в кризисных ситуациях, представляющих угрозу существующему строю.

Заявленная проблематика не только не утратила в настоящих реалиях свою актуальность, но и приобрела новый импульс в связи с вызовами времени, несущими опасность и угрозу существования общества и государства.

В этой связи, обращение к обширному и небезуспешному опыту доктринального обоснования, правовой регламентации и правоприменительной практики функционирования ограничительных правовых режимов в Российском государстве дореволюционного и советского периодов представляется своевременным и обоснованным.

Отдельные мероприятия по охране правопорядка сопровождали развитие российской государственности на разных этапах. Например, уместно вспомнить «Устав Благочиния или Полицейский» 1782 года Екатерины II, где Императрица обосновывает введение полицейских органов власти в государстве: «Упражняясь в снабдении разных частей Государственного управления потребными учреждениями, видели Мы из многих опытов, что для споспешества доброму порядку, удобнейшего исполнения законов и для облегчения Присутственных мест по недостатку установлений до сего затрудняемых, настояла крайняя необходимость дать городам Нашим Устав Благочиния или Полицейский»². Характерно, что комплекс охранительных мероприятий был принят в ответ на многочисленные угрозы российскому престолу, исходившие от самозванцев самого различного рода от так называемой княжны Таракановой до Емельяна Пугачёва.

В период Отечественной войны 1812 года Императором Александром I были приняты манифесты «О сборе внутри Государства земского ополчения»³ и «О составлении временного внутреннего ополчения»⁴. Эти нормативные правовые акты предусматривали добровольный сбор ополчения для защиты страны от войск Наполеона. Обязанность по организации ополчения возлагалась на российское дворянство. Планировалось создание трёх военных административных округов для организации обороны Москвы и Санкт-Петербурга, а также в отношении губерний Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской предполагалась потенциальная возможность в случае необходимости участвовать в военных действиях на правах ополченцев. Отсюда видно, что указанные документы не предполагали какого-либо ограничения в правах подданных.

Система организационно-правовых мер ограничительного характера была впервые сформирована во второй половине XIX века. Необходимость в подобных действиях была вызвана кардинальными изменениями в жизни российского общества, связанными с глобальными реформами, проводимыми Александром II. Начиная с отмены крепостного права⁵, были отмечены крестьянские выступления в разных губерниях Российской Империи. Исследователь А.Б. Толдиев приводит следующую статистику:

¹ Андреевский И.Е. Репетиториум полицейского права - Харьков: Университетская типография, 1888; Гессен В.М. Исключительное положение - СПб.: Изд. Юридического книжного склада "Право", 1908; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-80-х гг. XIX века - М.: Русская мысль, 1912; Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право Часть II Особенная М.: РИО ВКА, 1947 г.; Советское право в период Великой Отечественной войны Часть I, часть II, Уголовное право - Уголовный процесс Под ред. Голякова И.Т. М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948 г.; Герцензон А.А. Сборник по истории развития общесоюзного советского уголовного и военно-уголовного законодательства Вып 3 1935-1950 гг М.: ВЮА СА, 1950 г.; Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. - М.: Международные отношения, 1989 г.; Толдиев. А.Б. Институт чрезвычайных мер в дореволюционной России: ретроспективный анализ // Теория и практика общественного развития. 2015 № 6. С. 89-91; Козинникова Е.Н. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицейстов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С.87-95; Лысенко С.Г., Дерюгин А.А. Режим военного положения как правовое явление Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 17-24.

² Устав Благочиния или Полицейский от 08 апреля 1782 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649-1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского (в 45-и томах). – СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 21. Ст. 15379.

³ Манифест О сборе внутри Государства земского ополчения от 6 июля 1812 г. // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. – СПб., 1912. – С. 7-8.

⁴ Манифест О составлении временного внутреннего ополчения от 18 июля 1812 г. // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. – СПб., 1912. – С. 9-10.

⁵ Манифест О всемиростивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Т. 36. Ст. 36650.

«С 19 февраля 1861 года по 19 февраля 1963 года произошло 1100 случаев волнений и беспорядков»¹. Реакцией правительства на всё возрастающее оппозиционное движение, активно поддерживаемое разночинцами-революционерами такими как Н. Г. Чернышевский, явился ряд нормативных правовых актов, предусматривающих решительные меры по локализации и уничтожению очагов сопротивления власти. Безусловно, принятые в этот период законы ограничительного характера можно отнести к началу оформления соответствующего правового режима, о чём убедительно свидетельствует содержание данных актов.

В качестве примера можно привести Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 16 августа 1861 г. «О Временном Наказе Уездным Полицейским»², согласно которому: «Чрезвычайными признаются случаи открытого сопротивления распоряжениям власти, когда оно не может быть прекращено иначе, как содействием войска и употреблением оружия».

В дополнении к указанному акту 4 сентября 1861 г. принимается «Высочайше утверждённое Наставление воинским частям или командирам, назначаемым для экзекуционного занятия городов, местечек и селений в Западных губерниях»³, где определялось, что: «Потребность назначения частей войск для экзекуционного занятия городов, местечек и селений определяется гражданским начальством, которое указывает и пункты или районы экзекуционного занятия войсками, равно условия содержания воинских команд и продолжительность самого занятия».

Весьма важным представляется закон от 3 октября 1877 г. «О правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям», Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета⁴. Данный акт интересен приведённым перечнем «случаев», представляющих собой совокупность правообразующих юридических фактов, порождающих правовые последствия в виде принятия особых организационно-правовых мер воздействия с целью охраны существующего и восстановления нарушенного общественного порядка. Примечательно, что в данном документе содержится указания на широкий спектр оснований и целей для применения войск, в том числе включающий в себя охрану «благочиния при церковных торжествах», содействие «при тушении пожаров», предупреждение или прекращение «народных беспорядков и волнений».

Отсюда следует, что наметившиеся элементы правового регулирования ограничительного режима имеют разноректорный характер в связи с тем, что система мер, предусмотренных властью, была нацелена не только на подавление сопротивления крестьянства центральных губерний и на борьбу с всевозрастающим сепаратизмом западных губерний, но и охрану правопорядка при массовых мероприятиях и на ликвидацию последствий стихийных бедствий.

Деятельность правительства по охране общественного порядка регулируются в этот период нормативными правовыми актами высшей юридической силы, что свидетельствует о том, что императорская власть уделяла особое внимание формированию правового режима ограничительной направленности.

Значимым компонентом формирующегося правового режима ограничительного характера следует назвать применение внесудебной репрессии силами и властью полиции, которая в 1870-ые годы получила право осуществлять высылку неблагонадёжных лиц, как представителей рабочего класса так и народнического движения.

Изучая процесс формирования ограничительного правового режима, невозможно обойти вниманием создание Особого Присутствия Правительствующего Сената 7 июня 1872 г.⁵ для рассмотрения государственных преступлений террористического характера особым порядком, исключая суд присяжных, участие адвоката, гласность, состязательность; право на обжалование было ограничено в части «нарушения закона или неправильного его толкования, при определении преступления и рода наказания», то есть только в кассационном порядке.

¹ Толдиев А.Б. Институт чрезвычайных мер в дореволюционной России: ретроспективный анализ // Теория и практика общественного развития. 2015 г. № 6. С. 89-91.

² Высочайше утвержденное положение Комитета Министров О Временном Наказе Уездным Полицейским от 16 августа 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Т. 36. Ст. 37348

³ Высочайше утверждённое Наставление воинским частям или командирам, назначаемым для экзекуционного занятия городов, местечек и селений в Западных губерниях от 4 сентября 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. Т. 36. Ст. 37388

⁴ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета О правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям от 3 октября 1877 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1879. Т. 52. Ст. 57748

⁵ Высочайше утверждённая новая редакция раздела второго книги третьей Устава Уголовного Судопроизводства, статей 1030-1061, о судопроизводстве по государственным преступлениям от 7 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1875. Т. 47. Ст. 50956

Вопросы, связанные с реформированием судеустройства репрессивной направленности, не ограничиваются образованием Особого Присутствия Правительствующего Сената и распространяют своё действие на компетенцию военных судов. Это подтверждается Указом от 9 августа 1878 г. «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени»¹ и Именной, объявленный в приказе по военному ведомству 10-го того же Августа «О порядке суждения военным судом, по законам военного времени, лиц, совершивших преступления, означенные в Именном Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 9 Августа сего года»²

Важным элементом создания ограничительного правового режима является цензурная политика Российской Империи, характеризующаяся ужесточением цензурного воздействия на средства массовой информации и другую печатную продукцию, о чем убедительно свидетельствует Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати»³ от 7 июня 1872 г.: «Если распространение освобожденной от предварительной цензуры книги или нумера повременного издания, выходящего без цензуры реже одного раза в неделю, Министром Внутренних Дел признано будет особенно вредным, то он может, сделав распоряжение о предварительном задержании такого произведения, представить о воспреещении выпуска оного в свет на окончательное разрешение Комитета Министров». Если ранее литературные произведения и периодические печатные издания выходили в свет без цензурных ограничений, то согласно данному документу, по усмотрению Министра внутренних дел цензуре подвергалась неизданное произведение или статьи, адресованные в печать.

Характерной чертой фиксации режима ограничительных правовых мер выступает ужесточение контрольно-надзорных функций администрации по отношению к лицам, населявшим крупные промышленные, культурные и политические центры страны. Так в Высочайшем Указе «О мерах к пресечению уклонения от прописки видов в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и Ялте и Санкт-Петербургской губернии» от 18 марта 1879 г.⁴ установлено, что «...всех тех, которые будут обнаружены полицией проживающими без установленных видов, или непрописанными, задерживать в случае надобности, по ближайшему усмотрению Градоначальника, до выяснения их личности...». Целью применения подобных мер было выявление как уголовных, так и политических преступников, посредством, в частности, ограничения свободы передвижения и выбора места жительства.

Усиление административных полномочий органов государственной власти представляется неотъемлемой частью формирования правового режима ограничительного характера. Ярким свидетельством выражения этой тенденции являлся Указ «О назначении Временных Генерал-Губернаторов в городах С.-Петербурге, Харькове и Одессе и о предоставлении, как сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае» от 5 апреля 1879 г.⁵, в преамбуле которого Император обращал внимание подданных на создавшуюся в стране угрозу существующему строю и «на необходимость прибегнуть к исключительным временным мерам, как для примерного наказания виновных, так и для предоставления лицам, обличённым правительственной властью, особых прав, в видах охранения общественного порядка». Данный Указ предусматривал усиление полномочий Генерал-Губернаторов в тех местностях, где были обнаружены антиправительственные нелегальные

¹ Именной, данный Сенату О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени от 9 августа 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. Т. 53. Ст. 58778

² Именной, объявленный в приказе по военному ведомству 10-го того же Августа О порядке суждения военным судом, по законам военного времени, лиц, совершивших преступления, означенные в Именном Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 9 Августа сего года от 9 августа 1878 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1880. Т. 53. Ст. 58779

³ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати от 7 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1875. Т. 47. Ст. 50958

⁴ Именной, объявленный Сенату Министром Внутренних Дел 24-го того же Марта О мерах к пресечению уклонения от прописки видов в городах: С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и Ялте и в С.-Петербургской губернии от 18 марта 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. Т. 54. Ст. 59422

⁵ Именной, данный Сенату О назначении Временных Генерал-Губернаторов в городах С.-Петербурге, Харькове и Одессе и о предоставлении, как сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае от 5 апреля 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. Т. 54. Ст. 59476

организации, в том числе и террористического толка, факты издания, перевозки и распространения запрещённой цензурой литературы революционного содержания и имели место покушения на Императора и иных высокопоставленных чиновников. О подчинении гражданской администрации как в сфере полицейского управления, так и в области местного самоуправления и руководства образовательными учреждениями губернии военной власти в лице Генерал-Губернатора свидетельствует п. 3 изучаемого нормативного правового акта: «Во всех названных местностях подчинить Генерал-Губернаторам все местные гражданские управления... объявленные на военном положении, а также учебные заведения всех ведомств, по предметам, относящимся до охранения порядка и общественного спокойствия». Данным указом предусматривается высылка в административном порядке лиц, признанных неблагонадёжными по утверждению Генерал-Губернатора. В продолжении данного нормативного правового акта 21 марта 1880 г. принимается «Высочайшее повеление, объявленное Министром Внутренних дел О предоставлении Генерал-Губернатору Восточной Сибири тех же прав относительно административной высылки в пределах вверенного ему края, какие представлены Именным Высочайшим указом 5 Апреля 1879 года временным Генерал-Губернаторам и Генерал-Губернаторам»¹.

Правовой режим ограничительного характера, формируемый в годы правления Александра II, преследовал важную цель прекращения беспорядков, царивших в университетах и училищах, деятельности тайных обществ, исповедовавших в основном революционный террор, ядром которых было студенчество. Так, Высочайше утверждённое положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Народного Просвещения от 2 августа 1879 г. предусматривало усиление контроля и надзора по отношению студенческой молодёжи посредством расширения состава и компетенций университетских инспекций².

Неотъемлемой составляющей формирования правового режима ограничительной направленности является наделение губернаторов административными полномочиями в отношении органов местного самоуправления. О чём свидетельствует Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних Дел от 19 августа 1879 г., в котором «...при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям ... по требованию Губернатора, были немедленно удаляемы от должностей по упомянутым учреждениям все те лица, которые признаны будут неблагонадёжными...»³. Таким образом, земские собрания и управы, а также городские думы и управы попадали под жёсткий контроль со стороны местной администрации.

К концу царствования Александра II по мере возрастания революционной угрозы правительство приходит к необходимости образования специального органа по охране государственного порядка и общественного спокойствия на имперском уровне для аккумуляирования полномочий и действий административных и военных властей по борьбе с тайными обществами антиправительственного толка. В Именном указе, данном Сенату «Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 12 февраля 1880 г. значилось: «В видах объединения действий всех властей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, предоставить Главному Начальнику Верховной Распорядительной Комиссии, по всем делам, относящимся к такому охранению: ...прямое ведение и направление следственных дел по государственным преступлениям в С.-Петербурге и С.-Петербургском военном округе, и верховное направление упомянутых ... дел по всем другим местностям Российской Империи»⁴.

Отсюда следует, что правовой режим, связанный с ограничениями деятельности общественных организаций, образовательных учреждений, прав и свобод подданных и, соответственно, с усилением полномочий административных и военных властей, формировался постепенно на протяжении последнего десятилетия периода правления Александра II. Принимаемые организационно-правовые меры носили всё более репрессивный характер, однако, их эффективность можно поставить под

¹ Высочайшее повеление, объявленное Министром Внутренних дел О предоставлении Генерал-Губернатору Восточной Сибири тех же прав относительно административной высылки в пределах вверенного ему края, какие представлены Именным Высочайшим указом 5 Апреля 1879 года временным Генерал-Губернаторам и Генерал-Губернаторам от 21 марта 1880 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1884. Т. 55. Ст. 60700.

² Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Народного Просвещения 8-го того же Августа от 2 августа 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. Т. 54. Ст. 59901.

³ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних Дел 25-го того же Августа от 19 августа 1879 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. Т. 54. Ст. 59947.

⁴ Именной, данным Сенату Об учреждении в Санкт-Петербурге Верховной Распорядительной Комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 12 февраля 1880 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1625-1881 гг. / СПб: Тип. II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1881. Т. 54. Ст. 60492

сомнение в силу нерешённости главной задачи – защиты жизни и здоровья Императора и высшего руководства страны.

Учитывая недостаточность мер, принятых предыдущей властью, и убеждённые консервативные позиции, которые отстаивались последовательно Членом Государственного Совета и Обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и вступившим на престол 1 марта 1881 г. Александром III, 14 августа 1881 г. было принято Высочайше утверждённое Положение Комитета Министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹.

По мнению исследователей Л. С. Кановкиной и А. В. Кропачевой «Меры, предусмотренные в Положении «О мерах к охранению...», применяемые государственными органами по обеспечению режима чрезвычайного положения в том или ином регионе значительно ограничили права и свободы населения»².

Изучаемый нормативный правовой акт предусматривал систему мер организационного и правового характера, именуемый режимом усиленной охраны, который включал в себя исключительное, чрезвычайное и военное положения. В период правления Александра III многие местности, включая Санкт-Петербург и Москву, переводились в режим усиленной охраны на долгие годы. Чрезвычайное и военное положения вводились Николаем II в период Первой русской революции.

В совокупности с Положением «О полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г.³ и Положением МВД «О негласном надзоре» от 1 марта 1882 г.⁴ закон «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» составили правовую основу для функционирования масштабных правовых режимов, объединённых ограничительной направленностью. Комплекс этих и последующих мероприятий, проводимых в русле охранения устоев развития российского общества и государства, оказался весьма эффективным и антикризисным для определённого периода времени.

¹ Высочайше утверждённое Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия Положение Комитета Министров, Высочайше утверждённое 14 Августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881-1913 гг. / СПб: гос. тип. Т. 1. Ст. 350.

² Камовкина Л.С. и Кропачева А.В. Административно-правовые меры и ограничения, вводимые в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. Стр. 61.

³ Высочайше утверждённое Положение о полицейском надзоре, утверждаемом по распоряжению административных властей от 12 марта 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881-1913 гг. / СПб: гос. Тип. 1886. Т. 2. Ст. 730.

⁴ Положение О негласном полицейском надзоре, утверждённое Министром Внутренних Дел 1 марта 1882 г. // Циркуляр Департамента полиции МВД № 1365 от 9 апреля 1882 года / см. также ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.

Калинина Евгения Валерьевна

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья Приволжского исследовательского медицинского университета

Kalinina Evgenia Valerievna

Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod; Professor of the Chair of Health Care Management and Public Health, Privolzhsky Research Medical University

E-mail: mikaella.evk@mail.ru

Аксиология социально-правовых ограничений в контексте религиозной философии иудаизма

Axiology of social and legal restrictions in the context of the Jewish religious philosophy

Аннотация: В свете происходящих в национальных и мировом сообществах преобразований становится очевидной потребность в поиске оптимальных нравственных и правовых опор для последующей стабилизации обстановки на внутригосударственном и глобальном уровнях. И речь давно не идет об исключительном выборе ориентиров в сторону секулярного или религиозного мировоззрения, поскольку выявляемые вызовы жизнеспособности современных социальных «организмов» представляют собой сложные, многоуровневые конструкции, а следовательно, их преодоление также предполагает комплексный характер. Опыт религиозно-правовых систем, чья жизнеспособность веками обуславливалась устойчивыми ценностными архетипами, может быть учтен в рамках междисциплинарного подхода к «стратегическому планированию» новой мировоззренческой платформы общества.

Ключевые слова: иудаизм, социально-правовые ограничения, аксиология, религиозно-правовая система, традиционные духовно-нравственные ценности.

Abstract: From the standpoint of the transformations taking place in national and global communities, the need for optimal moral and legal supports for the subsequent stabilization of the situation at the domestic and global levels becomes obvious. And we are no longer talking about the exclusive choice of guidelines towards a secular or religious worldview, since the identified challenges to the viability of modern social “organisms” are complex, multi-level structures, and therefore, overcoming them also assumes a complex nature. The experience of religious and legal systems, whose viability for centuries has been determined by stable value archetypes, can be taken into consideration.

Keywords: Judaism, social and legal restrictions, axiology, religious and legal system, traditional spiritual and moral value.

Трансформационное состояние, переживаемое тем или иным социальным «организмом», обуславливает поиск устойчивых моделей, гарантирующих его стабилизацию. Одним из приоритетных трендов становится популяризация идеи традиционных духовно-нравственных ценностей, что обращает внимание политических элит на мировоззренческие конструкции, прошедшие проверку временем. Так религиозно-правовые учения оказываются ключевым элементом современной социально-политической повестки.

Каким бы древним ни являлось религиозное учение, дошедшее до наших дней, его «живучесть» отражает способность актуализировать свой инструментарий в соответствии с запросами времени. Иудейская концепция оказалась одним из подобных «продуктов» жизнедеятельности социума – его юридическая география весьма внушительна – иудейские общины разбросаны по всему миру, добавляя «правовой колорит» в правовые системы многих стран.

К настоящему моменту накопилось значительное количество публикаций, с разных сторон раскрывающих факторы, обусловившие потребность в исследовании аксиологической составляющей

ограничительных социально-правовых установлений и осмысливающих саму категорию ценностей¹. За последние годы (причем даже задолго до опубликования Указа Президента РФ от 09.11.2022 №809²) было издано множество работ о так называемых *традиционных духовно-нравственных ценностях*, о необходимости возврата к ним и встраивания этических нарративов в просветительно-образовательную деятельность. В сборниках конференций и докладах констатировалась проблема отсутствия единообразного представления о содержании и структуре категории «ценности» и осуществлялись попытки предложить единое видение данного концепта³, а также анализировалась эффективность использования категории ценностей в качестве «мягкой силы» в международном дискурсе⁴.

Рассмотрение традиционных духовно-нравственных ценностей в качестве «альтернативы государственной идеологии»⁵ неизбежно провоцирует возрождение интереса к религии как ценностного архетипа и обоснование ее роли как «генофонда» традиционных духовно-нравственных идеалов общества⁶.

Параллельно с этим появляются статьи, акцентирующие внимание на конфликте религиозной и секулярной ценностных парадигм⁷ и блоги, авторы которых подвергают агрессивной критике попытку политических элит использовать аксиологический ресурс для «нравственного оздоровления» общества⁸. Учитывая влияние и авторитет, который за последние годы приобрели социальные сети, приходится учитывать их контент, средства и способы воздействия на многочисленных реципиентов информации.

В отдельных публикациях подчеркивается мировоззренческий антагонизм либеральной повестки, приведшей к разложению ценностного фундамента социума в пользу «идеологии» материального потребления⁹.

В свете светских социальных теорий и стратегий, обращение к нравственно-этическим константам выглядит как отчаянный «крик о помощи», как попытка «ухватиться» за давным-давно утраченные опоры.

В то же время, рядом с секулярными социальными организациями продолжают существовать традиционно-религиозные сообщества, для которых этические концепты – не демагогический прием, а реальные константы. В этой связи представляется целесообразным обращение к опыту традиционных религиозно-правовых систем для обоснования жизнеспособности и непреходящей актуальности фундаментальных нравственных ориентиров, нашедших гармоничное закрепление в аутентичных документах и обычаях и устанавливающих необходимые социально-правовые ограничения произвола индивидов, общества, а в последствии – и государственных учреждений.

Можно согласиться с мнением ряда ученых о том, что иудаизм является воплощением *религиозно-доктринального стиля правового мышления*. Так, в системе источников иудейского религиозного права выделяется базовый религиозный источник права – Хумаш, – чьи заповеди обладают неоспоримым

¹ См., например: Кривых С.Е. Аксиология мировых религий: сравнительная типология ценностных культур. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. философских наук. Белгород, 2009 г. С. 4

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей"/

³ См., например: Силантьева М.В. Вечные ценности как тема философии культуры // О вечном и преходящем. Вып.2. Сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 4-10; Орлов М.О., Ручин А.В. Традиционные духовные ценности в постсекулярном обществе как предмет рефлексии российской и зарубежной гуманитарной науки: источниковедческий и методологический анализ // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления. Материалы IX Международной научной конференции. Под общей редакцией А.В. Баранова и Е.Н. Многолетней. Саратов, 2021. С. 700-707.

⁴ Рябов Д. О., Рябова Т. Б. Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 17-32.

⁵ Овчинников А.И. Традиционные религии и традиционные духовно-нравственные ценности в российском обществе: политико-правовые аспекты. URL: <https://rostovparhia.ru/stati/traditsionnye-religii-i-traditsionnye-duxhovno-nravstvennye-tsennosti-v-rossijskom-obshchestve-polit/> (Дата обращения: 18.04.2024)

⁶ Теплых М.С. Религиозные ценности в системе русской культуры // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2017 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/10SFK417.pdf> (Дата обращения: 20.03.2024); Барышникова В.В. Традиционные религиозные ценности в современных мультикультурных обществах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Том 19. Выпуск 4. С. 255-261. URL: <https://rhga.ru/upload/iblock/ea0/ea0d11b324db0c2d254c3214d4dff3b1.pdf> (Дата обращения: 01.04.2024); Камбаров А.А. Религиозные ценности – прочная основа в формировании гармоничной личности. Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, № 3 (2022). С. 78-84; Астэр И.В., Галушко В.Г. Христианские ценности и социальное регулирование. URL: https://social-orthodox.info/1_3.htm (Дата обращения: 21.03.2024)

⁷ Комлев А.Е. Ценности религии vs ценности светской морали: причины конфликтогенности // Журнал философских исследований Том 6 № 3, 2020. С. 52-56.

⁸ см., например, Высоцкая Т. Традиционные семейные ценности: устаревший стереотип или единственно верный жизненный уклад? URL: <https://n-e-n.ru/tradicionnye-tsennosti/> (Дата обращения: 20.04.2024); Статкус К. От плошевых мишек до истории Европы: что представляет угрозу традиционным ценностям? URL: <https://n-e-n.ru/ugroza-tradicionnym-tsennostam/> (Дата обращения: 20.04.2024) и др.

⁹ Из статьи: Косиченко А.Г., Бурова Е.Е., Булуктаев Ю.О., Шайдулина Д.Р. Религиозные ценности в современном мире // Религиоведение. 2022. № 4 С.129-130

авторитетом по причине их Божественной природы, и доктринальный источник права – Талмуд. Заключенные в последнем *галахот*, как правила, выведенные религиозными правоведами путем интерпретации заповедей Пятикнижия, составили комплекс правовых предписаний, регулирующих практически все сферы жизнедеятельности индивида и общества, что, в свою очередь, делает очевидной его изначально *традиционно-общинную сущность*: фундаментальные ценности и нравственные установления напрямую связаны с еврейской идентичностью, а также сохранением и воспроизводством идеалов *общины*.

В танахическом иудаизме были обозначены следующие направления этико-правовых ограничений: ограничения в реализации отношений между Богом и человеком; ограничения в реализации отношений между человеком и человеком. Последние получают более детальное регламентирование, поскольку взаимодействие между людьми складывается как на коллективном, так и на частном уровне, хотя оба эти уровня представлены в Божественном Договоре с еврейским народом, достаточно подробно и с определением ответственности сторон.

Древние учения, при их «актуализации», требуют весьма деликатного подхода: с одной стороны, соблюдение принципа историзма обязывает воздержаться от попытки «выявить» современные правовые феномены в далеком прошлом и исказить образ правового мировоззрения, характерный исследуемым эпохе и общественным образованиям. С другой стороны, государственно-правовые конструкции возникают не на пустом месте, а развиваются, в том числе, под влиянием успешного и неудачного опыта прошлого, причем не только своего, национального.

Отправной идеей иудейской религиозной теории становится *образ общности*, формируемой «с чистого листа»: от примитивной совокупности эгоистичных индивидов до образования единого коллективного целого с высокими этическими стандартами, способного стать примером для других народов. Утопия, которой не суждено было сбыться из-за несовершенства человеческой природы¹, однако ограничительные условия нравственного становления в Священном Писании были определены в расчете на дальнейшие попытки самосовершенствования человека. В ТаНаХе не приводится перечень традиционных ценностей, однако базовые из них напрямую связаны с обеспечением выживания и безопасности коллективных образований рода, колена (племени), общины (образ государства изначально не усматривался. – Прим. Е.В. Калининой): коллективизм, ответственность индивида перед обществом, семья, единобожие, демократия и проч. Как это ни странно наблюдать в древневосточной практике, но именно демократические тенденции оказались наиболее стойкими в древнееврейской политической практике. Ярким их проявлением становится принцип народного вето.

Этико-правовые установки, по мнению религиозных правоведов, были в полной мере закреплены в 613 заповедях Письменной Торы, подавляющее большинство из которых (365) – ограничительные². Используя целый комплекс аналитических средств, можно предложить следующую систематизацию всего многообразия социально-правовых ограничений танахического иудаизма.

I. Ограничение реализации индивидуальных притязаний в пользу коллективного блага и взаимодействия:

1) институционально-политические:

1.1) ограничение произвола правителя («2-факторная» процедура избрания: кандидатуру назначает Всевышний, но избирает царя народ³);

1.2) требования к органам власти и должностным лицам (установление процедуры и порядка функционирования)

2) субъектно-политические (требования к Судьям⁴, правителю, первосвященнику и др. «предводителям народа» - богобоязненность (йират шамайм), справедливость, непредвзятость и др.), например:

- обязанность царя собственноручно переписать свиток Торы⁵ (с целью более глубокого познания Божественного Закона⁶);

- ограничение царя в накопительстве⁷ и многоженстве⁸;

3) ограничение произвола народа (в рамках осуществления народного вето можно было добиться отмены решения земных властей, но вето не распространяется на Божественные заповеди);

¹ Дварим 9:4-5; 9:7-8, 12-14, 16, 20, 22-24

² В теории иудейского права их именуют *негативные* или *отрицательные* заповеди – заповеди «не делай».

³ Дварим (Второзаконие) 17:15

⁴ II Паралипоменон 19:5-7

⁵ Дварим 17:18

⁶ Дварим 17:19-20

⁷ Дварим 17:16

⁸ Дварим 17:17

4) ограничения наказательной политики (установлены условия применения смертной казни¹, кровной мести² и ее пределы³; гуманизация наказания и требование уважения достоинства человека - правило, распространяющееся даже на преступников);

5) установление пределов допустимости насилия в период военных действий⁴;

6) защита общинных ценностей⁵;

7) ограничительная этика правосудия⁶ (основные ограничения, устанавливаемые иудаизмом в процессуальной сфере, - равенство сторон⁷ и беспристрастность⁸).

II. Правовые ограничения, связанные с взаимодействием на индивидуальном и частно-правовом уровне:

- защита семейных ценностей (уважение родителей и защита их чести; ответственность родителей перед обществом за результаты их воспитательной деятельности);

- уважение и защита человеческого достоинства;

- ограничение произвола работодателя⁹, займодавца¹⁰ и проч.

- помощь ближним¹¹.

Следует отметить, что современный иудаизм представлен целым рядом школ и направлений, а сама иудейская правовая система, основана не на танахическом, а на *талмудическом* иудаизме, и является продуктом коллективного творчества ведущих интерпретаторов. Сама же Галаха, как комплекс правил, выработанных путем толкования (порой, весьма расширительного) заповедей Письменной Торы, таким образом, носит производный характер.

Для Пятикнижия, как и иных религиозно-правовых источников характерен нравственный посыл индивидуальным и коллективным участникам общественных отношений, устанавливающий пределы допустимого поведения, хотя, в отличие от современных трендов прав и свобод личности и личной безопасности, выбор был сделан в пользу благоденствия сообщества, ведь именно социум оказывается «фоном», выявляющим нравственную зрелость человека.

В настоящий момент, несостоятельность идеи приоритета прав личности над потребностями общества, столь активно продвигавшаяся на мировом и внутригосударственном уровнях с 90-х годов XX столетия, очевидна. Ее распространение, в комплексе с другими элементами псевдолиберальной повестки, привели к расслоению национальных сообществ, утрате индивидами уверенности в своей причастности к народу, частью которого они являются, да и само представление о национальном единстве, идентичности и солидарности оказывается исключительно декларативным. В эпоху трансформаций общество и государство нуждаются в учениях, способных заполнить лакуны, образовавшиеся после развенчания идеалов, являвшихся нравственными ориентирами социалистического общества времен Советского Союза. Коллективизм, взаимопомощь, воздержание от злоупотребления правом и уважение интересов других, несмотря на атеизм нашего прошлого, имеет много общего с социально-правовыми ограничениями, свойственными традиционным религиозным правовым системам, включая иудейскую. Но поскольку человечество уже встало на путь атомизации и развращено пропагандой идеи прав человека, ему не просто будет вернуться к конструктивным самоограничениям, неразрывно связанным с концептом ответственности. Все это наводит на мысль о необходимости поиска компромисса, некоей «золотой середины», между благом индивида и потребностями социума и государства, поскольку попытки исключительной реализации каждого из этих направлений в отдельности ни к чему хорошему не привели. Комплексный механизм же неоднократно предлагался социально-правовыми и религиозно-правовыми учениями, которые можно и нужно использовать для создания оптимальной модели мировоззренческой платформы.

¹ Шемот (Исход) 21:22-23; Дварим 21:22 и др.

² Бемидбар (Числа) 35:19, 22

³ Бемидбар 35:9-15

⁴ Калинина Е.В. Основы государственно-правового учения иудаизма. Ветхозаветная и талмудическая теория. М.: Издательство «Юрист», 2012 г. С.194-195.

⁵ Вайикра (Левит) 20:10, 14; Дварим 21:18-21, 22:21-25 и др.

⁶ Элон, М. Еврейское право. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2002. С.172

⁷ Дварим 1:17

⁸ Дварим 16:19

⁹ Вайикра 19:13; Дварим 24:14-15 и др.

¹⁰ Вайикра 25:35-37; Дварим 23:19-20

¹¹ Вайикра 19:9-10, 16, 18, 23:22, 25:5-7, 35-37; Дварим 10:19, 15:7-14, 22:4, 24:10-13, 17, 27:18-19; Иеремия 22:3; Телушкин Й. Еврейский мир: о еврейском народе, его истории и религии. М., 2000. С. 431. Этические законы. Как относиться к себе и людям? (Электронная версия). Сайт: «Иудаизм и евреи». URL: https://toldot.com/articles/articles_3202.html (Дата обращения: 01.04.2024)

Лановая Галина Михайловна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории
государства и права Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя, Москва

Lanovaya Galina Mikhailovna
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Theory of
State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

Полные и частичные ограничения прав: к вопросу о возможности дифференциации

Full and partial restrictions of rights: on the question of the possibility of differentiation

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, возможна ли дифференциация полных и частичных ограничений прав, которую предлагают осуществлять некоторые ученые-юристы. Обосновывается, что ответ на сформулированный вопрос меняется в зависимости от того, о каких именно ограничениях прав – правомерных или неправомерных – идет речь. Первые невозможно разделить на полные и частичные, вторые – можно. Хотя на сегодняшний день дифференциации полных и частичных неправомерных ограничений прав в отечественной юридической науке не уделяется должного внимания, она, тем не менее, не только возможна, но и имеет теоретическую и практическую значимость.

Ключевые слова: права человека, ограничения в праве, ограничения прав, правовой запрет, правомерные ограничения прав, неправомерные ограничения прав.

Annotation. The article raises the question of whether it is possible to differentiate full and partial restrictions of rights, which some legal scholars propose to implement. It is proved that the answer to the formulated question varies depending on which restrictions of rights – lawful or unlawful – are being discussed. The former cannot be divided into full and partial, the latter can be. Although today the differentiation of full and partial unlawful restrictions of rights is not given due attention in Russian legal science, it is nevertheless not only possible, but also has theoretical and practical significance.

Keywords: human rights, restrictions in law, restrictions of rights, legal prohibition, lawful restrictions of rights, unlawful restrictions of rights.

Многообразие ограничений прав и свобод предопределяет появление в юридической науке большого количества различных классификаций этих правовых средств, при этом среди прочего отдельные ученые предлагают дифференцировать ограничения прав и свобод по объему – на полные и частичные¹. Указания на то, что ограничения прав могут быть «частичными» и «полными», иногда включаются учеными в формулируемые ими определения².

Права устойчиво ассоциируются с теми возможностями, которые используются субъектами для правомерного удовлетворения собственных интересов. Более того, иначе как посредством реализации таких возможностей действующие в правовом поле субъекты собственные интересы осуществлять не могут. Следовательно, «полное» ограничение права, становясь непреодолимым препятствием для реализации интереса, лежащего в его основе, фактически означает отчуждение права. Последнее в случае, если речь идет об одном из основных прав, прямо противоречит ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации³.

¹ См.: Астафьева Е. В. Виды ограничений конституционных прав и свобод // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 4(12). С. 192; Стремоухов А. В. Правовые основы ограничения прав человека органами внутренних дел (теоретическое обоснование) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 2. С. 46 и др.

² См.: Шаганиян А. М. Понятие ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 4. С. 8; Шаклеин Н. И. Ограничение прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовые вопросы. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. М., 2006. С. 10.

³ См.: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (Дата обращения: 05.04.24).

С учетом изложенного представляется важным разобраться в том, реально ли существование так называемых «полных» ограничений прав, дающее основание для деления интересующих нас ограничений на полные и частичные.

Решая обозначенную проблему, требуется прежде всего учитывать то, что в юридическом языке термин «ограничение» является многозначным. Во-первых, ограничение рассматривают как свойство права, а право называют средством ограничения человека¹. Во-вторых, ограничения изучаются в качестве правовых средств². В-третьих, об ограничениях рассуждают как о действиях, являющихся правонарушениями и/или нарушениями прав³. Наконец, в-четвертых, существует мнение, что об ограничении также можно говорить как об идее правосознания⁴.

Сама постановка вопроса об ограничениях прав предполагает, что в данном случае подразумеваются либо правомерные ограничения, выступающие в правовом регулировании отношений правовыми средствами, либо неправомерные (противоправные) ограничения как правонарушения и/или нарушения прав. Там, где речь идет об ограничении как о свойстве права либо об идее ограничения, существительное «ограничение» не используется во множественном числе.

Поскольку очевидно, что правомерные и неправомерные (противоправные) ограничения прав принципиально различны по своим юридическим свойствам, постольку видится разумным рассматривать вопрос о возможности дифференциации полных и частичных ограничений отдельно в отношении первых и вторых.

Что касается правомерных ограничений прав, то принципиально важным видится следующее: во-первых, они относятся к группе правовых средств, для обозначения которой используют термин «правовые ограничения»; во-вторых, правовые ограничения (следовательно, и входящие в их число ограничения прав) отличаются от других правовых средств не только по содержанию, но и по результату их осуществления. То «стеснение», сокращение объема возможностей, с которым устойчиво ассоциируется правовое ограничение, предстает не только способом воздействия на субъекта, но и правовым состоянием, в котором данный субъект в итоге оказывается. Если исходить из иного и в число ограничений включать любые правовые средства, применение которых сопряжено с уменьшением объема свободы субъекта (субъектов), вне зависимости от того, к чему оно в итоге приводит, то в условиях признания права средством ограничения человека, по большому счету, любое правовое средство можно считать ограничением. В то же время очевидно, что если всякое правовое средство – ограничение, то сама постановка вопроса о правовых средствах утрачивает смысл, так как никаких других средств, кроме ограничений, в праве существовать не может.

Если любое правовое ограничение (в том числе и любое правомерное ограничение прав) – действие, не просто направленное на «стеснение», установление «пределов», «границ», а именно приводящее к сокращению объема свободы, сужению границ дозволенного поведения, то, вопреки распространенному мнению⁵, к числу ограничений вряд ли следует относить запреты, которые как раз и рассматриваются в качестве «полных ограничений» учеными, дифференцирующими полные и частичные ограничения прав.

Если ограничение представляет собой средство, в результате применения которого для субъекта сокращается число возможностей, то запрет подразумевает исключение любой активности, нацеленной на реализацию интереса, с точки зрения того результата, к которому он приводит, он равнозначен не уменьшению объема свободы, а «окончательной ликвидации права»⁶. Если ограничение – это средство регулирования отношений, способ установления для его участников новых границ дозволенного поведения, то запрет – средство предотвращения возникновения отношения либо его разрушения.

Отказ от признания запретов «полными ограничениями», логически влекущий за собой осознание невозможности деления правомерных ограничений прав на полные и частичные, имеет принципиальное значение не только для юридической теории, но и для практики правового регулирования общественных

¹ См.: Андреев Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. С. 200; Власенко Н. А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 53; Хвостова А. В. Ограничение как понятие общей теории права // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 249-250; Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 9.

² См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – М.: Юрист, 2005. С. 89-91; Приходько И. М. Ограничения в российском праве. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. Саратов, 2001. С. 3, 7-8; Куликов М. А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 157-159 и др.

³ См.: Денисова А. В. Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции по законодательству Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2003. № 1. С. 72; Матвеев В. Ю. К вопросу о соотношении понятий «нарушение права» и «незаконное ограничение права» // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 3(31). С. 47 и др.

⁴ Хвостова А. В. Указ. соч. С. 251.

⁵ См.: Малько А. В. Указ. соч. С. 95-96; Шаклеин Н. И. Указ. соч. С. 11; Куликов М. А. Указ. соч. С. 158 и др.

⁶ Биюшкина Н. И. Ограничения и запреты в развитии цензурного законодательства Российской империи второй половины XIX века // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 90.

отношений. Если исходить из того, что запрет является специфическим видом ограничения, то любая норма, устанавливающая ограничение права, может рассматриваться субъектом, уполномоченным ее применять, в качестве правового основания не только сокращения объема свободы в реализации субъективного права, но и воспрещения его осуществления как такового. В то же время очевидно, что, устанавливая то или иное ограничение, субъект правотворчества требует от правоприменителя совершить именно действие, направленное на сокращение объема свободы в реализации субъективного права, а не фактически лишить управомоченное лицо возможности осуществить последнее.

То, что запреты не могут рассматриваться в качестве «полных ограничений», в том числе и в качестве «полных ограничений прав», подтверждается анализом действующего российского законодательства, в котором неизменно проводится четкая граница между ограничениями и запретами как правовыми средствами, применимыми в разных ситуациях и для решения разных задач. Например, ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает «ограничения, связанные с прохождением гражданской службы» (определяя условия, при наличии которых лицо не может находиться на гражданской службе, законодатель в то же время подразумевает, что при отсутствии перечисленных условий нахождение на гражданской службе возможно). Ст. 17 того же закона определяет «запреты, связанные с гражданской службой» (перечисляя действия, которые признаются недопустимыми и незаконными вне зависимости от каких-либо условий). Принципиально различны запрет на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд (установлен Постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. № 616 (ред. от 10 января 2024 г.)¹) и ограничения допуска отдельных видов промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (установлены Постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. № 617 (ред. от 28 декабря 2023 г.)²).

Что касается ограничений прав как неправомерных (противоправных) действий, то в их интерпретации разброс мнений оказывается еще большим, чем тот, где предметом рассмотрения выступают ограничения прав как правовые средства³.

Для того, чтобы разобраться, что в действительности может считаться неправомерным (противоправным) ограничением прав, важно понимать, что первичным в юридическом языке является понимание ограничений именно как правовых средств: в этом плане не случайно то, что именно правовые ограничения многими исследователями отождествляются с ограничениями в праве⁴. Противоправное ограничение – ограничение, у которого отсутствуют признаки, делающие ограничение правомерным. При этом неправомерным ограничение становится тогда, когда из сокращающего объем свободы в рамках, установленных действующим правом, оно превращается в не предусмотренное правом препятствие для реализации прав либо сокращает объем свободы в большей степени, чем это допускается существующими нормами.

Сказанное подтверждается анализом правореализационной и правоинтерпретационной практики: термин «неправомерное ограничение прав» используется именно там, где речь идет о не соответствующих правовым требованиям ограничивающих субъективные права действиях лиц, фактически выходящих за рамки установленных для них полномочий в осуществлении ограничений прав других субъектов⁵.

Поскольку неправомерное (противоправное) ограничение права – это всегда создание препятствия для его реализации, постольку для интерпретации того или иного действия субъекта в качестве неправомерного ограничения права не имеет принципиального значения, каким образом оно в конечном

¹ Собрание законодательства РФ. 2020. № 19. Ст. 2993.

² Собрание законодательства РФ. 2020. № 19. Ст. 2994.

³ См.: Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: вопросы идентификации и преодоления / под ред. В. Ю. Панченко, А. А. Петрова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 90-92; Борисов А. С., Щеголева Н. А. К вопросу об ограничении права на правотворческую инициативу населения муниципального образования // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4 (30). С. 154.; Шаклеин Н. И. Указ. соч. С. 15; Матвеев В. Ю. Указ. соч. С. 47 и др.

⁴ См.: Малько А. В. Указ. соч.; Приходько И.М. Указ. соч.

⁵ См., например: п. 2 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года // Режим доступа: https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Generalization/Documents/Information_1_2017.pdf (Дата обращения: 14.04.24); Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2023 г. № 77-4604/2023 // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=142482&dst=100056> - 4clmw9UCGVJnBklx (Дата обращения: 14.04.24); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09 ноября 2023 г. по делу № 88-25529/2023 // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=122639&dst=100041> - CuZnw9UM9fl6wd7 (Дата обращения: 14.04.24).

итоге влияет на правовое положение управомоченного лица – осложняет реализацию им права, оставляя ее все же возможной, либо делает осуществление права невозможным вовсе. Во многих случаях различие между первым и вторым определяется не характером действий, составляющих содержание неправомерного ограничения права, а мерой усилий, которые прилагает ограничиваемый субъект или действующие в его интересах лица для того, чтобы добиться осуществления права.

Рассмотрим две ситуации. Мать обращается в суд с иском об ограничении родительских прав отца ребенка, своего бывшего мужа, и о выдаче разрешения на право выезда за границу несовершеннолетнего ребенка в сопровождении матери или с ее нотариального согласия на выезд. Рассмотрев доводы истицы, суд удовлетворяет иск частично. Ответчик ограничивается в осуществлении родительских прав, однако в удовлетворении требований о выдаче разрешения на право выезда за границу несовершеннолетнего ребенка в сопровождении матери или с ее нотариального согласия без получения согласия на выезд от отца ребенка, суд отказывает. Определением судебной коллегии по гражданским делам суда вышестоящей инстанции решение суда оставлено без изменения. Если бы в дальнейшем внесенные по делу решения не были обжалованы в Верховный Суд РФ, то противоправное ограничение выразилось бы в фактическом лишении матери права планировать и организовать отдых своего ребенка за границей.

На практике сложилась другая ситуация. По надзорной жалобе Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определила отменить решение районного суда и определение судебной коллегии по гражданским делам городского суда в части отказа в удовлетворении требований истицы и вынести по делу в этой части новое решение, удовлетворив иск о выдаче разрешения на право выезда за границу несовершеннолетнего ребенка в сопровождении матери или с ее нотариального согласия без получения согласия на выезд от отца ребенка¹. Таким образом, незаконное ограничение, которое могло бы стать фактическим лишением истицы принадлежащего ей права, в результате выразилось в том, что она не смогла реализовывать свое право лишь на протяжении определенного времени.

Поскольку термины «неправомерное ограничение прав» и «противоправное ограничение прав» используются специально для того, чтобы маркировать ситуации, когда ограничение как правовое средство было применено с нарушением правовых норм (при отсутствии оснований, в ином порядке, чем установлено законом, и т. д.), постольку неважно, повлекло в результате незаконное действие лишение субъекта права или затруднение его реализации. Здесь ограничение предстает действием, специфичным с юридической точки зрения именно по своему содержанию, а не по результату.

В обозначенном контексте ограничение права, повлекшее в результате незаконного действия субъекта возникновение затруднений для реализации субъективного права, может рассматриваться как частичное ограничение, а то же действие, сделавшее невозможной реализацию права, – как полное ограничение того же самого права. Такое разграничение в юридическом плане в настоящее время не является принципиально значимым, так как при юридической квалификации неправомерных ограничений прав не учитывается, приводят ли они к созданию затруднений для реализации субъективных прав либо делают такую реализацию в принципе невозможной². Вместе с тем, представляется, что указанному обстоятельству должно придаваться значение при установлении меры ответственности за него и назначении наказания – уже в силу того, что ограничение, лишаящее субъекта возможности реализации признанного и охраняемого законом права, имеет большую опасность, чем ограничение, затрудняющее осуществление права.

Подведем итог. Правомерные ограничения прав невозможно разделить на полные и частичные, в действительности такие ограничения прав всегда предполагают лишь уменьшение границ свободы субъекта, но не изъятие права. Неправомерные ограничения прав можно дифференцировать на полные и частичные, и хотя сегодня такой дифференциации не уделяется должного внимания, она тем не менее чрезвычайно значима. В правотворческой и правореализационной деятельности она может стать основной дифференциации мер ответственности с учетом степени общественной опасности деяний, за совершение которых они устанавливаются и назначаются.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 20 марта 2012 г. № 5-В11-132 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

² См., например: ст. 169, 178, 185.4, 185.5 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; ст. 12.35, 13.16, 13.18, 14.9, 14.32, 19.36 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Макарейко Николай Владимирович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Makareiko Nikolay Vladimirovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Process of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: makareiko_nik@mail.ru

Правоограничительный потенциал государственного принуждения

Legal restrictive potential of state coercion

Аннотация. Государственное принуждение относится к числу наиболее репрессивных методов реализации государственной власти. Такое воздействие осуществляется посредством соответствующего правоограничительного потенциала. Достижение или не достижение запрограммированных результатов во многом предопределено теми лишениями, которые наступают для принуждаемого. Важно значение в ходе реформирования российского законодательства закрепить меры государственного принуждения с должным правоограничительным потенциалом.

Ключевые слова: государственное принуждение, мера, правоограничение, законодательство, правоприменительное усмотрение.

Annotation. State coercion is one of the most repressive methods of exercising state power. Such influence is carried out through the corresponding legal restrictive potential. Achieving or not achieving programmed results is largely predetermined by the hardships that occur for the coerced person. It is important in the course of reforming Russian legislation to consolidate measures of state coercion with the proper legal restrictive potential.

Keywords: state coercion, measure, legal restriction, legislation, enforcement discretion.

Вопросы государственного принуждения, его отдельных форм и мер традиционно привлекают повышенное доктринальное внимание. Такое положение обусловлено тем, что указанные меры получили широкое распространение в правоохранительной деятельности и эта тенденция только усиливается. Немаловажным фактором, обусловившим востребованность осмысления указанной проблематики, является реформирование российского законодательства, в частности проведение третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях. Наряду с этим следует отметить инициативу Верховного Суда по введению института уголовного проступка¹. Вместе с тем имеет место очевидный научный дисбаланс, когда вопросы юридической ответственности традиционно исследуются в большей степени как в общетеоретическом, так и в отраслевом разрезе по сравнению с другими формами государственного принуждения.

Сложившееся положение имеет под собой вполне очевидное объяснение. Традиционно законодательство о юридической ответственности урегулировано более качественно, а его практика применения более прогнозируемая, а юридические ошибки в меньшей степени свойственны для данной формы государственного принуждения. При этом следует отметить, что потенциал юридической ответственности в ряде случаев уступает мерам предупреждения, пресечения, процессуального обеспечения, так как является формой постпротивоправного реагирования. Успешное применение мер предупреждения и пресечения как форм государственного принуждения позволяет в дальнейшем «экономить» государственный принудительный потенциал.

¹ Проект Федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // СПС «КонсультантПлюс», 2024. (дата обращения 7.04.2024 г.)

Безотносительно к форме государственного принуждения, его важнейшей характеристикой выступает правоохранный потенциал. Он свойственен каждой мере государственного принуждения, который, в случае реальной реализации, влечет за собой конкретные правоограничения, которые претерпевает принуждаемый, а в ряде случаев, связанные с ним субъекты.

Следует разделить позицию С.С. Алексеева по данному вопросу. Указанный автор акцентировал внимание на урон, который заключает в себе государственное принуждение, который может носить самый разнообразный характер. «Государственное принуждение... в сравнительно небольшом числе случаев выступает в виде акций непосредственно насильственного, физически принудительного порядка, таких как изъятие имущества, содержание лица под стражей и др. В качестве правового принуждения оно заключается в *правовом уроне*, то есть в правоограничениях, в возникновении специальных обязанностей, императивно наступающих для лица как результат непосредственного проявления в сфере права принудительных свойств государственной власти. С фактической же стороны оно выражается в *мерах*, то есть таких юридически реальных явлениях, образующих содержание правоохранительных и иных государственно-властных отношений, которые олицетворяют действие, реализацию правового принуждения в том или в ином жизненном случае»¹.

При этом не следует сбрасывать со счетов, что и, будучи закрепленными в действующем законодательстве, меры государственного принуждения оказывают на субъектов права определенное ценностно-ориентировочное воздействие. Оно призвано нейтрализовать отрицательные (девиантные) установки и активизировать положительные.

Реализация государственного принуждения в зависимости от правоограничительного потенциала приводит к лишениям, которые могут быть физическими, психическими (личными), имущественными или организационными. В большинстве случаев последствия носят комплексный характер, что позволяет достигнуть более эффективный правоохранный результат.

Вместе с тем отдельные авторы считают, что при характеристике правоограничительного воздействия государственного принуждения следует использовать термины «правовое лишение», «обременение» и «правовой урон»². Мы полагаем, что не имеет принципиального значения используемый понятийный аппарат, так как рассматриваемым мерам свойственны реальные правоограничительные последствия.

Государственное принудительное воздействие должно фокусироваться в комплексе на биологическом и материальном бытии принуждаемых субъектов. Следует учитывать, меры государственного принуждения воздействуют также и на психические и социальные компоненты функционирования соответствующих субъектов.

Было бы грубой методической ошибкой постулировать, что в качестве цели применения государственного принуждения выступает исключительно наступление соответствующих правоограничений. Такое положение следует определить в качестве «побочного», но при этом обязательного результата, так как именно правоограничения как в потенциале, так и реально приводят к изменению поведения принуждаемого в том направлении, которое прогнозирует субъект принуждения.

При рассмотрении правоограничений государственного принуждения следует ответить на принципиальный вопрос, а именно, его пределов. Решение проблемы установления пределов государственного принуждения выступает в качестве важнейшего индикатора данного метода государственного управления. По мнению Ж.И. Овсепян «имеют актуальность не только теоретические исследования, посвященные проблеме идентификации принуждения с государством, правом и производными от них явлениями, но и научный анализ проблемы установления оптимальных пределов государственно-правового принуждения, который имеет значительную специфику способов ее решения в условиях развитых правовых демократических государств в отличие от стран с авторитарными режимами, либо переходных обществ»³.

В схожем русле А.П. Рогов отмечает, что посредством пределов государственного принуждения, их рационального установления обеспечивается безопасность, закладываются основы правопорядка, что является важным критерием правового государства⁴.

При установлении пределов государственного принуждения важно избежать крайностей. Наделение государственного принуждения излишним правоограничительным потенциалом будет очевидным фактором трансформации государственного принуждения в насилие и будет отрицательно восприниматься обществом⁵. В то же время минимальный правоограничительный потенциал

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 268.

² См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 174.

³ Овсепян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов-на-Дону, 2005. С. 13.

⁴ См.: Рогов А.П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 90.

⁵ См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2014. № 3 (27). С. 305–307.

государственного принуждения не позволит оказать должного правового воздействия на принуждаемых, а при определенных обстоятельствах может выступить фактором противоправной ситуации, что приведет к увеличению негативных последствий.

Решение проблемы установления границ (пределов) государственного принуждения требует поиска и последующего использования соответствующих средств. Прежде всего, к их числу относится юридическое закрепление прав и свобод, которые должны быть обеспечены государством посредством государственного принуждения, а также перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Следует признать, что перечень таких прав и свобод не может быть *constant*, они могут изменяться с учетом возникающих внутренних и внешних угроз. Ряд спорных ситуаций могут и должны разрешаться непринудительным путем, в том числе посредством использования механизмов саморегулирования¹, а также потенциала медиации², посредников³, а также мер убеждения, поощрения. Указанные механизмы будут всемерно способствовать сокращению применения государственного принуждения.

При определении пределов государственного принуждения важное значение имеет цель его применения. Речь идет о глобальной цели, которой является обеспечение общественного порядка и безопасности. Указанная двуединая цель детализируется на уровне соответствующих форм и отдельных мер государственного принуждения, что должно детально определяться в законодательстве и достигаться субъектами в ходе реального правоприменения.

Важную роль в определении пределов государственного принуждения приобретают основания его применения. К их числу относятся правонарушения различной степени общественной опасности, а также аномалии с правовым содержанием. Особую остроту представляет возможность применения государственного принуждения при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Наряду с этим встает проблема соответствия между общественной опасностью соответствующих деяний и правоограничительным потенциалом применяемых мер.

Определение пределов государственного принуждения находится в прямой взаимосвязи с субъектами, которые наделены полномочиями по применению соответствующих мер. Здесь возникают вопросы о перераспределении полномочий между судами и другими субъектами, а также между государственными и негосударственными субъектами. Очевидно, что необходимо расширять возможности применения принудительного инструментария гражданами и их объединениями⁴. Однако данная деятельность должна осуществляться посредством строгого и постоянного контроля.

К важным средствам определения пределов государственного принуждения относится процессуальный порядок их применения. Традиционно такая зависимость характеризуется тем, что меры государственного принуждения, которые обладают большим правоограничительным потенциалом, реализуются с использованием более детальных процессуальных процедур. Между тем такая закономерность присуща юридической ответственности. Что же касается таких мер как пресечение, то их специфика требует оперативного применения, что влечет за собой максимальное упрощение процессуального порядка. Об этом свидетельствует порядок реализации таких мер непосредственного принуждения как физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Пределы государственного принуждения напрямую зависят от закрепления соответствующих гарантий. Будучи высоко правоограничительным средством государственного воздействия рассматриваемый метод государственного управления требует в комплексе реализовать следующие гарантии: четкое нормативное правовое регулирование; установление и применение юридической ответственности субъектов за правонарушения, допущенные в ходе применения; восстановления нарушенных отношений в результате незаконного применения мер государственного принуждения; осуществление постоянного контроля (надзора) в рассматриваемой области.

При определении правоограничительного потенциала государственного принуждения следует исходить из того, что речь идет о дозированном воздействии, так как данный метод реализуется посредством соответствующей меры. Она выступает качественно-количественной характеристикой государственно-принудительного воздействия. Использование категории «мера» мы находим в действующем законодательстве. Так, административная ответственность является «мерой юридической ответственности (ст. 3.1 КоАП РФ), а наказание по уголовному законодательству выступает «мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда» (ст. 43 УК РФ). Неслучайно в специальной литературе отмечается, что мера государственного принуждения выступает в качестве его первичного

¹ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

³ Статья 403 ТК РФ.

⁴ Федеральный закон от 2 апреля 2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

структурного элемента¹, что и сводится к соответствующим правовым «лишениям, обременениям, правовому урону»².

Именно законодатель закрепляет соответствующий правоограничительный потенциал в конкретных мерах государственного принуждения, что находит свое выражение в соответствующих правоприменительных актах. Важно иметь в виду, что на уровне правоприменения происходит реализация законодательной справедливости применительно к реально сложившейся правовой ситуации, а, применительно к мерам предупреждения, речь идет о предполагаемой, презюмируемой ситуации.

Говоря о правоограничительном потенциале, нельзя обойти стороной вопросы правоприменительного усмотрения. Данная проблематика традиционно привлекает внимание исследователей как в общетеоретическом³, так и отраслевом плане⁴. Вопросы усмотрения получили освещение и в работах зарубежных исследователей⁵. Значимость усмотрения при реализации государственного принуждения получила свое отражение в специальной литературе⁶.

Востребованность использования усмотрения в ходе применения государственного принуждения предопределена тем, что излишняя «заформализованность» не позволяет творчески разрешить правовые ситуации посредством применения потенциала государственного принуждения. В отличие от субъекта правотворчества, который с учетом закономерностей развития общественных отношений, закрепляют систему государственного принуждения и порядок применения его отдельных мер, то правоприменитель должен действовать адресно, применяя конкретную меру государственного принуждения применительно к сложившейся ситуации, а также с учетом перспектив развития общественных отношений.

Субъект правотворчества в ряде случаев намеренно предоставляет субъектам право применять усмотрение при реализации государственного принуждения. Следует признать, что такое положение всемерно актуализирует соответствующие правовые риски, но такие технико-юридические шаги являются вынужденными и необходимыми.

Следует иметь в виду, что степень усмотрения применительно к отдельным формам государственного принуждения существенно отличается. В большей степени она присуща мерам предупреждения, пресечения, защиты (правовосстановления). В меньшей мере усмотрение свойственно юридической ответственности и процессуальному обеспечению. В этой связи и степень рисков будет отличаться, а значить и меры по их предупреждению должны носить адресный характер. В этой связи должен быть усилены механизмы контроля-надзора, прежде всего, судебного контроля⁷.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить следующее. Государственное принуждения является высоко востребованным средством обеспечения правопорядка и безопасности. Субъект правотворчества наделяет меры государственного принуждения соответствующим правоограничительным потенциалом, который должен носить адресный характер. Одним из важных

¹ Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12.

² Лейст О.Э. Проблемы принуждения по советскому праву // Вестник Московского университета. Серия: Право. 1976. № 4. С. 19.

³ См.: Березин А.А. Пределы правоприменительного усмотрения. Н. Новгород: НА МВД РФ, 2007. 200 с.; Игнатев А.С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа (на примере сферы судебного конституционного контроля): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 25 с.; Никитин А.А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. 514 с.; и др.

⁴ См.: Аврутин Ю.Е., Гирвиц А.В. К вопросу о понятии полицейского усмотрения, его правовой природе и основаниях / Ю.Е. Аврутин, А.В. Гирвиц // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 77–84; Гирвиц А.В. Полицейское усмотрение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 211 с.; Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законодательства, теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 535 с.; Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. 418 с.; Серков П.П., Соловей Ю.П. Административное усмотрение: вопросы и ответы (часть 1) // Сибирское юрид. обозрение. 2022. Т. 19. № 4. С. 374–383; Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 24 с.; Цуканов Н.Н. Административно-правовое усмотрение: некоторые идеи по итогам дискуссии // Государство и право. 2023. № 12. С. 214–218; Щепалов С.В. Об истоках административного и судебного усмотрения в российской административно-юрисдикционной деятельности // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 3. С. 297–312; и др.

⁵ См.: Барак А. Судейское усмотрение: перевод с английского; вступительная статья М.В. Баглая. Москва: Норма, 1999.

⁶ См.: Головина (Гапон) Ю.П. Административное усмотрение при применении мер принуждения органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 61–64; Свиных О.Ю. Административное усмотрение в контексте применения мер административного принуждения пограничными органами Федеральной службы безопасности // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2019. № 5. С. 16–20; Старостин С. А. Административное усмотрение в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: теоретико-доктринальное осмысление // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 196–202.

⁷ См.: Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательной основы судебного контроля за реализацией органами публичной администрации и их должностными лицами дискреционных полномочий // Административное право и процесс. 2015. № 2. С. 46–51.

техничко-юрлдическх средств, которые должны обеспечить справедливость государственного принуждения является правоприменительное усмотрение. Данное явление имеет большое значение. С учетом высокой динамики действующего законодательства и противоречивой правоприменительной практики требует дополнительного осмысления как с позиции отраслевого, так и общетеоретического подходов.

Погодина Татьяна Григорьевна

доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России

Pogodina Tatyana Grigoryevna

Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky,

Professor of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

Ограничения прав граждан, госпитализированных из-за психического расстройства

Restrictions on the rights of citizens hospitalized due to a mental disorder

Аннотация: изменения законодательства в области охраны психического здоровья в РФ, вступающие в действие с 1 сентября 2024 года, привлекли внимание как профессионального сообщества, так и представителей правозащитных организаций к проблеме соблюдения прав душевнобольных в связи с конкретизацией правовых ограничений для лиц, госпитализированных в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь. Подчеркивается необходимость соблюдения принципа соразмерности выбранных ограничительных мер, обсуждается исключение из текста закона «О психиатрической помощи...» ст. 38 о деятельности независимой службы по защите прав пациентов. Указывается, что приоритет интересов пациента – один из базовых принципов нашего здравоохранения, отраженный в законодательных актах.

Ключевые слова: психическое здоровье, психическое расстройство, ограничение прав и свобод, изменения законодательства.

Annotation: changes in legislation in the field of mental health protection in the Russian Federation, effective from September 1, 2024, have again attracted the attention of both the professional community and representatives of human rights organizations in connection with the specification of legal restrictions for persons hospitalized in a medical organization providing psychiatric care. The need to comply with the principle of proportionality of the chosen restrictive measures is emphasized, the exclusion from the law "On Psychiatric care...." Article 38 on the activities of an independent service for the protection of patients' rights is discussed. It is indicated that the priority of the patient's interests is one of the basic principles of our healthcare, reflected in legislative acts.

Keywords: mental health, mental disorder, restriction of rights and freedoms, changes in legislation.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина как подотрасль института конституционного права представляет собой совокупность юридических действий, реализуемых на государственном уровне и направленных на обеспечение прав других лиц, превенции противоправного поведения. Безусловно, это один из крайних способов обеспечения правопорядка, но существование его необходимо в каждом демократическом государстве, где существует гарантия прав и свобод. Их целью является как устранение противоправных действий, так и их профилактика¹. Формулировка ч. 3 ст. 55 Конституции РФ указывает на условие применения данной нормы в виде соразмерности избранных ограничительных мер. Выбор формы ограничения права должен основываться на его природе, особенностях субъекта и возможных последствиях для него ограничения права. Как справедливо указывает М.А. Степанов, если результат

¹ Райз, Д. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина как реализация механизма обеспечения прав и свобод / Д. А. Райз // Развитие современной юриспруденции: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 декабря 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 152-153.

воздействия на право будет несоизмерим по тяжести с целью и возможными негативными последствиями для частных интересов, то следует рассматривать вопрос о применении иных мер¹.

Наличие психического расстройства может стать причиной неправильного поведения вследствие продуктивной патологии в виде бреда, галлюцинаций, что может привести к социально опасному поведению при отсутствии возможности критично оценивать ситуацию. Такие состояния служат основанием для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в недобровольном порядке, что сопряжено с ограничением прав². Такой вид помощи возможен превентивно для профилактики общественно опасных действий³. В соответствии со ст. 30 «Закона о психиатрической помощи...» одним из основных требований является оказание помощи больным в такой ситуации в наименее ограничительных условиях.

К ограничительным мерам, следующим за госпитализацией, призванных обеспечить безопасность больного, следует относить сам факт вынужденной изоляции, которая включает в себя целый комплекс мероприятий, связанных с различной степенью ограничения прав и свобод.

Крайней степенью является помещение в наблюдательную палату с круглосуточным наблюдением и применением для фиксации эластичных полос материи, специальных ремней. Такие мероприятия применяются только на тот период времени, когда нет других возможностей предотвратить небезопасные действия больного. Во время их применения должен быть постоянный контроль за состоянием пациента медицинскими работниками. Формы и методы изоляции отражаются в медицинской документации. К менее ограничительным мерам относится ограничение права перемещений, приема посетителей, права без цензуры вести переписку.

Ограничение прав лиц с острой психопатологической симптоматикой, являющейся опасной как для самого больного, так и для окружающих принято во всех демократических странах и повсеместно закреплено на законодательном уровне. Это возможно лишь на время обострения болезни в интересах самого пациента для профилактики возможных противоправных действий. В соответствии с американской моделью законодательства недобровольная госпитализация допустима даже без судебного решения в случае опасности лица для окружающих на основе заключения врачей-психиатров.

В соответствии с российским законодательством недобровольная госпитализация представляет собой, по образному выражению Г. И. Усова, сложный многоступенчатый процесс, включающий в себя несколько этапов (догоспитальный, приемного покоя, освидетельствования комиссией врачей-психиатров в отделении в течение 48 часов, досудебный, прием судьей заявления о необходимости такого решения, собственно судебное заседание и ежемесячное повторное освидетельствование врачебной комиссией)⁴. Информированное согласие пациента значительно упрощает процесс, но также может повлечь ограничение прав.

В профессиональном сообществе сегодня не умолкают дискуссии по поводу вступающих в действие в сентябре 2024 года изменений закона «О психиатрической помощи...»⁵. Там конкретизированы формы возможного ограничения прав пациентов, помещенных в стационар для оказания психиатрической помощи. Так ст. 37 указывает на возможность временного ограничения права иметь, приобретать и пользоваться предметами первой необходимости, техническими средствами связи, телефоном, собственной одеждой; на отступление от конфиденциальности общения, ограничение приема посетителей, определение перечня предметов, разрешенных к использованию больным.

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 14.03.2024 № 298 разъясняется порядок принятия решения об ограничении прав, извещения пациента и его родных, а также

¹ Степанов, М. А. Принцип соразмерности ограничения прав человека или необходимость ограничения прав человека в демократическом обществе / М. А. Степанов // Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого, Чебоксары, 20 ноября 2020 года. – Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации "Российский университет кооперации", 2022. – С. 554-558. – EDN QTLYVK.

² См. ст. 29. Закона РФ от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 30.12.2021) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/

³ Погодина, Т. Г. О создании единой базы психически больных как меры профилактики общественно опасных действий, совершенных лицами с психическими расстройствами / Т. Г. Погодина, Д. Е. Борисов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1(33). – С. 162-164. – EDN VOWRYB.

⁴ Усов Г.М., Федорова М.Ю. Правовое регулирование психиатрической помощи: Учебное пособие. – М.: «Юстицинформ», 2006.- 304 с.

⁵ Федеральный закон от 04.08.2023 N 465-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» <http://consultant.ru/law/hotdocs/81447.html> (дата обращения 25.03.2024)

устанавливается максимальный срок таких мер – 15 дней с момента принятия решения¹. Данный срок может пролонгироваться по решению заведующего отделением или главного врача.

Утратившей силу становится ст. 38 «Закона о психиатрической помощи...», посвященная деятельности независимой службы защиты прав пациентов в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях. У представителя этой службы была обязанность принимать жалобы и заявления больных, действовать в их интересах, общаясь с руководителем медицинской организации, органами представительной и исполнительной власти, прокуратуры или суда. Обязанности по защите прав таких больных возлагаются на саму медицинскую организацию (ст. 39). Указано, что необходимо обеспечивать условия для направления жалоб и заявлений пациентов адвокату, в органы законодательной власти, прокуратуру, суд, государственное юридическое бюро и иные государственные негосударственные организации. Исчезновение такой независимой службы вызывает больше всего вопросов у общественных и правозащитных организаций².

Необходимость законодательных изменений продиктована временем. Действительно, впервые установлены конкретные сроки и порядок ограничения прав для защиты пациентов на время обострения психопатологической симптоматики. Указан, что решение об ограничении прав принимается главным врачом или заведующим отделением на основе рекомендации лечащего врача. Впервые указано на необходимости четкого обоснования таких мер, аргументированной записи в медицинской документации и уведомления как родственников, так и самого больного. В определенной мере снижена возможность общественного контроля за соблюдением прав пациентов, но объективность и непредвзятость решения врачей при оценке тяжести психопатологии и выборе тактики, условий лечения в интересах больного является их профессиональной обязанностью. Одним из основных принципов оказания медицинской помощи в соответствии со ст. 6 закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья...» является приоритет интересов пациента. За соблюдением законности при оказании психиатрической помощи установлен прокурорский надзор.

Подводя итог, следует отметить, что при оценке соразмерности ограничения прав пациентов, госпитализированных в психиатрический стационар, определяющим фактором является оценка тяжести и характера психопатологической симптоматики, ее общественная опасность, перевешивающие временное неудобство ограничительных мер, то есть необходимо соблюдение баланса интересов частного и публичного. В случае принятия решения в пользу защиты общественного блага необходимо обосновать существование настоятельной необходимости в ограничении прав конкретного человека.

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 14.03.2024 № 298 «Об утверждении Правил принятия решения об ограничении прав пациента, находящегося в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, выбора формы и продолжительности устанавливаемых ограничений прав пациента, а также извещения пациента о принятии такого решения» <http://garant.ru/hotlaw/federal/1692404/> (дата обращения 25.03.2024)

² См.: Айрапетян Н. Урегулирование отношений // <http://advgazeta.ru/mneniya/uregulirovanie-ogranicheniy/> (дата обращения 20.03.2024)

Репьев Артем Григорьевич

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права, гражданского права и гражданского процесса Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Repev Artem Grigoryevich

doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure at the Law Institute of Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport»

E-mail: repev-artem@yandex.ru

«Лимитчик»: объективация ограничения через правовой статус личности

«Limiter»: objectification of limitation through the legal status of a person

Аннотация: правовое ограничение, будучи универсальной правовой категорией, объективируется в общественных отношениях в различных формах, в том числе посредством изменения содержания и структуры специального правового статуса личности. Аргументируется тезис, что лимит, являясь одним из видов правового ограничения, может выступать элементом конструкции правового статуса личности, устанавливая границы возможного поведения субъекта. Констатируется, что в определенных случаях, преваляя над иными компонентами правового статуса личности, на основе лимита юридизируется соответствующее социальное положение субъекта, сдержанного в правах, свободах и законных интересах. Опираясь на юридическую доктрину и правоприменительную практику иллюстрируются примеры обхода правовых ограничений в форме лимита, обращается внимание на необходимость совершенствования нормативной правовой составляющей закрепления в законодательстве подобного рода пределов правового поведения, а также интерпретационной и правореализационной практики.

Ключевые слова: правовой статус, правовое ограничение, лимит, обход закона.

Annotation: legal restriction, being a universal legal category, is objectified in public relations in various forms, including by changing the content and structure of a person's special legal status. The thesis is argued that the limit, being one of the types of legal restriction, can act as an element of the construction of the legal status of a person, setting the boundaries of possible behavior of the subject. It is stated that in certain cases, prevailing over other components of the legal status of an individual, the corresponding social position of the subject, restrained in rights, freedoms and legitimate interests, is legalized on the basis of the limit. Based on legal doctrine and law enforcement practice, examples of circumvention of legal restrictions in the form of a limit are illustrated, attention is drawn to the need to improve the normative legal component of fixing such limits of legal behavior in legislation, as well as interpretative and legal practice.

Key words: legal status, legal restriction, limit, circumvention of the law.

Термин «лимитчик», при первоначальной ассоциации, обращает нас к советскому времени. Как известно, таким, если и не унижительным, но все же весьма неблагозвучным словом именовали тех, кто проживал по лимиту, т.е. временно разрешенной регистрации, как правило вводимой для осуществления какой-либо трудовой деятельности. Этимологически данное прилагательное является производным от существительного «лимит», которое сегодня приобрело содержательно более богатое, разностороннее наполнение.

В частности, «лимит» в общеупотребительном значении толкуется, как «предельная норма пользования чем-либо»¹. В настоящее время нормативные правовые акты содержат упоминания о лимите свободного оборота денежных средств², лимит (предельно допустимый размер) налогового вычета³, и многом другом. Приобретая количественное и качественное наполнение, закрепляемое в нормативном правовом акте, лимит тем самым становится элементом специального правового статуса субъекта

¹ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: Ок. 160000 слов. Т. 1: А-Л. М.: АСТ; Астрель, 2006. С. 1132.

² Указ Президента РФ «Об обеспечении нормального функционирования денежной системы Российской Федерации» от 26.07.1993 № 1107. Российская газета 1993, 27 июля.

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (в ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ 2000, № 32, ст. 3340.

правоотношений, определяя границы допустимого поведения, пределы осуществления прав, свобод и законных интересов лиц.

Тем самым, палитра использования законодателем различных лимитов, на современном этапе, далеко не ограничивается нормами регистрации и проживания на определенной территории. Характеристика такого правового статуса как «лимитчик» уже не имеет обидной этической оценки, а указывает на содержательные особенности юридического положения лица, имеющего ограничения в правовом поведении.

Тезисно остановимся на фундаментальных основах доктринального понимания юридической конструкции «правовой статус личности», после чего охарактеризуем отдельные проявления некоторых видов статусов «лимитчиков», и проблемы, возникающие в этой сфере.

Устоявшимся положением в теоретико-правовой и отраслевой науке является восприятие юридико-лингвистических лексем «правовой статус», «правовое положение» участников правоотношений в качестве закрепленного формально-юридически, т.е. нормативно, социального положения физического и юридического лица. Одновременно с этим, делается важный акцент, а именно указывается на фундаментальное условие – совпадение реального, фактического положения человека с его статусом¹. Прав в этой связи Р.А. Ромашов, который отметил: «правовой статус личности следует рассматривать в качестве неразрывного единства юридической формы (легализованного перечня прав и обязанностей лица) и правовой субстанции (реального правового состояния, в котором индивид пребывает в данный момент и в данных социальных условиях)»².

Мы не первый год придерживаемся концепции, что два ключевых элемента, а именно «права – юридические обязанности», «цементируют» юридическую конструкцию общего правового статуса личности, выступая главным компонентом. Вместе с тем, социальные отношения крайне разноплановы, следовательно, их участниками могут являться субъекты, наделенные кроме отправных, начальных прав и юридических обязанностей дополнительными элементами своего статуса: запретами, ограничениями, правовыми преимуществами. Тем самым, введение лимитов как разновидности правового ограничения для отдельных лиц предопределяет их специальный правовой статус.

В частности, тенденциозным явлением в спорте стало введение лимитов на игроков в командных видах спорта. Так называемыми «лимитчиками» являются, как правило: молодые игроки (на них не распространяются количественные ограничения для заявки команды на конкретный матч, т.е. они могут участвовать в игре сверх установленного количества игроков в заявке), и игроки иностранного происхождения (лимит на них имеет обратную форму, предполагая конкретные количественные пределы игроков иностранного происхождения, участвующих в игре). Цель введения подобных ограничений – защита молодых отечественных спортсменов от необоснованной, искусственно создаваемой конкуренции. Так, правовой регламент Континентальной хоккейной лиги на сезон 2023-2024 гг. определяет, что численность хоккейной команды могут пополнить не более трех иностранных хоккеистов³.

Отдельные хоккейные команды нашли выход из положения, при этом, весьма нетривиальный. Иностранному игроку, представляющему интерес с точки зрения его спортивных результатов, предлагают установить политико-правовую связь с Российской Федерацией в виде гражданства. Разумеется, после этого он перестает быть «лимитчиком». Факты начинают приобретать системный характер. Только в сезоне 2023-2024 гг. гражданство Российской Федерации оформили трое хоккеистов, выступающих на ведущих позициях в своих клубах – К. Ли, Б. Меннел, Б. Лайпсик. Не только мы, но и профессиональное спортивное сообщество полагает, что манипуляции с оформлением соответствующего правового статуса в обход закона прямое следствие нежелания подчиняться установленному ограничению⁴. Цели юридического воздействия, вводимого для поддержания спортивных принципов честной борьбы, нивелируются.

Ситуация с совпадением реального и нормативного положения субъекта общественных отношений, как мы видим сегодня, не всегда выглядит адекватной. Юридическая конструкция мнимого правового статуса за счет обхода нормативно установленного лимита не может в полной мере подтверждаться единством формы (нормативно закрепленных элементов правового положения субъекта

¹ Матузов. Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. С. 4.

² Ромашов Р.А. Теория правового статуса осуждённого // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3 (16). С. 21.

³ См.: Спортивный регламент Континентальной хоккейной лиги (утвержден Советом директоров ООО «КХЛ», протокол № 119 от 27 июля 2021 г.), п. 2.3 ст. 41 // Континентальная хоккейная лига – Официальный сайт [Электронный ресурс]. Путь доступа: https://www.khl.ru/documents/KHL_technical_regulations_2023.pdf?ysclid=lrt8mt6s7j455812768 (дата обращения: 25.01.2024).

⁴ См.: Нынешнюю лазейку лучше прикрыть: Кожевников о российском гражданстве для легионеров КХЛ // Чемпионат – Официальный сайт [Электронный ресурс]. Путь доступа: <https://www.championat.com/hockey/news-5176057-nyneshnyuyu-lazejku-luchshe-prikryt-kozhevnikov-o-rossijskom-grazhdanstve-dlya-legionerov-khl.html> (дата обращения: 22.01.2024).

в виде: прав, обязанностей, ограничений, запретов, правовых преимуществ) и содержания (фактического места субъекта в системе социальных связей).

Законодательство нашего времени содержит несколько упоминаний о фиктивных правовых состояниях, образующих впоследствии состав правонарушения. К таковым, например, можно отнести фиктивное банкротство, т.е. заведомо ложное объявление руководителем или собственником коммерческой организации о своей несостоятельности в целях введения в заблуждение кредиторов, для неуплаты долгов и пр.¹

Продемонстрированная ситуация серьезным образом усложняется в случае, если мнимое правовое положение не содержит всех формально-юридических свойств для квалификации состава правонарушения, однако используется все же для латентного нарушения либо игнорирования целей правового регулирования, т.е. в обход закона.

Как известно, юридические фикции являются разумным и адекватным элементом правового воздействия, зачастую единственным способом минимизации правового вакуума. Это позволяет характеризовать их как положительное явление. В свою очередь, фиктивный правовой статус является феноменом негативным, как с научной точки зрения, так и практической.

Если рассуждать с научно-методологических позиций, обозначенных ранее, фиктивный правовой статус отдаляет сущее от должного, дисгармонизирует реальное и правовое положение субъекта. С точки зрения практического воплощения в отношениях, фиктивный правовой статус создает юридическую оболочку для обхода закона, способствует возможности использовать нормативные веления в противоречии с их истинными регулятивными и охранительными целями.

Тенденции современной действительности демонстрируют два вектора приобретения и легализации фиктивного правового статуса, оба из которых направлены в конечном итоге на обход закона:

во-первых, в целях неисполнения (игнорирования) юридических обязанностей;

во-вторых, смягчения, либерализации предусмотренных нормативных ограничений.

В отличие от юридической фикции как общеправового феномена, конструкция фиктивного правового статуса не способствует повышению определенности правового регулирования, а служит элементом его деконкретизации. В классическом варианте юридическая фикция моделирует реальность (например, в случае признания гражданина умершим), что впоследствии служит основанием совершения положительных юридически-значимых действий. В ситуации с фиктивным правовым статусом – данная конструкция отдаляет правовое регулирование от истинных целей, служит негативным стимулом для участников правоотношений, мотивируя на обход закона.

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023), ст. 197 // Собрание законодательства РФ 1996, № 25, ст. 2954; Российская газета 2023, 29 дек.

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Romanovskaya Vera Borisovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Безносова Яна Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Beznosova Yana Victorovna

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: yana_beznosova@jur.unn.ru

Дхарма как наставление и ограничение в праве Древней Индии

Dharma as an instruction and restriction in the law of Ancient India

Аннотация: в статье рассматриваются правовые ограничения, установленные в дхармашастрах для представителей различных варн в Древней Индии. На примере Дхармашастры Ману, Дхармашастры Яджнавалкьи и других шастр показывается механизм регулирования наиболее важных общественных отношений: семейно-брачных, судебно-процессуальных и других для эффективного управления обществом в соответствии с религиозно-нравственными нормами. Подчеркивается ключевая роль религиозной концепции кармы и реинкарнации, лежащей в основе правовой традиции древнеиндийского варно-кастового общества. Поясняется идея дхармы и причины несоответствия ее понятию права.

Ключевые слова: дхарма, дхармашастра, варна, каста, ограничение в праве.

Abstract: The article examines the legal restrictions established in the dharmashastras for representatives of various varnas in Ancient India. Using the example of Dharmashastra Manu, Dharmashastra Yajnavalkya and other shastras, the mechanism of regulation of the most important social relations is shown: society in accordance with religious and moral norms. The key role of the religious concept of karma and reincarnation, which underlies the legal tradition of the ancient Indian varno-caste society, is emphasized. The idea of dharma and the reasons for its inconsistency with the concept of law are explained.

Keywords: dharma, dharmashastra, varna, caste, restriction in law.

Корни такого феномена как право уходят в глубину тысячелетий, в древние обычаи, запреты, табу. Даже в примитивных обществах существовали определенные правила, запрещающие или предписывающие те или иные действия, ритуалы, формы поведения. Можно сказать, что право появилось из запретов и ограничений, нарушение которых влекло за собой негативные последствия.

Когда мы говорим о праве в древних цивилизациях, то употребляем этот привычный для современника термин несколько условно. Критерии, по которым мы относим те или иные запрещающие или рекомендательные правила к «праву» не совсем подходят для древнего мира. Однако, за неимением более подходящих терминов, приходится оперировать дефинициями, пришедшими из латыни более 2000 лет назад и активно введенными в юридический оборот в средние века в каноническом праве, в теологических трактатах римской католической церкви (в том числе термины: дефиниция, теория, выводы, гипотеза, санкция, презумпция и т.п.).

Одной из самых интересных и значимых для развития человеческой цивилизации является древнеиндийская, ее философия, история, право, культура, религии. Для историка права особый интерес представляет полиюридическая природа индийской правовой системы, которая сочетает в себе нормы и институты традиционного индуистского права и светского законодательства независимой республики Индии.

Древнеиндийские нормы, предписывающие определенные правила поведения, с некой натяжкой можно отнести к праву. Однако, совершенно очевидно, что термин «дхарма» как ключевой для понимания индуистского менталитета означает нечто значительно большее. И это справедливо отмечается многими исследователями, в частности отечественными учеными Н. А. Крашенинниковой¹, Г. М. Бонгард-Левин², А. А. Вигасиным³, Н. Р. Гусевой⁴, индийским санскритологом П. В. Кане⁵, немецким ученым-юристом Ю. Йолли⁶, французским правоведом Р. Лэнга⁷, английским востоковедом Д. Дерретом⁸, американским индологом А. Бэшем⁹ и другими.

Термин «дхарма» имеет разное содержание в различных религиозных традициях. Не касаясь буддистской интерпретации, сильно разнящейся с ведической, обратимся к пониманию дхармы в религиях Древней Индии, в частности в брахманизме, преемником которого является современный индуизм.

Термин «дхарма» (от санскритского корня «dhr» – «поддерживать, держать») в зависимости от контекста может означать: «нравственные устои», «норма нравственного поведения», «религиозный долг», «универсальный закон бытия», «вечная истина», «вечный закон бытия». Также под дхармой понимается правило добропорядочного поведения правоверного индуса, исповедующего ведические религии. Таким образом, полнота содержания этого термина несоизмеримо богаче, чем то, что в юридической науке принято называть правом или, тем более, законом. И, тем не менее, не имея другого, более подходящего объяснения нормам, регулирующим наиболее важные общественные отношения в древних индийских княжествах, мы употребляем понятный для нас термин право.

С древних времен общество разных и многочисленных индийских княжеств, которые лишь в середине XIX века, спустя два (три) тысячелетия, были объединены в государство Индия, было разделено на четыре варны, позже внутри каждой варны образовались касты. Каждая варна имела свою дхарму. И в современном индийском обществе сохраняется на уровне традиции указанное деление и представление о дхарме, соответствующей своей варне, касте. В деревнях, отдаленных от крупных городов, сохраняются также и все ограничения, предписанные дхармой. Дхарма – это не только предписание и рекомендация. Дхарма определяет и ограничения, множественные и разнообразные. В сословном обществе, каким являлась Индия с ее варно-кастовой системой, эти ограничения носили, прежде всего, сословный характер. Кроме того, многие ограничения имели возрастной и гендерный характер.

Эти многочисленные и разнообразные ограничения касаются видов деятельности, видов обучения, поведения женщин, мужчин, мужа, жены, детей, возрастные ограничения и др. Это можно увидеть в каждом из источников права, составленных в различные периоды истории страны.

Так, Законы (Дхармашастра) Ману предписывают брахманам (первая варна) не предаваться чувственным удовольствиям, изучать науки, говорить правду, избегать ненависти, беззакония, гордости, гнева, не обижать людей низкого происхождения, избегать приобретения богатства, обуздывать свои речи, руки и чрево, не причинять вреда живым существам¹⁰ (Законы Ману, гл. 4). Для кшатриев, представителей второй варны, дхармашастры предписывают свои особенные черты характера – дисциплина, доблесть, ответственность, храбрость, непривязанность к мирским утехам, честность, исполнение долга. Для вайшиев, третьей варны, устанавливаются более широкие границы допустимого поведения, меньшие ограничения в личном поведении. Вайши могут стремиться к богатству, заниматься бизнесом, давать деньги в рост (что категорически запрещено высшим варнам), к ним не применяются строгие нормы поведения, как к брахманам и кшатриям. Последняя варна – шудры – люди простые, лично свободные, зарабатывающие своим трудом в услужении другим варнам, имели свои права, обязанности

¹ Крашенинникова Н. А. Индуистское право: история и современность. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 25.

² Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985. С. 68.

³ Дхармашастра Нарады / Пер. с санскрита и комментарий А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М.: Восточная литература, 1998. С. 17.

⁴ Гусева Н. Р. Индуизм. История формирования. Культурная практика. М.: Наука, 1977. С. 16.

⁵ Kane P. V. History Of Dharmasastra (Ancient and Medieval Religious and Civil Law). Vol. 1. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1930. P. 48.

⁶ Jolly J. Hindu Law and Custom. Calcutta: Greater Indian Society, 1928. P. 30.

⁷ Lingat R. The Classical Law of India. London: University of California Press, 1973. P. 18.

⁸ Derrett J. Duncan M. Religion, Law and the State in India. London: Faber & Faber, 1968. P. 56.

⁹ Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977. С. 122.

¹⁰ Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 11.03.2024).

и свои ограничения. Например, им запрещалось присутствовать при отправлении священных ритуалов вышестоящими варнами, в том числе слушать чтение священных книг – Вед.

Помимо дхарм, предписанных конкретным варнам, существовали и общие для всех людей правила, в частности «непричинение вреда, правдивость, нестяжательство, чистота, обуздание чувств, щедрость, самообладание, сострадание и терпение – дхармы, должны для исполнения всеми людьми»¹ – провозглашается в одном из важных источников права Древней Индии – Дхармашастре Яджнавалкьи (кн. 1, 123). Наиболее известными «законами», из которых можно узнать о предписаниях и ограничениях, помимо названной выше, являются Дхармашастра Ману², Дхармашастра Нарады³, Дхармашастра Вишну⁴.

Все деяния человека дхармашастры делят на три группы: деяния, имеющие своей первопричиной мысль; деяния, происходящие от речи; деяния, имеющие своим источником тело человека: «В зависимости от того, является ли совершенное деяние “чистым” или греховным, оно может приносить “чистый” или “нечистый” плод, а также влиять на статус человека. Считалось, что греховное деяние, происходящее от мысли – это алчность к чужой собственности, грязные мысли, а греховные деяния, происходящие от слова – это ложь, клевета, оскорбления. Греховными деяниями, происходящими от тела, считались воровство, всякое причинение вреда, прелюбодеяния»⁵.

Греховные деяния, не являющиеся преступлениями, влекут кармические последствия, навлекают ритуальную нечистоту. Дхармашастры перечисляют около 100 видов греховных деяний. Так, человек, желающий хорошей реинкарнации, должен себя удерживать от несправедливых поступков, грубых слов и нечистых мыслей. Такое самоограничение с точки зрения религиозно-правовых предписаний приводило к благоприятной жизни и перерождению в лучших условиях. В Книге 3 Дхармашастры Яджнавалкьи «Искупление грехов» говорится, что именно состояние души влияет на посмертное воздаяние: «Кто думает о чужом добре, размышляет о дурных делах и предается им, рождается в низших кастах... жестокий, алчный, безрассудный, ведущий неподобающий образ жизни, наделенный качеством тьмы появится на свет в состоянии зверей»⁶ (кн. 3, 134).

Но поскольку обычный человек не способен к постоянному самоконтролю и склонен к различным греховным деяниям, то дхармашастры устанавливали внешние ограничения в виде наказаний. «Наказанием весь мир держится в порядке, ибо трудно найти человека безупречного, из страха наказания весь мир предается предписанным ему занятиям»⁷, – установлено в Дхармашастре Ману (гл. 7, 22). Правовые ограничения, накладываемые дхармашастрами, позволяли поддерживать социальный порядок и дисциплину не только карательными мерами, которые не исключались и активно применялись, но и мерами воспитательного характера, имеющими более продуктивное воздействие на население.

Семейно-правовые предписания также имели элементы ограничений. Они были нацелены, прежде всего, на сохранение большой семьи, семейных традиций, рождение и воспитание детей в соответствующей дхарме: «Только тот полноценный человек, кто состоит из трех соединенных лиц: его самого, его жены и его потомства: так говорит Веда – муж с женой составляют единое целое»⁸ (Законы Ману, гл. 9, 45).

Большой нормативный материал, позволяющий понять особенности семейно-брачных отношений в древнеиндийском обществе, содержится в главах 3 и 9 Дхармашастры Ману, где акцентируется базовый принцип несмешения варн, главенствующее положение мужчины-мужа и отца в большой многодетной и многосоставной семье в исследуемый период времени. «День и ночь женщины должны находиться в зависимости от мужчин своего семейства. Отец охраняет ее в детстве, муж охраняет в молодости, сыновья охраняют в старости»⁹ (Законы Ману, гл. 9, 2). С одной стороны, законы

¹ Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М.: Восточная литература, 1994. С. 37.

² Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 11.03.2024).

³ Дхармашастра Нарады / Пер. с санскрита и комментариев А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М.: Восточная литература, 1998. 256 с.

⁴ Вишну-смрити / Пер. с санскр., преисл., коммент. и прил. Н. А. Корнеевой. М.: Восточная литература, 2007. 421 с.

⁵ Безносова Я. В. Дхармашастры Ману, Яджнавалкьи и Нарады как источники нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии II в. до н. э. – V в. н. э. (историко-правовое исследование): дисс... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 141.

⁶ Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М.: Восточная литература, 1994. С. 104. С. 93.

⁷ Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁸ Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁹ Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 11.03.2024).

устанавливают принцип взаимной верности и взаимного уважения супругов, но, с другой стороны, допускаются многочисленные отклонения от него со стороны мужчины при наличии тех или иных обстоятельств. Дхармашастра Ману указывает на шесть причин падения женщин: «Употребление спиртных напитков, общество дурных людей, оставление мужа, бродяжничество, сон не вовремя и проживание в чужих домах...»¹ (Законы Ману, гл. 9, 13). Для мужчины, независимо от того, к какой варне он принадлежит, подобные ограничения не установлены. Однако в этом случае действует дхарма его варны, запрещающая или предписывающая то или иное поведение.

Правовые ограничения прослеживаются ярко в нормах, регулирующих судоустройство и судопроизводство. Все дхармашастры в большей или меньшей степени посвящены этим вопросам. Значительный по объему материал содержится в Дхармашастре Нарады. Он касается непосредственно судебного разбирательства, вопросов судоустройства, оценки свидетельских показаний, качеств свидетелей, порядка выступления свидетелей, видов вещественных доказательств, кармической ответственности царя и судей за вынесение несправедливого приговора.

Таким образом, говоря об ограничениях в праве, можно редуцировать проблему до правовых ограничений и рассматривать дхармический материал под таким углом зрения. Тогда любые уголовно-правовые, административно-правовые и другие запрещающие или императивные нормы могут интерпретироваться в указанном аспекте. В древних государствах это прослеживается достаточно ярко в законодательстве и правоприменительной практике.

¹ Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения: 11.03.2024).

Румянцев Федор Полиектович

доктор юридических наук, профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Rumyantsev Fedor Poliektovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Labor and Environmental Law, Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: odo-328@mail.ru

О некоторых субъектно-объектных ограничениях в земельном праве Российской Федерации

On some subject-object restrictions in land law of the Russian Federation

Аннотация. В статье анализируются ограничения, императивно предписанные в положениях законов и подзаконных актов, регулирующих земельные правоотношения в части установления запретов на приобретение на праве собственности иностранными субъектами земельных участков, расположенных в приграничных территориях Российской Федерации как законодательное исключение таких участков из гражданского оборота, а также оптимизация размеров сосредоточения земельного ресурса как средства производства в границах одного муниципального района. Обосновывается предложение об изменении действующих предельных размеров сосредоточения земельной собственности в одних руках в целях обеспечения создания условий для развития конкуренции среди товаропроизводителей продуктов жизнеобеспечения.

Ключевые слова. субъекты и объекты землепользования, ограничения, предельные размеры, право собственности на землю, сельхозугодья, антимонопольные нормы.

Annotation. The article analyzes the restrictions imperatively prescribed in the provisions of laws and by-laws regulating land relations in terms of establishing prohibitions on the acquisition of land plots by foreign entities located in the border territories of the Russian Federation as a legislative exclusion of such plots from civil circulation, as well as optimization of the size of the concentration of land resources as a means of production within the boundaries of one municipal district. The proposal to change the current maximum sizes of land ownership concentration in one hand is substantiated in order to ensure the creation of conditions for the development of competition among producers of life support products.

Keywords. subjects and objects of land use, restrictions, maximum sizes, land ownership, farmland, antimonopoly norms.

Одним из наиболее острых вопросов, послуживших главной причиной столь длительного непринятия Земельного кодекса Российской Федерации (кодекс приняли спустя 10 лет с начала земельной реформы) был связан с правами иностранных лиц на землю. Общерыночные преобразования российской экономики предполагали предоставление самых широких правомочий иностранным инвесторам на земельные ресурсы. Государственная политика начала 90-ых годов основываясь на ускоренном переходе к рыночным механизмам производственных отношений, в том числе и в аграрном секторе и была ориентирована на формирование для иностранных субъектов хозяйственных правоотношений законодательных дозволений по передаче им российских земель для ведения инвестиционной деятельности. Следует отметить, что в тот исторически переломный момент для развития Российской Федерации большинству депутатского корпуса Государственной Думы удалось противостоять многочисленным попыткам представителям либеральных сил и добиться закрепления в предлагаемых к принятию проектах кодифицированного закона запрета на приобретение в собственность нерезидентами Российской Федерации земельных ресурсов, примыкающих к государственной границе Российского государства, а также закрепления в принятом 24 июля 2002года Федеральном законе № 101 «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее по тексту – закон об обороте) предписания, исключающего правовую возможность указанным субъектам приобретать сельскохозяйственные участки в собственность, в том числе, в случаях вступления в наследство на имущество наследодателей, которые были наделены правом собственности на земельные

доли из состава сельхозугодий как субъекты проводимой аграрной реформы¹. После смерти указанных наследодателей их дети в части наследования земельной доли в праве общей собственности на земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения не имеют право сохранить за собой указанную часть наследственной массы на праве собственности. Закон об обороте предписывает продать принятую в собственность земельную долю как часть наследственной массы в годичный срок от даты государственной регистрации перехода права собственности, если же в отведенный срок наследники не смогут исполнить императивное предписание по причине ее неликвидности или иной причине, то роль покупателя в силу прямого предписания закона об обороте переходит на Правительство субъекта Федерации, в границах которого располагается наследуемая земельная доли или земельный участок, если наследники решили произвести образование такого участка в счет выдела наследуемой доли из общедолевого земельного участка². При этом следует указать на отличия в правовой судьбе наследуемого приусадебного земельного участка, который закон разрешает сохранить за наследником-иностранцем на праве собственности наравне с иным имуществом, входящим в состав наследственной массы родительского домовладения.

Запрет на приобретение на праве собственности сельскохозяйственных земель распространяется не только на иностранных граждан, но также действует и для иностранных юридических лиц, лиц без гражданства, а также юридических лиц, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства превышает 50 процентов. Законодательный запрет в отношении нерезидентов Российской Федерации на обладание правом сельскохозяйственного землепользования, безусловно, следует признать оправданным, поскольку они исключают предпосылки возникновения споров в случаях возникновения различных притязаний с их стороны. Особенно актуальным данное законодательное ограничение становится в условиях усиливающихся международных экономических санкций, предпринимаемых коллективным Западом под руководством США против Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции.

В отношении наследуемой земельной доли из состава земель сельскохозяйственного назначения Федеральным законом от 29.12.2022 №639-ФЗ были приняты новеллы, согласно которым закон об обороте был дополнен новой ст.19.3, установившей особенности оборота не востребовавшихся земельных долей, предусматривающая императивную норму для случаев, если наследники (включая и тех лиц, которые приняли иностранное гражданство) длительное время (в течении трех лет с момента открытия наследства) не вступают в наследство, то органы местного самоуправления наделяются правомочием на включение таких долей в список не востребовавшихся и без обращения в суд передавать их с 1 января 2025 года в муниципальную собственность³. Данный законодательный подход следует признать продуктивным, хотя и несколько запоздалым, поскольку именно неунаследованные земельные доли составляют основную часть заросших лесной древесно-кустарниковой растительностью существенных по размерам площадей земельных угодий, которые де-факто продолжают относиться к сельхозугодьям, а де-юре являются лесными землями. О необходимости принятия подобного законодательного решения высказывалось предложения на страницах юридической литературы, в частности предлагалось установить в ст.1151 ГК РФ ограничительный срок для принятия в наследство земельной доли в течение трех лет с момента его открытия⁴.

Наряду с ограничением субъектного состава на правообладание землями сельскохозяйственного назначения законодатель предусмотрел и ряд ограничительных мер по площади их приобретения «в одни руки». Согласно ч.2.ст.4 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предельный максимальный размер приобретения земельных ресурсов устанавливается непосредственно субъектами Федерации. При этом федеральный законодатель определил для региональных представительных органов государственной власти минимальный ограничительный предел для такого установления не менее 10 процентов от общей площади сельскохозяйственных земель в пределах границ муниципальных образований. По своей природе данная ограничительная норма призвана выполнять антимонопольную функцию, обеспечивая создание базовых условий для развития конкуренции между

¹ Воронина Н.П. Правовое регулирование оборота земель сельскохозяйственного назначения [Текст]/Н.П.Воронина// Актуальные проблемы теории земельного права России: коллективная монография / под общ. ред. А.П.Анисимова.-М.: Юстицинформ,2020.- С.556-573.

² Анисимов А.П., Резванова Л.А., Смирнская Е.В. К вопросу о признании права на земельный участок // Современное право. 2023. N 3. С. 74 - 80.

³ Липски С.А. «Позиционирование» Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», суть изменений, внесенных в него за 20 лет его действия. В сборнике: Социально-экономические и правовые последствия принятия федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Сборник материалов международной научно-практической конференции (к 20-летию вступления в силу указанного Закона). Сост. С.А.Липски, А.В.Фаткулина. Москва,2023.С.166-174.

⁴ Румянцев Ф.П. О некоторых новеллах нотариального законодательства и перспективах информационного взаимодействия нотариата с органами местного самоуправления по наследованию выморочного имущества// Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.2019.;2.С.124-127 .

сельхоз-товаропроизводителями, обладающие земельными ресурсами как главным средством производства в указанных пределах. Следует отметить, что подход к установлению предельных размеров от рекомендованных федеральных ограничений в субъектах Федерации отличается существенным образом – от минимальных десяти до максимальных пределов в девяносто и более процентов. Исходя из целеполагания по обеспечению данной ограничительной нормой достижения публичных интересов в формировании конкурентной среды между сельхоз-товаропроизводителями, позволяющей сдерживать рост цен на главные продукты жизнеобеспечения считаю возможным рекомендовать федеральному законодателю пересмотреть установленную регулятивную величину в пользу развития конкуренции, изменив ограничительный предел действующей редакции ч.2.ст.4 закона об обороте на «не более 10 процентов». Считаю, что предлагаемая рекомендация позволит гарантированно обеспечить исключение возможности появления крупных землевладельцев, способных сосредоточить в своей земельной собственности преобладающие площади сельхозугодий и, обладая доминирующим положением среди товаропроизводителей, диктовать цены на базовые продовольственные продукты для населения страны. Данная законодательная инициатива особенно актуальна в современных условиях ведения специальной военной операции, когда государство не может не обеспечить страну собственным продовольствием.

Скоробогатов Андрей Валерьевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Skorobogatov Andrey Valerievich

Doctor of Historical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

E-mail: av.skorobogatov@mail.ru

Ограничение исторической памяти в мемориальном законодательстве

Demarcation of historical memory in memorial legislation

Аннотация. Мемориальное законодательство как система нормативных правовых актов, регулирующих и охраняющих официальную интерпретацию дат, имен и событий прошлого и артикулирующих не только нормативные, но и ценностные основы коммеморативных практик, выступает в качестве специфической формы правового ограничения. Оно призвано, воздействуя на сознание и поведение участников правового взаимодействия установить фреймы исторической памяти, которые представляют собой обеспеченное принудительной силой государства пространство разрешенного/запрещенного поведения субъектов права.

Ключевые слова. мемориальное законодательство, правовое ограничение, историческая память, демаркация, фреймы памяти, аксиология права.

Annotation. Memorial legislation as a system of normative legal acts that regulate and protect the official interpretation of dates, names and events of the past and articulate not only the normative, but also the value foundations of commemorative practices, acts as a specific form of legal restriction. It is intended, by influencing the consciousness and behavior of participants in legal interaction, to establish frames of historical memory, which represent the space of permitted/prohibited behavior of subjects of law provided by the coercive force of the state.

Keywords. memorial legislation, legal restriction, historical memory, demarcation, memory frames, axiology of law.

Современная правовая реальность как в мире, так и в России характеризуется противостоянием двух нарративов. С одной стороны, процесс глобализации, напрямую воздействуя на все сферы жизни, ориентирует на унификацию и универсализацию правовых взаимодействий обществ с различными национальными культурами. С другой стороны, на фоне осознания обществом своей культурной уникальности происходит усиление национальной идентификации, осуществляемой не только социокультурными средствами, но и правовыми, которые позволяют придать этому процессу не только легитимный, но и легальный характер. При этом происходит разграничение «своего» и «чужого», приобретающих благодаря юридизации свойства правильного (правомерного) и неправильного (неправомерного). Несмотря на значимость первого нарратива для общемирового развития, национальный правовой дискурс все больше склоняется к конструированию конституционной идентичности.

Важнейшей частью конституционной идентичности является историческая память¹. Господствующая в обществе интерпретация прошлого выступает при этом не только ценностной основой конструирования современной социальной и правовой реальности, но и подчеркивает его преемственность с предыдущими социальными и политическими образования предков, активно используя для этого средства памяти². Особенно актуализируется этот процесс в условиях противостояния экзистенциальным угрозам, примером которых является ведущаяся против России

¹ См. подробнее: Скоробогатов А. В. Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ // История государства и права. 2021. № 9. С. 3-10. DOI: 10.18572/1812-3805-2021-9-3-10.

² Assmann Ja. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Assmann Ja., Hölscher T. (Hrsg.) Kultur und Gedächtnis. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. S. 9-19.

«гибридная война»¹. В этих условиях закрепление в Конституции РФ² категорий «историческая правда» и «память предков» служит не только средством указания на особую роль государства в конструировании и сохранении исторической памяти, обеспечивающей преемственность российского государства и общества с основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях жизнью предков³, но и определяет интенцию интерпретации этого явления в нормативном массиве.

Вербальной экспликацией исторической памяти становится мемориальное законодательство⁴, целью которого является определение фреймов памяти: официальной интерпретации имен, дат и событий прошлого, отражающих, закрепляющих и нормирующих наиболее значимые для социума исторические факты, необходимые не только для аксиологической, но и онтологической консолидации общества и выступающие маркером идентичности. Если в недемократическом государстве эти фреймы являются результатом воли политической элиты и их распространение в обществе артикулировано средствами принуждения, то в демократическом обществе они выступают легитимной экспликацией социальной интерпретации истории. Конвенциональность конструирования памяти обуславливает отражение в ней intersubjectивной интерпретации событий, явлений и лиц прошлого⁵ как необходимого средства борьбы с историческими фальсификациями⁶ и обеспечения национальной безопасности.

Это определяет направления воздействия мемориального законодательства на сознание и поведение субъектов права. Во-первых, благодаря законодательному нормированию, в сознании субъекта права конструируются пределы ценностных ориентаций интерпретации и репрезентации прошлого, которые можно рассматривать как специфичную форму аксиологической константы, определяющей общее направление и содержание исторической идентификации социума⁷. Речь при этом идет как о гражданах - лицах, принадлежащих к данному социуму в силу рождения и получающих необходимую информацию в процессе правовой социализации, так и о неофитах, приобретающих гражданство в сознательном возрасте. Последние, чтобы подчеркнуть свою идентификацию, должны освоить минимально необходимый набор знаний по языку, истории и основам законодательства и принести присягу, подтверждающую готовность принять эти знания в качестве ценностной установки и готовность действовать на их основе (п. 1 ст. 21 Федерального закона «О гражданстве РФ»⁸). Во-вторых, вербализованные фреймы памяти, как ценностные маркеры поведения индивида и социальных групп, определяют вектор и устанавливают границы коммеморативных практик, направленных на мнемоническое воспроизводство истории и артикулирующих в социуме чувство сопричастности не только к настоящему, но прошлому, хотя при этом большую роль играют стратегии коммеморации⁹ (героическая или трагическая). Если в первом случае, актуализируется преемственность с подвигами

¹ Бараш Р. Э., Петухов Р. В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 147-175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

³ См. подробнее: Киринос И. Д. Историческая память как категория конституционного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. № 1. С. 99-106. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-1-99-106.

⁴ В научной литературе для обозначения данного понятия используются два термина «законодательство (законы) о памяти» (См. напр.: Костенко Ю. В. Политика памяти о гражданской войне в документах современных испанских партий (2007-2021) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 4. С. 239-250. DOI 10.15688/jvolsu4.2022.4.21) и «мемориальное законодательство (законы)» (См. напр.: Семенников А. Г., Задорожная И. В. Мемориальное законодательство России: теория и практика // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 66-70). Нам представляется, что данные понятия будучи разными переводами категории «memory laws», используемой в англоязычной историографии (См. напр.: Korosov N. Memory Laws. Memory Wars. The Politics of the Past in Europe and Russia. New York: Cambridge University Press, 2018. 321 p.) можно рассматривать как синонимичные для обозначения всей совокупности нормативных правовых актов, регулирующих фреймирование исторической памяти в пределах определенного государства.

⁵ Живой А. С. Компоненты конструирования социальной памяти // Социально-гуманитарное знание. 2017. № 7. С. 222-228.

⁶ Ореховская Н. А. Историческая политика как форма борьбы с фальсификацией истории // Философия. История. Образование. 2023. № 3(9).

⁷ Cornoldi C., de Beni R. Memory for discourse: Loci mnemonics and the oral presentation effect // Applied Cognitive Psychology. 1991. Vol. 5(6). P. 511-518. DOI: 10.1002/acp.2350050606.

⁸ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3215.

⁹ Asavei M.-A. Towards Inclusive Mnemonic Communities: Re-Visiting Violent Pasts through the Lens of Artistic Memory in Eastern Europe // Acta Musei Napocensis. Historica. 2021. Vol. 58. P. 343-347.

предков и формируется ориентация на аналогичные действия, то во втором, напротив, речь идет о признании либо вины за деяния предков, либо о разделении с ними своей виктимности¹.

Мемориальное законодательство связано с определением пространства исторической памяти, активно используя для этого методологию правового ограничения. С одной стороны, в идее ограничения находит отражение то, что мемориальному законодательству имманентно присуще установление пределов свободы правовой коммуникации, предполагающее определение границ действия субъектов и их удержание в этих границах правовыми средствами. С другой стороны, мемориальное законодательство выступает в качестве средства устранения произвола и урегулирования общественных отношений ретроспективного характера, выполняя существенную роль для установления и поддержания правопорядка, для защиты признаваемых и охраняемых законодательством традиционных духовно-нравственных ценностей. При этом мемориальное законодательство одновременно устанавливает границы правового взаимодействия и регулирует действия субъекта в этих пределах, что позволяет говорить о фреймировании не только историко-правовой реальности, но и современного правовой системы.

Фреймы исторической памяти, закрепленные в мемориальном законодательстве, артикулируют пространство разрешенного/запрещенного поведения и обеспечивают принудительной силой государства его охрану. С этим связано нормативное установление позитивных обязанностей по интерпретации и репрезентации исторической памяти социума, а также исключение определенных возможностей в их правовой коммуникации и изъятие из их правового статуса, необходимые для удовлетворения индивидуальных и коллективных интересов субъектов и (или) публичных интересов, охраняемых государством. Последнее предполагает установление запретов на интерпретацию и репрезентацию в коммеморативных практиках идей и символов, противоречащих политике памяти и могущих рассматриваться в качестве средства разрушения социальной идентичности и угрозы национальной безопасности.

Характер установленных мемориальным законодательством фреймов исторической памяти позволяет рассматривать их в качестве правовых ограничений в сознании и поведении субъектов права, призванных сконструировать ценностные ориентиры правомерного поведения, в дальнейшем воплощающиеся в конкретных деяниях участников правового взаимодействия. Специфичность этих фреймов предполагает интерпретацию правовых ограничений в широком смысле², включая в них не только запретительные, но и обязывающие нормы. Главным при этом является цель правового регулирования, детерминированная необходимостью нормативно определить ценностные пределы правовых действий субъекта в определенной области правового взаимодействия.

Установление пределов, содержания и вектора правового взаимодействия, осуществляемое мемориальным законодательством, опосредовано двумя целями. Первая цель детерминирована необходимостью обеспечения высокой эффективности его функционирования и связана с конструированием исторической памяти как необходимого условия консолидации и эволюции социума нормативными средствами. Вторая цель опосредована стремлением к урегулированию и (или) профилактике конфликтов в исторической политике, выступающей в нашей стране целенаправленным средством государственной деятельности по конструированию коллективных представлений о прошлом³. При этом мемориальное законодательство ориентируется не столько на профессиональное правосознание, сколько на обыденное. С этим связана интерпретация традиционных духовно-нравственных ценностей как элемента обеспечения национальной безопасности, понимаемой в широком смысле и рассматриваемой в контексте удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей человека. Данная интерпретация была закреплена в Стратегии национальной безопасности⁴ (ст. 11, 25) и конкретизирована в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵ (ст. 4, 5).

Мемориальное законодательство предполагает демаркацию границ интерпретации и лимитирование правомерного отношения к событиям прошлого и их репрезентации в коммеморативных практиках пространственно, темпорально и субъектно.

¹ Скоробогатов А. В. 2.4. Законодательство как элемент правовой культуры: фреймы национальной памяти // Право в культурном измерении: новые векторы развития: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2023. С. 145-161.

² Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. С. 67.

³ См. подробнее: Дорская А. А., Пашенцев Д. А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 5-15. DOI: 10.12737/jflcl.2021.061.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (Ч. 2). Ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

Во-первых, мемориальное законодательство ограничивает пространство исторической памяти. Пространственные пределы памяти определяются исторической территорией государственных образований, правопреемство с которыми имеет значение для конституционной идентичности. Так, новеллы Конституции РФ, провозгласившие признание наряду с «исторически сложившимся государственным единством» «преемственность в развитии российского государства, что можно рассматривать не только в контексте официального правопреемства с предыдущими формами государственности на территории нашей страны, но и признание их исторически сложившихся границ (ч. 2 ст. 67.1), хотя и были приняты в 2020 г., но эксплицируют традиционные для россиян пространственные пределы памяти. В качестве развития этой идеи можно рассматривать положения Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»¹, в котором упоминается ряд исторических событий, происходивших на территории, которая исторически являлась российской, но в настоящее время находится за пределами Российской Федерации, например, «10 июля - День победы русской армии под командованием Петра Первого над шведами в Полтавском сражении (1709 год)» (ст. 1).

Во-вторых, мемориальное законодательство ограничивает время исторической памяти «тысячелетней историей России», начиная ее с Крещения Руси (988 г.) и заканчивая Днем воссоединения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области с Российской Федерацией (2022 г.) (ст. 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»).

В-третьих, в качестве общего субъекта исторической памяти мемориальное законодательство устанавливает граждан России. Это связано с конституционными положениями о «многонациональном народе Российской Федерации», «соединенного общей судьбой на своей земле» и «чтящего память предков» (Преамбула). Данную категорию в этом контексте можно рассматривать не только юридически как лиц, обладающих российским гражданством, но и ценностно как совокупность лиц, идентифицирующих себя принадлежащими к россиянам, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности и строящие свое правовое поведение на основе их воспроизводства. Специальным субъектом мемориального законодательства выступают отдельные социальные группы, по отношению к которым устанавливаются принципы и порядок участия в коммеморативных практиках. Примером может служить введение в школах церемонии поднятия государственного флага России, которая не только имеет символическое значение для идентификации российских граждан, но и «является важнейшим элементом приобщения к российским духовно-нравственным ценностям, культуре и исторической памяти» (Введение к Методическим рекомендациям «Об использовании государственных символов Российской Федерации при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления»²). К специальным субъектам мемориального законодательства также можно отнести ряд категорий российских граждан, имеющих определенные правовые преференции в силу своего статуса, связанного с участием в событиях, имеющих мемориальное значение для России. Примером таких категорий могут служить ветераны Великой Отечественной войны (ст. 2 Федерального закона «О ветеранах»³) и граждане, пострадавшие в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также в результате других радиационных или техногенных катастроф (абз. 8 ст. 2 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в РФ»⁴). Речь при этом идет не только о социальной политике государства, но и об установлении закрытого перечня социальных групп, пользующихся социальными льготами в силу именно мемориального их значения, что позволяет персонализировать коммеморативные практики.

Таким образом, мемориальное законодательство устанавливает фреймы правового поведения индивида по интерпретации исторической памяти, выступая при этом специфичной формой экспликации правовых ограничений. Речь идет не только об ограничении прав и свобод человека в ретроспективных взаимодействиях, но и установлении запретов на деструктивную интерпретацию и репрезентацию имен, дат и событий прошлого как вербально и функционально, так и символически. Осуществляемое при этом законодательное определение аксиологических констант и юридических пределов коммеморативных практик артикулирует вектор и содержание правовой коммуникации в сфере интерпретации и репрезентации исторической памяти.

¹ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 28.09.2023) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 13.03.1995. № 11. Ст. 943.

² Письмо Минпросвещения России от 15.04.2022 № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации» (вместе с «Методическими рекомендациями "Об использовании государственных символов Российской Федерации при обучении и воспитании детей и молодежи в образовательных организациях, а также организациях отдыха детей и их оздоровления"») // Вестник образования России. 2022. № 13 (Июль). С. 12-40.

³ Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. 16.01.1995. № 3. Ст. 168.

⁴ Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.12.2001. № 51. Ст. 4831.

Толстик Владимир Алексеевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Tolstik Vladimir Alekseevich

doctor of law, professor, honored lawyer Russian Federation, honored worker of professional higher education of the Russian Federation, head of the department of the theory and history of state and law of the Nizhniy Novgorod academy of the Russian Ministry of internal affairs

E-mail: tolstikva@mail.ru

Правовые стимулы и правовые ограничения: парные ли категории?

Legal incentives and legal restrictions: are the categories paired?

Аннотация: В статье на основе диалектического, формально-логического, лексического и формально-юридического анализа предпринята попытка дать ответ на вопрос, являются ли правовые стимулы и правовые ограничения парными категориями? В результате проведенного исследования делается вывод о том, что вышеуказанные понятия не являются соотносимыми, а в качестве парных категорий корректнее рассматривать «правовое стимулирование» и «правовое сдерживание» – с одной стороны, и «правовое ограничение» и «правовое расширение» – с другой.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовой стимул, правовое ограничение, правовое сдерживание, правовое расширение.

Abstract: Based on dialectical, formal-logical, lexical and formal-legal analysis, the article attempts to answer the question, are legal incentives and legal restrictions paired categories? As a result of the conducted research, it is concluded that the above concepts are not correlated, and it is more correct to consider "legal stimulation" and "legal deterrence" as paired categories on the one hand, and "legal restriction" and "legal expansion" on the other.

Keywords: legal regulation, legal incentive, legal restriction, legal deterrence, legal expansion.

В юридической науке проблеме правовых ограничений, причем как на уровне общей теории государства и права, так и в рамках отраслевых юридических дисциплин, уделяется немало научного внимания. Защищены десятки докторских и кандидатских диссертаций, проведено большое количество научных конференций, в том числе международного уровня, опубликованы монографии и учебные пособия, изданы научные статьи. Тем не менее, ни состояние теоретического осмысления, ни существующий опыт практической реализации данного правового феномена нельзя признать удовлетворительным. Несмотря на столь высокий научный интерес к данной проблематике в доктрине, остается немало спорных, не до конца решенных вопросов. В их числе вопросы как общеметодологического плана, так и те, которые имеют явно выраженный прикладной характер (основания, цели, формы, пределы ограничения прав и свобод человека и другие).

В качестве одной из ключевых причин этого называется отсутствие в правовой науке, правоприменительной практике общепринятого (единообразного) подхода к формулированию основополагающей терминологии, в том числе и такого понятия, как ограничение прав и свобод¹. С такой оценкой следует согласиться, поскольку наличие адекватного понятийно-категориального аппарата является непременным условием научно-обоснованного отражения действительности.

В настоящей статье на основе диалектического, формально-логического, лексического и формально-юридического анализа будет предпринята попытка дать ответ на сформулированный в названии статьи вопрос.

В качестве базовых методологических оснований мы будем опираться на диалектический закон единства и борьбы противоположностей и определение парных категорий, сформулированное в широко известной работе А. М. Васильева «Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы

¹ Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Справочная система «Гарант».

категорий теории права»¹. В ней он писал: «как парные категории, очевидно, следует рассматривать лишь такие соотносимые понятия, которые отражают взятые с точки зрения единой основы противоположные проявления ее сущности, позитивные и негативные стороны одного процесса. Через подобные парные категории логически раскрывается развитие, движение сущности и ее проявления»². По мнению автора, они не являются соподчиненными, их объемы не пересекаются. В то же время каждая из таких категорий «фиксирует наличие несомненных связей и зависимостей между выражаемыми ими правовыми явлениями»³.

С конца прошлого века в отечественной юридической науке правовые ограничения рассматриваются в паре с правовыми стимулами. Эта идея обоснована в докторской диссертации А. В. Малько «Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект)»⁴. Рассматривая правовое регулирование как разновидность управленческого процесса, А. В. Малько пришел к выводу, что оно может осуществляться только с помощью двоичности информации, выраженной в соответствующих стимулах и ограничениях. При этом под правовыми стимулами («пряниками») предлагается понимать правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования. Правовые ограничения («кнутом») определяются как правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите. Таким образом, стимул рассматривается как побудительный фактор, а ограничение – сдерживающий⁵.

Представленный подход в правовой доктрине, причем и в общетеоретической и отраслевой, получил широкое распространение. По сути, на сегодняшний день он является доминирующим. Критические оценки, если и имеют место, то касаются по большей части не сути анализируемых явлений, а масштабов, комплексности их исследования. Так, по мнению В. Н. Карташова, «в отечественной юридической литературе сложилось не совсем верное представление о понятии и видах ограничений, в том числе и правовых. Как в теоретической, так и отраслевых науках в основном речь идет о факторах, которые призваны устранить (снизить, предупредить и т. п.) отрицательную мотивацию и негативную активность субъектов (Подробнее об этом см.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. Саратов, 1994. С. 53 и след.). Это слишком узкий подход к проблеме. По нашему глубокому убеждению, комплексный подход к соответствующим факторам требует анализа не только «негативных средств» (запрещающих правовых предписаний, мер наказания и т.п.), но и «позитивных средств» (например, принципов права, управомочивающих и рекомендательных предписаний), которые лимитируют поведение людей, их коллективов и организаций, определяют границы и рамки их активности»⁶.

С нашей точки зрения, дело не только в том, что подход А. В. Малько в указанном аспекте является узким (в этом аспекте следует согласиться с В. Н. Карташовым), гораздо важнее другое. Рассматриваемый подход, как представляется, не в полной мере соответствует сути рассматриваемых явлений. Не ставя под сомнение методологическую обоснованность использования в правовых исследованиях идеи двоичности правовой информации, позволим себе не согласиться с обоснованностью рассмотрения правовых стимулов и правовых ограничений в качестве парных категорий.

Аргументируем свою позицию следующим образом. Прежде всего следует обратиться к словарным значениям исходных понятий. Слово стимул (stimulus) имеет латинское происхождение. Изначально им называлась остроконечная палка, которой погоняли животных, стрекало. В более широком смысле стимул – это побуждение к действию, побудительная причина⁷. Стимулировать – значит побуждать к действию. Если при этом принять во внимание, что побуждать к действию можно не только «пряником», но и «кнутом», что прямо следует из этимологического значения слова «стимул», то уже по этой причине возникает сомнение в обоснованности рассмотрения понятия «правовое ограничение» в качестве парной для категории «правовой стимул». Это не соотносимые понятия. Парной категорией для последней будет понятие «правовое сдерживание», которое представляет собой не что иное, как побуждение к бездействию. Здесь мы имеем типичный пример проявления двоичности информации: стимулирование действия – сдерживание действия.

¹ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: «Юридическая литература», 1976.

² Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: «Юридическая литература», 1976. С. 244.

³ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: «Юридическая литература», 1976. С. 245.

⁴ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): дисс... докт. юрид. наук. Саратов, 1995.

⁵ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М.Н. Марченко. Том. 2. Теория права. М., 1998. С. 483–505.

⁶ Карташов В. Н. О системном и ситуационном подходах к проблеме ограничений прав человека // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Н. Новгород, 1998. Ч. 1. С. 43–44.

⁷ См.: Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. М., 2006. С. 632.

Диалектическое единство стимулирования и сдерживания состоит в их мотивирующем, побудительном воздействии, различие проявляется в разнонаправленности воздействия. Одно побуждает к действию, другое – бездействию. При этом для побуждения как к активному, так и к пассивному варианту правового поведения может использоваться различный арсенал правовых средств (дозволения, позитивные обязывания, запреты и другие). При этом в зависимости от объема предоставляемого блага соответствующее правовое средство может побуждать и к действию, и к бездействию. Так, высокий размер заработной платы в той или иной отрасли, сфере, организации (органе) будет стимулировать приход в нее работников, а низкий, наоборот, влечь за собой увеличение некомплекта.

Лапидарно правовое стимулирование можно определить как правовое побуждение к тому или иному варианту правового поведения. При этом необходимо обратить внимание на то, что право (правовые предписания) могут побуждать как к правомерному поведению, так и к неправомерному. Понятно, что при разумном правовом регулировании право побуждает прежде всего к законопослушному поведению. Однако нельзя полностью исключать и иные, противоположные ситуации. Достаточно напомнить известное изречение «хотели как лучше, а получилось как всегда». Не случайно в деликтологии наряду с иными социальными причинами правонарушений выделяют и собственно правовые, имея в виду те ситуации, когда отдельные правовые предписания выступают в качестве непосредственных детерминант тех или иных правонарушений.

Правовое сдерживание – это правовое побуждение к воздержанию от того или иного поведения в сфере права. Это побуждение к бездействию. Здесь, как и в случае с правовым стимулированием, нормой будет являться побуждение к правомерному бездействию (соблюдению запретов или неиспользованию субъективных прав), а исключением – побуждение к неправомерному бездействию (неисполнению юридических обязанностей).

В силу сказанного логично выделять такие парные категории как правовое стимулирование и правовое сдерживание.

Термин «ограничивать» в словарях русского языка означает «стеснить определенными условиями, поставить в какие-то рамки, границы»¹ «лимитировать, свести к чему-то (возможности, сферу деятельности и т. п.), сузить (возможности, права и т. п.), ущемить, поставить в рамки, поставить предел чему-либо»²; «поставить в какие-нибудь рамки, границы, определить какими-нибудь условиями, а также сделать меньше, сократить охват кого-чего-нибудь»³.

Представленные значения позволяют сделать вывод, что ограничение может пониматься как процесс уменьшения, сокращения, лимитирования, сужения границ чего-либо, так и результат этого процесса – сами границы, в пределах которых субъекты могут действовать. Парной категорией ограничения как процесса будет категория расширения, увеличение границ. В данном случае мы также имеем типичный пример проявления двойности информации: уменьшение границ – увеличение границ.

Применительно к сфере правового регулирования логично выделять два разнонаправленных процесса: правовое ограничение и правовое расширение. Правовое ограничение как процесс – это уменьшение, лимитирование правовых возможностей. Правовое ограничение как результат – установленные в праве границы, в пределах которых субъекты права могут действовать. Правовое расширение – увеличение правовых возможностей и соответствующий этому процессу результат.

Приведенные выше положения дают немало оснований для того, чтобы поставить под сомнение обоснованность рассмотрения правовых ограничений через понятие «сдерживание неправомерного поведения». У них иное функциональное предназначение.

Вместе с тем, аргументацию необходимо дополнить. Представляется, что определяющее значение в данном случае имеют способы правового регулирования, используемые законодателем для решения различных задач правовой регламентации, в том числе правового ограничения и правового расширения. Так, установление запретов, отмена прав, возложение обязанностей влечет за собой правовое ограничение, поскольку во всех приведенных случаях происходит уменьшение правовых возможностей субъектов права. Вполне очевидно, что первые два способа применительно к правовому ограничению не нуждаются в каком-либо пояснении. Здесь все предельно ясно. Новые запреты лишают субъектов права свободы действовать в отношении тех или иных вариантов поведения. Отмена (сокращение) ранее действовавших прав тоже пропорционально уменьшает правовые возможности. Сложнее дело обстоит с позитивными обязываниями. Установление новых обязанностей для каждого субъекта означает лишение его легальной возможности бездействовать, поскольку неисполнение обязанности есть не что иное, как правонарушение.

Каков инструментарий правового расширения? Полагаем, что решение этой задачи обеспечивается посредством снятия (сокращения) запретов, наделения дополнительными правами и отменой (уменьшением объема) обязанностей.

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 357.

² См.: Словарь синонимов русского языка. М., 1986. С. 305.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999. С. 444.

Теперь посмотрим, каким образом правовое ограничение и соответствующий ему инструментарий коррелирует с правовым стимулированием и правовым сдерживанием. Зададимся вопросом, может ли установление запретов, отмена прав и возложение обязанностей, то есть правовое ограничение выступать в качестве правового стимула или же оно является только и исключительно сдерживанием неправомерного поведения?

Любой запрет с одной стороны сдерживает поведение, которое посредством этого способа признается неправомерным, а с другой – побуждает (стимулирует) к поиску иного (правомерного) пути удовлетворения своего интереса. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»: «Для предотвращения воздействия окружающего табачного дыма и веществ, выделяемых при потреблении никотинсодержащей продукции на здоровье человека запрещается курение табака, потребление никотинсодержащей продукции или использование кальянов» (далее приводится перечень территорий, помещений и объектов на которых). Таким образом, запрет курения табака в одних местах (сдерживание), побуждает (стимулирует) искать другие – разрешенные.

Сдерживающе-побудительное воздействие права имеет место и в случае с отменой (сокращением) прав. Так, отмена права голосовать против всех оказала двоякое воздействие на поведение избирателей. Для одних данное правовое ограничение выступило в качестве сдерживающего фактора и в конечном счете привело к отказу от участия в голосовании (заметим абсолютно правомерного). Другие, наиболее активная часть избирателей, были вынуждены (побуждены) выбирать из имеющихся вариантов.

Возложение дополнительных обязанностей если исходить из презумпции разумности правового регулирования не сдерживает поведение (сдерживать в данном случае может не сама обязанность, а угроза наказания за ее не исполнение), а, напротив, побуждает к действию, то есть стимулирует. В этом аспекте, несомненно, прав С. С. Алексеев, который отметил, что социальный смысл юридических обязанностей активного содержания в том и состоит, чтобы в реальных, жизненных отношениях была реализована та их модель, которая в идеальном виде закреплена в юридических нормах¹. Так, если в избирательном законодательстве Российской Федерации вместо существующего активного избирательного права, будет установлена юридическая обязанность, как в свое время предлагал В. В. Жириновский, мы получили не только уменьшение (ограничение) правовой возможности, в частности возможности не избирать, но и побуждение к отнюдь не добровольному принятию участия в выборах, то есть, по сути, правовой стимул. При этом очевидно, что любая обязанность, по крайней мере, изначально устанавливается не для того, чтобы сдерживать то или иное поведение, а, напротив, с целью – побудить к тому варианту поведения, в котором заинтересован законодатель.

Аналогичным образом и правовое расширение может как стимулировать, так и сдерживать поведение субъектов права.

В заключение еще раз акцентируем внимание на том, что в качестве парных категорий, с нашей точки зрения корректнее рассматривать «правовое стимулирование» и «правовое сдерживание» с одной стороны и «правовое ограничение» и «правовое расширение» – с другой.

¹ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989. – С. 59.

Туранин Владислав Юрьевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

Turanin Vladislav Yurievich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute Belgorod State National Research University

E-mail: turanin@mail.ru

Нестеренко Виктория Викторовна

консультант научно-исследовательской лаборатории правовых исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета

Nesterenko Viktoria Viktorovna

Consultant at the Legal Research Laboratory Belgorod State National Research University

E-mail: viktorian25102001@yandex.ru

Постоянные и временные правовые ограничения

Permanent and temporary legal restrictions

Аннотация: Свобода является неотъемлемым атрибутом демократического государства, тем не менее, даже в его рамках она не является абсолютной, сдерживаясь посредством использования определенных инструментов. Обеспечить нормальное функционирование и развитие общества и государства в этом ключе по своей природе призваны, в первую очередь, правовые ограничения. В существующих реалиях, сопряженных со сменой политического ландшафта мира и порождаемыми этим обстоятельством рисками, наиболее актуально их разделение на постоянные и временные. В настоящей статье авторами уделено внимание исследованию феномена правовых ограничений в рамках упомянутой классификации, выявлению их специфических черт посредством анализа конкретных законодательных положений.

Ключевые слова: право, ограничение, правовое ограничение, постоянное правовое ограничение, временное правовое ограничение

Abstract: Freedom is an integral attribute of a democratic state, however, even within its framework it is not absolute, being restrained through the use of certain tools. First of all, legal restrictions are designed to ensure the normal functioning and development of society and the state in this regard. In the current realities associated with a change in the political landscape of the world and the risks generated by this circumstance, their division into permanent and temporary is most relevant. In this article, the authors pay attention to the study of the phenomenon of legal restrictions within the framework of the mentioned classification, to identify their specific features through the analysis of specific legislative provisions.

Keywords: law, restriction, legal restriction, permanent legal restriction, temporary legal restriction.

Одним из атрибутов демократии, несомненно, предстает свобода. Это не только правовая, но и, конечно же, философская категория. С последней упомянутой позиции свобода есть высшая духовная ценность, наличие которой предоставляет индивиду возможность действовать самостоятельно, без какого-либо внешнего принуждения, реализовывать свои желания и потребности. Однако в правовой плоскости возникает закономерный вопрос о том, может ли она быть абсолютной. Весьма логично, что нет. В процессе реализации своих прав и свобод индивид неизбежно сталкивается с интересами таких же, как он, индивидов, а также общества в целом. Русский философ И. А. Ильин на этот счет весьма справедливо отметил следующее: «свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от

которой начинается свобода других людей»¹. Как следствие, свобода человека не является абсолютной, в том числе и в реалиях демократического режима.

С одной стороны, право является мерой социальной свободы, а, с другой стороны, выступает ее ограничителем. Упомянутая дилемма весьма справедливо обуславливает интерес научного сообщества к такой категории как правовые ограничения. Примечательно, что внимание российских ученых-правоведов обращено не только на вопрос интерпретации данного термина, но и на вопрос критериев классификации правовых ограничений. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет их разделение на постоянные и временные. На наш взгляд, в современных реалиях, сопряженных со множеством политических, экономических, общественных и иных рисков, а также порождаемыми ими изменениями, этот вопрос как никогда актуален. Однако прежде уделим внимание толкованию термина «правовое ограничение», раскрытию сущностных характеристик упомянутого феномена.

Словосочетание «правовое ограничение» интегрирует в себе две языковые единицы: «правовое» и «ограничение». Если значение слова «правовое» в данном контексте не вызывает сомнений, то уяснение семантической составляющей слова «ограничение» представляет определенный интерес. Д. Н. Ушаков толкует его как «стеснение», указывая на глагол «ограничить», т.е. «стеснить известными пределами, условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы»². С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова дают следующее значение: «правило, ограничивающее какие-нибудь действия, права»³. Авторы также отсылают читателя к глаголу «ограничить»: «поставить в какие-нибудь рамки, границы, определить какими-нибудь условиями <...>»⁴. Иными словами, ограничение по своей сути является неким стеснением, рамкой, границей.

Уяснив семантическую составляющую, обратимся к юридической доктрине. Весьма детальное определение правового ограничения дано Н. И. Матузовым и А. В. Малько: «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых лица должны действовать, это исключение определенных возможностей в их деятельности»⁵.

Примечательно, что данная дефиниция стала предметом множества дискуссий. Так или иначе критике или комментариям авторская позиция подвергалась либо полностью, либо частично. Мы, в свою очередь, считаем целесообразным обратить внимание на комментарии, касающиеся конкретных составляющих определения. Например, К. И. Руднева убеждена, что объектом неблагоприятного воздействия может быть также «защита интересов самих субъектов таких ограничений»⁶. М. Г. Маковецкая обращает внимание на то, что «правовые ограничения нельзя напрямую связывать с функцией сдерживания противоправного деяния, они, как правило, носят превентивный характер, остерегают от возможных неблагоприятных последствий <...>»⁷. Автор аргументирует это на примере свободы передвижения, которая может быть ограничена в условиях чрезвычайного положения в целях защиты общества «от возможных нежелательных действий со стороны субъекта правоограничения»⁸.

Внимание исследованию правовых ограничений также уделяет А. С. Шабуров. Особенность авторского подхода состоит в сопоставлении между собой категорий «ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения», раскрытии сущностных характеристик каждой из них посредством сравнения. Примечательно, что категорию «правовые ограничения» автор обозначает как самую «богатую» в содержательном плане: «ограничения связаны с характером права и правового регулирования в целом. Их наличие предопределено объективными особенностями права и характеризуется единством свободы и ограничений»⁹.

Так или иначе, несмотря на разнообразие точек зрения, можно констатировать, что в целом правовые ограничения влекут уменьшение объема возможностей для реализации индивидом своих прав и свобод. Как следствие, они способствуют снижению возможной негативной активности в целях охраны общественного порядка.

Возвращаясь к вопросу классификации, отметим, что правовые ограничения могут быть классифицированы в зависимости от предмета правового регулирования, объема, содержания и т.д.

¹ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. 1992. № 3. С. 96.

² Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: 170 тыс. слов и словосочетаний / Под ред. О. А. Щегловой. М.: Хит-книга, 2020. С. 389.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Высшая школа, 1993. С. 468.

⁴ Там же.

⁵ Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 510.

⁶ Руднева К. И. Правовое регулирование передвижения населения на территории Российской Федерации и реализация права свободного передвижения: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 2002. С. 128.

⁷ Маковецкая М. Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 235.

⁸ Там же.

⁹ Шабуров А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 367.

Однако в наличествующих реалиях наиболее актуально их разделение по времени действия на постоянные и временные.

Само по себе постоянство предполагает неизменность, непрерывность, расчет на достаточно длительный срок, выступая антиподом временности. Так, постоянные правовые ограничения Н. И. Матузов и А. В. Малько характеризуют как «установленные законом избирательные ограничения», а временные – как «обозначенные в акте о чрезвычайном положении»¹.

Как можно заметить, при характеристике постоянных правовых ограничений ученые используют слово «избирательный», значение которого предполагает осуществление некоего отбора. Прокомментируем это на примере правового статуса иностранных лиц и лиц без гражданства в Российской Федерации. Как известно, они пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме легально установленных случаев. Например, иностранные лица и апатриды не могут быть государственными служащими, замещать ряд должностей, избирать и быть избранными в органы публичной власти (за исключением муниципальных выборов и местных референдумов при наличии соответствующего международного договора) и т.д. То есть они ограничены не во всех правах, а лишь в некоторых, определенных избирательно исходя из объективно обусловленных соображений.

На основе данного примера мы можем прокомментировать и двойственную природу правовых ограничений. Для лица, например, иностранного гражданина они означают установление рамок в плане реализации им прав, использования тех или иных возможностей. Однако на все это можно взглянуть и с диаметрально противоположной позиции. Например, в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации правовые ограничения играют весьма положительную роль, предполагая снижение возможной негативной активности и, как следствие, способствуя охране общественных интересов.

Однако это далеко не единственный пример. Также примером постоянных правовых ограничений служат ограничения, связанные с гражданской службой. Так, в соответствии со ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», гражданский служащий не может находиться на службе в случае приобретения им статуса иностранного агента, прекращения гражданства Российской Федерации, признания его недееспособным или ограниченно дееспособным и т.д.². Указанные обстоятельства имеют абсолютный характер и преследуют цели противодействия коррупции, формирования профессионального сообщества государственных служащих, обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, и т.д.

В настоящее время достаточно остро стоит вопрос, связанный со статусом иностранного агента (иноагента). Учитывая тот факт, что представляющие в таковом качестве лица получают поддержку и (или) находятся под иностранным влиянием, федеральным законодательством закреплён ряд ограничений для них. Например, иноагенты не вправе получать государственную финансовую и иную имущественную поддержку, осуществлять просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних, проводить независимую антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, их проектов и т.д.³. Как следствие, в рамках данного и всех вышеприведенных примеров мы можем констатировать наличие закономерности, которая выражается в том, что характер правовых ограничений обуславливается статусом лица и преследует цели, имеющие определяющее значение для той или иной сферы жизни общества и государства.

Конечно, в разрезе законодательного регулирования такие ограничения, действительно, постоянны, поскольку закон рассчитан на длительный период применения. Если смотреть через призму статуса субъекта, то, например, ограничения, связанные с гражданской службой, распространяются на конкретное лицо, пока оно пребывает гражданским служащим, это могут быть и год, и десятилетия. Тем не менее, даже в течение года они неизменны, лицо не будет освобождено от них в связи с совершением каких-либо действий или в связи с их отменой по решению другого субъекта, в отличие от временных ограничений.

Что касается временных правовых ограничений, то они имеют место быть в рамках определенного промежутка времени и в связи с объективно обусловленной необходимостью. Как правило, такая необходимость напрямую связана с установлением специальных административно-правовых режимов – военного или чрезвычайного положения, контртеррористической операции и т.д. Например, во время действия чрезвычайного положения могут запрещаться забастовки, массовые мероприятия, также может

¹ Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. С. 510.

² Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

³ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (Ч. I-II). Ст. 5222.

допускаться полное или частичное приостановление деятельности органов публичной власти, усиление охраны общественного порядка, ряда объектов и т.д.¹.

Однако временные правовые ограничения устанавливаются не только в рамках специальных административно-правовых режимов. Прокомментируем это на примере ст. 67.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве», легализующей возможность временного ограничения на пользование должником специальным правом, то есть возможность приостановления действия предоставленного должнику права управления транспортными средствами до исполнения требований исполнительного документа либо до возникновения оснований для отмены². Так, мы можем выделить два критерия применения данного временного правового ограничения: наличие у лица статуса должника и отсутствие исполнения им требований исполнительного документа. Обладание специальным правом ставится в прямую зависимость от упомянутого действия, после совершения которого рассматриваемое ограничение снимается.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что правовые ограничения по своей природе призваны обеспечить нормальное функционирование и развитие общества и государства. С одной стороны, они означают установление рамок в плане реализации конкретными группами субъектов своих прав, использования ими тех или иных возможностей. С другой стороны, правовые ограничения предусмотрены законодателем не просто так, а для обеспечения достижения важных целей, например, в контексте национальной безопасности государства. Постоянные правовые ограничения имеют законодательное закрепление, они рассчитаны на длительный срок и обладают избирательным характером. Временные правовые ограничения также законодательно урегулированы и, как правило, имеют место быть недолго и в связи с объективно обусловленной необходимостью, например, в течение срока действия специального административно-правового режима или до исполнения лицом обусловленного законом или иным документом действия.

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277.

² Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

Хужин Альфир Мисхатович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Khuzhin Alfir Miskhatovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Civil Law and Process of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

E-mail: alfirhuzhin@mail.ru

Ограниченные вещные права: теоретико-правовое осмысление

Limited property rights: theoretical and legal understanding

Аннотация: В статье предпринимается попытка исследовать ограниченные вещные права с позиции теоретико-правового осмысления их правовой природы, сущности и содержания. Правовое ограничение права собственности, как абсолютного господства лица над вещью, устанавливаемое действующей системой ограниченных вещных прав рассматривается под призмой обоснованности и эффективности практического применения. Под критическим углом анализируются предлагаемые новеллы в действующую систему ограниченных вещных прав.

Ключевые слова: правовые ограничения, ограниченные вещные права, право собственности, вещное право, теоретико-правовой анализ.

Abstract: The article attempts to explore limited property rights from the standpoint of theoretical and legal understanding of their legal nature, essence and content. The legal restriction of property rights, as the absolute domination of a person over a thing, established by the current system of limited property rights is considered through the prism of validity and effectiveness of practical application. The proposed novelties to the current system of limited property rights are analyzed from a critical angle.

Keywords: legal restrictions, limited property rights, property law, property law, theoretical and legal analysis.

Ограниченные вещные права в современной системе вещного права выступают «краеугольным камнем», существование и потребность которых, вызывают огромную дискуссию, как в доктринальном ключе, так и в практической юриспруденции. Если в отношении права собственности, его фундаментальная материально-правовая основа и абсолютный характер не оспариваются, то вопросы о правовой природе, сущности и содержании ограниченных вещных прав всегда находятся под пристальным вниманием правоведов. Постараемся в рамках данной статьи взглянуть на ограниченные вещные права под призмой теоретико-правового осмысления.

Вообще, «под ограниченным вещным правом следует понимать производное, зависимое от права собственности и следующее за ним абсолютное имущественное право; обременяющее собственника и содержащее в закрепленных законом границах гарантированную государством возможность не собственника осуществлять в своем интересе непосредственное хозяйственное господство над чужой вещью»¹. Исходя уже из этого определения понятия, можно увидеть, что ограничение вещного права, в зависимости от его вида, возникает в силу закона, а также от самого права собственности и действий собственника.

Следует выделить базовые признаки ограниченных вещных прав. Во-первых, ограниченное вещное право является производным от права собственности, то есть вторично по своей правовой природе. Оно не может существовать в отрыве от права собственности, поэтому нельзя представить ограниченное вещное право на бесхозяйную вещь. Во-вторых, возникновение ограниченного вещного права возможно только на основании юридических фактов, указанных в законе. Единственным исключением здесь может быть лишь частный сервитут, который может быть установлен по соглашению

¹ Батурин В.А. Система ограниченных вещных прав в современном гражданском законодательстве: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. М., 2009. С.9.

с собственником соседнего участка. В-третьих, для ограниченного вещного права характерно право следования. Так, согласно п. 3 ст. 216 ГК переход права собственности на имущество к другому лицу не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество. Право следования подтверждает вторичность ограниченных вещных прав от права собственности, что обуславливает абсолютную их зависимость от него. В-четвертых, сам характер и содержание ограниченных вещных прав имеет строго регламентированный законом статус. В связи с этим, любой участник правопритязаний в отношении чужого имущества всегда осведомлен об объеме и содержании обременений на него в зависимости от вида ограниченного вещного права. В-пятых, объектом ограниченных вещных прав выступают недвижимые вещи, что предполагает обязательную государственную регистрацию этих прав в едином государственном реестре недвижимости.

Правовую природу ограниченных вещных прав следует отграничивать от общего понимания обременения прав. Существует точка зрения, что ограниченное вещное право «есть обременение права собственности, но не его ограничение»¹. Когда мы говорим об обременении каких-либо прав, в том числе и вещных, то здесь акцент делается на наличие конкретных обстоятельств (юридических фактов), воздействующих на право и свидетельствующих (констатирующих) его статичность. При этом сами обременительные факты по своей природе могут не влечь правомочия других лиц, а лишь быть элементами воздействия на вещное право. Например, обеспечительные меры в праве, также наделены функцией обременения, но при этом имеют иную направленность воздействия на поведение собственника. Как верно отмечается, «обеспечительные меры создают условия для удовлетворения интересов обеспечиваемой стороны посредством побуждения лица к определенному варианту правового поведения, с одной стороны, и сдерживания противозаконного деяния – с другой»². Ограниченные вещные права позволяют реализовывать права других, помимо собственника лиц, в динамике правоотношений.

Теперь перейдем к теоретико-правовому осмыслению существующих видов ограниченных вещных прав по действующему законодательству.

1. *Право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками*, находящимися в публичной собственности (ст. 265 и п. 1 ст. 268 ГК). Данные права появились с момента провозглашения права частной собственности как переходные ограниченные вещные права. В качестве объектов права здесь выступают только земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. В теоретико-правовом ключе, в содержательном аспекте, речь идет об ограничении правомочия распоряжения со стороны законного (титульного) обладателя таких ограниченных вещных прав.

2. *Сервитуты*, устанавливаемые на земельные участки (ст. 274 ГК), здания и сооружения (ст. 277 ГК), в том числе находящиеся в частной собственности. Сервитуты являются общеизвестной юридической конструкцией, известной со времен римского права. Сервитут обременяет не собственника, а именно вещь, предоставляя весь объем правомочий владения, пользования и распоряжение. В доктрине принято выделять сервитуты в зависимости от инициатора его установления на частные и публичные, однако правовая природа последних является предметом дискуссии. Так, Е.А. Суханов считает, что публичный сервитут представляет собой не ограниченное вещное право, а общее ограничение права собственности (в том числе публичной) на конкретный объект недвижимости и именно в этом качестве подлежит государственной регистрации³. Действительно, сам порядок, статус и правомочия обладателя титульных прав, позволяет применить в данном случае термин «ограничения вещных прав в публичных интересах»⁴.

В теоретико-правовом ключе, сервитут, как правовое ограничение представляет собой вещное право на чужую недвижимую вещь, состоящее в ограниченном пользовании ею. В отношении же публичных сервитутов речь может вестись об ограничениях права собственности в публичных интересах.

3. *Право хозяйственного ведения* (ст. 294 ГК) и *право оперативного управления* (ст. 296 ГК). Указанные ограниченные вещные права известны лишь нашему правопорядку, были установлены в советский период для более эффективного управления государственной собственностью. Содержание данных ограниченных вещных прав определяется законом, но может различаться в зависимости от положений устава конкретного уполномоченного юридического лица (унитарного предприятия – для права хозяйственного ведения и учреждения или казенного предприятия – для права оперативного управления) сделок с движимым и недвижимым имуществом собственника без его согласия. Данные правовые ограничения вещных прав направлены на правомочия владения и пользования закрепленным за отдельными видами юридических лиц имуществом собственника в установленных законом пределах.

¹ Рублевский Р.С. Теоретические основы системы вещных прав лиц, не являющихся собственниками: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2010. С.8.

² Фомин В.Ю. Обеспечительные меры в праве: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Н.Новгород., 2024. С.19.

³ См. Суханов, Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк : учебное пособие / Е.А. Суханов., 2017. – 561 с. – С. 217-218.

⁴ Романова Е.Н., Зелик В.А. Правовая природа публичных сервитутов // Общество и право. 2012. № 3 (40), С.98-103.

4. *Ограниченные вещные права в отношении жилых помещений.* В главную очередь к данным правовым ограниченным вещным правам следует отнести право членов семьи собственника жилого помещения (ст. 292 ГК). Права членов семьи собственника жилого помещения заключаются в правомочиях владения и пользования жилым помещением, а также в правомочии требовать устранения нарушения их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника помещения. Однако, право следования в отношении такого ограниченного вещного права ограничено, поэтому переход права собственности на жилое помещение к другому лицу является основанием для прекращения права пользования жилым помещением, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 292 ГК).

Также к данной группе ограниченных вещных прав необходимо отнести правомочия пользования недвижимой в силу завещательного отказа (п. 2 ст. 1137 ГК, ст. 33 ЖК). Содержание данного ограниченного вещного права составляет правомочие пользования, основанного на возможности проживания в принадлежащем собственнику жилом помещении, с характерным правом следования.

Отдельного теоретико-правового анализа требуют и предлагаемые введения в гражданский оборот новые виды ограниченных вещных прав. Несмотря на то, что заявленная реформа вещного права до сих пор не состоялась, ее концептуальная основа была представлена широкому кругу юридической общественности¹. В проекте закона о внесении изменений в ГК РФ предлагалось выделить структурно в разделе «Вещное право» четыре подраздела: подраздел 1 «Владение», подраздел 2 «Общие положения о вещных правах», подраздел 3 «Право собственности» и подраздел 4 «Ограниченные вещные права». В законопроекте были учтены концептуальные замечания в отношении отдельных институтов, многие положения стали предметом оживленной научной дискуссии.

Анализируя содержательные предложения по предлагавшемуся реформированию, обратим внимание на законоположения об ограниченных вещных правах. Так, предполагалось, что подраздел 4 «Ограниченные вещные права» будет содержать, как общие положения об ограниченных вещных правах, так и самостоятельные институты: право постоянного землеуладения; право застройки; сервитут; право личного пользования; ипотека; право приобретения чужой недвижимости; право вещной выдачи; право оперативного управления; право ограниченного владения земельным участком.

Подразумевалось, что данные новые институты ограниченных вещных прав, создадут эффективную систему вещного права с разнообразием имущественных прав и притязаний не собственников. Но настолько ли они новые и необходимые для современного вещного права? Как верно отмечает З.А. Ахметьянова, «предлагаемый «набор» вещных прав вызывает ряд вопросов и в аспекте обоснованности «закрытости» данной системы, и с точки зрения целесообразности включения (или невключения) в нее той или иной разновидности имущественных прав»². Не вдаваясь в доскональный анализ сущностного и содержательного аспектов каждого ограниченного права, отметим лишь, что в своем большинстве они представляют собой «реанимированные» институты римского частного права.

Так, в соответствии с законопроектом предусматривалось, что правом постоянного землеуладения считается право пользоваться и владеть земельным участком, предоставленным для целей, которые требуют использования природных свойств земельного участка. По сути, разработчики законопроекта предложили нам общеизвестную с римского права юридическую конструкцию – эфитевзис. Право застройки, как право пользования и владения чужим участком с целью возведения на нем сооружения и последующей эксплуатации, также аналогично известному римскому институту суперфиций. Право собственник недвижимости может предоставить другому лицу – гражданину, а в случаях, установленных законом, - некоммерческой организации (пользователю) праволичного владения и пользования такой вещью, представляет собой общеизвестный узуфрукт.

Что нового в развитие вещного права могли привнести данные «подзабытые» институты прошлого!? Конечно, мы можем рассуждать о многогранности потенциала ограниченных вещных прав, их более стабильному положению, в отличии от обязательствно-правовых конструкций, основательности. Однако, даже с известной и широко применяемой на практике конструкции договора аренды, как возможности временного господства во владении и пользовании чужой собственностью, предлагаемые ограниченные вещные права существенно проигрывают.

Таким образом, имеющаяся в действующем гражданском законодательстве система ограниченных вещных прав свидетельствует о наличии юридических конструкций, устанавливающих в силу закона правовые ограничения в отношении права собственности. Несмотря на незначительное количество видов таких прав, они в достаточной мере выполняют ограничительную функцию вещных прав, обусловленных потребностями юридической практики. Предлагаемые «новеллы» в системе ограниченных вещных прав, в большей степени, представляют собой попытку реанимации институтов и конструкций далекого прошлого иных правопорядков, где потребность в их установлении была преимущественно

¹ См.: Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 2019 г. // Материалы IX международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». Москва, 24 декабря 2019 г. С.543-662.

² Ахметьянова З.А. О вещном праве и реформе российского законодательства // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 38-47.

продиктована ограниченными возможностями господства над объектами недвижимости, в первую очередь – земельными участками. В своем содержательном и функциональном ключе, данные ограниченные вещные права уступают сложившейся системе обязательственных прав (прежде всего – арендным обязательствам) в установлении срочных ограниченных прав (правомочий владения и пользования) в отношении чужого имущества. Полагаем, что, если и требуется модернизация ограниченных вещных прав, то она должна качественно способствовать развитию всей системы вещного права в соответствии с национальными интересами государства и общества, а также потребностями отдельных граждан и юридических лиц.

Шаров Виктор Иванович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной экспертизы Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России, Почетный сотрудник МВД России

Viktor Ivanovich Sharov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Examination of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: v-i-sharov@rambler.ru

Правовые ограничения в оперативно-розыском законе

Legal restrictions in operational investigative legislation

Аннотация: В статье проводится анализ правовых ограничений, содержащихся в законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Указывается, что направленное на сдерживание субъекта оперативно-розыскной деятельности от отдельных видов поступков, правовое ограничение выступает сдерживающим фактором, направленным на соблюдение интересов как субъектов ОРД, так лиц, на которых она направлена.

Принципиальное правовое ограничение содержится области правового регулирования ОРД, поскольку она осуществляется только для достижения определённых в законе целей и решения предусмотренных задач. Цели и задачи вместе задают сферу оперативно-розыскной деятельности, определяют, когда она должна использоваться как инструмент государственного воздействия.

Кроме того, в статье анализируются сформулированные в законе ограничения прав и свобод человека и приводятся основания для таких ограничений, рассматривается группа ограничений направленных на защиту сведений об ОРД, а дается пояснение по поводу ограничивающих норм, относящихся к применению в ОРД специальных технических средств. Делается вывод, что правовые ограничения позволили сформулировать закон, гармонично описывающий сферу оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: правовые ограничения, защита прав и свобод личности. оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия

Abstract: The article analyzes the legal restrictions contained in the law "On operational investigative activities". It is indicated that aimed at deterring the subject of operational investigative activities from certain types of acts, legal restriction acts as a deterrent aimed at respecting the interests of both the subjects of the HORDES and the persons to whom it is directed.

A fundamental legal restriction is contained in the field of legal regulation of the ODS, since it is carried out only to achieve the goals defined in the law and to solve the tasks provided for. Goals and objectives together define the scope of operational investigative activities, determine when it should be used as an instrument of state influence.

In addition, the article analyzes the restrictions on human rights and freedoms formulated in the law and provides the grounds for such restrictions, considers a group of restrictions aimed at protecting information about the ODS, and provides an explanation about the restrictive norms related to the use of special technical means in the ODS. It is concluded that legal restrictions made it possible to formulate a law that harmoniously describes the scope of operational investigative activities.

Keywords: legal restrictions, protection of individual rights and freedoms. operational investigative activities, operational investigative measures.

Оперативно-розыскная деятельность – это важнейшее средство государства, направленное на противодействие преступности. Она регламентируется одноименным законом от 12 августа 1995 № 144-ФЗ. Данный закон определяет правовую форму ОРД, приводит средства и методы, предоставляемые государственному органу – субъекту ОРД. Но закон не может не содержать и правовых ограничений,

поскольку с помощью них защищаются общественные отношения, формируемые в данной сфере государственной деятельности.

«Правовое ограничение - есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»¹. В первую очередь закон устанавливает определенные пределы, в рамках которых должен действовать субъект ОРД, нанося наименьший ущерб законным правам и интересам лиц, вовлеченным в сферу ОРД. Соответственно, направленное на сдерживание субъекта оперативно-розыскной деятельности от отдельных видов поступков, правовое ограничение выступает сдерживающим фактором, направленным на соблюдение интересов всех участвующих в ОРД субъектов.

Одно из принципиальных правовых ограничений содержится в самой области правового регулирования ОРД. Оно сформулировано в норме, содержащейся в ст. 5 закона «Об ОРД», запрещающей проводить оперативно-розыскную деятельность для целей и задач, иных, чем это определено данным законом. Ограничение сформулировано в негативной форме и содержит правовой запрет на ОРД, если при этом не достигаются цели и не выполняются задачи этой деятельности. Цели и задачи сформулированы в первых двух статьях закона, их определение следует рассматривать как общие условия допустимости ОРД. Принципиальное значение имеет понятие цели ОРД: «защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств»². Достаточно емкая формулировка задает область применения ОРД – защита от преступности, от преступных посягательств на права человека, собственности, государства и общества.

Задачи более обширны, но и в большей степени детализированы. Они распространяются на противодействие преступлениям и лиц, их совершившим, добывание сведений об угрозах безопасности РФ, осуществление розыска лиц, а также установление имущества, подлежащего конфискации.

Цели и задачи вместе задают сферу оперативно-розыскной деятельности, определяют, когда она должна использоваться как инструмент государственного воздействия. Понятно, что выходя за рамки названных ранее цели и задач, ОРД применяться не должно.

Такой юридино-технический прием применяется довольно часто, в данном случае для того, чтобы исключить неоднозначность, содержащуюся в постановке сферы ОРД посредством целей и задач, поскольку, следует признать, они все же отчасти носят декларативный характер и не исключают их расширение посредством дерева целей, основных и второстепенных задач и т.д. По всей видимости, описать ОРД посредством довольно ограниченных в своем содержании целей и задач довольно сложно.

Собственно, это произошло. В специальной литературе содержится тезис, что цели и задачи, отмеченные в ст. 1, 2 задачи не полны, охватывают далеко не всю ОРД. Современные тенденции к расширению ОРД, привели к ситуации, что реально выполняемые задачи стали шире обозначенных в законе и связанных с защитой от преступных посягательств³. Обоснованно звучат идеи по изменению целей ОРД, расширению совокупности ее задач, поскольку существует практика, когда она не определяется необходимостью решения целей и задач, определенных в ФЗ «Об ОРД»⁴. Тем самым правовое ограничение в отношении осуществления ОРД только при наличии оснований, приведенных в целях или задачах, не выполняется, что вызывает необходимость нового подхода к их формулированию.

Ограничения установлены и в отношении субъектов, которым дано право осуществления ОРД, ст. 1 предоставляет его оперативными подразделениями специально уполномоченных законом «Об ОРД» государственных органов. Органы, которым дано право проведения ОРД, перечисляются в ст. 13 и законодатель тщательно следит за этим перечнем, изменяя его в случае необходимости. Здесь мы видим еще одно ограничение, заключающееся в том, что приведенный в ст. 13 перечень органов, которым дано право осуществлять ОРД, корректируется только федеральным законом. Кроме того, ст. 6 приведена норма, хотя и странно сформулированная, запрещающая проведение оперативно-розыскных мероприятий теми лицами, которым не дано право их проведения законом.

Правовые ограничения содержатся и в приведённой в ст. 1 формулировке «в пределах их полномочий», которая повторяется законодателем в ч. 4 ст. 13. Полагаем, что эта формулировка имеет в виду обязанности и права органов, осуществляющих ОРД, определенные в ст. 14, 15 закона соответственно. Но эти полномочия не описаны, хотя закон формулирует, что они могут быть отдельно

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2011. С. 143.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // КонсультантПлюс (Дата обращения: 15.04.24).

³ См.: Шумилов А. Ю. О назревшей в теории проблеме разделения прежней оперативно-розыскной и современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сыскалога // Оперативник (сыщик). 2014. № 1 (38). С. 8-17.

⁴ См.: Агарков А. В., Капустин К. В. Цели и задачи современной оперативно-розыскной деятельности: проблемы законодательного регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2021. С. 12.

определены законодательством РФ. Надо полагать, что они достаточно обширны, а ст. 15 приводит лишь часть из них. По тексту закона встречаются некоторые из них, например, в ч. 5 той же ст. 13 приведена норма, дающая право проводить в следственных изоляторах оперативно-розыскные мероприятия субъектам ОРД совместно с сотрудниками уголовно-исполнительной системы¹. Представляется, что такая сложная конструкция правового ограничения почти полностью затушевывает ее смысл, превращая в декларативное высказывание.

Кроме этого, в ст. 16 устанавливается запрет на любые вмешательства в законную деятельность осуществляющих ОРД лиц, за исключением вышестоящих органов. Закон защищает субъекта ОРД, не дает право никому вмешиваться в данную сферу деятельности, но формулировка закона здесь не подкреплена правами субъектов ОРД по защите своих прав, хотя, конечно, содержание правовых ограничений этого и не предусматривает.

Оперативно-розыскная деятельность функционирует как особенная сфера государственной деятельности, связанная с добыванием информации о преступлениях и лицах, их совершавших. Она осуществляется с применением негласных средств и методов, которые предусматривают вторжение в личную сферу лиц, ставших объектом оперативного интереса, тем самым в определенной степени ограничивать защищаемые права гражданина. Это не противоречит фундаментальным положениям, поскольку ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает ограничение прав и свобод личности, в случае, если оно осуществляется: а) федеральным законом; б) насколько это требуется в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц². Таким образом, ограничение прав и свобод в оперативно-розыскной деятельности должно проводиться на основе положений закона «Об ОРД».

Собственно, так и есть. Однако проблема защиты прав и свобод в ОРД полностью не решена, что отмечают многие ученые. До недавнего времени это была достаточно популярная тема, обсуждаемая в специальной литературе³, включая действия, осуществляемые с защищаемыми Конституцией РФ тайнами. Тем не менее, представляется важным, что закон «Об ОРД» провозглашает соблюдение этих общечеловеческих ценностей, и, по возможности, содержит механизмы их защиты.

Правовой механизм, направленный на защиту прав и свобод человека реализован в ст. 5 закона об ОРД. Полагаем, что положения данной статьи также содержат правовое ограничение, задающее определенные условия, в которых должна осуществляться оперативно-розыскная деятельность. Лица, осуществляющие ОРД «должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции»⁴. Но, несмотря на обязанность соблюдения прав и свобод человека, как указывалось ранее, механизм их защиты развит слабо. Если, например, обратиться к неприкосновенности частной жизни, то о ней только упоминается, хотя в законодательстве эти вопросы уже давно и довольно подробно регламентированы, где особая роль отводится ФЗ «О персональных данных». Однако, принципы и подходы, заложенные в правовой защите персональных данных, в оперативно-розыском законодательстве, применительно к осуществлению ОРД, не раскрыты.

Согласно ст. 8 закона, допускается ограничение:

- тайны переписки, тайны телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений;
- неприкосновенности жилища.

Следует заметить, что рассматриваемые правовые ограничения сформулированы в законе как самостоятельный правовой институт и распространяются за пределы указанных выше ст. 5, 8 Закона. Его положения следует сгруппировать следующим образом.

1. Субъект, в отношении которого осуществлялась ОРД, имеет право обжаловать в вышестоящий орган, прокурору или в суд действия органов, осуществляющих ОРД. При обнаружении нарушения указанные субъекты обязаны осуществить общепринятые меры правовой защиты по восстановлению нарушенных прав субъектов, в отношении которых проводилось ОРД, а также по возмещению им причиненного вреда.

2. Закон определяет ограничение на сроки хранения материалов, полученных в ходе ОРД на лиц, виновность которых не доказана. Материалы хранятся один год, после чего уничтожаются.

3. Приводятся прямые запреты органам и должностным лицам⁵ (полагаем, что запрет есть вид, проявление правового ограничения), в частности, запрещается:

¹ См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Дата обращения: 24.11.21) // КонсультантПлюс (Дата обращения: 15.04.24).

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // КонсультантПлюс (Дата обращения: 15.04.24).

³ См.: Чечетин А. Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 125-134.

⁴ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // КонсультантПлюс (Дата обращения: 15.04.24).

⁵ См., например, Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. Москва: Изд-во Шумиловой И.И., 2004. С. 164.

- принимать участие в политической борьбе, осуществляя ОРД в интересах общественных и религиозных организаций, политических партий, оказывать влияние на их деятельность, как и на функционирование федеральных органов государственной власти;
- каким-либо путем обнародовать сведения в отношении семейной тайны и тайны частной личной жизни, полученными при осуществлении ОРД;
- провоцировать к совершению противоправных действий;
- осуществлять фальсифицировать результатов ОРД (ст. 5);
- использовать для содействия с заключением контракта следующих субъектов - депутатов, судей, прокуроров, адвокатов, священнослужителей (ст.17).

4. Приведены положения по защите прав и свобод граждан, если их ограничение произошло в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Закон «Об ОРД», как мы отмечали ранее, к ним относят тайны телефонных переговоров и переписки, а также право на неприкосновенность жилища. Проводить мероприятия, в процессе которых происходит ограничение указанных выше прав субъектов, возможно только на основании судебного решения. В срочных случаях закон допускает проведение этих мероприятий на основании мотивированного постановления, но в течение 24 часов субъект ОРД должен уведомить об этом суд. Разрешение следует получить в течении 48 часов, если решение суда получить не удастся, мероприятие прекращается. Указанный механизм дополняется ст. 9, в которой в достаточной степени подробности рассмотрен порядок получения судебного решения, если ОРМ проводится с ограничением гарантированных Конституцией прав граждан.

Присутствующие в законе правовые ограничения направлены не только на органы, осуществляющие ОРД, но и на действия иных субъектов. Так сформулирован ряд ограничивающих норм, относящихся к использованию специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Закон предполагает, что этот вид техники должен применяться только субъектами оперативно-розыскной деятельности, а квалифицированные методы негласного сбора информации с использованием специальных технических средств иными субъектами применяться не должны. Ст. 6 закона запрещает использование таких средств физическими и юридическими лицами, не указанными в законе, то есть не субъектами ОРД.

Далее вводится перечень средств, используемых для негласного получения информации, и кратко устанавливается механизм их обращения: ввоз и вывоз в страну таких средств подлежат лицензированию.

Здесь мы видим особенности формулирования правового ограничения: а) он относится не к субъектам, на которых направлен закон; б) прямой запрет дополняется нормативными указаниями, дополнительно регламентирующими данное направление правового регулирования.

Закон содержит группу ограничений направленных на защиту сведений об оперативно-розыскной деятельности. ОРД негласный вид деятельности, это требует правовой защиты конфиденциальности в первую очередь, средствами правового ограничения. Правовое ограничение осуществляется следующим образом: сведения об организации ОРД и ее результатах закон относит к государственной тайне, тем самым задается ограничение на распространение такой информации, включая весь механизм защиты государственной тайны, предоставляемый законодательством. Основные положения защиты конфиденциальности ОРД изложены в ст. 12, согласно которой к государственной тайне отнесены данные:

- о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности;
- о лицах, внедренных в организованные преступные группы;
- о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;
- о лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе;
- об организации и тактике проведения мероприятий оперативно-розыскного характера¹.

В законе также приведена норма, направленная на защиту лиц, осуществляющих свою деятельность на негласной основе. Их расшифровка допускается лишь с согласия данных лиц, полученного в письменной форме.

Указанных норм оказалось недостаточно, поэтому в последующем в закон вводится новое ограничение, приведенное в ст. 12.1, устанавливающее запрет на разглашение сведений, которые важны для обеспечения негласности ОРД, хотя и не относятся к государственной тайне. Это информация, содержащаяся в запросах, которые направляются гражданам и организациям в процессе оперативно-розыскной деятельности. Для исключения доступа к такой информации заинтересованных лиц, что может негативно повлиять на дальнейший ход ОРД, и устанавливается данное ограничение. Дополнение «...о чем указывается в соответствующем запросе» не носит ограничительного характера, оно указывает на право субъекта ОРД уведомлять об этом ограничении контрагентов.

¹ См.: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // КонсультантПлюс (Дата обращения: 15.04.24).

Характер правового ограничения носит положение п. 5 ст. 14 закона «Об ОРД», содержащее требование соблюдать правила конспирации, что позволяет сделать оперативную работу более эффективной. Оно должно восприниматься шире, чем соблюдение требований об ограничении доступа к сведениям об ОРД, поскольку конспирация предусматривает и определенные приемы работы, где даже простое упоминание о принадлежности к органам, осуществляющих ОРД, может привести негативным последствиям. Правила конспирации, на которые указывает п. 5 ст. 14 в законе не приводятся, это отнесено к прерогативе нормативно-правового регулирования.

В завершении надо отметить, что правовые ограничения, присутствующие в законе «Об ОРД», позволили сформулировать закон, гармонично описывающий такую сложную сферу, какой является оперативно-розыскная деятельность.

Шафиров Владимир Моисеевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Shafirov Vladimir Moiseevich

doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of Department of Theory and History of State and Law, of the Law Faculty National Research Nizh-ny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: tigpnngu@yandex.ru

Правовые ограничения как средство обеспечения прав и свобод личности

Legal restrictions as a means of ensuring individual rights and freedoms

Аннотация: В отечественной юриспруденции преобладает раскрытие правовых ограничений в аспекте прав и свобод личности. Однако это лишь одна из граней сложной проблемы. Необходимо в равной степени проанализировать правовые ограничения как средство обеспечения прав и свобод личности. Такие правовые ограничения накладываются на деятельность и полномочия государственных организаций. Правовые ограничения как средство обеспечения прав и свобод рассматриваются в статье с позиций конституционного понимания права на уровне правотворчества, применения права, толкования и непосредственного осуществления.

Ключевые слова: право, конституционное правопонимание, права и свободы, правовые ограничения как средства обеспечения, права и свободы.

Annotation: In native jurisprudence disclosure of legal limitations in the aspect of individual rights and freedoms prevails. However, this is only one of the verges of a complex problem. It is necessary equally analyze legal restrictions as a means of ensuring individual rights and freedoms. Such legal restrictions are imposed on the activities and authorities of public entities. Legal restrictions as a means of ensuring rights and freedoms are examined in the article from the standpoint of the constitutional understanding of law at the level of law-making, application of law, interpretation, and direct implementation.

Key words: constitutional legal understanding, rights and freedoms, legal restrictions

Правовое ограничение одно из тех понятий, которое постоянно находится в центре внимания исследователей. В отечественном правоведении наиболее распространено раскрывать его с позиций ограничения прав личности. Этому есть и философское обоснование. Как отмечал В.С. Соловьев: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в царство божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»¹. Данная мысль хорошо вписывается в теорию юридического позитивизма (особенно в узконормативном варианте). В настоящем учении приоритет отдается институциональным ценностям (государству, законам, подзаконным актам, нормам), человеку же отводится пассивная, малозаметная роль. При таком подходе в правовом регулировании преобладают ограничения, запреты. А.Ф. Черданцев рассуждая о нормах-запретах писал: «В любой и современной правовой системе эти нормы представлены в большинстве»². Это и понятно. Ведь с точки зрения позитивизма всякая юридическая норма – это формальное предписание. К нормам предписаниям относятся правила, закрепляющие не только обязанности, но и права. Государство посредством предписаний властно указывает на то, каким образом и в каких пределах нужно действовать, чтобы не нарушать сложившийся общественный порядок. В таких условиях граждане лишены возможности выбирать, саморегулировать свое поведение. Это во многом объясняет почему в правосознании сложился стереотип о том, что само право, обусловленные им правовые явления должны, в первую очередь, рассматриваться через призму формального, а не содержательного подхода. Формальная определенность считается

¹ Соловьев В.С. Право и нравственность. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 42.

² Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права//Журнал российского права 2016 № 10. С.9.

важнейшим признаком права, с **формальностью** связывается повышение роли и социальной ценности права в обществе, государстве. Поэтому неудивительно, что, допускается решение вопроса (строго по букве), поскольку поступать законно не обязательно справедливо. Безусловно, проблема правовых ограничений прав личности и сегодня актуальна. Но это только один из аспектов вопроса об ограничении в праве, разработанный в теории позитивного права.

В Конституции РФ (далее- Конституция) получила официальное выражение концепция права, сформулированная «...на естественно-правовом подходе к пониманию права»¹ и положениях юридического позитивизма. Конституционная доктрина правопонимания имеет четко выраженный интегративный характер². Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности – ч.2, ст.17) и позитивное начало (политическая природа – ст. 2). Выделение личностной природы права коренным образом меняет ценностные ориентиры в праве (в позитивной теории права как уже писалось выше, приоритет отдавался институциональным ценностям). В ст.2 Конституции установлено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст.2). К числу главных ценностей отнесены также конституционность, правозаконность, обязанности, справедливость, равенство, моральность. правда, разумность. И это закономерно. Согласно Основному правовому документу страны: «...Россия есть...правовое государство... (ч.1, ст.1). Определяющие принципы правового государства: «Не человек для права, а право для человека»; «не человек для государства, а государство для человека». Обеспечение прав и свобод человека и гражданина выдвигается в состав важнейших направлений деятельности государства.

Одним из эффективных средств обеспечения прав и свобод личности способно стать правовое ограничение. Речь идет, прежде всего, об ограничении, налагаемом на действия публичных субъектов с целью не допустить ущемления прав граждан, введения не основанных на законе рамок, устранить формализм, волокиту и т.д. Предназначение публичных субъектов не в создании барьеров, препятствий, а в выстраивании таких комфортных условий, которые со всей очевидностью демонстрируют преимущество юридических процедур, инструментов в реализации гражданами социально-правовых ролей (собственника, предпринимателя, жителя, работника и т.д.). Правовые ограничения как средство обеспечения прав и свобод устанавливаются на уровне: правотворчества, применения права, интерпретации, непосредственной реализации.

Правовые ограничения на правотворческом уровне. Основополагающие ограничения, сужающие свободу усмотрения субъектов правотворчества регламентированы в Конституции. Ключевое положение следующее: права и свободы человека и гражданина «...определяют смысл, содержание... законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления...» (ст.18). Человеческое измерение через призму прав и свобод – это главный ограничитель-ориентир для любого публичного субъекта, наделенного правотворческой функцией в процессе разработки и принятия закона, указа, постановления и т.д. Отступление от него не допустимо.

К конституционным ограничениям в сфере правотворчества, направленным на обеспечения прав и свобод, также относятся:

«Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» (ч. 2, ст. 19);

«законы подлежат официальному опубликованию» (ч.3, ст. 15);

«в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (ч. 1 и 2, ст.55).

Конституционный Суд РФ разбирая по жалобе гражданина дело об ограничении прав в постановлении от 10 ноября 2022 г. N 49-П изложил следующую правовую позицию: «Вводя особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод. При этом должны использоваться не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; ограничения же прав и свобод в любом случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания».

Особо в Конституции выделяются права и свободы, не подлежащие ограничению. «Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 - 54 Конституции Российской Федерации (ч.3, ст. 56)».

¹ Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 53.

² Об интегративном понимании права См.: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. - М.: РГУП, 2018; Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда//Журнал российского права. 2017, №7. С.5-19; Шафиров В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм// Журнал российского права. 2017, №7. С.24-33 и др.

Правовые ограничения на уровне применения права. Деятельность органов власти, должностных лиц связана с конкретизацией общих правил поведения (нормативных правовых обобщений и норм права) относительно определенного случая, конкретного лица. В процессе индивидуального правового регулирования публичные субъекты наделены широкими полномочиями. Поэтому в Конституции закреплён безусловный ограничитель-ориентир властной организующей деятельности: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов... и обеспечиваются правосудием» (ст. 18). К конституционным ограничениям деятельности правоприменяющих субъектов с целью обеспечения прав и свобод, также относятся:

«Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» (ч.3, ст. 15);

«закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет» (ч.1, ст. 54);

«никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон» (ч. 2, ст. 54) и др.

Конституционные положения – это правовой компас, указывающий на необходимость смены парадигмы в правоприменительной практике. Во главу угла ставится человеческое измерение права, а, значит, пришло время осознать, что решать по праву – это решать по-человечески, справедливо. Обеспечивать права и свободы обязанность не только суда, но всех правоохранительных органов, органов контроля, органов исполнительной власти. Другое дело, что в судебной системе это происходит более адресно, предметно и интенсивно. Параметры качественной перестройки применения права с позиций человекоцентризма задают Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ. Выделим некоторые параметры.

Правоприменение не должно сводиться к установлению формального соответствия или, образно выражаясь, "подвода" фактов под гипотезу избранных норм. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 января 2023 г. № 5-КГ22-138-К2 сформулировано:

«...Суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости. В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства...».

Осуществляется на началах разумности.

- Разумность установления сроков. «Судом сроки должны устанавливаться с учетом принципа разумности» (ст. 107 ГПК РФ). Установление неразумных сроков ведет к ущемлению прав. Вот пример из судебной практики. Банк обратился с иском в городской суд к клиентке о взыскании долга по кредитному договору. Суд иск удовлетворил. Вышестоящие инстанции оставили решение городского суда без изменений. Женщина подала жалобу в Верховный Суд РФ. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.06.2020 N 49-КГ20-9-К6, 2-4934/2019 изложено следующее:

«...Судебное извещение было направлено Г... без учета требований гражданско-процессуального законодательства о том, чтобы лица, участвующие в деле, имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд.

... Суду апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционной жалобы Г... следовало поставить на обсуждение вопрос о причинах неполучения ею судебной корреспонденции, однако этого сделано не было. Между тем к кассационной жалобе Г.. приложен выписной эпикриз... она находилась на лечении...

Это... привело к нарушению права ответчика на представление в суд доказательств и заявление ходатайств, в том числе о пропуске Банком срока исковой давности для обращения в суд по части требований». Судебные акты были признаны незаконными и отменены.

- Разумность сроков рассмотрения дел. Все вопросы, связанные с разбирательством дела вполне под силу решать оперативно и качественно, а, следовательно, в отведенные законом сроки (например, ст.154 ГПК). Однако, привыкшие формально правильно применять нормы судьи могут на основании ст. 169 ГПК РФ (отложение разбирательства дела) неоднократно переносить рассмотрение дела по существу в другое судебное заседание, а в соответствии со ст. 216 ГПК РФ, приостановить производство по делу. Оснований для этого находится предостаточно: постоянное истребование дополнительных доказательств, приглашение новых специалистов, назначение многочисленных, дублирующих друг друга экспертиз и т.д. И это при том, что без данных юридических операций вполне можно вынести решение. Отсюда даже несложные дела могут затягиваться на месяцы и даже не на один год. В целях эффективной реализации права на судебную защиту Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 29.03.2016 N 11 (ред. от 29.06.2021) "О некоторых вопросах, возникающих при

рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок".

Содействие лицам участвующим в деле при сборе доказательств. В п. 2, ч.1, ст. 57 ГПК РФ зафиксировано: «Суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств». Схожее правило есть в ч 2.1., ст. 59 КАС РФ.

Эти новеллы меняют традицию, когда суды по формальным основаниям (например, если в представленном пакете документов, отсутствует хотя бы один документ, который заявитель затрудняется представить) могли отказать в их приеме, не назначить заседание и т.д. Сегодня формальный подход в подобной ситуации не допустим. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021г. № 18-КГ20-96-К4 изложена следующая позиция:

«Разрешая спор и отказывая в иске, суд первой инстанции исходил из того, что истцом не представлена доверенность...

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с такими выводами суда первой инстанции.

...Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что обжалуемые судебные постановления приняты с существенными нарушениями норм процессуального права и согласиться с ними нельзя...

... Из обстоятельств дела следует, что истец не имел реальной возможности представить указанную в предварительном договоре доверенность, а суд, располагая реквизитами доверенности, в нарушение требований части 1 статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не разъяснил Ю... право на обращение в суд с ходатайством об оказании содействия в истребовании этой доверенности путем выдачи соответствующего запроса.

Допущенное нарушение норм процессуального права повлияло на исход дела, и без его устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов заявителя».

Применение должно проходить на право-моральной основе. Сегодня постепенно преодолевается взгляд, что «...право и мораль – принципиально различные социальные... регуляторы; специфическим принципом права... является принцип формального равенства; с точки зрения юридического правопонимания, принцип морали есть принцип автономной саморегуляции личностью... своего поведения; соотношение права и морали – это соотношение разных принципов;...»¹. С практической точки зрения это позволяло должностному лицу утверждать, что по совести он на стороне, например, потерпевшего, но по закону обязан отказать. Под углом зрения человеческого измерения право и мораль (при сохранении различия между ними) выступают как однонаправленные, имеющие общие цели и принципы регуляторы поведения. Конституция не только юридический, но нравственный (в той мере, в какой затрагиваются права, свободы и обязанности людей) документ. Линия на охрану, защиту нравственности проводится в отраслевом законодательстве, судебной практике. Пленум ВС РФ от 15 ноября 2022г. принял специальное постановление № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Вот лишь два разъясняющих положения из документа:

«... Отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не означает, что потерпевший не имеет права на компенсацию морального вреда...

... Вопрос... присуждаемой суммы должен решаться с учетом всех обстоятельств дела, в том числе значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении».

Опора в применении права на мораль существенно ограничивает рассмотрение только формальной, внешней стороны вопроса, требует подходить к его решению справедливо, добросовестно, разумно, уважая достоинства человека, проявляя равнодушие к его физическому и (или) нравственному страданию.

Правовые ограничения на уровне интерпретации. При выявлении точного смысла и содержания права, выраженного в правилах поведения могут возникать сложности. Неверное их уяснение может привести к ошибкам, к необоснованному ограничению прав. Тогда действительный смысл раскрывается с помощью официального толкования. Так, Конституционный Суд РФ проверяя конституционность подпункта 22.1 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ДОМ.РФ Управление активами" (постановление от 20.02.2024 N 7-П) постановил:

«1. Признать подпункт 22.1 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому

¹ Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода//Государство и право 1998. № 8. С. 116.

смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает взимания государственной пошлины отдельно как за государственную регистрацию права общей долевой собственности владельцев инвестиционных паев на недвижимое имущество, составляющее ПИФ (приобретаемое для включения в состав фонда), так и за государственную регистрацию ограничения соответствующего права (обременения имущества) в виде осуществляемого управляющей компанией фонда доверительного управления в случаях, когда эти регистрационные действия осуществляются на основании заявления уполномоченного лица одновременно.

2. Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл подпункта 22.1 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делам с участием общества с ограниченной ответственностью "ДОМ.РФ Управление активами", основанные на подпункте 22.1 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Правовые ограничения на уровне непосредственной реализации права. Субъекты непосредственной реализации права - физические и юридические лица. Они не применяют право, но организуют его осуществление, например, юридические лица (компании, фирмы) оказывая услуги гражданам. Центральным ограничителем-ориентиром на данном уровне является конституционное положение: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3, ст.17). Оно получило конкретизацию в отраслевом законодательстве. В ГК РФ содержится целый комплекс правил ограничений, направленных на обеспечение прав других субъектов:

«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» (ч.3, ст. 1);

«никто не вправе извлекать преимущество из своего...недобросовестного поведения» (ч.4, ст. 1);

«Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» (п.1, ч., ст. 10);

«не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке» (п.2, ч. 1,ст. 10) и др.

В ст. 14.8. КоАП РФ установлена административная ответственность за ограничение прав посредством навязывания услуг.

«2.1. Навязывание потребителю дополнительных товаров (работ, услуг) за отдельную плату путем предложения потребителю до заключения договора о приобретении основных товаров (работ, услуг) приобрести дополнительные товары (работы, услуги) или заключить иные договоры, приобретение или заключение которых обусловливается обязательностью при приобретении основных товаров (работ, услуг) ...».

Самоограничение (самозапрет). Одним из самоограничений является защита от мошенников (киберпреступников), пытающихся, например, взять кредит на имя другого человека. С этой целью принят Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. N 31-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О кредитных историях" и Федеральный закон "О потребительском кредите (займе)", вступающий в силу с 1 марта 2025 года. В нем установлено:

«... Запрет на заключение договоров потребительского займа (кредита) (далее также - запрет) - мера, принимаемая субъектом кредитной истории - физическим лицом, направленная на ограничение заключения с ним договоров потребительского займа (кредита)...» (п.14, ст.3);

«...Для установления запрета (снятия запрета) субъект кредитной истории - физическое лицо вправе бесплатно любое количество раз подать во все квалифицированные бюро кредитных историй через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг или с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг...» (п.1, ст.5.1.).

Таким образом, правовые ограничения – комплексная проблема. В равной степени должны исследоваться: 1) правовое ограничение как средство обеспечения прав личности и 2) правовое ограничение прав человека и гражданина. Это необходимо для достижения баланса между частными и публичными интересами.

КОРПУС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ С УЧЕНОЙ СТЕПЕНЬЮ КАНДИДАТА НАУК

Гоглева Ксения Юрьевна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России

Gogleva Kseniya Yurievna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

E-mail: goglevakseniya@gmail.com

Конституционализм и правовые ограничения: импликация смыслов и юридических практик

Constitutionalism and legal restrictions: implications of meanings and legal practices

Аннотация: Статья посвящена вопросу определения влияния идеалов конституционализма на возникновение и существование правовых ограничений в российском социуме. Посредством анализа содержания доктринальных позиций юридической науки относительно определения понятия «конституционализм», нормативных положений Конституции Российской Федерации и отечественного законодательства, произведен вывод о полемичности его смысла, толкование которого, по мнению автора, требует расширительного подхода. Особое внимание уделено сущности различия деятельности органов публичной власти и воли народа в процессе претворения в жизнь конституционных идей и ценностей. Автором доказывается, что процесс конституционализации предполагает не только приведение в соответствие конституционным принципам и целям всех нормоположений отраслевого законодательства, но и всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и посредством введения правовых ограничений как по отношению к народу, так и к органам публичной власти.

Ключевые слова: конституционализм, правовые ограничения, органы публичной власти, народовластие, конституционный контроль, власть, конституционные ценности, конституционные идеалы.

Abstract: The article deals with the issues of the determining the influence of the ideals of constitutionalism on the emergence and existence of legal restrictions in Russian society. By analyzing the content of the doctrinal positions of legal science regarding the definition of the concept of “constitutionalism”, the normative provisions of the Constitution of the Russian Federation and domestic legislation, a conclusion was drawn about the polemic nature of its meaning, the interpretation of which, in the author’s opinion, requires a broad understanding. Particular attention is paid to the essence of the differences in the activities of public authorities and the implementation of the will of the people in the process of implementing constitutional ideas and values. The author proves that the process of constitutionalization involves not only bringing into conformity with the constitutional principles and goals of all normative provisions of sectoral legislation, but also all spheres of society, including through the introduction of legal restrictions both in relation to the people and to public authorities.

Keywords: constitutionalism, legal restrictions, public authorities, democracy, constitutional control, power, constitutional values, constitutional ideals.

*Люди не могут дать силу праву и дали силе право.
Блез Паскаль*

Конституция России 1993 года, учрежденная многонациональным народом Российской Федерации во имя его же блага и процветания, является «Азбукой права», «буквами» которой записаны все законодательные положения современной российской правовой системы.

Понятие «конституции как основного закона общества и государства», данное профессором Н.С. Бондарем¹, уже прочно утвердилось в юридической науке, что, однако, не исключает полемичности восприятия принципа «конституционализма» в российской правовой доктрине.

Так, Н. М. Добрынин отмечает прямую взаимосвязь конституционализма с понятием правовой культуры, выраженную в претворении конституционных ценностей и идеалов в общественной жизни того или иного социума².

С. А. Авакьян определяет конституционализм как совокупность гуманистических идей, которые должны реализовываться существующим правовым строем³.

Т. Я. Хабриева настаивает, что Конституция может быть признана реально «действующей» только тогда, когда ее принципы и нормы воплощаются в действиях субъектов, призванных их реализовывать. В первую очередь – в деятельности органов публичной власти, поскольку «конституционализм по сути своей направлен на *ограничение* (курс. наш) деятельности государства по отношению к обществу, так как именно власть прежде всего связывается конституционными установлениями»⁴.

Последний тезис заслуживает особого внимания и раскрытия, в том числе посредством определения сущности различия деятельности публичной власти и воли народа, так как процесс претворения в жизнь конституционных идей и ценностей предполагает двойственность этих двух субъектов.

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации многонациональный народ России является единственным источником власти и государственного суверенитета, осуществляющим свою власть непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления.

Исходя из данного легального определения возникает логичный вопрос об истинности конъюнктивной связи двух этих простых высказываний, так как возможность одновременного сочетания бытия народа в качестве «источника власти» и «носителя власти», способного ее «осуществлять», дискуссионна.

Понимая «источник» в качестве исходной причины, основы происхождения чего-нибудь, закономерно рассматривать народ Российской Федерации в качестве единственно возможного источника власти, как это и принято в большинстве демократических государств мира и зафиксировано в ст. 3 Конституции России. Однако это ещё не означает, что российский народ обладает реальными властными полномочиями, заключающимися в возможности целенаправленного воздействия на те или иные объекты публично-правовых отношений с целью выработки их правопослушного поведения. В первую очередь потому, что данная деятельность напрямую связана с установлением определенных правовых ограничений и запретов, реализация которых, зачастую, требует подкрепления силой принуждения⁵, легально доступной лишь аппарату государственной власти.

Представляется, что, даже реализуя свое право на *выражение* власти посредством референдума и свободных выборов, многонациональный народ Российской Федерации не *осуществляет* свои властные полномочия в качестве «управляющего субъекта», а лишь принимает то или иное решение, реализуя функции коллективного самоуправления⁶.

При этом принятое решение исключительно редко принимается единогласно, то есть является лишь внешним закреплением воли народного большинства над волей меньшинства. Хотя, при низком проценте явки для участия в выборных процедурах, можно говорить и о превалировании воли активного меньшинства над волей политически-пассивного большинства (не участвовавшего в принятии и выработке коллективного решения). Что, в том и ином случае, предполагает вынужденное установление правовых ограничений воли определенного числа граждан России, от которых «никто не требует, чтобы они отказались от своей воли, чтобы они объявили своё мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним»⁷.

Таким образом, власть, так или иначе, всегда предполагает правовое ограничение. И процесс конституционализации предполагает не только приведение в соответствие конституционным принципам

¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. – М., 2016. – С. 24.

² Добрынин Н. М. Конституционализм, Конституция России и конституционализация российского права: несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик / Н. М. Добрынин // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 27.

³ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти / С. А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2014. – № 1. – С. 60.

⁴ Хабриева Т. Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации. – М., 2021. – С. 13.

⁵ Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. проф. пол. наук Санжаревский И. И. – М., Политология, РГУ. – 2010. – С. 112.

⁶ Николаев К. А., Николаев В. К. Власть народа и публичная власть: что скрывается за сложившимися штампами? /приглашение к дискуссии/ // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2014. – № 2 (3). – С. 6.

⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М., АО «Ками», 1995. – С. 39.

и целям всех нормоположений отраслевого законодательства, но и всех сфер жизнедеятельности общества.

В этом и заключается суть Конституции как «идеального сценария» устройства учрежденного народом государства и института власти, при реализации которого преимущества одних субъектов, чаще всего, являются результатом ограничения воли других. Ведь, как отмечал Юлиус Фрёбель «...закон существует всего лишь для того человека, который либо сам его создал, либо же согласился с ним. Для любого другого человека это не закон, а заповедь или приказ»¹.

Содержание распространяемого на всю территорию Российской Федерации государственного суверенитета (ст. 4 Конституции России), носителем которого является многонациональный народ России (ст. 3 Конституции России), можно также рассматривать в качестве прямого правового ограничения, направленного на «сдерживание» людей «снаружи», а также людей «внутри» в целях обеспечения реализации универсального принципа конституционализма в обеспечении независимости государства во внутренних и внешних делах. Ведь сохранение и укрепление конституционной идентичности Российской Федерации, подчас, невозможно без правового ограничения воли меньшинства, несогласного с государственной политикой и нацеленного на подрыв сложившегося правопорядка. То есть в данном аспекте конституционализм определяет суть социальной солидарности, а также характер мирного сосуществования государств и наций во времени и пространстве.

Еще одной формой конституирования общественных отношений является сбалансированное правовое ограничение в отношениях народа и органов государственной власти, при котором «управляющие» получают определенную власть над «управляемыми», хотя последние также оказывают влияние и давление «снизу» на властвующих, в том числе, посредством правового ограничения их полномочий. Как верно отмечает Б. С. Эбзеев «народ...выступает первичным субъектом конституционных правоотношений, в которых обязанной стороной являются государство, его органы и должностные лица»². То есть у процесса практической реализации идеалов конституционализма изначально присутствует двойственное активное начало: с одной стороны, это многонациональный народ Российской Федерации, являющийся субъектом прямой демократии, а с другой – органы публичной власти, реализующие свои властные полномочия по претворению конституционных идей и ценностей в социуме. При этом публичная власть в Российской Федерации ограничена основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом (ст. 2 Конституции России).

Конституционализм предполагает не только сбалансированное правовое ограничение в отношениях народа и органов государственной власти, но и взаимное ограничение органов государственной власти, основанное на принципе разделения власти (ст. 10 Конституции России).

Данное правовое ограничение предполагает пресечение деятельности, явно выходящей за круг полномочий того или иного органа государственной власти, со стороны органа иной ветви власти на основе выстроенной системы сдержек и противовесов. Особо эффективным в данном процессе видится механизм конституционного контроля, осуществляемого субъектами, полномочными к охране конституционно-правовых норм, ценностей и идеалов (Конституционный Суд Российской Федерации, Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации), и направленного на недопущение расхождений нормативно-правовой базы Российской Федерации с принципами конституционализма.

Однако, какой бы эффективной не была импликация смыслов конституционализма и описанных выше юридических практик взаимных правовых ограничений, крайне важным остается механизм самоограничения органов публичной власти и народа от чрезмерного произвола. Ведь ограничения – это не линия внизу, а контур. Соответственно осознание своих границ, правовых дозволений, пределов дискреции – залог обеспечения «господства права» в деятельности всех субъектов властеотношений. Ведь самое опасное ограничение, которое существует, – это стеклянный потолок: тебе кажется, что над тобой абсолютная свобода, но стоит подпрыгнуть слишком высоко, и ты с прискорбием снова приземлишься на землю, больно ударившись.

Таким образом, конституционализм представляет собой идеал цивилизованного саморегулирования современного российского общества, основанный на взаимосогласованном поведении его членов, взаимном контроле и ограничении, направленный на эффективное правовое регулирование всех сфер жизнедеятельности социума и являющийся целью его стратегического развития.

¹ Там же. – С. 37.

² Эбзеев Б. С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 33.

Горбунов Максим Дмитриевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Gorbunov Maxim Dmitrievich

PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University

E-mail: maxandgor@gmail.com

Правовые ограничения: вопросы пределов и эффективности реализации

Legal restrictions: issues of limits and effectiveness of implementation

Аннотация: В статье рассматривается вопрос определения основных свойств и целевого назначения правовых ограничений в государственно-правовой системе. Автор утверждает, что несмотря на необходимость режима правопорядка и законности правовые ограничения помимо явных преимуществ имеют и ряд проблем практической реализации. В работе делается вывод, что в вопросе формирования и применения правовых запретов и ограничений необходимо нахождение баланса между обеспечением безопасности и гарантиями свободы личности.

Ключевые слова: правовые ограничения, правовое регулирование, государственное принуждение, права человека, пределы права, правопорядок, законность.

Abstract: The article discusses the issue of determining the main properties and purpose of legal restrictions in the state legal system. The author argues that despite the need for a regime of law and order and legality, legal restrictions, in addition to obvious advantages, also have a number of problems of practical implementation. The paper concludes that in the issue of the formation and application of legal prohibitions and restrictions, it is necessary to find a balance between ensuring security and guaranteeing personal freedom.

Key words: legal restrictions, legal regulation, state coercion, human rights, limits of law, legal order, legality.

Правовые ограничения играют значительную роль в механизме правового регулирования, поскольку они определяют рамки дозволенного поведения субъектов права, а также обеспечивают общий режим законности и правопорядка. Определяя значительную часть норм права, ограничения обеспечивают установление правил и норм поведения, которые необходимы для общественного порядка, защиты индивидуальных прав и гражданских свобод, предотвращения конфликтов и социальной напряженности.

Такая значительная роль правовых ограничений определяет задачу государственной деятельности по поддержанию их эффективности в условиях вызовов современного общества¹. В данной связи крайне необходимо определить не только содержание ограничений, но и их принципы, пределы и направления совершенствования всего механизма, в рамках которого они определяются.

Правовые ограничения по своей сути обеспечивают следующие направления деятельности государства:

1. Обеспечение общественной и государственной безопасности. Правовые ограничения устанавливаются для предотвращения нарушений общественного порядка и режима законности посредством запрета определенных действий или поведения и определения их дозволенных рамок. Правовые ограничения в данном контексте позволяют пресекать преступность, правонарушения и деликты, коррупцию и злоупотребления, то есть все то, что способно негативно повлиять на уровень безопасности и благополучия в обществе.

2. Защита правового статуса личности. Направленность мер государственного воздействия на обеспечение режима правовой законности, защиты прав и свобод индивида, запрещение дискриминации и произвольного вторжения в частную жизнь граждан способствует обеспечению социальной и правовой справедливости и равенства перед законом современного правового государства.

¹ Шемаров В. А. Социально-правовое предназначение правовых ограничений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2(56). С. 77-83.

3. Стимулирование общественного развития. Обеспечение механизма реализации и соблюдения правовых ограничений создает условия для устойчивого экономического и социального развития, поскольку формируют гарантии охраны общественных отношений. Установление правовых ограничений с целью регулирования общественных отношений, борьбы с коррупцией и негативными явлениями рынка значительно способствует развитию бизнеса, инвестиций и социальной инфраструктуры.

В целом правовые ограничения создают ту базовую основу, которая необходима не только для установления режима законности и правопорядка, но и обеспечения поступательного гармоничного развития общества¹.

Вместе с тем введение правовых ограничений не всегда ведет к исключительно положительным последствиям, поскольку само по себе предусматривает создание механизма государственного принуждения и ответственности, а значит связано с силовым публичным воздействием на общество². В данном процессе очевидно возникают побочные негативные последствия, в числе которых можно назвать:

1. Ограничение свободы. Реализация правовых ограничений, направленных на обеспечение общественной и государственной безопасности, могут нанести значительный урон режиму правовой законности и прямо нарушать права человека, в первую очередь таких как свобода слова и право на собрания. Это может привести к явному конфликту между необходимостью обеспечения общественной безопасности и защитой индивидуальных прав личности.

2. Возможность злоупотребления. Существует риск того, что правовые ограничения могут быть потенциально использованы для достижения политических целей отдельных социальных групп, злоупотребления и произвола со стороны официальной власти. Неконтролируемые или необоснованные ограничения могут значительно повлиять на качество государственной деятельности и ее социальную направленность и как итог спровоцировать социально-политическую напряженность и конфликты³.

Эти проблемы подчеркивают важность нахождения баланса между обеспечением общественной безопасности и защитой правовой законности. Значительные усилия государства в данном случае должны быть направлены на то, чтобы правовые ограничения реализовывались в условиях гарантий недопущения нарушений прав граждан при действенном общественном и государственном надзоре за практикой их применения. В таком контексте реализация правовых ограничений в государственной политике очевидно должна иметь определенные рамки - пределы действия и принципы организации таких ограничений⁴.

Представляется, что правовые ограничения в государственно-правовой системе должны иметь следующие пределы, превышение которых резко усугубляет негативные стороны правового регулирования:

1. Соблюдение принципов и норм конституционного статуса личности. Правовые ограничения не должны нарушать основные права человека, включая фундаментальные личные и политические права. Ограничения должны применяться ко всем гражданам равно и справедливо, без какой-либо дискриминации и предпочтений. При этом ключевыми установками правовых ограничений должны быть гуманность, транспарентность, презумпция невиновности, гарантированность защиты и реальная возможность обжалования в суде или органах правовой защиты на основе равенства и свободного состязательного процесса.

2. Соблюдение фундаментальных принципов, норм и установок международных организаций и наднационального права. Поскольку международные стандарты в сфере прав и свобод человека устанавливают принципы и правила, которые государства (ратифицировавшие эти нормы) обязуются соблюдать, то они предоставляют ориентир для разработки и применения норм, устанавливающих правовые ограничения. Возможность обращения в международные организации и независимые наднациональные суды создает еще один уровень защиты от потенциальных злоупотреблений при правовом принуждении, поскольку дает возможность искать защиту за пределами национального права.

3. Обоснованность и пропорциональность мер правового воздействия. Правовые ограничения должны быть обоснованы необходимостью конкретной цели достижения режима правопорядка и правовой законности и пропорциональны уровню угрозы для общественной безопасности. Установление любых правовых ограничений должно иметь определенные критерии установления по совокупному обеспечению общественной безопасности и прав граждан. Определение приоритета в пользу установления тех или иных запретов должно базироваться на адекватном понимании общественных

¹ Беляева Г. С. К вопросу о понятии правового режима ограничения // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 4. С. 10-12.

² Кузнецов К. В. Роль правовых ограничений в системе российского публичного права // Известия Байкальского государственного университета 2012. № 5. С. 116-119.

³ Краснов М. А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 103-115.

⁴ Травников Н. О. Предел и ограничение в праве: теоретико-правовой анализ понятий // Государство и право. 2017. № 7. С. 104-109.

процессов, реальной необходимости их введения, соразмерности правового воздействия существующей угрозы и потенциальных негативных последствий для общества¹.

Таким образом при введении правовых ограничений принципиально важным становится нахождение баланса между человеческой свободой и общественной безопасностью. С одной стороны свобода не должна превращаться во вседозволенность и всегда обеспечиваться адекватной степенью ответственности, но с другой стороны общественная безопасность не должна достигаться за счет чрезмерного государственного принуждения и насилия. Безопасность имеет первоочередное значение для общественного развития, и государство безусловно должно принимать меры для защиты граждан от таких угроз, как организованная преступность, терроризм, чрезвычайные ситуации, дискриминация и властный произвол. Однако излишнее ограничение свободы ради обеспечения безопасности может привести к значительно большим негативным последствиям и повлиять на динамику развития общества в целом².

Такая постановка проблемы очевидно подводит к определению не только границ, но и принципов установления правовых ограничений, которые должны лежать в основе определения пределов правового воздействия. В их числе следует назвать следующие:

1. Телеологический характер. Направленность всякого рода ограничений в праве должна быть обращена на достижение конкретных целей и исходить из необходимости обеспечения общественной безопасности и правопорядка при условии соблюдения фундаментальных прав человека.

2. Профилактический направленность. Применение любых правовых ограничений должно быть факультативно другим ненасильственным средствам правового регулирования и применяться только в случае невозможности иным образом обеспечить общественное благополучие и иметь в первую очередь профилактический характер предотвращения потенциальных угроз.

3. Объективность. Правовые ограничения должны накладываться только в результате скрупулезной оценки объективного состояния общественных отношений и реальной необходимости ужесточения властных предписаний. При этом во всяком случае правовые ограничения не должны преследовать субъективные политические, идеологические или экономические интересы.

3. Обоснованность и соразмерность. Ограничения, накладываемые с помощью права, должны быть адекватны тем вызовам, на упреждение которых они направлены, а степень силового воздействия при их реализации соразмерна общественной опасности.

4. Эффективность реализации. Применения ограничений должно быть подтверждено их реальной способностью достижения поставленных целей по обеспечению общественной безопасности и предотвращению кризисных явлений, на борьбу с которыми они направлены. При этом результативность должна проходить регулярную оценку и необходимую корректировку в случае получения неудовлетворительных результатов³.

В итоге только реально эффективные правовые ограничения способствуют укреплению режиму правовой законности и правопорядка⁴. Это вынуждает постоянно совершенствовать способы правового воздействия и ограничений в правовой системе. Данные обстоятельства позволяют выделить ряд рекомендации по совершенствованию механизма создания и реализации правовых ограничений, которые бы включали действия по обеспечению:

1. прозрачности и участия общественности в процессе введения правовых ограничений, что поможет повысить доверие к государству и снизить риск потенциального возникновения конфликтов.

2. контроля и надзора за соблюдением ограничений, который бы образовывал систему, включающую как государственные органы (в первую очередь суд), так общественные организации, и международные институты.

3. профессионализма и ответственности со стороны должностных лиц (в первую очередь правоохранителей) в процессе принятия и применения правовых ограничений посредством профессионального обучения необходимым стандартам и названным принципам, что помогло злоупотреблений и произвола при применении ограничений.

4. экспертного и международного сотрудничества для борьбы с трансграничными угрозами глобальными проблемами в условиях совместной координации, обмена опытом и профессионального мониторинга.

Представляется, что реализация указанных рекомендаций может способствовать улучшению эффективности правовых ограничений.

¹ Маковецкая М. Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 233-237.

² Шемаров В. А. Сущность, признаки и виды правовых ограничений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2017. № 9. С. 181-190.

³ Эбзеев Б. С. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. № 7. 1998. С. 23-25.

⁴ Евстратов А. Э., Гученков И. Ю. Пределы ограничения прав и свобод человека при обеспечении безопасности (постановка проблемы) // Правоприменение. 2021. № 5(2). С. 77-85.

Еще одним важным аспектом обеспечения качественной и эффективной реализации правовых ограничений является оценка практики и реального мирового опыта для определения тех сфер действия, где они могут оказаться наиболее полезны¹. В числе таких наиболее необходимых и эффективных направлений применения правовых ограничений можно назвать:

1. Обеспечение безопасного пользования и эксплуатации источников повышенной опасности. Действующее законодательство ограничивает возможности пользования и оборота огнестрельного оружия, определяет правила эксплуатации технически сложных механизмов и опасных веществ, обеспечивая безопасность граждан и ограничивая потенциальные злоупотребления в данной сфере.

2. Запрет социальной и иных форм дискриминации. Во многих странах действуют законы, запрещающие дискриминацию по различным признакам, таким как раса, пол, религия, убеждения и по ряду других оснований, что помогает защитить права меньшинств, обеспечить социальную справедливость и равноправие всех граждан. В частности, значительную часть таких ограничений составляет контроль над распространением информации с призывами к социальной ненависти и вражде.

3. Ограничения в сфере природопользования и загрязнения окружающей среды. Реалии стремительного изменения климата и угрозы экологических катастроф определяют обязанность хозяйствующих субъектов значительно ограничивать свое техногенное воздействие на природу. В данной связи сохранение окружающей среды, защиты здоровья граждан и обеспечения сохранности природных ресурсов для будущих поколений вменяется им в обязанность государством.

4. Борьба с коррупцией и должностными преступлениями. Обеспечение транспарентности в государственной политике в целом является актуальной задачей по обеспечению социальной справедливости и объективности государственной деятельности. Поэтому современные государства активно формируют массив антикоррупционного законодательства, направленного на ограничение самоуправства, потенциала конфликта интересов и криминальных практик в деятельности должностных лиц.

5. Борьба с терроризмом и экстремизмом. Важнейшим приоритетом государства в условиях вызовов современного мира является развитие мер по предотвращению и пресечению террористических актов, сепаратистских движений и распространению деструктивных движений, чья деятельность нарушает фундаментальные права личности. Данные меры находят свое место в политике по обеспечению общественной и государственной безопасности.

6. Ограничения на доступ к секретным данным и информации. С развитием цифровизации резко возникли новые вызовы в сфере информационной безопасности. Вопросы защиты данных, кибербезопасности, регулирования социальных сетей и использования искусственного интеллекта являются новым актуальным направлением правовых ограничений в цифровом обществе.

Названные выше направления являются одними из ключевых в современной практике правовых ограничений и наглядно демонстрируют то, с какими вызовами сталкивается государство и общество сегодня, лишняя раз подчеркивая роль правовых ограничений в поддержании правопорядка.

В заключении следует сказать, что правовые ограничения в силу своей роли в механизме правового регулирования и реальных последствий, которые он имеют для организации отношений в обществе в целом должны формулироваться и применяться с должной степенью ответственности и профессионализма. В данной связи, для обеспечения должной эффективности и недопущения перегибов при реализации ограничивающих законодательных мер воздействия необходимо иметь в виду пределы и принципы, лежащие в основе правовых ограничений. Важнейшей составляющей здесь является необходимость поддержания баланса между общественной безопасностью и индивидуальной свободой. Столь сложная задача обуславливает необходимость совместной работы государства и общества, а также обеспечения эффективных механизмов надзора за процессом принятия реализации правовых ограничений.

¹ Ефремов, А. А., Добролюбова, Е. И., Талапина, Э. В., Южаков, В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / под. науч. ред. В. Н. Южакова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 126 с.

Грачев Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ННГУ им. Н.И. Лобачевского;

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры уголовно-процессуального права, г. Нижний Новгород

Grachev Sergey Alexandrovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of UNN named after. N.I. Lobachevsky,

Volga branch of the Russian State University of Justice, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Nizhny Novgorod

E-mail: sergeyag@inbox.ru

Ограничение прав близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) путем неисполнения законодателем решения Конституционного Суда Российской Федерации о внесении изменений в порядок прекращения уголовного дела

Restriction of the rights of close relatives of a deceased suspect (accused) through failure by the legislator to comply with a decision Constitutional Court of the Russian Federation on amendments in order to terminate a criminal case

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с неисполнением законодателем решения Конституционного Суда РФ, принятого в 2011 году, о внесении в Уголовно-процессуальный кодекс РФ норм, регламентирующих статус и порядок участия близких родственников и иных близких лиц умершего подозреваемого (обвиняемого), в даче согласия на прекращение уголовного дела в отношении покойного. Поступивший в Государственную Думу РФ в 2012 году законопроект о дополнении УПК РФ новой главой, в 2018 году был отклонен ввиду нецелесообразности, с предложением внесения точечных поправок в существующие нормы, которые до настоящего времени внесены также не были. С учетом неоднозначного подхода правоприменителя к пониманию порядка прекращения уголовных дел по рассматриваемому нереабилитирующему основанию и повышения актуальности изменений УПК РФ в связи с проведением Специальной военной операции, предлагается установить в законе о Конституционном Суде РФ предельный срок реакции законодателя на решение Суда в виде 3-х лет.

Ключевые слова: Конституционный Суд, правовые позиции, признание нормы не соответствующей Конституции, внесение изменений в УПК РФ, исполнение поручения о внесении изменений, смерть подозреваемого (обвиняемого), близкие родственники умершего лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование.

Abstract: The article discusses the problems associated with the failure by the legislator of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, adopted in 2011, to introduce into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation norms regulating the status and procedure for the participation of close relatives and other close persons of a deceased suspect (accused) in giving consent to termination of criminal proceedings against the deceased. A bill to supplement the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with a new chapter, which was submitted to the State Duma of the Russian Federation in 2012, was rejected in 2018 due to inexpediency, with a proposal to introduce targeted amendments to existing norms, which to date have also not been introduced. Taking into account the ambiguous approach of the law enforcement officer to understanding the procedure for terminating criminal cases on the non-rehabilitative grounds under consideration and the increasing relevance of changes to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the Special Military Operation, it is proposed to establish in the law on the Constitutional Court of the Russian Federation a deadline for the legislator's reaction to the decision of the Court in the form of 3 years.

Keywords: Constitutional Court, legal positions, recognition of a norm that does not comply with the Constitution, amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, execution of orders for

amendments, death of a suspect (accused), close relatives of a deceased person against whom criminal prosecution was carried out.

Своим постановлением от 14.07.2011 N 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку они позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. Суд разъяснил, что в каждом случае прекращения уголовного дела по указанному нереабилитирующему основанию следует выяснять согласие близких родственников умершего лица на принятие подобного процессуального решения.

Одновременно с этим, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» поручил федеральному законодателю внести в действующее уголовно-процессуальное законодательство изменения, направленные на обеспечение защиты чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого), а также прав его родственников и иных лиц, которым должно быть предоставлено право настаивать на продолжении производства по делу. Помимо перечня участников процесса, имеющих в подобной ситуации признаваемый Судом интерес по делу, законодателю надлежало в законе закрепить также процессуальные формы их допуска к участию в деле, процессуальный статус таких участников, сформулировать порядок досудебного и судебного производства в случае смерти подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), порядок принятия итогового процессуального решения органами предварительного расследования или судом по указанному нереабилитирующему основанию.

29.11.2012 года правительством Российской Федерации в Государственную Думу был внесен законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности)», в котором предлагалось закрепить процессуальный статус близких родственников умершего как представителей подозреваемого (обвиняемого). Также законопроектом был сформулирован перечень оснований, связанных со смертью обвиняемого, подозреваемого, или лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности, при наличии которых его близкие родственники либо их законные представители, родственники либо их законные представители, близкие лица либо их законные представители привлекаются к участию в деле.

Помимо дополнения ряда статей УПК РФ в части закрепления статуса представителей умершего лица, привлекавшегося к уголовному преследованию, в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предлагалось внести новую главу 51¹ («Производство по уголовным делам в отношении умершего обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности»). В указанной главе законопроекта были сформулированы нормы, регламентирующие:

1. порядок производства по уголовным делам в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности;
2. особый предмет доказывания по делам указанной категории;
3. порядок уведомления о возможности подать заявление о несогласии с прекращением уголовного дела или уголовного преследования и о привлечении к участию в уголовном деле в качестве представителя обвиняемого;
4. порядок подачи и рассмотрения заявления о несогласии с прекращением уголовного дела или уголовного преследования и привлечении к участию в уголовном деле в качестве представителя обвиняемого;
5. права и обязанности представителя обвиняемого, в том числе участие в допросе, проводимом по правилам допроса свидетеля, с одновременной реализацией права на защиту;
6. особенности окончания предварительного расследования;
7. решение прокурора по уголовному делу, поступившему с постановлением о направлении уголовного дела в отношении умершего обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности, в суд;
8. особенности судебного производства;
9. виды итогового судебного решения, принимаемого по результатам рассмотрения уголовного дела.

Одновременно с рассмотрением поступившего законопроекта в Государственной Думе, на страницах юридической печати развернулась дискуссия о том, каким статусом должны обладать лица, дающие согласие на прекращение уголовного дела в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности и какие особенности досудебного и судебного

производства должны быть сформулированы законодателем в нормах уголовно-процессуального кодекса¹.

Доктриной были выдвинуты предложения о том, что таких лиц следует признать представителями умершего² или его законными представителями³. Констатировалось и то, что подобный статус будет не соответствовать принципам уголовного судопроизводства⁴. Звучали предложения именовать их близкими лицами⁵.

Аналогичным образом подвергались анализу и другие положения, сформулированные в законопроекте.

Следует отметить, что за прошедшее с момента внесения рассматриваемого законопроекта десятилетие, проводилось неоднократное изучение судебной практики и практики деятельности органов предварительного расследования по принятию решения о прекращении уголовного дела в отношении умершего лица.

В целом они совпадают с результатами нашего исследования, которые позволяют заключить, что отсутствие необходимых норм негативно влияет на ход уголовного судопроизводства: отсутствует единообразный подход в наименовании лица, дающего согласие на прекращение уголовного дела в отношении умершего, в некоторых случаях его участие осуществляется либо без фиксации какого-либо статуса, либо он участвует в деле как свидетель. В ряде случаев согласие на прекращение уголовного дела выясняется только у защитника, ранее оказывающему юридическую помощь умершему лицу.

По вопросу наличия у родственника необходимой и достаточной совокупности прав и обязанностей, в научной дискуссии и на практике также отсутствует единообразный подход. Следует отметить, что в изученных нами уголовных делах рассматриваемой категории, близкие родственники участвовали в статусе законных представителей или представителей.

Вполне обоснованно можно говорить о том, что статус родственника умершего лица не может именоваться представителем (законным представителем) или защитником умершего лица. Полагаем, что участники в подобном статусе не могут обладать правом на защиту, поскольку в их отношении уголовного преследования не ведется. В свою очередь, и бесплатное участие адвоката-представителя по назначению уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено. Вместе с тем, родственники умершего вряд ли поголовно имеют необходимое образование в области юриспруденции, чтобы самостоятельно понимать юридические последствия принимаемых ими процессуальных решений по даче согласия на прекращение уголовного дела.

Несмотря на единогласное мнение в доктрине о том, что рассматриваемая область общественных отношений нуждается в уголовно-процессуальном регулировании, рассматриваемый законопроект до 2018 года находился в Государственной Думе Российской Федерации, где прошел два чтения, а затем был отклонен.

Подобное решение было принято в связи с тем, что по мнению Комитета по государственному строительству и законодательству, введение понятия «представители обвиняемого», а также ряд других поправок, в том числе новой главы Уголовно-процессуального кодекса представляется чрезмерным, поскольку вводимые нормы дублируют уже существующие, а введение новой главы 51¹ («Производство по уголовным делам в отношении умершего обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности») - видится излишним. По мнению депутата Р. М. Марданшина, разрешить данную проблему, представленную в постановлении Конституционного Суда, возможно внесением нескольких точечных поправок в Уголовно-процессуальный кодекс⁶.

¹ Богданович Н. А. Право умершего подозреваемого (обвиняемого) и его представителей на реабилитацию: законодательные и нравственные аспекты // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 48—53; Бондаренко А. А. Особенности производства по сложносоставному уголовному делу в случае смерти одного из соучастников // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2022. — Т. 21 — № 1. — С. 18; Лазарева В. А., Мещерякова Ю. О. Если умер подсудимый // Мировой судья. 2019. № 10. С. 21—26; Лукинов А. Особенности производства по уголовным делам, с прекращением которых на основании п.4 ч.1 ст. 24 УПК РФ не согласны близкие родственники умершего подозреваемого (обвиняемого) // Законность. 2015. № 6. С. 43—44; Шипунова О. В. Смерть лица, совершившего преступление, как основание отказа в возбуждении уголовного дела // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2. С. 189—195.

² Карпенко В.М. О процессуальном порядке прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) // Российский следователь. 2014. № 2.

³ Корчагина Л.И. Особенности прекращения уголовного преследования в отношении умерших (в свете реализации права на защиту) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5; Маслов И.В. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям: как исполнять решение Конституционного Суда Российской Федерации // Уголовный процесс. 2012. № 5

⁴ Хитрова О.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего посредством возвращения уголовного дела судом для дополнительного расследования // Труды Академии управления МВД России. 2013. №4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-i-zakonnyh-interesov-poterpevshego-posredstvom-vozvrashcheniya-ugolovnogo-dela-sudom-dlya-dopolnitelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 17.04.2024).

⁵ Лазарева В. А., Мещерякова Ю. О. Если умер подсудимый // Мировой судья. 2019. № 10. С. 21.

⁶ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6?ysclid=lv3ssijwiu632568522>

В итоге законопроект был отклонен, до настоящего времени даже точечных поправок УПК РФ по регламентации правоотношений, возникающих в связи со смертью привлеченного к уголовному преследованию лица, не принято.

Вместе с тем, при обсуждении законопроекта¹ Комитет по государственному строительству и законодательству Государственной Думы сформулировал ряд положений, которые могли бы найти свое закрепление в виде анонсированных точечных поправок:

- уголовное судопроизводство по уголовному делу в отношении умершего лица должно осуществляться в общем порядке с учетом особенностей, обусловленных физическим отсутствием самого обвиняемого;

- представитель умершего лица вправе ознакомиться с процессуальным документом о подозрении и обвинении лица (с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого; обвинительным актом, уведомлением о подозрении, постановлением о возбуждении уголовного дела и т.п.), в случае возражения на прекращение уголовного дела – ознакомиться с материалами уголовного дела по окончании расследования;

- представитель умершего лица должен быть допрошен по правилам допроса лица в качестве обвиняемого (ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), в ходе которого должен озвучить свою позицию об обоснованности обвинения и дать согласие на прекращение уголовного дела в связи со смертью обвиняемого.

С последним предложением мы в корне не согласны, поскольку:

- уголовное преследование в отношении представителя умершего лица не осуществляется;

- он не представляет интересы умершего лица, а преследует свои, зачастую не связанные с волей подозреваемого (обвиняемого) цели по уголовному делу;

- он не вправе иметь представителя, воспользоваться услугами адвоката бесплатно он не вправе в силу закона;

- ему, в отличие от подозреваемого (обвиняемого) должна быть разъяснена уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний.

Таким образом, необходимо констатировать, что обсуждавшийся в Государственной Думе РФ законопроект был далек от идеала.

Более того, в ходе обсуждения законопроекта, Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в УПК РФ была внесена глава за номером 51¹, которая посвящена применению меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Указанные обстоятельства наглядно демонстрируют, что длительное нахождение законопроекта в стенах Государственной Думы РФ привело к негативным последствиям в виде мнимой потери значимости предлагавшихся новелл для уголовно-процессуального законодательства. Более того, за 6-ти летний срок, прошедший с момента отклонения законопроекта, анонсированные точечные поправки в УПК РФ так и не приняты.

Полагаем, что затягивание законодателем на срок более 13 лет учета воли Конституционного Суда РФ о внесении поправок в рассматриваемом вопросе не обосновано. С учетом наличия практических проблем рассмотрения органами предварительного расследования и судом вопроса о прекращении уголовного преследования в отношении умершего лица, которая обострилась в период проведения Специальной военной операции, считаем необходимым с целью защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства внести изменения в закон о Конституционном Суде РФ, в части установления обязанности законодателя своевременно реагировать на правовые позиции Суда, сформулированных в постановлениях, признающих неконституционными отдельные положения закона. Для подобных решений следует установить предельный срок реагирования законодателем в размере 3-х лет с момента вступления в силу соответствующих постановлений Конституционного Суда.

По существу рассматриваемой нами проблемы полагаем необходимым закрепить в нормах уголовно-процессуального кодекса в качестве самостоятельного статус участника уголовно-процессуальных отношений, дающего согласие на прекращение уголовного преследования в отношении его близкого родственника и сформулировать особенности проведения предварительного расследования и судебного разбирательства в подобных ситуациях.

¹ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6?ysclid=lv3ssijwiu632568522>

Жданов Павел Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Zhdanov Pavel Sergeevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky

E-mail: pavelzhdanov@bk.ru

Правовые ограничения и чрезвычайное положение в политико-правовом дискурсе Нового времени

Legal restrictions and states of emergency in the political and legal discourse of Modern times

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты политико-правового дискурса Нового времени, связанные с обоснованием возможности государственных властей в чрезвычайных ситуациях приостанавливать действие тех или иных положений законодательства. Отмечается, что ключевым понятием, служившим для легитимации как самого существования государственной власти, так и ее права вводить режим чрезвычайного положения, было понятие безопасности. Указывается на современные тенденции в области применения режима чрезвычайного положения и родственных ему режимов.

Ключевые слова: чрезвычайное положение, Новое время, безопасность, правовые ограничения, политико-правовой дискурс.

Abstract: The article deals with some aspects of the political and legal discourse of Modern age related to the justification of the possibility of state authorities in emergency situations to suspend the operation of certain provisions of legislation. It is noted that the key concept that served to legitimize both the very existence of state power and its right to impose a state of emergency was the concept of security. The current trends in the application of the state of emergency and related regimes are indicated.

Keywords: state of emergency, Modern age, security, legal restrictions, political and legal discourse.

Ограничения являются неотъемлемым аспектом действия права. В той мере, в какой право возлагает обязанности, устанавливает запреты, оно ограничивает свободу субъектов. Основные вопросы, традиционно возникающие в связи с установлением и реализацией подобных ограничений, – это вопросы об их обоснованности и пределах. Предполагается, что любые ограничения свободы граждан должны быть направлены на поддержание правопорядка и осуществляться в режиме, определенном законодательством. Даже наиболее существенные ограничения, связанные с приостановлением действия некоторых конституционных прав и свобод в условиях наступления критических для общества ситуаций, не отменяют конституционного порядка как такового, т.к. носят временный характер и регламентируются специальным законодательством о чрезвычайном положении. Само же чрезвычайное положение направлено в первую очередь на устранение обстоятельств, угрожающих обществу, и, стало быть, должно служить сохранению правопорядка в долгосрочной перспективе. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые особенности политико-правового дискурса Нового времени, в рамках которого обосновывалась возможность государственных властей действовать за пределами «нормальных» правовых процедур, а также укажем на некоторые современные тенденции по установлению ограничений в условиях «перманентного чрезвычайного положения».

По словам К. Шмитта, возможность принятия решения о чрезвычайном положении составляет саму сущность суверенной власти¹. Именно тот, кто выступает от имени суверенной власти, имеет право определять, где заканчивается «нормальное положение дел» и начинается режим чрезвычайного положения. Если принять этот тезис, то вопрос о приостановлении нормального правового порядка оказывается неразрывно связанным с вопросом о статусе суверенной власти.

¹ Шмитт К. Понятие политического. СПб: «Наука», 2016. С. 8.

С самого зарождения суверенного территориального государства Нового времени, в основе дискурса, легитимирующего его монополию на политическую власть и применение силы, лежало понятие *безопасности*. Гроций, называет государство союзом, заключенным «ради соблюдения права и общей пользы»¹, и отмечает, что люди учредили его, поскольку убедились в «бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия»². Гоббс усиливает этот акцент, объявляя обеспечение безопасности основной целью государства³. Только государство обладает силой, страх перед которой заставляет людей соблюдать естественные законы и соглашения. В отсутствие суверенной власти и поддерживаемых ею законов такие понятия, как справедливость, лишены смысла. Опасность возвращения естественного состояния, т.е. состояния войны всех против всех, всегда остается реальной ввиду преобладания в людях эгоистических наклонностей. Поэтому власть государства должна быть абсолютной в тех сферах, которые непосредственно связаны с обеспечением безопасности. С другой стороны, за пределами этой сферы, в области, не регламентированной законами и соглашениями с властью, подданные пользуются свободой⁴. Иными словами, государство раннего модерна, которое описывал Гоббс, не стремилось к тотальному подчинению жизни общества своему непосредственному регулирующему воздействию, ограничиваясь мерами для поддержания безопасности. Поэтому Спиноза, доказывая в своем «Богословско-политическом трактате» возможность сохранения свободы суждения подданных, ссылаясь именно на то, что такая свобода не может угрожать общественной безопасности⁵.

Тем не менее, в раннемодерном политическом дискурсе важное место занимает проблема ограничения государственной власти правом. В частности, Боден считал, что суверен, не будучи связанным никакими человеческими законами, должен соблюдать естественный закон, которым охраняется собственность семей⁶. Одной из центральных проблем политической теории эпохи Просвещения стала разработка механизмов, призванных обеспечить подчинение государства праву. При этом признавалась и возможность для высших государственных органов в ряде случаев выходить за рамки закона ради «общего блага». Например, Локк принципиально допускал, что правительство может действовать «сообразно собственному разумению ради общественного блага, не опираясь на предписания закона, а иногда даже вопреки ему»⁷. Такие действия определяются в качестве *преерогативы*, необходимость которой связана с тем, что «существует много вещей, которые закон никак не может предусмотреть». К тому же в некоторых случаях необходимо, чтобы «сами законы уступили место исполнительной власти», чтобы насколько возможно «были сохранены все члены общества»⁸. В свою очередь Руссо в своем описании государства, основанного на народном суверенитете, уделит особое внимание институту диктатуры, вводимому для «спасения отечества». По его словам, «если опасность ... такова, что соблюдение законов становится препятствием к ее предупреждению, то назначают высшего правителя, который заставляет умолкнуть все законы и на некоторое время прекращает действие верховной власти суверена»⁹.

Таким образом, возможность приостановления действия некоторых законов в чрезвычайных ситуациях описывалась как важнейшая составляющая власти суверена или уполномоченных им государственных органов. Выходя за пределы установленного правопорядка, чрезвычайные действия властей не предполагали его отрицания. В конечном итоге обеспечение безопасности общества, которым определялся смысл введения чрезвычайных мер, выступало и обоснованием существования государственного правопорядка как такового. С другой стороны, поскольку деятельность в чрезвычайных обстоятельствах должна была осуществляться вне правовых рамок, в пространстве чистой необходимости и инструментальной рациональности, она тесно соприкасалась с тем, что со времен Ренессанса обозначалось как *ragione di Stato*, или государственный интерес. По словам Лодовико Дзукколо, последний сводится к «знанию средств, пригодных для учреждения и сохранения устройства государства, ... и умению пользоваться этими средствами»¹⁰. При этом государственный интерес зачастую противоречит законам, поскольку «направлен прежде всего на выгоду тех, кто правит», в то время как основной целью законов выступает «благо частных лиц»¹¹. Впрочем, отмечает Дзукколо, преступным государственный интерес является только в «дурных государствах». Благие цели, определяющие действия хорошего правителя, делают благими и выбираемые им средства.

¹ Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. С. 74

² Там же. С. 166.

³ Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1964. С. 192.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ Спиноза Б. Сочинения: В 2 т. Т. II. СПб.: Наука, 2006. С. 13.

⁶ Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М.: «Мысль», 1970. С. 146.

⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: «Канон +», 2009. С. 328

⁸ Там же. С. 328.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: «Наука», 1969. С. 244.

¹⁰ Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Макиавелли: Проблема метода в политических науках раннего Нового времени. Научная монография. М.: Квадрига, 2014. С. 199.

¹¹ Там же. С. 205.

Подобная амбивалентность чрезвычайного положения определяла то, что к нему относились как к средству, потенциально опасному. Эти опасения систематически оправдывались историей XX века, когда введение чрезвычайного положения, зачастую на неопределенный срок, практиковалось разного рода диктаторскими и тоталитарными режимами. Тем не менее, как указывает Дж. Агамбен, в современном мире «осознанное использование чрезвычайного положения (даже если оно и не было объявлено формально) стало одной из главных практик современных государств, включая и так называемые демократии»¹. В результате временная и исключительная мера превращается в управленческую технологию, преобразуя «структуру и смысл различных традиционных конституционных форм»². Характерно, что легитимация указанной управленческой парадигмы происходит с помощью привычных для современного политико-правового дискурса категорий, прежде всего, – понятия безопасности. Таким образом системы власти получают возможность адаптироваться к новым социальным реалиям, усваивая арсенал технических средств контроля и управленческих стратегий, которые зачастую не вполне согласуются с установленными законодательством процедурными требованиями и конституционными гарантиями. Режим «чрезвычайного положения» позволяет в полной мере реализовать потенциал указанных средств, не прибегая к формальной отмене существующего правового порядка, статус гаранта которого всегда обеспечивал государственным властям легитимность и респектабельность.

В свете сказанного вопрос о правовых ограничениях приобретает новый смысл, поскольку наиболее существенные ограничения сегодня часто реализуются за рамками нормально функционирующего правового режима, в условиях, когда императивы безопасности доминирует над императивами сохранения правовых гарантий. Проблема усугубляется тем, что многие современные явления в области отношений государства и общества не могут быть адекватно описаны на языке современного политико-правового дискурса. Более того, неотрефлексированное использование понятий последнего применительно к новым реалиям препятствует их осмыслению.

¹ Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 9.

² Там же.

Каргин Константин Васильевич
заведующий кафедрой трудового и экологического права
юридического факультета Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент;
исполнительный директор – руководитель аппарата
Нижегородского регионального отделения Ассоциации юристов
России

Kargin Konstantin Vasiljevich
Head of the Department of Labor and Environmental Law of the faculty
of law of the National research Nizhny Novgorod State University N.I.
Lobachevsky, Candidate of Sciences (Law), associate professor;
Executive Director - Chief of Staff of the Nizhny Novgorod Regional
Branch of the Association of Lawyers of Russia

E-mail: konstantinkargin1979@mail.ru

Правовые ограничения юридической аргументации в процессе судебного разбирательства

Legal restrictions of juridical argumentation in the during of the court proceeding

Аннотация: Действующее российское законодательство весьма подробно регламентирует судебное разбирательство как одну из юридических процедур. Во время судебного разбирательства его участники представляют юридические доводы, направленные на поддержку занимаемой ими правовой позиции. В практике имеют место случаи использования недостоверных, оскорбительных, не относящихся к делу юридических доводов. Автором проанализированы правовые основы ограничений в отношении представления таких доводов в судебном разбирательстве, а также формулируется ряд предложений по дополнению процессуальных кодифицированных нормативных правовых актов положениями, дополнительно ограничивающими возможности недопустимой юридической аргументации.

Ключевые слова: юридическая аргументация, юридические доводы, правовые ограничения, судебное разбирательство, недостоверный довод, искажение фактов, фальсификация доказательств, оскорбительное высказывание.

Abstract: Current Russian legislation regulates court proceeding in great detail as one of the legal procedures. During the trial, participants present juridical arguments aimed at supporting their legal position. In practice, there are cases of the use of unreliable, offensive, irrelevant juridical arguments. The author analyzes the legal basis for restrictions on the presentation of such arguments in the court proceeding, and also formulates a number of proposals for supplementing procedural codified normative legal acts with provisions that further limit the possibilities of unacceptable juridical argumentation.

Keywords: juridical argumentation, juridical arguments, legal restrictions, court proceeding, unreliable argument, misrepresentation of the facts, falsification of the evidence, offensive statement.

Несмотря на то, что судебное разбирательство является одной из самых детально регламентированных юридических процедур, оно продолжает оставаться многовариативным правовым феноменом, на начало, развитие и завершение которого оказывают существенное влияние его участники. Как пойдет судебное разбирательство, какова будет его продолжительность, каков итог – трудно предугадать. Случается, что стороны сознательно затягивают процесс, превращают его в сведение личных счетов, в несодержательную тратящую время бессмысленную полемику, в баталии с взаимными претензиями, упреками, пререканиями, а иногда и рукоприкладством. Суду приходится выслушивать «словесный сумбур», «болтовню» вместо «музыки четких юридических аргументов». Участники судебного разбирательства «сыпят» оскорблениями, искажают действительное положение вещей, а иногда и угрожают друг другу. Допустимо ли это, можно ли, и нужно ли ограничивать все это – вопрос риторический. Что же касается самих ограничений, то они, безусловно, должны носить правовой характер и быть санкционированными нормами права.

Ограничения пронизывают юридическую материю, а юридический тезаурус пополняется все новыми и новыми правовыми терминами, так или иначе связанными с общеупотребительным словом «ограничение», которое в обычном значении трактуется либо в значении действия, либо правила, направленного на удержание лица в определенных границах, пределах. Большинство из этих терминов представляют собой юридические словосочетания: ограничение прав и свобод, ограничение свободы, ограничение дееспособности, ограничение родительских прав, ограничение прав на землю, ограничение права собственности, ограничение правового статуса и многие другие. При этом не менее чем одним из терминов придается правовой характер уже тому понятию, которое им обозначается.

Одним из наиболее наукоемких юридических понятий, объем которого сочетает различные виды ограничений правового характера, является понятие «правовое ограничение». Вместе с тем, ни самого термина «правовое ограничение», ни дефиниции соответствующего ему понятия мы не встретим в действующем законодательстве. Но, стоит нам обратиться к юридической доктрине, и мы станем свидетелями развернувшейся в правоведении научной дискуссии, многочисленные участники которой не только дают авторские определения понятия «правовое ограничение», но и предпринимают попытки примкнуть к тому или иному лагерю приверженцев соответствующего подхода. Не ставя себе целью их анализ, обратим внимание на ряд дефиниций, рассмотрение которых позволит уточнить некоторые ключевые моменты относительно понимания правовых ограничений юридической аргументации.

«Правовое ограничение, – пишет А.В. Малько, – есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условие для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»¹. В рамках такого видения, в объем понятия «правовое ограничение» у него входят обязанности, запреты, приостановления, сервитуты, лимиты и т.д. Нам импонирует тот факт, что ученый связывает сдерживание поведения лица с созданием условий для удовлетворения интересов не только контрsubjекта, но и общественных интересов. Скажем, в рамках юридической аргументации ограничение выдвижения стороной защиты не относящихся к делу юридических доводов, направленных на затягивание судебного процесса, преследует цель удовлетворения общественного интереса – оперативного привлечения лица к юридической ответственности в пределах установленных процессуальных сроков.

И.М. Приходько рассматривает правовые ограничения как правовые средства, направленные на то, чтобы удержать субъекта права в определенных рамках в целях упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрsubjекта². При этом круг правовых ограничений у неё аналогичен тому, что выделяется А.В. Малько. Полагаем, что определение понятия «правовые ограничения» через категорию «правовые средства» подчеркивает их целевую направленность, состоящую в удовлетворении интересов субъектов права.

Соглашаясь с тем, что правовое ограничение направлено на сдерживание противоправной активности М.А. Куликов считает, что правовые ограничения необходимы для сдерживания, в том числе правомерной активности. Он предлагает понимать под правовым ограничением «правовое средство, направленное на сдерживание участника правоотношений от совершения определенных действий посредством уменьшения возможностей реализации его интересов в целях упорядочения общественных отношений»³.

Говоря о правовых ограничениях юридической аргументации, считаем, что они в большей степени направлены на сдерживание именно противоправной активности. Их цель – не допустить выдвижения недостоверных доводов, возможно даже основанных на фальсифицированных доказательствах; исключить или минимизировать использование доводов, содержащих оскорбительные и клеветнические высказывания; устранить необоснованные доводы, которые судом признаются голословными, ненадежными. Вместе с тем, мы не отрицаем и того, что правовые ограничения могут быть направлены на сдерживание правомерной активности, например, цензы.

Исходя из вышесказанного, предлагаем понимать правовые ограничения юридической аргументации как правовые средства сдерживания субъектов юридической аргументации от приведения юридических доводов, не соответствующих требованиям, предъявляемым к ним действующим законодательством, установленные и (или) используемые в целях защиты законных интересов иных участников юридической аргументации, интересов общества и государства.

Правовые ограничения юридической аргументации в процессе судебного разбирательства устанавливаются процессуальными нормативными правовыми актами. При этом в самих нормах права, предусматривающих ограничения действий участников судебного разбирательства, может не идти речь

¹Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 240.

²Приходько И.М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. Наук. Саратов, 2002. С. 8-9.

³Куликов М.А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2002. № 6. С. 159.

о юридической аргументации. Ограничение юридической аргументации подразумевается исходя из смысла самой нормы права. Например, согласно п. 1 ст. 118 Кодекса административного судопроизводства РФ¹ (далее – КАС РФ) председательствующий в судебном заседании вправе ограничить выступление участника судебного разбирательства, если оно касается вопроса, не относящегося к судебному разбирательству, а согласно п. 2 данной статьи – лишить его права слова при допущении грубых выражений или оскорбительных высказываний.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел»² ограничение выступления обозначено как мера процессуального принуждения, выражающаяся в ограничении в разумных пределах времени выступления. Применение данной меры осуществляется в случае, если участник судебного разбирательства выступает по вопросу, не имеющему отношения к самому судебному разбирательству, то есть не связанному с административным делом. В ракурсе юридической аргументации это выглядит как приведение юридических доводов, не относящихся к теме юридической аргументации. Полагаем, что противоположная сторона может заявлять о том, что юридический довод не имеет отношения к вопросам, исследуемым в судебном разбирательстве. Вопрос лишь в том, нужно ли ограничивать время выступления или следует исключать возможности таких доводов. Как нам видится, судья должен указать участнику юридической аргументации на необходимость выступления по вопросам судебного разбирательства, то есть вернуть его в русло рассматриваемого дела. В данной связи очень интересной видится формулировка ч. 5 ст. 171 КАС РФ о том, что председательствующий в судебном заседании вправе остановить выступающего, выходящего за пределы рассматриваемого административного дела. Понятие «остановить выступающего» можно интерпретировать, как пресечь выступление. Таким образом, считаем возможным закрепить в действующем процессуальном законодательстве норму о необходимости соблюдения требования относимости юридических доводов к рассматриваемому делу.

В качестве правового ограничения мы видим и лишение слова выступающего. Пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» гласит: «Участник судебного разбирательства, нарушающий установленное судом ограничение, может быть лишен слова после того, как его выступление было ограничено судом во времени и соответствующее время истекло». Исходя из буквального понимания данного положения, мы видим, что основанием лишения права слова является нарушение ограничения по времени выступления, а не нарушение в виде продолжения выступления по вопросу, не относящемуся к рассматриваемому делу. Получается, что судья ограничивал выступление для того, чтобы пресечь не относящуюся к делу «болтовню» участника судебного разбирательства, а он может продолжить «выступление не по делу» до конца отведенного ему времени. Кроме того, абсурдно звучит и формулировка «может быть лишен слова». То есть участник судебного разбирательства продолживший «выступать не по делу» лишь по усмотрению суда может, а не должен быть лишен слова.

Как нам кажется, пункт 7 указанного выше Постановления Пленума ВС РФ надлежит изложить следующим образом: «Участник судебного разбирательства, ограниченный судом во времени выступления, продолжающий выступать по вопросу, не имеющему отношения к самому судебному разбирательству, может быть лишен судом слова до конца выступления или должен быть лишен судом слова после истечения времени, определенного судом для его выступления. Если участник судебного разбирательства продолжил свое выступление по вопросу, имеющему отношение к делу, судья может снять наложенное ограничение во времени выступления». Соответствующую норму о снятии ограничения выступления участника судебного разбирательства нужно ввести и в КАС РФ, а также другие процессуальные кодексы.

Ещё одним основанием лишения права слова, имеющим значение для юридической аргументации, является допущение грубых выражений или оскорбительных высказываний (п. 2 ст. 118 КАС РФ). Юридические доводы должны отвечать требованию допустимости. В данном случае «допустимость юридического довода» не тождественна «допустимости юридического доказательства». На наш взгляд, недопустимыми должны признаваться юридические доводы, которые содержат грубые выражения или оскорбительные высказывания». Требование допустимости юридических доводов также следовало бы изложить в процессуальных кодексах. Что касается правового ограничения в виде лишения слова, то оно выглядит вполне закономерным, но не единственным. Если лицо, лишенное слова в судебном разбирательстве продолжает допускать грубые выражения или оскорбительные высказывания, оно должно быть удалено из зала судебного заседания, либо отключено от видеоконференц-связи или веб-конференции. Считаем, что данные положения должны быть четче изложены в процессуальных кодексах.

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

² Российская газета. 20 июня 2017 г.

В основе юридической аргументации всегда должны лежать надлежащие юридические доводы. Согласно ч. 4 ст. 171 КАС РФ участвующие в судебных прениях лица не вправе ссылаться на такие обстоятельства, которые судом не выяснялись, а также на доказательства, не исследованные в судебном заседании. Аналогичная норма есть и в ст. 164 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹ (далее – АПК РФ), но участникам судебных прений запрещается ссылаться и на доказательства, признанные судом недопустимыми. В данной связи считаем, что ненадлежаще обоснованными будут являться юридические доводы, содержащие в качестве юридического обоснования ссылку на обстоятельства, которые судом не выяснялись, а также на доказательства, не исследованные в судебном заседании или признанные судом недопустимыми. Правовым ограничением ненадлежаще обоснованных юридических доводов выступает правовой запрет. Что же делать, если все же участник судебных прений приводит юридические доводы, основанные на невыясненных обстоятельствах, неисследованных или недопустимых доказательствах? Прямого ответа на данный вопрос ни АПК РФ, ни КАС РФ, ни другие процессуальные кодексы не содержат.

Исходя из ст. 168 АПК РФ арбитражный суд при принятии решения оценивает доказательства и доводы, приведенные лицами, участвующими в деле, а согласно п. 2 ч. 4 ст. 170 АПК РФ в мотивировочной части решения указываются мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные доводы лиц, участвующих в деле. То есть при вынесении судебного решения суд дополнительно проверяет все доводы и если они, в том числе основаны на невыясненных обстоятельствах, неисследованных или недопустимых доказательствах, то отвергает их. Имеет ли смысл в таком случае ограничивать приведение юридических доводов как основанных на невыясненных обстоятельствах, неисследованных или недопустимых доказательствах в ходе судебных прений? Считаем, что введение процессуального запрета должно подкрепляться определенной санкцией за его нарушение, дабы участники судебного разбирательства не нарушали правила проведения судебных прений, как части судебного разбирательства. В качестве санкции можно предложить остановку выступления и денежное взыскание (судебный штраф). Так, в соответствии со ст. 292 Уголовно-процессуального кодекса РФ² (далее – УПК РФ) председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются ... доказательств, признанных недопустимыми. Статья 117 УПК РФ устанавливает возможность наложения денежного взыскания на участников уголовного судопроизводства при неисполнении ими процессуальных обязанностей или нарушении порядка в судебном заседании.

Полагаем, что закрепление требования о приведении надлежаще обоснованных доводов также должно найти отражение в действующем законодательстве.

Безусловно, правовые ограничения должны иметь место и в отношении приведения участниками судебного разбирательства недостоверных доводов. Недостоверными юридическими доводами мы считаем аргументы, основанные на недостоверных сведениях или доказательствах, в том числе фальсифицированных. Статья 84 КАС РФ прямо указывает, что суд признает доказательство достоверным, если в результате его проверки и исследования, он приходит к выводу, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности. Аналогичная норма закреплена в ст. 71 АПК РФ. Таким образом, именно суд определяет свойство достоверности доказательства. Что касается свойства достоверности юридического довода, то оно производно и неотъемлемо от достоверности сведений или доказательств. Приводимые юридические доводы должны быть основаны только на проверенных и исследованных судом сведениях и доказательствах. В целях исключения недостоверных доказательств суд предупреждает свидетелей об ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 160 КАС РФ), может рассмотреть заявление о фальсификации доказательств (ст. 161 АПК РФ), может учесть доводы лиц участвующих в деле относительно достоверности сведений из открытых источников (ч. 2.1. ст. 59 КАС РФ) и т.д. Однако прямого указания на приведение достоверных доводов в процессуальных кодексах не закреплено. На наш взгляд, следует ввести запрет участников судебного разбирательства приводить недостоверные доводы – то есть доводы, основанные на заведомо недостоверных сведениях и доказательствах, в том числе фальсифицированных. Случаются, конечно, и ошибки самих субъектов юридической аргументации при высказывании ими доводов, когда они, заблуждаясь, полагают, что в их основе лежат достоверные сведения или доказательства. Именно поэтому имеет смысл говорить о заведомой недостоверности. Всех субъектов имеет смысл классифицировать на две группы: лица, приводящие недостоверные доводы, фальсифицировавшие доказательства и лица, приводящие недостоверные доводы, не фальсифицировавшие доказательства, но заведомо знавшие, что данные доказательства или сведения не соответствуют действительности. К первым можно отнести, например, истца, подделавшего расписку о получении ответчиком у него денежных средств, а ко вторым – защитника по уголовному делу, заведомо знавшего, что показания свидетеля в пользу его подзащитного

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Часть I). Ст. 4921.

сфабрикованы, но использовавшего их для отстаивания позиции о невиновности. И тот и другой могут приводить юридические доводы, основываясь на недостоверных доказательствах. Считаем, что юридическая ответственность должна наступать в каждом случае приведения недостоверных доводов. В определенных случаях это может быть и уголовная ответственность за фальсификацию доказательств. Что же касается требования достоверности юридических доводов, то оно также должно найти отражение в действующем законодательстве.

Подводя итог анализу правовых ограничений юридической аргументации в процессе судебного разбирательства, хотелось бы отметить, что современное законодательство напрямую не фиксирует требования к изложению доводов и разрозненно регламентирует вопросы юридической ответственности за нарушения в процессе представления юридических доводов. Основными видами правовых ограничений юридической аргументации выступают юридические запреты, меры процессуального принуждения, а также наказания.

Климова Мария Викторовна

Кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; доцент кафедры судебной и прокурорской деятельности юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Klimova Maria Viktorovna

Candidate of Pedagogical Sciences, leading researcher at the research department of the Faculty of Law of Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky; Associate Professor of the Department of Judicial and Prosecutor's Activities, Faculty of Law, UNN. N.I. Lobachevsky

E-mail: klimova@jur.unn.ru

Деонтологические ограничения деятельности правоохранительных органов: правовая и этическая специфика

Deontological restrictions on the activities of law enforcement agencies: legal and ethical specifics

Аннотация: Статья посвящена деонтологическим требованиям к сотрудникам правоохранительных органов, сочетанию требований закона и моральных норм.

Ключевые слова: профессиональные качества, нравственные требования, ограничения, связанные со службой.

Abstract: The article is devoted to deontological requirements for law enforcement officers, the combination of legal requirements and moral standards.

Key words: professional qualities, moral requirements, restrictions related to service.

Деонтологические требования, предъявляемые к сотрудникам правоохранительных органов, предполагают безупречное соблюдение служебных обязанностей и правильный моральный выбор в любой ситуации. При приеме на службу в органы внутренних дел, прокуратуру, следственный комитет и другие будущий сотрудник проходит жесткий отбор на соответствие требованиям, предъявляемым к кандидатам на службу в федеральном законодательстве. Однако гораздо более сложным является отбор на соответствие нравственным качествам, которые содержатся в деонтологических кодексах, являющихся неотъемлемым дополнением федеральных законов, регламентирующих службу в той или иной сфере.

Как пишет Р.С. Абдулин, «высокие требования и предписания, предъявляемые в них к сотрудникам правоохранительных и судебных органов, являются неотъемлемым элементом профессиональной деятельности и гарантией поддержания и роста общественного доверия к ним. Работники правоохранительных органов и судьи должны помнить, что они представляют государство и по их поступкам судят в целом о правоохранительных органах и судебной системе»¹.

Статья 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 содержит требования, предъявляемые к лицам, назначаемым на должности прокуроров. В ней перечислены требования к гражданству, образованию, отсутствию судимости, состоянию здоровья и прочие. Также законодательно закреплены ограничения, запреты и обязанности, связанные с работой в органах и учреждениях прокуратуры (ст. 40.2). Но квинтэссенцией деонтологических требований в данном законе является статья 40.4 «Присяга прокурора». Торжественная клятва будущего сотрудника предписывает ему быть непримиримым в борьбе с любыми нарушениями закона, быть чутким и внимательным к гражданам, соблюдать объективность и справедливость при принятии решений, постоянно совершенствовать свое мастерство, дорожить своей профессиональной честью, быть образцом неподкупности, моральной чистоты, скромности, свято беречь и приумножать лучшие традиции прокуратуры.

Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации² устанавливает правила поведения и нормы служебной этики прокурорского работника в профессиональной и во внеслужебной

¹ Абдулин Р.С. Нравственные аспекты в деятельности правоохранительных и судебных органов: теория и практика // Вопросы российского и международного права. 2023. № 3А. С. 25.

² Утвержден приказом Генеральной прокуратуры от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»

деятельности. Целью данного документа является содействие укреплению авторитета прокурорского работника, доверия граждан к государству и обеспечение единой нравственно-нормативной основы поведения прокурорских работников.

Настоящий деонтологический кодекс в первую очередь обязывает сотрудников прокуратуры соблюдать основные принципы деятельности – законности, справедливости, независимости, объективности, честности и гуманизма; разъясняет нравственный смысл служебной деятельности; в некоторой степени вторит нормативным предписаниям, возвращаясь к запретам и ограничениям, связанным со службой в прокуратуре. Особенно отметим, что в отличие от требований закона, сосредоточенных исключительно на служебной деятельности, кодекс этики прокурорского работника предписывает соблюдать принципы товарищеского партнерства, взаимоуважения и взаимопомощи при установлении взаимоотношений прокурорских работников, а также уделяет внимание основным правилам поведения прокурорского работника во внеслужебной деятельности.

Ответственность за нарушение нравственных предписаний возможна в форме устного замечания, предупреждения о недопустимости неэтичного поведения, требования о публичном извинении. В случае совершения проступка, порочащего честь прокурорского работника, возможно привлечение к дисциплинарной ответственности.

Аналогичную картину можно увидеть при изучении Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ и Приказа МВД России «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» от 26.06.2020 № 460. Общепринятые нравственные принципы и ценности и лучшие профессиональные традиции органов внутренних дел были положены в основу данного деонтологического кодекса и определили этические нормы, правила и требования к служебному поведению сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время. Сформулированные в кодексе нравственные нормы применяются наряду с нормативными предписаниями, определяющими государственно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел, ограничения, требования к нему, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел Российской Федерации.

Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ и Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации также являются взаимодополняющими документами. Если Федеральный закон содержит требования, предъявляемые к гражданам Российской Федерации, принимаемым на службу в Следственный комитет (ст. 16), то целью Кодекса является установление основных этических норм и правил поведения государственных служащих в служебной и неслужебной деятельности, а также укрепление авторитета государственных служащих Следственного комитета и доверия граждан к Следственному комитету.

Таким образом можно сказать, что деонтологические требования, также как и нормативные предписания закона, являются обязательными для соблюдения сотрудниками правоохранительных органов. Была показательна в этом смысле формулировка ч. 3 ст. 2 Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: «Гражданин Российской Федерации, проходящий службу в органах внутренних дел или поступающий на службу, вправе, изучив содержание Кодекса, принять для себя его положения или отказаться от службы в органах внутренних дел»¹. Современные деонтологические требования если и не содержат подобных норм, то их подразумевают, поскольку четко определяют допустимое и недопустимое поведение в профессиональной деятельности и вне ее. Доверие общества к правоохранительным органам во многом зависит от соблюдения служащими законности, справедливости, предотвращения злоупотребления властью.

¹ Приказ МВД РФ от 24 декабря 2008 г. № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (утратил силу).

Корабельникова Юлия Леонидовна

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва

Korabelnikova Yulia Leonidovna

Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", doctoral student of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow

E-mail: korable79@yandex.ru

Ограничение личных прав человека в Китайской Народной Республике при обеспечении безопасности в условиях развития информационных технологий

Limitation of personal human rights in the People's Republic of China while ensuring security in the context of the development of information technology

Аннотация: Китайская Народная Республика относится к числу государств с весьма высоким уровнем безопасности несмотря на то, что Китай является одной из наиболее густонаселенных стран мира. В обеспечении безопасности задействуются достаточно многочисленные силы органов государственной власти, основную роль в числе которых играют полицейские силы, которые находятся под жестким контролем Коммунистической партии Китая, а также органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Важную роль в обеспечении безопасности Китая играют информационно-телекоммуникационные технологии, с помощью которых осуществляется полный контроль за всем населением страны, что приводит к ограничению ряда основополагающих личных прав и свобод человека.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, безопасность, ограничение прав и свобод человека.

Abstract: The People's Republic of China is one of the states with a very high level of security, despite the fact that China is one of the most densely populated countries in the world. Quite a large number of government forces are involved in ensuring security, the main role of which is played by the police forces, which are under the strict control of the Communist Party of China, as well as legislative, executive and judicial authorities. Information and telecommunication technologies play an important role in ensuring the security of China, with the help of which full control is exercised over the entire population of the country, which leads to the restriction of a number of fundamental personal rights and freedoms.

Keywords: People's Republic of China, security, restrictions on human rights and freedoms.

В Китайской Народной Республике (далее – КНР) безопасность народа является основной целью государства¹, в связи с чем повышение ее уровня и степени удовлетворенности граждан признается одной из фундаментальных целей деятельности органов власти. Результаты опроса, проведенного Национальным бюро статистики в 2021 году, показали, что 98,62 % населения Китая чувствует себя в безопасности, и эта цифра остается на высоком уровне в течение длительного времени. Уровень чувства безопасности в городах является еще более высоким и составляет 98,83 %. Удовлетворенность граждан эффективностью борьбы с преступностью в государстве составила 96,19 %, жители городов на 96,53 % удовлетворены деятельностью органов государственной власти в данной сфере. В качестве важных мер,

¹ «Мы должны рассматривать безопасность народа как нашу конечную цель, экономическую безопасность как нашу основу, военную, технологическую, культурную и социальную безопасность как важные столпы, а международную безопасность как опору» // Полный текст доклада Си Цзиньпина 20-му Национальному конгрессу КПК от 16 октября 2022 г. Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221025_10791908.htm (дата обращения 08.04.2024).

направленных на обеспечение безопасности, граждане отмечают постоянное совершенствование социального обеспечения и создание благоприятной атмосферы в обществе¹.

Система обеспечения внутренней безопасности КНР является сложной иерархической структурой, для которой характерен жесткий многоуровневый контроль со стороны органов государственной власти и Коммунистической партии Китая (далее – КПК), посредством созданных в каждом структурном подразделении партийных комитетов. К органам обеспечения безопасности Китая относятся Министерство государственной безопасности и Министерство общественной безопасности, государственные судебная, прокурорская и пенитенциарная системы. Помимо этого, обеспечение внутренней безопасности возложено на Китайскую народную вооруженную полицию, которая является структурным подразделением Вооруженных сил КНР.

Центральное место в системе обеспечения внутренней безопасности занимает полицейская система КНР. Высшим органом в сфере обеспечения общественной безопасности является Министерство общественной безопасности КНР (далее – МОБ КНР), которое входит в структуру Государственного совета КНР. К основным функциям министерства относятся обеспечение общественной безопасности, борьба с общеуголовными и экономическими преступлениями, расследование уголовных преступлений, миграционный и пограничный контроль, организация противопожарной работы, поддержание безопасности на транспорте, безопасность дорожного движения, информационная безопасность, борьба с терроризмом, борьба с незаконным оборотом наркотических средств, контроль в сфере оборота огнестрельного оружия, природоохранная деятельность, управление тюрьмами, международное сотрудничество². В его состав входят главные управления и иные подразделения, созданные для осуществления вышеуказанных функций. МОБ КНР формирует головной офис и многочисленные бюро по различным направлениям деятельности министерства. Причем для железнодорожной и морской навигационной отраслей, гражданской авиации и лесничества созданы полицейские отделы с двойным подчинением и руководством со стороны МОБ и непосредственно вышестоящих органов полиции³.

МОБ КНР руководит народной полицией Китая, которая составляет существенную часть личного состава министерства. Основным нормативным правовым актом, регулирующим ее организацию и деятельность, является Закон КНР «О народной полиции» от 28 февраля 1995 г. К задачам народной полиции отнесены защита безопасности личности, общества и государства. В состав народной полиции входят полицейские, работающие в органах общественной и государственной безопасности, тюрьмах и органах, ведающих вопросами трудового перевоспитания, а также полицейские, работающие в народных судах и прокуратуре⁴.

Бюро и отделы общественной безопасности распределены по коммунам и городам и подчинены в своей работе местным властям и высшим полицейским органам. При многочисленных бюро безопасности находятся диспетчерские пункты в коммунах и городах. Они объединены и подчиняются непосредственно указанным выше полицейским органам⁵.

Полиция при реализации своих функций активно сотрудничает с населением. Поддержка народом деятельности полиции, тесные связи с массами, необходимость прислушиваться к их замечаниям и предложениям, принимать их контроль и честно служить народу устанавливается Законом КНР о народной полиции, что и служит правовой основой для эффективного взаимодействия с общественностью. С момента его принятия начался процесс модернизации правоохранительной деятельности в КНР, заключающийся в построении социально ориентированной работы полиции. В настоящее время можно привести в качестве примеров несколько направлений работы, которые наглядно иллюстрируют реализацию социально ориентированной тактики китайской полиции при несении службы. Во-первых, вежливое и ответственное отношение к решению проблем граждан. Во-вторых, установление режима рабочего времени полиции, удобного для граждан, работа экстренной телефонной линии, а также использование информационных технологий для предоставления услуг, ответов на вопросы (на официальном сайте, с помощью платформы WeChat). В-третьих, осуществление профилактической работы с населением (регулярный обход территории с целью оказания помощи, решения проблем, а также получения «обратной связи» о работе полиции). Полиция становится все более открытой для общества, чему способствует в том числе знакомство граждан с особенностями деятельности полиции, регулярные отчеты о работе, что повышает имидж полиции в глазах населения.

¹ Чувство безопасности людей по всей стране продолжает улучшаться, и строительство безопасного Китая продолжает творить чудеса // Официальный сайт Министерства общественной безопасности КНР. URL: <https://www.mps.gov.cn/n2253534/n2253535/c8386432/content.html> (дата обращения 03.04.2024).

² Официальный сайт МОБ КНР. URL: <https://www.mps.gov.cn/> (дата обращения 08.04.2024).

³ Манцуров А.Ю. Правовые основы обеспечения общественного порядка и безопасности в Китайской народной республике // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6(54). С.91.

⁴ Закон КНР «О народной полиции» от 28 февраля 1995 г. (Принят на 12 заседании Постоянного комитета 8 всекитайского съезда народных представителей) // Российский правовой портал: библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=2086> (дата обращения 08.04.2024).

⁵ Манцуров А.Ю. Правовые основы обеспечения общественного порядка и безопасности в Китайской народной республике // Право и государство: теория и практика. 2009. № 6(54). С.90-91.

Кроме того, рекомендации граждан относительно оптимизации и эффективности не только работы полиции, но и связанные с жизнедеятельностью сообщества в целом (благоустройство территории, поведение отдельных категорий лиц и т.д.) позволяют реализовывать концепцию «коммунальной полиции», нацеленной на социальное обслуживание населения, решение проблем, связанных с обеспечением безопасности¹.

В настоящее время существенную роль в обеспечении безопасности играют информационные технологии, а также правовые и организационные средства, используемые в системе обеспечения безопасности для сбора, анализа, приема и передачи информации о состоянии городской безопасности, а также о мерах по ее укреплению. Инновационное развитие сегодня невозможно представить без использования информационно-телекоммуникационных средств.

Власти КНР, обладая значительными финансовыми и производственными ресурсами, на протяжении длительного времени внедряют в свою деятельность передовые технологии, в их числе искусственный интеллект, видеомониторинг, интерактивные системы управления. Следует отметить, что характерной особенностью Китая является нахождение всех служб, обеспечивающих общественную безопасность, под строгим контролем со стороны государственных органов, которые обязаны осуществлять межведомственное взаимодействие. Благодаря централизованному подходу к обеспечению безопасности в КНР была образована единая система обеспечения безопасности, получившая название «интерактивная программа управления силами и средствами по обеспечению национальной, социальной, производственной безопасности, интегрированная в систему силовых ведомств». Она стала аналогом аппаратно-программного комплекса «Safe City», используемого в странах Западной Европы. Однако особенностью реализации данной программы в КНР стало ограничение личных прав граждан в связи с осуществлением тотального контроля всех сторон жизнедеятельности общества вплоть до поведения в семье и личной жизни. Более того, одним из масштабных решений, направленных на обеспечение безопасности, стала интерактивная программа «Золотой Щит»², которая позволяет осуществлять мониторинг всего интернет-трафика, проходящего по территории государства. Доступом к этой программе обладают все строевые подразделения полиции КНР. Это позволяет сотрудникам патрульной службы с помощью планшетов, которыми они оснащаются при патрулировании, получать оперативные данные, а интерактивные видеорегистраторы способны по биометрии лиц выявлять правонарушителей, находящихся в розыске³.

Стоит подчеркнуть, что Китай длительное время входит в число стран с самым низким уровнем преступности в мире. Согласно данным Министерства общественной безопасности Китая, с 2016 года общее количество уголовных дел постоянно снижается, только с января по август 2022 года снизилось на 13,1%⁴. Текущий показатель раскрываемости убийств достиг 99,9%⁵. В результате можно сделать вывод, что существующая система позволяет обеспечить высокий уровень безопасности в государстве, но в то же время приводит к ограничению ряда личных прав человека.

При этом следует отметить, что для обеспечения безопасности ограничение прав человека может осуществляться и с целью их обеспечения. Достаточно наглядным с этой точки зрения представляется пример борьбы с пандемией COVID-19 в густонаселенных городах Китая. Так, контроль за соблюдением ограничений передвижений по городу и прекращение контактов с больными в городе Ухань были возложены на органы полиции. При этом контроль за соблюдением карантина возлагался и на коммунальные службы, данные которых передавались в Единый центр ликвидации Чрезвычайной ситуации. Использование программ управления силами и средствами по обеспечению безопасности и «Золотой щит» позволило осуществлять тотальный мониторинг информации с камер видеонаблюдения, выявлять нарушителей карантина в автоматическом режиме, что позволило не допустить эпидемиологической катастрофы и привело к своевременной локализации очага заражения в городе.

В целом можно сделать вывод, что обеспечению безопасности в Китае уделяется первостепенное внимание. Система обеспечения внутренней безопасности носит централизованный характер и включает не только органы полиции, но и иные службы (например, коммунальные), и находится под жестким контролем КПК и органов государственной власти. Повсеместное использование информационных

¹ Майоров В.И., Дунаева О.Н., Пряников А.М. Опыт Китайской Народной Республики по организации взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. №3. С.109-110.

² Неофициальное название «Великий Китайский файрвол» (прим. автора)

³ Койнов М.Ю. Особенности реализации национальной и общественной безопасности в Китайской народной республике, сравнительно-правовой анализ с российской концепцией «Безопасный город» // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № (39). С.41-42.

⁴ После 2015 года общее количество уголовных дел в нашей стране пошло на спад // Информационное агентство Синьхуа. URL: http://www.news.cn/politics/2022-09/27/c_1129035538.htm (дата обращения 03.04.2024).

⁵ Количество уголовных дел в стране сокращается уже 5 лет подряд, и у населения высокое чувство безопасности // Официальный сайт Центрального комитета по политическим и правовым вопросам. URL: http://www.chinapeace.gov.cn/chinapeace/c100007/2022-05/28/content_12631429.shtml (дата обращения 03.04.2024).

технологий приводит к тотальному ограничению личных прав граждан на личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни.

Однако с другой стороны следует обратить внимание на особенности национальных культурных ценностей китайцев, их менталитета, которые основаны на идеалах конфуцианства. Им присущи высокие моральные принципы, общественно активная деятельность, направленные на поддержание гармонии во всех сферах жизнедеятельности¹, что в совокупности позволило сформировать высокий уровень правосознания граждан. В результате ограничение личных прав воспринимается населением КНР в качестве необходимой и неотъемлемой меры, направленной на обеспечение безопасности личности, общества и государства.

¹ Майоров В.И., Дунаева О.Н., Пряников А.М. Опыт Китайской Народной Республики по организации взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. №3. С.110.

Костин Сергей Андреевич

кандидат юридических наук, доцент Кафедры европейского и международного права Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Kostin Sergey Andreevich

candidate of legal sciences, Assistant Professor of European and International Law Department Faculty of Law Lobachevsky University, UNN

E-mail: sergey.a.kostin@rambler.ru

**Международно-правовые институты и национальные ограничения,
связанные с нетрадиционными угрозами обеспечения
международной безопасности**

**International legal institutions and national restrictions associated with non-traditional
threats to international security**

Аннотация: Одним из аспектов нетрадиционных угроз в сфере обеспечения международной безопасности является международный терроризм. Данное крайне негативное явление получило свое развитие в конце прошлого – начале текущего столетия. Его специфика заключается в том, что конечным объектом террористических действий является само государство, его система управления, внешняя и внутренняя политика, сложившиеся общественные отношения. При этом существует широкий перечень международных и национальных институтов, связанных с борьбой с международным терроризмом, позволяющих координировать эту деятельность, предотвращать преступления террористической направленности, выявлять и привлекать к ответственности виновных лиц.

Ключевые слова: международная безопасность, региональная безопасность, международный терроризм, нетрадиционные угрозы международной безопасности.

Abstract: International terrorism is one of the aspects of non-traditional threats to international security. This extremely negative phenomenon developed at the end of the last and the beginning of the current century. The peculiarity of that phenomenon lies in the fact that the final object of terrorist actions is the state itself, its management system, foreign and domestic policies, and existing social relations. At the same time, there is a wide range of international and national institutions related to the counteraction against international terrorism, which makes possible to coordinate and prevent terrorist crimes, identify and bring to justice all the culprits.

Keywords: international security, regional security, international terrorism, non-traditional threats to international security.

Международный терроризм – это масштабное социально-политическое негативное явление, представляющее собой существенную угрозу для международной и национальной безопасности в силу своей специфики, поскольку чудовищные по своей жестокости преступления совершаются с целью оказать негативное влияние на общественные отношения, систему государственного управления, внешнюю и внутреннюю политику и государственное устройство в целом.

Сложность противодействия данному явлению заключается в том, что несмотря на отлаженные национальные механизмы выявления действий террористической направленности и привлечения к ответственности исполнителей террористических актов, без эффективного международного сотрудничества бывает невозможно установить и привлечь к ответственности спонсоров и заказчиков данных преступлений, следовательно, пресечь или устранить непосредственный источник угрозы.

Универсальная координация деятельности по противодействию международному терроризму и предотвращению преступлений террористической направленности осуществляется под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН). В 2006 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/60/288) была принята «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций», согласно которой были определены: «Меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма; Меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним; Меры по укреплению потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы Организации Объединенных Наций в этой области; Меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы

с терроризмом»¹. ООН способствует подписанию международных конвенций в сфере противодействия терроризму² посредством механизма резолюций, а также в лице Совета Безопасности формирует специальный перечень лиц, в отношении которых вводятся санкции в связи с угрозой международной безопасности³.

Сотрудничество и институциональная координация подходов в сфере противодействия международному терроризму, в том числе его финансированию, также заложена в компетенцию ряда международных региональных организаций, что подтверждается как их уставными документами, так и перечнем профильных решений высших органов управления. В частности, статьей 8 Устава Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) предусмотрено, что «Государства-члены координируют и объединяют свои усилия в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом...»⁴. Данное направление сотрудничества входит в компетенцию Исполнительного органа ОДКБ – Комитета секретарей советов безопасности, в рамках которого функционирует Рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Уставом Международной организации уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ) в качестве целей определено: «обеспечивать и поощрять широкую взаимопомощь между национальными криминальными полициями в пределах действующего законодательства в разных странах и в духе "Всеобщей декларации прав человека"; создавать и развивать все институты, способные эффективно способствовать профилактике и пресечению общеуголовных преступлений»⁵. При этом, по понятным причинам, такой термин как «терроризм» отсутствует в уставе организации. Дело в том, что в момент принятия Устава ИНТЕРПОЛа такое негативное явление не имело широкого мирового распространения, а в настоящее время понятие «терроризм» прочно вошло в перечень общеуголовных преступлений, закрепленных на национальном уровне подавляющего большинства стран Мира. Таким образом организация получила ключевую роль в вопросах розыска и поимки лиц, обвиняемых в преступлениях террористического характера.

Исполнительные органы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в пределах своих мандатов также наделены полномочиями, связанными с решением вопросов по борьбе с международным терроризмом. В первую очередь речь идет об Антитеррористическом подразделении Департамента по вопросам транснациональных угроз, который выступает в качестве координационного центра, информационного ресурса и партнера по практическому осуществлению контртеррористической деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также Бюро Координатора экономической и экологической деятельности ОБСЕ, которое в пределах своего мандата работает в сфере предупреждения и пресечения финансирования терроризма. Эти обстоятельства и, в целом, приоритетность данного направления работы ОБСЕ закреплены в ряде документов, в том числе в Решении 1063 Постоянного совета ОБСЕ «Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом»⁶.

Следует упомянуть такие международные организации евроатлантического региона, как Североатлантический альянс, декларирующий в качестве одного из направлений – антитеррористическую деятельность, Совет Европы в лице Комитета по борьбе с терроризмом (CDCT), институты Европейского союза (ЕС), где международная координация и расследование преступлений, связанных с терроризмом, согласно решениям Совета ЕС входит в компетенцию Агентства ЕС по сотрудничеству в области криминального правосудия (Евроюст) и Агентства ЕС по сотрудничеству правоохранительных органов (Европол). Однако в настоящее время фактическое и юридическое взаимодействие Российской Федерации с данными институтами прекращено или приостановлено.

Кооперация стран азиатско-тихоокеанского региона в сфере противодействия терроризму происходит посредством участия в многовекторных объединениях, имеющих, в первую очередь, экономический характер, к которым можно отнести: Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС), Главы государств стран-участниц которой декларируют «развитие сотрудничества в противодействии

¹ Резолюция ГА ООН (A/RES/60/288) «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций». См. на официальном сайте ООН: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/504/90/pdf/n0550490.pdf?token=EXxB9L6cc2XmEVemhq&fe=true> (Дата обращения: 02.04.24).

² Подробнее см.: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (Дата обращения: 12.04.24).

³ Подробнее см.: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/un-sc-consolidated-list#compositionlist> (Дата обращения: 12.04.24).

⁴ Устав ОДКБ см. на официальном сайте организации: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti (Дата обращения: 12.04.24).

⁵ Constitution of the International Criminal Police – INTERPOL. См. на официальном сайте организации: <https://www.interpol.int/en/Who-we-are/Commission-for-the-Control-of-INTERPOL-s-Files-CCF/About-the-CCF> (Дата обращения: 12.04.24).

⁶ Решение No. 1063 (PC.DEC/1063 7 December 2012) «Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом». См. на официальном сайте организации: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/3/98542.pdf> (Дата обращения: 12.04.24).

радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму, в том числе путем обмена опытом и передовыми практиками в соответствии с Хартией ШОС и общепринятыми принципами и нормами международного права»¹; в формате «АСЕАН+3», подтверждающего «поддержку эффективной имплементации Конвенции АСЕАН по борьбе с терроризмом»².

Особое место в комплексном подходе в борьбе с международным терроризмом занимает реализация норм международных конвенций на национальном уровне, создающая реальные инструменты противодействия данному негативному явлению. В частности, нормы Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. были имплементированы в национальное законодательство Российской Федерации путем принятия специального Федерального Закона. Так, согласно статье 3 115-ФЗ³ доступ в личный кабинет необходимо получить и использовать сведения и функционал специальными субъектами гражданско-правовых отношений, а именно «организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, индивидуальными предпринимателями, указанными в части второй статьи 5 настоящего Федерального закона, для получения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, решений межведомственного координационного органа, осуществляющего функции по противодействию финансированию терроризма, уведомлений уполномоченного органа о включении организаций или физических лиц в перечень организаций и физических лиц, связанных с терроризмом или с распространением оружия массового уничтожения, составляемые в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН, или об исключении организаций или физических лиц из перечней организаций и физических лиц, связанных с терроризмом или с распространением оружия массового уничтожения, составляемых в соответствии с решениями Совета Безопасности ООН, а также в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами уполномоченного органа, для реализации иных прав и обязанностей»⁴. При этом необходимо учитывать, поскольку данные, касающиеся «национальной части»⁵, т. е. сведения в отношении организаций и физических лиц, включенных в перечень «террористов и экстремистов», находится в открытом доступе на сайте Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), требования 115-ФЗ в этой части «*de facto*» распространяются не только на специальных субъектов гражданско-правовых отношений, но и на всех граждан и юридических лиц Российской Федерации. 115-ФЗ также предусматривает систему контроля исполнения нормативных требований и механизмы привлечения к ответственности граждан и юридических лиц в связи с неисполнением.

В 2006 г. был принят Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно статье 4 которого «Российская Федерация в соответствии с международными договорами Российской Федерации сотрудничает в области противодействия терроризму с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями»⁶. Расследование дел террористической направленности входит в компетенцию Следственного комитета Российской Федерации и Федеральной службы безопасности.

В XXI в. международный терроризм представляет собой угрозу всему мировому сообществу, следовательно, борьба и противодействие данному явлению должны носить комплексный характер – вестись на международном и национальном уровнях, позволяющим выявлять и привлекать к ответственности всю «цепочку» виновных лиц от заказчиков и спонсоров до непосредственных исполнителей, тем самым полностью устраняя угрозу. Набор международных и национальных институтов, связанных с борьбой с международным терроризмом во многом позволяет обеспечить такой подход. Однако эффективность данной работы зачастую зависит от реального стремления государств выстраивать равноправное сотрудничество на базе основных принципов международного права, в первую очередь принципов суверенного равенства и добросовестного исполнения обязательств.

¹ Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму от 04 июля 2023 г. См. на официальном сайте организации: <https://rus.sectsc.org/documents/> (Дата обращения: 12.04.24).

² ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2023-2027. См. на официальном сайте организации: <https://aseanplusthree.asean.org/wp-content/uploads/2022/08/APT-Cooperation-Work-Plan-2023-2027.pdf> (Дата обращения: 12.04.24).

³ Примечание автора: 115-ФЗ – Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Российская газета 2001, 9 августа.

⁴ См.: <https://base.garant.ru/12123862/?ysclid=lugmr7znjx515839187> (Дата обращения: 12.04.24).

⁵ См.: <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (Дата обращения: 12.04.24).

⁶ См.: <https://base.garant.ru/12145408/?ysclid=lui73anzb3485673622> (Дата обращения: 12.04.24).

Кулик Олег Валерьевич

доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, г. Москва

Kulik Oleg Valerievich

Associate professor, Department of theory of state and law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, candidate of legal sciences, Moscow

E-mail: hoigel@gmail.com

Ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел Российской Федерации

Restrictions related to service in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Аннотация: В статье исследуется проблематика формального закрепления ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел Российской Федерации, и действия таких ограничений как правовых средств в целом. Исходя из правовой природы и предназначения данных ограничительных мер определяется их значение для кадровой политики и работы с личным составом в различных ее аспектах. Рассматривается взаимосвязь ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, с преимуществами, предоставляемыми сотрудникам в качестве компенсации налагаемых законодательством обременений.

Ключевые слова: правовые ограничения, ограничения, правовая практика, государственная служба, органы внутренних дел, МВД России.

Annotation: The article examines the problems of formal limitation of restrictions, restrictions with services in the internal affairs bodies of the Russian Federation, as well as the effect of such restrictions as legal means in general. According to the rules of the nature and purpose of data, strict measures define their significance for personnel policy and work with personnel in its various aspects. The relationship of restrictions, boundaries with services in internal affairs bodies with the benefits provided by employees as subsequent imposed obligations to ensure obligations is considered.

Keywords: legal restrictions, restrictions, legal practice, civil service, internal affairs bodies, Ministry of Internal Affairs of Russia.

Учитывая специфику деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ правовые ограничения в приеме на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и при ее прохождении были заложены еще в Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации², утвержденное Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1, текст которого в этой части оставался неизменным значительный период времени, в связи с чем не вызывал и особой дискуссии среди юристов.

Научный интерес к данной тематике существенно возрос после присоединения Российской Федерации к ряду международных документов, обновления российского законодательства о государственной службе, вступления в силу Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³, реформирования системы органов внутренних дел.

Вместе с тем в подавляющем большинстве научных публикаций ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел, до настоящего времени рассматриваются через призму административных, служебных и трудовых правоотношений⁴. Действующее законодательство анализируется с точки зрения его полноты, изменчивости⁵, проблематичности для правоприменения в

¹ Далее – «МВД России», «Министерство».

² Далее – «органы внутренних дел».

³ Далее – «Закон о противодействии коррупции».

⁴ См.: Ольшевский А.В., Школа О.В. Законодательные ограничения для службы в органах внутренних дел Российской Федерации: виды и классификация // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 143–152.

⁵ См.: Курсаев А.В. Ограничения, связанные с прекращением службы в полиции, в связи с прекращением уголовного преследования / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-

случае выявления нарушений установленных ограничений. При этом правовая природа и социальное предназначение данных ограничений из поля зрения исследователей практически выпадают. Некоторым исключением в этом плане являются работы, в которых ограничения изучаются во взаимосвязи с обеспечением равного доступа на государственную службу, а в более широком смысле – на свободу труда¹.

В связи с этим именно общее теоретико-правовое исследование² проблематики таких ограничений позволяет полноценно понять их сущность и роль в регулировании общественных отношений, а также разрешить либо вовсе снять возникающие в правовой практике вопросы.

Специфика данных ограничений прослеживается уже в используемых в правовом массиве структурно-смысловых моделях языкового характера³. На сегодняшний момент ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел, перечислены в статье 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴.

Часть 1 указанной статьи Закона о службе носит название «Ограничения, обязанности и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел» и раскрывает 10 случаев, в которых сотрудник не может находиться на службе. Кроме того, часть 2 статьи 14 Закона о службе содержит бланкетную норму, в соответствии с которой на сотрудника органов внутренних дел распространяются также ограничения, запреты и обязанности, установленные Законом о противодействии коррупции и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Аналогичным образом построены тексты законодательных актов о службе в иных правоохранительных органах, о военной службе.

Одновременно, исходя из специфики правоохранительной функции, выполняемой Министерством, и стоящих перед ним задач, законодатель предусмотрел исключения⁵ из общего правила, делегировав МВД России полномочия по утверждению перечня ограничений, запретов, обязанностей и категорий должностных лиц, на которых они не распространяются в случае осуществления ими оперативно-разыскной деятельности.

Особенности так называемых антикоррупционных ограничений сегодня изучены достаточно подробно, а исследования, посвященные их проблематике без прикрас можно назвать мейнстримом отечественной юридической науки. С учетом данного обстоятельства, подробно останавливаться на них в рамках настоящей статьи нецелесообразно.

Характеризуя формальную сторону нормативного закрепления ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, следует отметить, что законодатель в статье 14 Закона о службе не разграничивает их с обязанностями и запретами. Вместе с тем все перечисленные в статье 14 Закона о службе случаи являются именно ограничениями, так как исключают возможность дальнейшего прохождения службы в органах внутренних дел. При этом указанные случаи корреспондируют другим нормам Закона о службе, например, статье 9 «Квалификационные требования к должностям в органах внутренних дел» или статье 12 «Основные обязанности сотрудника органов внутренних дел».

Здесь же важно упомянуть о том, что не только требования статьи 14 Закона о службе ограничивают прохождение службы на должностях сотрудников. Так, ограничения несут в себе требования к служебному поведению сотрудников, некоторые из которых носит обязательный характер (части 1 и 2 статьи 13 Закона о службе), а другие, которые излагаются в кодексах этики и служебного поведения – рекомендательный (часть 3 статьи 13 Закона о службе). Критерии, требования и условия⁶, несоответствие которым влечет невозможность поступления на службу граждан, названы в статье 17

летию российской полиции): материалы XIV международной научно-теоретической конференции / под ред. Н.С. Нижник. – В 2-х томах. – Т. II. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 12–15

1 См.: Кац А.С. Право граждан на равный доступ к государственной и муниципальной службе: Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Орел. 2000 177 С.; Прокопына Т.В. Реализация права граждан на доступ к государственной службе: конституционный и административно-правовой анализ: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 1998.

2 См.: Власенко Н.А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 53–55; Исаков Н.П. Правовые ограничения как правовое явление // Вестник Академии права и управления. 2013. № 30. С. 48–54; Ищук И. Н. Ограничения в праве: Общетеоретический аспект: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. СПб., 2006. 169 С.; Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

3 См.: Купцова О.Б. Топы юридического языка как правовые ограничения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 213–216.

4 Далее – «Закон о службе».

5 См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ. – Саратов: ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012. 348 с.

6 См.: Ольшевский А. В., Школа О. В. Условия, критерии и требования при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 34–55

Закона о службе. Учитывая изложенное, можно констатировать, что система ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, шире, чем закрепленная в статье 14 Закона о службе.

Все перечисленные служебные ограничения можно подразделить на две основные категории:

1. Превентивные – которые применяются на стадии отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел.

2. Негативные – которые реализуются путем изменения с согласия сотрудника его правового статуса (перевода по службе) либо применения к нему мер ответственности – дисциплинарных взысканий или безоговорочного увольнения.

О социальной и юридической предопределенности рассматриваемых ограничений и их обоснованности неоднократно говорилось в позициях высших судебных инстанций. В частности, Конституционный Суд Российской Федерации многократно отмечал, что служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что обуславливает наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, связанного с выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц¹.

Приведенная установка Конституционного Суда Российской Федерации служит в основном для разрешения правовых споров, возникающих после реализации на практике одной из указанных выше категорий запретов, то есть позволяет взглянуть на них с «инструментальной» стороны применительно к конкретным обстоятельствам и лицам, о чем говорилось в начале настоящей статьи.

Однако общеправовая роль ограничений гораздо важнее. Само по себе их появление и развитие увязано с системой профилактики злоупотреблений со стороны субъектов, обладающих властными полномочиями, приводящей в действие ряд основополагающих гарантий, среди которых справедливость, предсказуемость, защита прав личности, контроль, в т.ч. общественный, государственных органов. Иначе говоря, помимо разрешения служебных казусов, как это указано в Определении Конституционного Суда Российской Федерации, ограничения, наряду с обязанностями и запретами, как правовая мера служат целям защиты интересов, ценностей самой государственной службы и ее нормального функционирования.

Одновременно в повседневной жизни эффективность действия ограничений зависит не столько от их наличия в законе, сколько от соответствия их критериям общественного, в т.ч. профессионального сознания, в результате чего они оцениваются как правовые. В этом контексте постулирование эталона служебного поведения и недопустимости совершения отдельных действий имеет существенное идеологическое значение² и должно культивироваться в рамках правовой пропаганды и воспитательной работы с сотрудниками.

Рассматривая ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел, следует отметить и другую сторону их действия. Ставя действующих сотрудников и кандидатов на службу в определенные рамки, государство в целях стимулирования их служебной деятельности и своего рода компенсации за ограниченные права предоставляет им различного рода преимущества – социальные гарантии и льготы³. Не случайно среди принципов службы в органах внутренних дел в пункте 3 части 2 статьи 4 Закона о службе поименован принцип взаимосвязи ограничений, обязанностей, запретов, ответственности на службе и социальных гарантий сотрудников. Ярким примером действия этого принципа и наличия преимуществ является стаж службы (выслуга лет), необходимый для реализации сотрудником права на увольнение с назначением пенсии по линии МВД России. Сегодня такой стаж службы составляет 20 лет работы непосредственно в органах внутренних дел в календарном исчислении. В льготном исчислении, предусмотренном для органов, организаций и подразделений, профессиональная деятельность в которых сопряжена с особым риском либо вредными условиями для жизни и здоровья, стаж службы может сокращаться практически втрое. Наличие таких правовых преимуществ, вне зависимости от их вида, позволяет обеспечить при их соответствии конституционным нормам и принципам баланс частных и публичных интересов на государственной службе.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы и обобщения:

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 г. № 1865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дмитриевского Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 части 3 статьи 82 и частью 4 статьи 89 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² См.: Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества: монография. – М.: Норма, 2017. 384 С.

³ См.: Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: Дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук. М. 2020. 529 С.

1. Ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел, направлены не на регулирование взаимоотношений частных лиц, накладывающее на них определенные обременения, а на обеспечение порядка управления государственным органом.

2. Указанные ограничения представляют собой условия и требования к поступлению (отбору) и прохождению службы в органах внутренних дел, основное предназначение которых заключается в исключении пребывания на службе лиц, особенности правового положения которых не совместимы со званием сотрудника органов внутренних дел, и обеспечении профилактики совершения сотрудниками различного рода злоупотреблений. Таким образом, ограничения, связанные со службой в органах внутренних дел, как правовое средство, напрямую влияют на формирование и сохранение кадрового ядра МВД России, что должно учитываться в кадровой политике Министерства.

3. Рассматриваемый вид ограничений не эксклюзивен для службы в органах внутренних дел Российской Федерации, а является разновидностью подобного рода мер, устанавливаемых для всех государственных служащих, обладающей своей спецификой.

4. Законодатель, определяя особенности правового положения сотрудников и кандидатов на службу, которые ставят их в неравное положение с иными гражданами, предусматривает ряд специальных социальных гарантий и льгот, компенсирующих разницу повседневных правовых возможностей.

5. В действующем законодательстве о службе ограничения «технически» помещены в одни статьи (нормы) наряду с обязанностями и запретами, что создает определенные трудности при их разграничении друг с другом, разрешении правоприменительных ситуаций и интерпретации соответствующих правовых актов.

6. Эффективность действия служебных ограничений во многом коррелирует с уровнем общего и профессионального правосознания. В связи с этим в рамках правовой и воспитательной работы с сотрудниками должно уделяться значительное внимание разъяснению стандартов и правил служебного поведения, недопустимости злоупотреблений на службе, предотвращению ситуаций, влекущих дисциплинарную ответственность либо увольнение со службы.

Орлова Юлия Михайловна

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
европейского и международного права юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н. И. Лобачевского*

Orlova Youlia Mikhailovna

*Candidate of Law, Head of the European and International Law chair
National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky*

E-mail: youlia_@mail.ru

«Ограничительные меры» в практике Суда Европейского Союза

"Restrictive measures" in the ECJ's Jurisprudence

Аннотация: Сфера общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) имеет свои особенности при рассмотрении споров в Суде ЕС. Апелляционное решение Банк Рефях содержит уточнения относительно средств судебной защиты, которые возможны при оспаривании решений по ОВПБ и которые касаются ограничительных мер. Суд посчитал возможным расширить свою юрисдикцию в рамках ст. 275 (2) Д ФЕС. Особое внимание обращено на аргументацию, используемую Судом, и проанализированы нити взаимодействия ОВПБ с другими политиками ЕС.

Ключевые слова: ограничительные меры, судебная защита, возмещение ущерба, ОВПБ.

Abstract: The sphere of the Common Foreign and Security Policy (CFSP) has its own peculiarities when considering disputes in the EU Court of Justice. The appeal decision of the Refah Bank contains clarifications regarding the remedies that are possible when challenging decisions on the CFSP and which relate to restrictive measures. The Court considered it possible to expand its jurisdiction within the framework of Article 275 (2) of the TFEU. Special attention is paid to the argumentation used by the Court and the threads of interaction between the CFSP and other EU politics are analyzed.

Keywords: restrictive measures, judicial protection, compensation for harm, CFSP.

С появлением в структуре Европейского Союза системы трех опор общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) в юрисдикции Суда ЕС всегда была обособлена. Это справедливо было мотивировано межнациональным характером данной сферы. В соответствии с Лиссабонским договором, после упразднения системы трех опор и создания интегрированной системы внешнего воздействия, ОВПБ все же по-прежнему оставалась отграниченной от наднационального уровня. Статья 40 Договора о ЕС, в нынешней редакции, сохраняет логику долиссабонской системы, которая основана на особом подходе к ОВПБ, сохраняющей исключительную компетенцию для достижения политических целей. Это проявляется и в практике Суда Европейского Союза.

Ст. 215 Договора о функционировании ЕС (далее ДФЕС) регулирует порядок применения мер экономического характера, ограничительных мер к нарушителю. Она сочетает в себе две составляющие – и внешнеполитическую компетенцию, и материальную. Реализация данной нормы влечет за собой последовательность действий, основанных на различных процедурах принятия решений: 1) законодательное решение по вопросу ОВПБ, которое принимается на межправительственном уровне, а также 2) ограничительные меры, принимаемые на основании ст. 215 ДФЕС. Роль ст. 215 ДФЕС заключается именно в том, чтобы установить связь между политическим и неполитическим измерением ЕС. Это зачастую крайне сложно, поэтому ряд вопросов остается нерешенным до сих пор.

С законодательной точки зрения мы наблюдаем определенную асимметрию, которая проявляется в следующем. Нормативные акты, принятые на основании ст. 215 ДФЕС, не могут быть предметом рассмотрения в Суде ЕС, но Суд вправе «проверять законность» ограничительных мер ОВПБ в соответствии с так называемой оговоркой, закрепленной в 2 ст. 275 ДФЕС.

С одной стороны, компетенция Суда ЕС в отношении решений по ОВПБ ограничена, с другой стороны, имеется оговорка. Таким образом, точные контуры этой компетенции размыты. Вместе с тем, как справедливо отмечает К.Энтин «контроль законности в отношении элементов общего действия, в особенности критериев для внесения лиц в санкционные списки представляется особенно важным»¹.

¹ Энтин К. Ограничительные меры против третьих стран в практике Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. №1 (17). С. 103.

В решении Банк Рефах¹ Суду представилась возможность определить, возможно ли оспорить ограничительные меры, закрепленные в решении Совета ЕС посредством иска о возмещении ущерба таким же образом, как в отношении актов, принятых на основании ст.215 ДФЕС.

Фабула вопроса

История вопроса отсылает нас к 2010 году, когда заявитель Bank Refah Kargaran в течение трех лет находился в списке организаций, причастных к распространению ядерного оружия в Иране, в соответствии с нормативными актами ЕС. К нему были применены финансовые ограничения в форме замораживания активов и запрета на совершение финансовых операций. В 2013 году Трибунал в решении T-24/11² аннулировал ограничительные меры и распорядился исключить из списка Bank Refah, признав причины для включения в список необоснованными, «назвав их абстрактными и общими, что противоречит требованиям статьи 296 ДФЕС»³. Апеллянт подал иск о возмещении убытков, понесенных в результате негативных последствий включения в список, но не указал при этом никаких правовых оснований.

В своем решении Трибунал презюмировал свою ограниченную юрисдикцию, и уточнил, что она распространяется только на контроль за соблюдением ст. 40 Договора о ЕС и законность ограничительных мер в соответствии со ст. 275 (2) ДФЕС. В связи с этими обстоятельствами Трибунал не считал себя компетентным для вынесения решения по иску о возмещении ущерба, причиненного актами по ОВПБ. Вместе с тем, в отношении ст. 215 ДФЕС Трибунал смог выразить свою позицию, и отклонил иск на том основании, что «истец не доказал наличия в действиях Совета ЕС достаточно серьезного нарушения требований верховенства права»⁴, что является важным условием возникновения внедоговорной ответственности. Таким образом, иск был отклонен.

В апелляционном порядке Суд ЕС должен был определить, влечет ли п. 2 ст.275 ДФЕС ограничение юрисдикции Суда по рассмотрению исков о возмещении убытков в вопросе ограничительных мерах, связанных с ОВПБ.

Проблема, лежащая в основе решения Банк Рефах не является абсолютно новой. С аналогичным вопросом Суд ЕС столкнулся в решении Роснефть⁵, в котором он признал свою юрисдикцию по пересмотру законности актов ОВПБ в преюдициальном порядке, несмотря на ограниченный объем оговорки, сформулированной в ст. 275 (2) ДФЕС. Эта статья «должна толковаться как предоставляющая юрисдикцию для вынесения судебных актов по искам о возмещении ущерба в связи с отмененной ограничительных мер, принятых в рамках ОВПБ»⁶. В частности, Суд пришел к выводу, что ограничительное толкование этой нормы является нарушением принципа эффективной судебной защиты. Выражение «проверка законности» актов Союза является достаточно широким и распространяется также на предварительное судебное разбирательство, возбужденное в соответствии со ст. 267 ДФЕС.

Этот вывод был основан на аналогичной функции, выполняемой иском об аннулировании и преюдициальным запросом. Подобные иски являются «средством проверки законности актов Европейского Союза»⁷.

В решении «Роснефть» «со ссылкой на статью 215 ДФЕС Суд признал полномочия Совета ЕС даже более широкими, нежели предусмотренные так называемыми «секторальными» санкционными актами. Цели ЕС в виде установления мира и поддержания международной безопасности оправдывают ограничение экономических прав»⁸. В мотивировочной части решения содержится характеристика иска о возмещении ущерба, под которой Суд понимает «автономную форму иска, имеющую конкретную цель в рамках системы средств правовой защиты и при условии соблюдения условий его использования, продиктованных его конкретной целью»⁹.

В связи с тем, что ключевой целью иска о возмещении ущерба является проверка законности того или иного акта ЕС, то под действие оговорки такие иски не попадают. С этой точки зрения неудивительно, что Суд в решении Банк Рефах использовал иной подход к установлению своей юрисдикции подобной категории исков.

¹ Решение T-24/11 Bank Refah Kargaran v Council. Judgment of 6 September 2013.

² Там же.

³ Гландин С. Борьба за компенсацию при необоснованном включении в санкционный список // Как банк Рефах Каргаран в Суд ЕС ходил // Борьба за компенсацию при необоснованном включении в санкционный список // Как банк Рефах Каргаран в Суд ЕС ходил (zakon.ru) (дата обращения 23.04.2024)

⁴ Там же.

⁵ Решение T-715/14 NK Rosneft and Others v Council

⁶ Слепак В.Ю. Анализ практики Суда ЕС по делам об оспаривании ограничительных мер (санкций) в отношении России. М., 2022. С.24.

⁷ Решение T-715/14 NK Rosneft and Others v Council

⁸ Гландин С. Европейское право ограничительных мер после первых российских дел в Суде Европейского Союза // Международное правосудие. 2017. №2(22). С.91.

⁹ Решение T-715/14 NK Rosneft and Others v Council

Отклонив апелляцию Суд ЕС в мотивировочной части сослался на то, что «принцип эффективной судебной защиты физических или юридических лиц, в отношении которых применяются ограничительные меры, требует, чтобы такая защита была полной, для того, чтобы Суд ЕС мог вынести решение по иску о возмещении ущерба, поданному такими лицами или организациями, требующими возмещения ущерба, причиненного ограничительными мерами, принятыми в Европейском Союзе»¹.

Аргументы Суда в подобных случаях сводятся к следующему анализу.

1. Нарушено ли право на эффективную судебную защиту.
2. Наличие ошибки при установлении соответствия фактической ситуации заявителя.
3. Нарушение принципа пропорциональности
4. Нарушение прав, гарантированных Хартией ЕС об основных правах.

Логика решения Банк Рехаф по-видимому, действительно основана на функции довольно сложной процедуры, предусмотренной ст. 215 ДФЕС. Эта норма по своей сути объединяет ОВПБ с экономической сферой. Таким образом Суд ЕС пришел к выводу, что она нивелирует своим назначением различие в отношении защиты от ограничительных мер экономического порядка или актов по вопросам ОВПБ, что напрямую вытекает из текста судебного решения. Можно полагать, таким образом, что юрисдикция по рассмотрению подобных споров появляется у Суда именно благодаря ст.215 ДФЕС.

Расширение юрисдикции Суда, вытекающее из статьи 215 ДФЕС, может оказать существенное влияние на правопорядок ЕС, как в практическом, так и в теоретическом плане. Если ст. 215 ДФЕС требует, чтобы Суд ЕС распространил возможность предъявления иска о возмещении ущерба на акты ОВПБ, то эта норма является не только «мостом», связывающим решения ОВПБ с другими политиками ЕС. Распространяя систему судебной защиты на решения ОВПБ, предусматривающие санкции, ст. 215 ДФЕС, дает дополнительный эффект в виде включения таких решений в правовую базу ДФЕС и подчинения их его правилам.

Связывая решение по ОВПБ с нормативным актом и подвергая первое судебным средствам правовой защиты, предусмотренным для последнего, ст. 215 ДФЕС, закрепляет собственный механизм ограничительных мер, что, по мнению Суда, «крайне важно для функционирования системы судебной защиты»².

Следовательно, ст. 215 ДФЕС, благодаря которой в юрисдикцию Суда ЕС могут попасть и решения в сфере ОВПБ, является своего рода «интеграционной оговоркой».

Можно прийти к выводу, что проанализированная нами судебная практика является примером сложных взаимосвязей ОВПБ и других компетенций ЕС. Лиссабонский договор, хотя и упразднил систему трех опор, но ряд положений ДЕС и ДФЕС свидетельствуют об особом специфическом направлении этого сотрудничества. Несмотря на то, что Суд подчеркивает новую структуру ЕС и прекращение различий между его компонентами ДФЕС и ОВПБ, парадигма единства внешней деятельности ЕС в настоящее время представляется химерой.

С другой стороны, Суд признает, что в некоторых случаях элементы ОВПБ и ДФЕС могут быть согласованы в юридически унифицированных рамках, что требует однородности и согласованности – например, в вопросе одинаковых средств судебной защиты. Нерешенным остался вопрос о соответствии такого подхода п.2 ст.275 ДФЕС. По всей видимости это будет раскрыт последующей судебной практикой.

В исследованном нами решении Суд ЕС впервые указывает на то, что сохранение фрагментации во внешнем действии ЕС не препятствует возникновению унитарных подсистем, подлежащих однородному судебному контролю. Очевидно, что этот судебный пересмотр относится к ДФЕС, а не к ОВПБ, даже если в принципе возможна противоположная гипотеза. В свете этого вывода представляется разумным предположить, что Суд придерживается интеграционного подхода.

¹ Решение C-134/19 P Bank Refah Kargaran c/ Conseil de l'UE Arrêt de la Cour (Grande chambre) de 6 octobre 2020.

² Там же.

Парфенов Александр Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Parfenov Alexander Vyacheslavovich

candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Parfen-AV@mail.ru

Лапшин Вячеслав Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Lapshin Vyacheslav Evgenievich

candidate of Law, Associate Professor of the Department of Forensic Examination of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: vel-len@mail.ru

О необходимости юридического ограничения компромиссов

On the need for legal limiting compromises

Аннотация: в представленной статье предпринимается попытка установления особенностей нормативного закрепления компромисса. Для решения поставленной задачи автору потребовалось выяснить его социальную направленность. Было установлено, что далеко не каждый компромисс является полезным для государства и общества. В этой связи была высказана идея о необходимости контроля со стороны государства за системой социально значимых компромиссов. Внесены предложения, связанные с юридическим запретом отдельных видов компромисса.

Ключевые слова: юридически значимый компромисс, правовой компромисс, «неправомерный (противоправный)» компромисс, соглашение, правовое воздействие, правовое регулирование, правовое ограничение.

Abstract: the presented article attempts to establish the features of the normative consolidation of compromise. To solve the problem, the author needed to find out its social orientation. It was found that not every compromise is useful for the state and society. In this regard, the idea was expressed about the need for state control over the system of socially significant compromises. Proposals have been made related to the legal prohibition of certain types of compromise.

Keywords: legally significant compromise, legal compromise, «unlawful (illegal)» compromise, agreement, legal impact, legal regulation, legal restriction.

Процессы демократизации, характерные для современного общества, во многом обуславливают изменения в модели его отношений с государством. Существующие тенденции позволяют предположить, что в конечном итоге они должны стать равноправными партнерами. Вследствие этого, государство может снизить свое присутствие, либо вовсе уйти из целого ряда сфер, таких как, например, наука, образование, религия, экономика и т.д. Упорядочение системы складывающихся в них общественных отношений будет отдано на откуп гражданам и их объединениям. Обществу придется осуществить поиск новых эффективных форм взаимодействия, разработать механизмы обеспечивающие неукоснительную реализацию принятых решений.

Новеллы в области отношений между обществом и государством не могут не оказать мощнейшего влияния на содержание действующего права. Очевидно, что в нем повысится значение и влияние идей демократизма, равенства и т.д. Наряду с этим будет наблюдаться увеличение количества диспозитивных

правовых предписаний, повышение роли договорного правового регулирования. Главный вектор изменений в области права здесь мы усматриваем в том, что, в первую очередь, в частно-правовой сфере, государство постарается освободиться от целого ряда обременительных, по его мнению, функций, предоставив взамен гражданам специальное право самостоятельно упорядочивать отношения и разрешать вопросы, возникающие в ней. В контексте подобных рассуждений вполне закономерными и своевременными выглядят, например, создание института медиации, повышение в обществе авторитета третейского разбирательства. Логика государственно-правового строительства подсказывает, что круг инноваций такого рода в ближайшие годы будет только расширяться.

В этой связи весьма актуальным нам представляется вопрос о том, в какой мере использование способности граждан к взаимодействию, кооперации, позволит государству обеспечить эффективное регулирование общественных отношений. Обращаясь к нему отметим, что, с одной стороны, здесь мы обнаруживаем уникальный инструмент, позитивный потенциал которого до сих пор во многом оказался не востребованным и не оцененным должным образом ни сообществом ученых-правоведов, ни юристами-практиками. При его грамотном использовании появляется реальная возможность снизить нагрузку на органы государственной власти, добиться экономии бюджетных средств, ускорить процедуру рассмотрения споров, выработать совместное решение по делу, устраивающее всех его участников. В этой связи наличие способности граждан договариваться между собой является важнейшим условием совершенствования действующего законодательства. Данное качество должно всемерно культивироваться и поддерживаться государством.

Рассмотрение вопроса под подобным углом зрения характерно, прежде всего, для сторонников концепции правового компромисса. Обращение к словарям показывает, что наиболее часто компромисс определяется как «соглашение на основе взаимных уступок»¹, «договорённость между субъектами о разрешении противоречий, конфликтов между ними путём взаимных уступок»². Исходя из подобного понимания компромисса, исследователи ратуют за привнесение его в правовую сферу, придание ему юридической окраски. Идеи такого рода прослеживались еще в трудах ученых-правоведов царской России. Они, в частности, были склонны связывать правовой компромисс с «мировой сделкой»³, «вариантом окончания спора миролюбиво»⁴. Современными специалистами компромисс, чаще всего, преподносится в качестве инновационного средства преодоления гражданско-правовых, семейных и трудовых конфликтов. Здесь же отметим, что многие исследователи сегодня склонны к расширению сферы использования правового компромисса, заявляя о его проникновении и в область публично-правовых отношений. Так, широкую известность получили идеи Х.Д. Аликперова, изучавшего природу уголовно-правового компромисса⁵. В их контексте продолжают высказываться предположения о том, что данный феномен способен проявить себя в качестве «способа разрешения уголовно-правовых конфликтов»⁶, «способа разрешения уголовного судопроизводства»⁷, отдельной «процедуры в уголовном судопроизводстве»⁸.

Трактовки правового компромисса, известные отечественной юридической науке, весьма многочисленны. Они могут отличаться друг от друга как концептуально, так и лишь отдельными деталями. В то же время, практически для всех существующих концепций характерна одна особенность. В их рамках компромисс преподносится исключительно как позитивное, выгодное и ценное для государства и общества явление. В этой связи становятся понятны призывы представителей научной общественности «легализовать» компромисс, существенно расширить сферу его применения.

Со многими предложениями такого рода действительно трудно не согласиться. В то же время, со своей стороны, считаем необходимым заметить, что компромисс явление исключительно сложное и многогранное. В этой связи, далеко не всегда способность граждан договариваться между собой, может пойти на благо государства и общества. К сожалению, в основе соглашения сторон нередко могут лежать взаимовыгодные для каждой из них, но в целом социально вредные, опасные договоренности. Очевидно, что легализовать подобные компромиссы недопустимо.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М: Рус. яз., 1990. – С. 290.

² Ксенофонтов В.Н. Компромисс // Социологическая энциклопедия: В 2 т. – Т. I. – М., 2003. – С. 462.

³ См.: Капустин Н.М. Юридическая энциклопедия (догматика). – СПб.: Императорское Училище Правовѣдѣнія, 1892. – С. 171.

⁴ См.: Юридическая энциклопедія или органическое изложение науки о правѣ и государствѣ, на основаніи принциповъ этической философіи права. – М.: Типографія Александр Семена, 1863. – С. 518.

⁵ См.: Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. – М.: Московский психолого-социальный институт; ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ; Воронеж: Издательство НПО «МОЖЭК», 2001.

⁶ См.: Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: Дисс... канд. юрид. наук. – Самара, 2011.

⁷ См.: Янина Я.Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия: Дисс... канд. юрид. наук. – Калининград, 2007.

⁸ См.: Попова И.А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве: Дисс... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.

Мы не склонны идеализировать компромисс и не разделяем «восторгов» отдельных авторов, вызванных его мнимой универсальностью. Нужно понимать, что он представляет собой всего лишь один из инструментов преодоления конфликтной ситуации. Его конкретное содержание будет обусловлено складывающейся ситуацией и интересами сторон. Отношение государства к компромиссу должно определяться тем, насколько содержание последнего соответствует целям и задачам, декларируемым конституцией и иными важнейшими нормативными правовыми актами. Сторонники концепции правового компромисса, как правило, акцентируют внимание на ситуациях, когда между ними наблюдается определенная корреляция. Однако на практике нередки и случаи, когда договоренности сторон компромисса идут вразрез с интересами и потребностями общества, способны причинить им вред. Например, работник может прийти к соглашению с непосредственным начальником в вопросе об освобождении от большей части своих служебных обязанностей в обмен на предоставление ему половины своей заработной платы. В результате у первого субъекта идет трудовой стаж, он пользуется рядом льгот, второй – существенно повышает свой ежемесячный доход. Другой пример может касаться соглашения между студентом и дипломированным специалистом, связанного с подготовкой на платной основе курсовой работы. В итоге заказчику удастся уклониться от добросовестного самостоятельного освоения элемента рабочего учебного плана, а у исполнителя появляется возможность дополнительного обогащения.

Очевидно, что в представленных примерах компромисс не просто не выгоден, а опасен для общества. Речь о его «легализации» не может идти в принципе. В этой связи, резонно, возникает другой вопрос, должно ли государство молча взирать на такого рода компромиссы? Мы полагаем, что ответ должен быть отрицательный. Подобные компромиссы должны находиться под самым пристальным контролем государства. Его задача состоит в создании условий, существенно ограничивающих саму возможность их формирования. Помощь в этом ему призвано оказать право.

Представляется, что действующее законодательство должно охватывать всю систему важных с позиции государства и общества компромиссов, как полезных, так и вредных, опасных. Данный массив может быть обозначен понятием «юридически значимый компромисс». Одним из первых в отечественной юридической науке на него обратил внимание В.А. Толстик¹. В рамках данного подхода, интересующие нас, социально вредные, опасные компромиссы получают правовую окраску и становятся «неправомерными (противоправными)» компромиссами. Подобный переход подчеркивает их несоответствие интересам государства и общества, указывает субъектам на недопустимость их формирования. Так, ст. 11 Федерального закона РФ от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» содержит в себе прямой запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов². Важно отметить, что создание соглашения, содержащего признаки «неправомерного (противоправного)» компромисса, влечет неблагоприятные юридические последствия для его сторон. Например, ответственность за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения предусмотрена ст. 14.32 «Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности» КоАП РФ.

«Неправомерные (противоправные)» компромиссы весьма разнообразны по своей природе. Сам факт отражения их праве свидетельствует о повышенном внимании к ним со стороны государства. В тоже время, в ряде случаев законодатель счел необходимым специально подчеркнуть тот факт, что те или иные виды подобных компромиссов являются объектами особого контроля со стороны компетентных государственных органов. Так, ст. 35 Федерального закона РФ от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» вводит специальный государственный контроль за ограничивающими конкуренцию соглашениями хозяйствующих субъектов³.

Технико-юридическое оформление норм, связанных с «неправомерным (противоправным)» компромиссом имеет свою специфику. Представленные выше примеры показали, что законодатель, как правило, закладывает в юридическую норму модель социально опасного, вредного соглашения и связывает с ней в дальнейшем определенные правовые последствия. Наряду с подобным подходом, по нашему мнению, нужно учитывать и вариант, при котором субъекты правотворчества избегают использования самого понятия «соглашение». Они считают целесообразным указать лишь те деяния и условия, которые могут быть положены в основу «неправомерного (противоправного)» компромисса, и связать с ними определенные неблагоприятные последствия, в надежде пресечь его появление. Например, очевидно, что достижение некоего тайного соглашения между третейским судьей и одной из

¹ Толстик В.А. Социальная и юридическая природа компромисса // Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова, А.В. Парфенова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. – Т. 1. – С. 139-140.

² См.: ст. 11 «Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов» ФЗ РФ от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». – СЗ РФ. – № 31. – 2006. – Ст. 3434.

³ См.: ст. 35 «Государственный контроль за ограничивающими конкуренцию соглашениями хозяйствующих субъектов» ФЗ РФ от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». – СЗ РФ. – № 31. – 2006. – Ст. 3434.

сторон конфликта теоретически возможно. В его основе, как представляется, будет лежать ни что иное, как подкуп. В этой связи логичным представляется ввести юридическую ответственность за данное деяние. Именно по такому пути пошел отечественный законодатель, включив в Особенную часть УК РФ ст. 200.7 «Подкуп арбитра (третейского судьи)». Подобная логика была использована и при формировании норм, содержащихся, в частности, в ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 200.5 «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок» УК РФ и др.

Анализ правовых предписаний, связанных с «неправомерным (противоправным)» компромиссом, позволяет констатировать ярко выраженное негативное отношение к нему со стороны законодателя. Юридические нормы содержат в себе однозначный запрет на формирование соглашений подобного рода. Использование подобных государственно-властных сдерживающих средств, должно предотвращать появление нежелательных для государства и общества деяний. Возможность привлечения к юридической ответственности призвана заставить субъектов отказаться от «неправомерного (противоправного)» компромисса. В рассмотренных нами примерах запрет – специфический вид правового ограничения. В этой связи, как нам представляется, требуется внести уточнение в вопрос о специфике функционирования юридических норм, связанных с «неправомерным (противоправным)» компромиссом. Очевидно, что весь их массив играет важную роль в области правового воздействия. При этом непосредственно в сфере правового регулирования они проявляют себя лишь в случае нарушения, содержащихся в них требований законодателя. На основе такого рода юридического факта и одной из рассматриваемых нами норм между государством и правонарушителем возникает охранительное правовое отношение. В его рамках происходит осуществление предусмотренных субъективных прав и юридических обязанностей. Однако означает ли это, что во всех иных случаях нормы, касающиеся «неправомерного (противоправного)» компромисса, бездействуют? Конечно же нет. Мы полагаем, что наиболее ярко они проявляют себя в области иного аспекта правового воздействия – информационно-психологического действия права. Он характеризуется специфическим воздействием правовой управленческой информации на сознание и мотивы поведения субъектов. Запреты на создание социально вредных соглашений, сопровождаемые указанием на конкретный вид и размер наказания, являются эффективным инструментом, оказывающим мощное влияние на граждан. Сопоставление требований правовой нормы, возможных юридических последствий с собственными интересами, как правило, приводит человека к выводу о нецелесообразности, небезопасности заключения того или иного социально вредного соглашения. В этой связи можно говорить о том, что нормы, касающиеся «неправомерного (противоправного)» компромисса, включают в себя систему продуманных правовых ограничений, которые есть «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите»¹.

¹ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): Дисс... доктора юрид. наук. – Саратов, 1995. – С. 99.

Пирогов Павел Павлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»

Pirogov Pavel Pavlovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic University"

E-mail: ppp17@mail.ru

Ограничения избирательных прав граждан в дореволюционной России: историко-правовые вопросы регламентации

Restrictions on the electoral rights of citizens in pre-revolutionary Russia: historical and legal issues of regulation

Аннотация: Избирательное право в истории нашей страны смело можно назвать самой уязвимой и наименее устойчивой частью политической системы. В статье описывается понятие и значение избирательной системы в жизни государства, а также раскрываются особенности и виды ограничений (цензов), которые использовались в избирательной системе дореволюционной России. Цель написания статьи - установление исторических особенностей и специфики законодательного регулирования ограничений избирательного права в российском государстве в дореволюционный период. В статье охарактеризованы нормативные правовые акты, которые регламентировали основы избирательной системы и избирательных цензов в рассматриваемую эпоху. По итогам проведенного исследования сделаны выводы о данном аспекте жизни дореволюционной России.

Ключевые слова: избирательные цензы, ограничения, женщины, сословия, дореволюционная Россия, вече, курии, голос.

Abstract: Suffrage in the history of our country can safely be called the most vulnerable and least stable part of the political system. The author describes the concept and significance of the electoral system in the life of the state, and also reveals the features and types of restrictions (qualifications) that were used in the electoral system of pre-revolutionary Russia. The article outlines the normative legal acts that regulated the foundations of the electoral system and electoral qualifications in the era under consideration. Based on the results of the study, conclusions were drawn about this aspect of life in pre-revolutionary Russia.

Keywords: electoral qualifications, restrictions, women, classes, pre-revolutionary Russia, veche, curia, voice.

Исследование, проведенное нами для написания настоящей статьи¹, опирается на комплекс, традиционных для юриспруденции, методов познания (исторический, логический, формально-юридический, системно-структурный). Также нами были использованы общепринятые методы исследования: синтез, анализ, метод индукции и дедукции, познания, сравнения.

Ограничения избирательных прав (так называемые избирательные цензы) в дореволюционной период нашей страны изучают на протяжении многих десятилетий. С этой целью представители научного сообщества используют широкий перечень источников: материалы официальной статистики, содержание правовых актов и законов, существовавших в тот период времени, неопубликованные документы из российских архивов. Ученые солидарны в том, что избирательные цензы, использование которых пришлось на дореволюционный период, имея определенную специфику, в целом были аналогичны европейским электоральным практикам XX в.²

Выборы смело можно назвать ключевой ценностью истинно демократического и правового государства. Это особый инструмент, на основе которого осуществляется взаимодействие простых граждан с властью. К традиционным признакам выборов относится определение круга их участников. Всеобщность выборов, как показывает история, существовала не всегда. Впервые всеобщность выборов

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №122061400021-1.

² Костюков А. Н. Выборность органов власти в Российской Федерации и российская дореволюционная цензовая избирательная система // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 17.

регламентировали европейские социал-демократические партии, однако это условие на протяжении многих лет было лишь формальным, отражаясь в программах¹. Зная историю и весь процесс развития избирательных цензов в России и за рубежом, можно понять все плюсы и недостатки политических и избирательных систем той или иной эпохи.

В нашей стране выборы в качестве самостоятельного института сформировались во времена Новгородской феодальной республики. Период ее существования датируется с XII по XV вв. Ранее вопросами местного и государственного значения занимались вечевые собрания. Их можно отождествлять как независимый политический институт. В Великом Новгороде произошло становление первых выборных институтов.

Новгород территориально включал в себя пять самостоятельных районов. «Сотнями» и «улицами» было принято называть достаточно скромные по площади местности. В каждом районе Новгорода функционировало вече. Под ним подразумевалось территориальное собрание, на котором решались вопросы местного значения. Вече возглавлял староста и его помощники. Это были должностные лица выборного типа. В республике высшая власть находилась в руках общегородского вечевого собрания. Но такое распределение власти являлось преимущественно формальным. Созыв такого собрания осуществлялся в крайних случаях, строго по инициативе князя или посадника. Участниками данной категории собраний являлись представители разных общественных сословий².

Обсуждение в пределах вече проводилось в отношении наиболее важных вопросов общественной, государственной жизни. По принципу выбора принимались окончательные решения. Участникам собраний надо было отдать свой голос или «за», или «против» предложений власти.

Выбор (призвание) князя также осуществлялся в стенах вече. Выборными являлись все главные должностные лица Новгорода – архиепископ, посадник, тысяцкий.

Уже в те далекие годы имели место демократические тенденции: строгий контроль за действиями выборных лиц, альтернативность выборов.

В XVI-XVII вв. в Русском государстве выборы и избирательные процедуры получают юридическое оформление. Предпосылкой к этому стало создание единого Московского государства. В 1497 г. в законную силу вступил общегосударственный Судебник. В его положениях были закреплены расширения полномочий выборных органов. В начале XVI в. в Московском государстве сложилась система местного управления, появились новые органы самоуправления – земские и губные избы. Последние являлись выборными органами. Также Московское государство отличалось особой процедурой проведения выборов.

Земские соборы играли особую роль в системе органов государственной власти в XVI-XVII вв. Они были наделены статусом сословно-представительного органа, формирование которого осуществлялось по принципу выборного сословного и территориального делегирования. Земские соборы были правомочны на объявление мира или войны, избрание кандидатур на царский пост, назначение различных должностных лиц. Вместе с тем, Земские соборы не являлись постоянно действующим органом. Их организация и проведение выполнялось строго по мере необходимости.

В их работе самыми главными событиями, конечно, являлись выборы царей. Выборы царей посредством Земских соборов в дореволюционной России датируются:

- 1598 г. – избран на царство Борис Годунов,
- в 1606 г. – Василий Шуйский,
- 1613 г. – Михаил Романов.

Выборы осуществлялись в условиях острой избирательной борьбы, обязательной избирательной агитации. Порядок выборов царей на бумаге не был зафиксирован. Однако представители Земских Соборов придерживались особой тактики организации и проведения соответствующих мероприятий. Обязательными были: достижение компромиссов между боярами, апелляции к мнению населения.

Выборы царей на соборных совещаниях, датированных 1645 и 1682 гг., были трансформированы в процедуру утверждения законного наследника на престоле. Таким образом, смело можно заявлять о тенденции превращения сословно-представительной монархии в абсолютистскую.

Россия XIX – начала XX вв. запомнилась в истории как государство, внутри которого проводилось огромное количество всевозможных реформ. Трансформационный процесс затронул и сферу избирательного права. Понятие «выборное право» до реформ, которые пришлось на 60-е – 70-е гг. XIX в., имело прямое отношение к институтам сословного и местного самоуправления. Эти органы (дворянские собрания, городские думы) учреждались по принципу цензового представительства, имущественного, возрастного, социального ценза. В дореформенной России выборное право было крайне специфичным.

Во второй половине XIX в. инициировалось проведение реформы избирательного права. Было принято решение наделять такими правами широкие слои населения. Земская и Городская реформы (1864

¹ Мироненко А. П. Равное и неравное избирательное право // Право. Общество. Государство. Сборник научных трудов студентов и аспирантов / отв. ред. Е. В. Трофимов. Санкт-Петербург, 2019. С. 112.

² Костюков А. Н. Указ. соч. С.19.

г. и 1870 г., соответственно) привели дореволюционную Россию к заметным поправкам в системе избирательного права.

В качестве независимых институтов местного самоуправления, земства создавались при условии обязательного участия в этом процессе представителей всех сословий. Избирательная система того времени функционировала на основе проведения выборов по сословиям. Подразделение избирателей осуществлялось по так называемым куриям. Всего их было три: крестьянские общества, местные землевладельцы, горожане-владельцы недвижимости.

Выборы являлись исключительно косвенными. Принять участие в выборном процессе разрешалось только лицам, возраст которых превысил 25 лет. Соответствующего права лишались иностранцы, лица, находящиеся под следствием, осужденные по приговору суда.

Так называемая городская реформа привела к созданию всесословной системы городского самоуправления. Городские Думы являлись выборными органами. Они были наделены широким перечнем прав относительно решения вопросов жизни города, местного населения. В роли избирателей могли выступать владельцы промышленных и торговых заведений, лица, которые могли предоставить (показать) разрешающие документы на ведение предпринимательства и уплачивающие в городскую казну налоги и сборы. Правом голоса были наделены различные учреждения, ведомства, монастыри и церкви, лица и общества, имеющие недвижимость в черте города. Главным требованием для получения прав избирателя, были: наличие российского гражданства, возраст старше 25 лет. Избирательные права было запрещено выдавать ремесленникам, простым рабочим, умственным деятелям, лицам, не имеющим городской недвижимости.

По уровню уплаты налогов и сборов в городскую казну избиратели делились на три курии: мелкие, средние, крупные налогоплательщики. Каждая курия была обязана уплатить треть городских налогов. Она могла выбрать треть гласных. Голосование проходило в тайном формате. Допускалось проведение процедуры и участие по доверенности. Статус избранных получали кандидаты, которые набрали более половины голосов на выборах. Количество избирателей на собрании должно было быть больше количества избранных гласных¹.

Государственная система России в начале XX в. подверглась серьезным трансформациям. Массовые революции, которые датируются 1905 – 1907 гг., фактически свергли самодержавие. Представителям власти не оставалось ничего другого, как пойти на политические уступки. Впервые в истории страны появляется Государственная Дума. Это общегосударственный правительственный орган. Население, вне зависимости от своего статуса, наделяется политическими правами, в политической системе формируется многопартийность. Избирательное право также не осталось в стороне от изменений. Были разработаны нормативные правовые акты, регламентирующие основы избирательного права, порядка формирования Государственного Совета и Государственной Думы.

Манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» опубликован 17 октября 1905 г. В этом важном для истории нашей страны документе были закреплены политические свободы.

Избирательная система, учрежденная Указом от 11 декабря 1905 г., была совершенно не похожа на ту, которая практиковалась ранее, то есть до событий, произошедших в 1917 г. Тем не менее, определенные цензы и ограничения еще сохранялись.

Обобщая материал проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что избирательному праву дореволюционной России были не свойственны равенство и всеобщность. Выборы осуществлялись косвенно, являлись многоступенчатыми. Их главными признаками можно назвать цензовый, классовый характер. Законом был определен достаточно высокий возрастной ценз. Участие в выборах могли принять лица мужского пола, возраст которых от 25-ти и более лет. Женщины такого права и вовсе не имели. Аналогичная ситуация сложилась в отношении студентов, военнослужащих, кочевых народов. Естественно, осужденные и лица, находящиеся под следствием также не могли решать судьбу города и страны. Кроме того, избирательные права не выдавали лицам, находящимся у власти (губернаторам, полицейским и прочим)².

Помимо «запредельных» избирательных цензов (ограничений), право свободы волеизъявления граждан нарушалось тем обстоятельством, что решения, принятые Городской думой, относительно по поводу социально значимых вопросов жизни города (отчуждение городского имущества, определение величины денежного эквивалента натуральных повинностей, планировка города, муниципализация городских предприятий, внутренние займы) должны были быть подписаны губернатором, министром внутренних дел.

Хотелось бы более подробно остановиться на избирательных ущемлениях женщин, цензе гендерной принадлежности. Городовым положением, которое было принято 11 июня 1892 г., и Инструкцией по организации городских упрощенных общественных управлений, принятой в 1893 г.,

¹ Фомин А.А. Дихотомия правового регулирования ограничений пассивного избирательного права в России: история и современность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 34.

² Фомин А.А. Указ. соч. С. 36.

избирательные права женщин, изначально им выданные Городовым положением 1870 г., приобрели фиктивный статус. Женщинам разрешалось делегировать свой «голос» на выборах только мужчинам, имеющим с ними родственную связь. При этом Инструкцией 1893 г. большая часть женщин, проживающих в малых городских поселениях, была вообще лишена права голоса¹.

Февральская революция, которая началась в 1917 г., стала предпосылкой серьезных перемен. С этого момента история российского избирательного права кардинально трансформируется. На основе принятых правовых актов, в том числе регламентирующих основы проведения избирательных процессов, органы земского и городского самоуправления стали выбираться исключительно при условии соблюдения демократических и равных принципов.

Современники дореволюционной России часто осуждали властей за такую избирательную систему. С открытой критикой выступали представители левых партий. Выдающийся сторонник меньшевистской партии Ф. И. Дан на эту тему говорил следующее: «русский избирательный закон среди избирательных систем мира занимает особое место². В нем собрано все, что есть наихудшего во всех избирательных системах мира» Современные политологи и социологи также с негативом высказываются в отношении дореволюционных избирательных ограничений и цензов, открыто называя их архаичными.

¹ Саламатова М. С. Избирательные цензы в первой трети XX в.: опыт компаративистского исследования // Публичные институты в теоретико-историческом и конституционно-правовом измерении. Москва, 2023. С. 73.

² Саламатова М. С. Российские и зарубежные избирательные цензы в первой трети XX в.: буква закона и реальность // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 718.

Погодина Ирина Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
финансового права и таможенной деятельности
Юридического института Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых

Pogodina Irina Vladimirovna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the
Department of Financial Law and Customs Activities of the Law Institute
of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and
Nikolai Grigorievich Stoletov

E-mail: ipogodina@vlsu.ru

Ограничения для народного правотворчества: необходимость и правовое регулирование

Restrictions on popular law-making: necessity and legal regulation

Аннотация: В цикле разработки законодательства и политики используются разные источники информации, привлекаются дифференцированные мнения и учитывается опыт разных людей. Все это важно для улучшения качества принимаемых актов, их легитимности, принятия населением, эффективности и пользы для общества и страны. Общемировая тенденция в сфере народного правотворчества - поощрять такие подходы и расширять участие населения в создании норм права. Народное правотворчество отличается от других форм политического участия и требует заметно больше усилий и знаний от граждан. Спорным вопросом выступают пределы гражданского участия в правотворческом процессе, поскольку он сложен и требует профессионального мастерства. Кроме того, нерешенным вопросом является и вопрос какую именно роль новые технологии могут и должны играть роль в процессах принятия государственных решений и создания норм права. Ограничения для народного правотворчества должны быть определены законодательно.

Ключевые слова: правотворчество, нормотворчество, народ, краудло, краудсорсинговые технологии.

Annotation: The legislative and policy development cycle uses different sources of information, draws on differentiated opinions and takes into account the experiences of different people. All this is important to improve the quality of adopted acts, their legitimacy, acceptance by the population, efficiency and benefits for society and the country. The global trend in the field of popular law-making is to encourage such approaches and expand public participation in the creation of legal norms. People's law-making differs from other forms of political participation and requires significantly more effort and knowledge from citizens. A controversial issue is the limits of civil participation in the law-making process, since it is complex and requires professional skill. In addition, an unresolved issue is the question of what role new technologies can and should play in the processes of making government decisions and creating rules of law. Restrictions on popular law-making must be determined by law.

Keywords: lawmaking, rulemaking, people, crowdlaw, crowdsourcing technologies.

Народное правотворчество, являющееся традиционным признаком, принципом и чертой демократии, относят к видам правотворчества¹. Вся история развития нормотворчества — это история народного правотворчества в разных его формах (семейного, родового и общинного правотворчества и правоприменения в Вавилоне, Древнем Риме, вечевые собрания народа в Респу́бликах Пско́ва и Новгоро́да и др.) и сочетаниях с государственным правотворчеством. Единство народного и государственного правотворчества сохранялось даже при появлении абсолютистских монархических

¹ Пчелинцев А. В., Шепелев А. Н. Теория правотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2. С. 12 - 15.

режимов¹. В наше время при высоком уровне образования населения, достижениях технического прогресса народное правотворчество может выйти на принципиально новый уровень.

Способом непосредственного правотворчества выступает всенародное голосование (референдум). В ст. 3 Конституции РФ, где говорится об этой форме выражения власти, закреплена по сути неограниченная правотворческая компетенция народа. Однако в современном государстве правотворческие возможности населения гораздо шире. Так же, как и демократия – это гораздо больше, чем только волеизъявление на выборах. Она предполагает участие людей в принятии решений по вопросам, которые влияют на их жизнь. Участие в решении дел государства – преимущество демократии и одновременно обязанность граждан. Правотворчество народа является элементом участия. Под правотворчеством народа следует понимать предложение, формулировку и обсуждение норм права непосредственно населением. Речь не идет о подготовке документов (например, пояснительной записки или финансового расчета по законопроекту, самого текста акта со всеми приёмами юридической техники), что должны делать профессиональные юристы. Имеется в виду выражение мнения о нормах права, о необходимости принятия того или иного закона, об идеях и инициативах для законотворчества. Особенно это актуально на местном уровне.

Практику использования интеллекта и опыта общественности с целью повышения качества законотворчества принято именовать «краудло» (англ. CrowdLaw)². По сути — это новый термин для описания старой идеи народного правотворчества.

Но как привлечь население к регулярному созданию или хотя бы обсуждению проектов нормативных актов и оценке норм права? Технологический прогресс влияет на все сферы нашей жизни, он трансформирует целые отрасли, профессии и области знаний. Влияет он и на сферу управления, меняя ее. Городские советы на местном уровне и законодательные органы на региональном, общегосударственном уровнях обращаются к технологиям для взаимодействия с гражданами на каждом этапе принятия законов и выработки политики. Как правило, для этого используются краудсорсинговые платформы. Последние все чаще в литературе критикуют за технологическую простоту и элементарность, поскольку они представляют собой просто «ящики» для обмена идеями и дискуссионные форумы³. Однако несмотря на простоту инструмента, он еще не в полной мере выработал свой потенциал и в большинстве стран его достаточно для организации работы по «народному правотворчеству».

Конечно, технологии не являются единственным средством участия общественности в законотворчестве. Однако, исследователи указывают на то, что традиционные, в основном офлайн-овые, механизмы участия общественности, как правило, отдают предпочтение тем, кто «в курсе» и тем, кто имеет доступ к информации и ресурсам, что позволяет им донести свою позицию до власти, взаимодействовать с законодателями⁴, оставляя большую часть населения в неведении и не отражающую объективной картины, возможно, не выражают мнения большинства. Технологии все же могут преодолеть указанные проблемы, они должны дать демократизирующий эффект и, таким образом, способствовать более инклюзивному законотворчеству. При помощи технологий появилось больше возможностей для обеспечения широкого участия в законотворческих процессах.

«Народное право» при помощи технологий имеет потенциал улучшить качество и эффективность результатов регулирования, позволяя политикам взаимодействовать с более широкой общественностью, используя методы, предназначенные для удовлетворения потребностей как групп людей, так и отдельных лиц. Краудзакон нужен не только, чтобы обеспечить большую процедурную легитимность за счет участия населения в законотворческих процессах, а для того, чтобы выполнить практическое требование совместных подходов к решению проблем, получить лучшие результаты, выработать политику, которая достигает намеченных целей.

Целью CrowdLaw является информирование, консультирование, вовлечение, сотрудничество и расширение прав и возможностей общественности в работе законотворческих органов, особенно на уровне местного самоуправления.

При внедрении элементов краудсорсинговых технологий в законотворчестве в отечественную практику, следует рассмотреть и риски CrowdLaw. Например, очевидно, что правотворчество должно осуществляться профессионалами. Привлечение чрезмерно большого круга участников к

¹ Социальное гражданское право в его основополагающих институтах: коллективная монография / А. М. Авакян, М. В. Бандо, В. С. Белых и др.; отв. ред. К. М. Некрашевич. М.: Статут, 2022. С. 6.

² См., например: Сайт «Лаборатории управления» (Govlab) Северо-восточного университета (г. Бостон). URL : <https://thegovlab.org/> (дата обращения: 21.05.24).

³ См., например: Mahotra A., Majchrzak A., Digital innovations in crowdsourcing using // AI tools, Technovation, 2024. Vol. 133. 102997. ISSN 0166-4972. URL : <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2024.102997> (дата обращения: 21.05.24).

⁴ Noveck B. S. Crowdlaw: Collective Intelligence and Lawmaking. // Analyse und Kritik. November 2017. № 40(2). С. 359-380. DOI:10.1515/auc-2018-0020. URL: https://www.researchgate.net/publication/328728004_Crowdlaw_Collective_Intelligence_and_Lawmaking (дата обращения: 27.05.2024).

законотворчеству имеет ряд недостатков¹. Во-первых, это низкий уровень компетентности субъектов, которые становятся участниками нормотворческого процесса. Во-вторых, правовой нигилизм граждан. В-третьих, возможность лоббирования своих интересов. Р. Б. Головкин верно указал на то, что реализация принципа демократизма правотворчества на практике может причинить вред правовой регламентации общественных отношений².

Верно указывает В. М. Баранов и на такую сложность «правотворчества народа» как задача в привлечении наиболее активных и способных к законотворчеству граждан³. Их необходимо определить, пригласить к участию, не только привлечь разово, но и стимулировать к регулярной работе в нормотворческой сфере.

Иными словами, необходимо найти баланс между демократизмом и профессионализмом правотворчества. В связи с этим обстоятельством целесообразно определить пределы участия граждан посредством краудсорсинговых платформ в правотворчестве, что позволит исключить принятие очевидно популистских, нереализуемых законопроектных инициатив⁴. Эти отношения требуют правового регулирования, нормы в Конституции страны, конечно, недостаточно.

Для правового регулирования работы граждан на краудсорсинговых платформах, в том числе законодательных, можно использовать не только мировой опыт, уже накопленный разными странами (например, законотворческие платформы Испании, Бразилии, Индии и др.), но и практику крупных мегаполисов нашей страны. Например, Правительство Москвы регламентировало работу платформы города⁵. Приняты и правила обработки идей в разделе «Предложить идею» краудсорсинговой платформы Правительства Москвы, которые, по сути, устанавливают ограничения для граждан⁶. Однако правила модерации не смогут полностью урегулировать отношения по созданию норм права народом. В данном случае требуется определить характер законодательных инициатив населения, порядок их рассмотрения и условия и последствия их принятия.

Таким образом, народное правотворчество в наши дни (англицизм «краудло») – это основанный на технологиях механизм совместного законотворчества населения и органов власти, а так же метод, позволяющий открыть законодательный процесс для вклада общественности. Чтобы справиться с быстро меняющимися проблемами нашего времени, законодательство и политика должны стать более гибкими, эволюционными и динамичными, а право более «народным». Однако, процесс «народного правотворчества» требуется урегулировать, в том числе установить ограничения для создания норм права гражданами.

¹ См. об этом: Погодина И. В., Авдеев Д. А. Современные технологии как средство вовлечения граждан в нормотворческую деятельность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 6-8.

² Головкин Р. Б. Идеальная привлекательность и практическая несостоятельность принципа демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 117.

³ Баранов В. М. Принцип демократизации современного российского правотворчества: сущность, ценность, технико-юридические проблемы реализации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 36.

⁴ Погодина, И. В. Привлечение граждан к управлению государством: целесообразность и пределы (постановка проблемы) // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 47-50.

⁵ Постановление Правительства Москвы от 28 июля 2020 года № 1107-ПП «Об информационной системе города Москвы "Краудсорсинговая платформа Правительства Москвы"» // СПС Консультант плюс.

⁶ «Город идей» — платформа Правительства Москвы, которая дает возможность жителям предлагать идеи по развитию разных сфер города: экологии, транспорта, благоустройства, здравоохранения, культуры, спорта и др. Отобранные экспертами идеи гарантированно реализуются. URL : <https://crowd.mos.ru/ideaModeration> (дата обращения 21.05.24).

Путинцев Андрей Владимирович
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права Казанского (Приволжского)
федерального университета

Putintsev Andrey Vladimirovich
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of
State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: chiefdom@yandex.ru

Привилегированный статус партий в политических процессах и сопутствующие правовые ограничения для иных участников

Privileged status of parties in political processes and accompanying legal restrictions for other participants

Аннотация. Цель исследования состоит в проверке гипотезы о связи политических партий как доминирующего участника политических процессов и ограничений прав и законных интересов других участников. Критически осмысляются причины, побудившие современного законодателя сконструировать политическую систему таким образом. Отмечается, что нынешнее место партий в политической системе предполагает ограничение возможностей внепартийной реализации пассивного избирательного права для граждан и иных общественных объединений. Обосновывается в качестве возможной альтернативы перспектива ослабления принципа партийного представительства на уровне местного самоуправления.

Ключевые слова: политическая система; местное самоуправление; избирательное право; выборы Президента; муниципальный фильтр; социальный миф.

Abstract: The purpose of the study is to test the hypothesis of correlation between status of political parties as the dominant participant in political processes and restrictions of the rights of another participants. The reasons that prompted the modern legislator to construct the role of the privileged role of political parties are critically comprehended. It is noted that the current place of parties in the political system involves limiting the possibilities of non-party implementation of passive voting rights for citizens and other public associations. The prospect of weakening the principle of party representation at the local government level is substantiated as a possible alternative.

Keywords: political system; local government; suffrage; President elections; municipal filter; social myths.

Политическая партия, с точки зрения легальной дефиниции – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти, органах публичной власти федеральных территорий и органах местного самоуправления (ст. 3 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»¹ (далее – Федеральный закон «О политических партиях»)).

В силу определения политические партии являются специализированным видом общественных объединений, в этом качестве входя в систему легализованных социальных институтов, выполняя в ней предписанные законом функции. Политические партии должны также оцениваться как инструмент, опосредующий формирование и выражение воли граждан, участие в публичных мероприятиях, избирательном процессе, а также в представительстве в органах власти. Участие политических партий в этих процессах урегулировано избирательным законодательством, законодательством о публичных мероприятиях, регламентами представительных (законодательных) органов государственной власти.

Какое отношение приведенная дефиниция имеет к ограничениям в праве? Ниже мы попытаемся показать, что сама выбранная модель построения политической системы на базе такого определения политических партий предопределяет логику конкретизирующего правового регулирования, воплощающуюся в отдельных процедурных нормах, закрепляющих привилегии партий за счет

¹ Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Рос. газета, 2001. 14 июля.

ограничения иных субъектов политического процесса. Ограничения, о которых пойдет речь, можно разделить в зависимости от своего характера на структурно-системные и юридически-функциональные.

К первым стоит отнести само признание особой роли политических партий в политической деятельности. Из определения вытекает, что политическая деятельность является основной целью их существования. При отсутствии легального определения «политической жизни общества», политические партии прямо названы как средства, при помощи которого граждане могут участвовать в этой жизни в наиболее осязаемых формах. Можно посмотреть на данное определение как на увязывающее диалектически определенное содержание (участие в политической жизни) с определенной формой (посредством политических партий), при этом само данное определение создает почву для дискурса, мешающего возникновению и функционированию альтернативных форм, в которых это содержание может быть выражено. Политические партии в этом дискурсе становятся «нормальной» формой участия в политической жизни, и имплицитно участие в политической жизни через иные коллективные формы (например, НКО) выглядит не таким нормальным. Впрочем, всегда есть риск того, что дискурс оторвется от реальности и создаст параллельную фиктивную картину мира, замкнутую сам на себя.

Нужно отметить, что Конституционный Суд РФ, в целом действуя в рамках этого дискурса, также отмечает особую роль политических партий в политической системе¹. Вместе с тем отдельно в Конституции не говорится об особой роли политических партий, лишь признается право на объединение и гарантируется многопартийность вместе с идеологическим плюрализмом как одна из основ конституционного строя². Особая роль политических партий выводится только из закона о политических партиях. Однако как эта особая роль может проявиться и какие следствия иметь? Очевидно, через предоставление функциональных приоритетов в определенных аспектах политической жизни, что не будет признаваться дискриминацией, обосновываясь логикой построения нормативной системы.

Главный приоритет зафиксирован в статье 36 Федерального закона «О политических партиях»: из общественных объединений только они имеют право выдвигать кандидатов, и списки кандидатов на выборы в органы государственной власти.

Во-первых, стоит констатировать известную коллизию права на самовыдвижение и права на выдвижение политической партией. Использование последнего в качестве основы для построения своей стратегии обычно выгоднее. Наиболее яркий пример такой коллизии – сбор подписей при выдвижении кандидата в Президенты РФ (статьи 34-36 профильного закона)³. Самовыдвиженцу нужно организовать группу по своему выдвижению (своеобразная партия *ad hoc*, минимум 500 граждан, как при создании политической партии), при этом самовыдвиженец должен собрать в свою поддержку в три раза больше подписей, чем выдвиженец от политической партии, а наиболее успешные политические партии от сбора подписей вовсе освобождаются. Такой функциональный механизм делает реализацию пассивного избирательного права во внепартийной форме в значительной степени затрудненной. Тем самым ограничивается внепартийная форма реализации права на участие в управлении делами государства посредством пассивного избирательного права.

Однако член какой-то конкретной партии не может быть выдвинут другой политической партией (ч. 3.1 ст. 36 Федерального закона «О политических партиях»), тогда как внепартийный гражданин может быть выдвинут любой политической партией, однако это решение ставится в зависимость от воли политической партии. Несмотря на наличие законодательных форм (так, например, возможно заключение союзов и соглашений (ч. 1.1, п. 3) ч.1 ст. 26 Федерального закона «О политических партиях»), использование со стороны партии этих форм представляет собой добрую волю/политический расчет.

Отмеченное ограничение выглядит наиболее странным применительно к такому уровню публичной власти как местное самоуправление. Вопросы местного значения отличаются от политической деятельности, в частности, своим деидеологизированным характером и ориентацией на локальный уровень коммуникации. Вопросы выкапывания колодца не зависят от идеологической и даже общероссийской политической повестки. Тем не менее политические партии единственные могут выдвигать списки кандидатов на местных выборах по пропорциональной системе, а также могут выдвигать кандидатов на мандаты, распределяемые по мажоритарной или смешанной системе, по умолчанию, в отличие от других общественных организаций или движений⁴.

В этих условиях неясно, почему приоритет в делегировании кандидатов для решения местных вопросов в органы местного самоуправления не отдается местным общественным некоммерческим

¹ См. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Вячеслава Константиновича на нарушение его конституционных прав положениями Закона Новгородской области «О выборах Губернатора Новгородской области» от 14 января 2014 N 7-О и Мнение судьи Конституционного Суда РФС. Д. Князева // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

² См.: Гуторова А. Н. Политические партии в системе народного представительства : автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. Белгород, 2009. С. 12.

³⁴ См. актуальную на момент последних выборов редакцию федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ. <https://base.garant.ru/185413/>

⁴¹ Пункт 24 статьи 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ. Рос. газета, 2022, 15 июня.

организациям. Понятно, что фактически они могут задействовать свой социальный капитал для поддержки самовыдвиженцев, но это скорее расширяет своеобразную «серую зону» правореализации, нежели работает на воплощение принципа законности. Можно, конечно, выдвинуть возражение, что использование общегосударственных структур (а партия в современной России априори является всероссийской) помогает в перспективе получить дополнительные средства из регионального и федерального бюджета, пролоббировав интересы территории через партийные механизмы, но проблема в том, что партийно окрашенное представительство у территории в законодательных (представительных) органах власти на этих уровнях уже есть.

Можно решить, что политическим партиям уровень местного самоуправления не настолько потенциально не настолько важен, как региональный и федеральный, однако так называемый «муниципальный фильтр» при выдвижении кандидатов на должность главы субъекта РФ существенно повышает политический капитал партии, сумевшей провести депутатов в местные органы и на посты глав муниципалитетов. Иными словами, политические партии на местных выборах имеют не только общеполитические преимущества, добытые за счет ограничений возможностей иных участников избирательного процесса, но и мотивацию эти преимущества реализовывать.

Политические партии могут контролировать депутатов от политической партии (это следует из толкования части 3 статьи 10 Федерального закона «О политических партиях»). В условиях системы свободного мандата формулировки закона о возможной связанности этих лиц решениями партии подразумевает партийную дисциплину, подчиняя депутатов не воле избирателей, а воле политической партии через систему фракций. При всем при этом партия, выдвинувшая кандидата, не связана в своей политической деятельности содержанием своей предвыборной программы.

Изложенное заставляет, хотя бы в общем виде, выявить причины этих ограничений и особого восприятия роли политической партии и спрогнозировать риски и возможности изменения текущего положения вещей.

Говоря о причинах, нужно сказать, что, во-первых, политические партии выполняют определенные социально-политические функции. Н.В. Гришин¹ отмечает, что существует мировой тренд на исключение из избирательного процесса «непартий», причем он касается как авторитарных государств, так и государств переходного периода. Параллельным трендом, характерным для постсоциалистических стран, является доминирование формально зарегистрированных партий, основанных на членстве. Понятно, что такой тормозит темпы социальных трансформаций в многопартийной системе. Имея негативные черты, названные цитируемым автором (снижение политической конкуренции, подконтрольности народу), тренд имеет очевидную функциональную направленность (снижение степени турбулентности политической системы, обеспечение политической стабильности в условиях «транзита» демократии, а также ее суверенный характер).

Впрочем, указанное может повлечь и обратный эффект – политическая жизнь, «проскользнет» сквозь подготовленную законодателем партийную сеть и разовьется самостоятельно, уйдя во внеправовые формы (как это было, например, в Российской Империи перед революцией, где решающую роль в политической жизни сыграли внепартийный и даже нелегальные общественные объединения)². В этой ситуации возможен разрыв партии (политической силы) в социологическом понимании и партии как юридической конструкции, причем их совмещение требует серьезных контролирующих усилий со стороны государства.

В этом свете партийность на уровне местного самоуправления получает объяснение функцию «политизации» местного самоуправления, вовлечение в публичную политику и этого, относительно автономного уровня осуществления публичной власти, что предполагает расширение нарратива, который можно обозначить как «общегосударственно-политический», за счет нарратива «локально-аполитичный».

Во-вторых, в отечественном политическом дискурсе существует исторически обусловленная фиксация на связи партийности и политической субъектности в массовом политическом сознании. Длительная борьба, которую вели либерально настроенные политические силы в Российской Империи за парламентаризм по западному образцу, предполагал партии в качестве альтернативы сословиям. Эта фиксация была настолько сильной, что даже находящиеся на нелегальном положении организации пытались быть партией, принимали уставы, списки членов и т.п. Позднейшая легально закреплённая советская однопартийность лишь закрепила эту стойкую ассоциативную связь.

В-третьих, это своеобразные рационально понятые юридические функции. Политические партии, участвуя в «политическом обороте», имеют много общего с юридическими лицами в гражданском обороте. Необходимость политических партий связана с потребностью объединения капиталов и

¹ Гришин Н. В. Партии как привилегированный субъект избирательного процесса: результаты институционального эксперимента // Политическая наука. 2015. № 1. С. 23-25.

² См. на этот счет рассуждения о легальных и нелегальных профсоюзах и удобстве легальных профсоюзов для власти: Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 370-371.

управления и координации личного участия большого числа граждан для осуществления политической деятельности в масштабе страны, вследствие чего возникают типичные проблемы управления, распределения взносов и дивидендов. Инструментом решения этой проблемы служат партии. Тем не менее, в условиях цифрового общества аккумулировать политические усилия большого числа людей и получить их внимание стало возможным и для одиночек. Политическая жизнь с трудом редуцируется к одним только политическим партиям. Это подтверждает категория политическая деятельность, чье определение зафиксировано в части 2 статьи 3 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ¹. Существует масса примеров, как этот статус «иностраных агентов» получали отдельные НКО и физические лица. Отсутствие партийной формы совсем не мешало им заниматься политикой де-факто.

Таким образом, нынешняя конфигурация и роль политических партий в Российской Федерации предполагает закрепление за ними ряда привилегий ценой ограничений законодательно признанных прав и интересов иных участников политического процесса. Эти ограничения носят как функциональный (возможность X имеют только политические партии), так и системный (только партии могут и должны иметь право X сейчас и в будущем, потому что такова политическая система) характер. Из разобранных причин формирования status quo в этой области можно вывести 4 онтологических проявления партий², объясняющих эту систему.

Во-первых, это правовой институт политических партий (совокупность норм), закрепляющий при помощи объективного права место политических партий среди других общественных объединений и их правовой статус.

Во-вторых, это субъект, социальный институт – определенная политическая сила, которая борется за власть и организуется в форме политической партии.

В-третьих – это юридическая конструкция, правовая форма (регистрация, члены, органы, права и обязанности), которая является содержанием правовых норм и должна быть полезна и удобна как участникам политического процесса, и контролирующим органам, и может и должна использоваться как основное средство организации политической активности. С точки зрения правового идеализма эта легальная форма, закрепленная в правовых институтах, должна поглощать социальные субъекты и сливаться с ними. Но всегда есть вероятность несоответствия положений de facto и de jure. В этом случае можно увидеть, что предположение, что политическая партия является естественной, нормальной и наилучшей формой политической организации граждан оказывается по своей юридической природе фикцией (в позитивном смысле, как фикцией является и теория юридического лица). В современных условиях во многом партии создают партии как искусственный объект, которому приписываются определенные свойства.

В-четвертых, это идеолого-мифологические репрезентации политических партий, которые обосновывают и объясняют их особую роль в политической системе. Это и связь их с настоящей политической субъектностью; и безусловная вера в то, что посредством правового регулирования политическую жизнь можно редуцировать к взаимодействию политических партий и представить политический процесс доступным для восприятия и контроля. В то же время мифологема, укореняясь, приобретает характер интерсубъективной реальности, а сами мифы, являясь лишь «значительным преувеличением, возведенным в статус нормативного умозаключения», но не полной ложью, несут в том числе положительную функциональную нагрузку³, позволяя партиям действительно упорядочивать политическую реальность.

Коллизии между отмеченными онтологическими проявлениями политических партий создают зазоры, в которые можно увидеть альтернативные механизмы политической системы с иными конфигурациями положения политических партий, особенно если смотреть на проблему с точки зрения возможных альтернатив легальной конструкции, учитывать социальный слой и постараться редуцировать мифологический компонент, который заставляет воспринимать сложившуюся систему как безальтернативную. Выбор конкретной модели включения партий в политическую систему с характерными ограничениями других участников политического процесса идеологически и в ходе выборов разных уровней в настоящее время предопределен как историческими традициями, так и представлениями о функциональной полезности этой модели для стабилизации и контроля политической жизни в качестве оптимального ответа на вызовы момента. Тем не менее, если рассматривать перспективы трансформации системы в сторону снижения ограничений, то наиболее очевидной возможностью является уровень местного самоуправления, на котором, при изменении исторических

¹ Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ. Рос. газета, 2022, 18 июля.

² На многоаспектность политической партии обращает также внимание С.Е. Заславский (см.: Заславский С. Е. Политические партии России : Процесс правовой институционализации : автореферат дис. на соиск. уч. степ. док. юридич. наук. М., 2004. С. 10.).

³ Вострокнутов В. А., Клименко А. И. Мифологический компонент в правосознании современного общества. М.: Проспект, 2024. С. 39, 52.

условий, принципиально допустимой (как по юридико-технологическим соображениям, так и с точки зрения интересов национальной безопасности) видится полностью внепартийная система замещение должностей.

Скобелев Владимир Петрович

заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Минск

Skobelev Vladimir Petrovich

Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations, Faculty of Law, Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Minsk

E-mail: s_v_p@tut.by

**Обеспечительные меры как правовые ограничения
в исполнительном производстве: о некоторых вопросах изменения,
замены, приостановления и отмены**

**Interim measures as legal restrictions in enforcement proceedings:
on some issues of change, replacement, suspension and cancellation**

Аннотация: рассмотрены недостатки в регулировании вопросов изменения, замены, приостановления и отмены обеспечительных мер как правовых ограничений, применяемых в исполнительном производстве. По итогам исследования сделаны рекомендации по совершенствованию законодательства, в частности, предложено закрепить возможность изменения обеспечительных мер, предусмотреть необходимость участия сторон в рассмотрении вопросов, связанных с заменой, приостановлением или отменой обеспечительных мер, урегулировать, каким образом должны оформляться отрицательные результаты разрешения данных вопросов.

Ключевые слова: исполнительное производство; обеспечительные меры; судебный исполнитель; изменение, замена, приостановление и отмена обеспечительных мер.

Annotation: shortcomings in regulating the issues of changing, replacing, suspending and canceling interim measures as legal restrictions applied in enforcement proceedings are considered. Based on the results of the study, recommendations were made to improve legislation, in particular, it was proposed to consolidate the possibility of changing interim measures, provide for the need for the parties to participate in consideration of issues related to the replacement, suspension or cancellation of interim measures, and regulate how negative results of resolving these issues should be formalized.

Key words: enforcement proceedings; interim measures; bailiff; modification, replacement, suspension and cancellation of interim measures.

Мер по обеспечению исполнения исполнительного документа являются одной из разновидностей правовых ограничений, применяемых в исполнительном производстве. Правовое регулирование вопросов изменения, замены, приостановления и отмены обеспечительных мер судебным исполнителем в Законе Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП) и в Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67 (далее – Инструкция по ИП), имеет ряд недостатков, которые недостаточно исследованы в литературе¹ и на которые хотелось бы обратить внимание.

¹ Бородулин А.А. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: новеллы законодательства и особенности правоприменения // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. 2017. №8. С. 41–50; Исполнительное производство: проблемы правового регулирования: монография / Т.С. Таранова [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Т.С. Таранова, Д.В. Гапоненко. – Минск: Колорград, 2022; Таранова Т.С. Исполнительные действия, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа и меры принудительного исполнения: к вопросу о правовой регламентации понятий // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Вып. 7 Гродно: ГрГУ, 2022. С. 322–331; Скобелев В.П. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: о проблемах правового регулирования // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. Т. 13. 2023. №1. С. 68–78; Скобелев В.П. Правовое регулирование мер по обеспечению исполнения исполнительного документа: еще раз о проблемах // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. Т. 13. 2023. №2. С. 77–87.

Позволяя судебному исполнителю заменять, приостанавливать и отменять обеспечительные меры, ст. 61 Закона об ИП ничего не говорит о том, могут ли данные меры судебным исполнителем быть изменены. Хотя потребность в таком изменении вполне очевидна. Так, в отношении обеспечительных мер, предусмотренных абз.2, 3 ч.4 ст. 60 Закона об ИП (арест имущества должника, в том числе денежных средств), изменение может заключаться в увеличении или уменьшении размера (объема) арестованного имущества, замене одних арестованных вещей на другие; в отношении обеспечительной меры, указанной абз.5 ч.4 ст. 60 Закона об ИП (запрещение должнику определенных действий), – в изменении вида запрещаемых должнику действий; в отношении обеспечительной меры, регламентированной абз.6 ч.4 ст. 60 Закона об ИП (установление запрета на пользование имуществом или пределов такого пользования), – в изменении запрещаемых должнику способов или пределов использования имущества и т.д. Характерно, что аналогичные по своей правовой природе ограничительные меры – меры по обеспечению иска – действующее законодательство разрешает изменять (согласно ч.1 ст. 257 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь обеспечение иска может быть изменено судом). Безо всяких сомнений подобная возможность должна быть санкционирована законодательством и для мер по обеспечению исполнения исполнительного документа.

Согласно ч.5 ст. 61 Закона об ИП меры по обеспечению исполнения исполнительного документа «могут быть заменены другими мерами, приостановлены, отменены судебным исполнителем в порядке, установленном настоящим Законом и иными актами законодательства». На наш взгляд, под установленным Законом об ИП и иными актами законодательства порядком здесь подразумевается порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопросов о замене обеспечительных мер, их приостановлении или отмене, а не порядок фактической реализации вынесенного судебным исполнителем постановления по данным вопросам, потому что порядку реализации данного постановления судебного исполнителя посвящен совсем другой структурный элемент ст. 61 Закона об ИП – ее седьмая часть, которая гласит, что постановление «направляется сторонам исполнительного производства, а также иным лицам, на которых возложена обязанность исполнения соответствующих мер по обеспечению исполнения исполнительного документа».

В пользу сделанного нами вывода свидетельствует и содержание второго предложения ч.3 п.51 Инструкции по ИП, где говорится, что «замена, приостановление или отмена меры по обеспечению исполнения исполнительного документа производится посредством вынесения постановления о замене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, постановления о приостановлении принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа или постановления об отмене принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа».

Но тогда придется признать, что слова «и иными актами законодательства» в ч.5 ст. 61 Закона об ИП являются излишними, поскольку иные акты законодательства не устанавливают порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопросов о замене обеспечительных мер, их приостановлении или отмене. Так, Инструкция по ИП (см. ч.3 п.51) фактически лишь дублирует (в несколько иной текстуальной редакции) положения ч.6 ст. 61 Закона об ИП. Более того, первое предложение ч.3 п.51 Инструкции по ИП прямо гласит, что «общие правила принятия, замены, приостановления или отмены мер по обеспечению исполнения исполнительного документа установлены статьей 61 Закона Республики Беларусь "Об исполнительном производстве"». По сути, единственное отличие в содержательном плане ч.3 п.51 Инструкции по ИП от ч.6 ст. 61 Закона об ИП заключается в том, что в ч.3 п.51 Инструкции присутствует прямое указание на подачу стороной исполнительного производства ходатайства о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры в орган принудительного исполнения, на исполнении в котором находится исполнительный документ. Однако подобное указание не является безусловно необходимым, поскольку вывод о том, что стороне следует подавать ходатайство именно в этот орган принудительного исполнения, и так вытекает из общего смысла ч.6 ст. 61 Закона об ИП (ведь никакой иной орган принудительного исполнения соответствующее ходатайство разрешить не сможет).

Думается, что в ч.5 ст. 61 Закона об ИП вполне можно отказаться и от слов «в порядке, установленном настоящим Законом». Ведь данные слова ориентируют на то, что рассмотрение и разрешение судебным исполнителем вопроса о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер осуществляется в каком-то специальном порядке, урегулированном за рамками ст. 61 Закона об ИП. Однако такого специального порядка фактически нет. Так, в Законе об ИП имеется общая ст. 15 «Рассмотрение заявлений, ходатайств участников исполнительного производства». Но она, как видно из ее наименования и содержания, имеет отношение только к случаям рассмотрения ходатайств участников исполнительного производства (причем ходатайств по абсолютно любым вопросам), в то время как вопрос о замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер может быть рассмотрен и по собственной инициативе судебного исполнителя. Кроме того, ч.1 ст. 15 Закона об ИП имеет бланкетный характер, поскольку гласит, что ходатайства участников исполнительного производства рассматриваются судебным исполнителем «в порядке, установленном настоящим Законом». Тем самым

здесь имеет место явление, которое было обозначено нами как феномен обратной отсылки¹: ч.5 ст. 61 Закона об ИП фактически отсылает нас к ч.1 ст. 15 Закона об ИП, а ч.1 ст. 15 Закона об ИП – обратно к ч.5 ст. 61 Закона об ИП, создавая тем самым полную неопределенность в регулировании вопроса.

В действительности, однако, порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопроса о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер урегулирован в пределах самой ст. 61 Закона об ИП – данному порядку посвящена совсем небольшая по объему шестая часть данной статьи: «Замена одной меры по обеспечению исполнения исполнительного документа другой мерой, приостановление или отмена принятых мер по обеспечению исполнения исполнительного документа производятся судебным исполнителем по ходатайству стороны исполнительного производства или по собственной инициативе. Соответствующее ходатайство рассматривается не позднее трех дней со дня его поступления».

Стоит сказать, что закрепленный ч.6 ст. 61 Закона об ИП порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопроса о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер не отличается своим совершенством. Прежде всего несовершенство заключается в том, что ч.6 ст. 61 Закона об ИП не предполагает участия в рассмотрении названного вопроса сторон исполнительного производства (прямо об этом в ч.6 ст. 61 Закона об ИП не сказано, в отличие от ч.3 ст. 61 Закона об ИП, посвященной порядку рассмотрения вопроса о принятии обеспечительных мер, однако вытекает из правила о том, что «соответствующее ходатайство рассматривается не позднее трех дней со дня его поступления» – столько короткий срок не позволяет обеспечить участие сторон в рассмотрении вопроса).

Между тем участие сторон в рассмотрении упомянутого вопроса было бы крайне необходимо. Во-первых, потому, что результаты разрешения данного вопроса самым непосредственным образом затрагивают интересы обеих сторон исполнительного производства – и взыскателя, и должника. Причем вероятность нарушения данных интересов повышается ввиду того, что замена, приостановление и отмена обеспечительных мер могут производиться по собственной инициативе судебного исполнителя. Во-вторых, Закон об ИП не закрепляет оснований для замены, приостановления и отмены обеспечительных мер, оставляя разрешение этого вопроса фактически на полное усмотрение судебного исполнителя. При таких обстоятельствах участие сторон в обсуждении данного вопроса было бы важной гарантией предотвращения ошибок со стороны судебного исполнителя. В-третьих, абз.5 ч.1 ст. 18 Закона об ИП гарантирует сторонам исполнительного производства право «приводить свои доводы по всем вопросам, возникающим в процессе исполнения исполнительного документа». Очевидно, что в число таких вопросов входит и вопрос о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер. В-четвертых, согласно ч.2 ст. 257 ГПК вопрос об изменении или отмене обеспечения иска, о замене одной меры обеспечения иска другой подлежит рассмотрению судом с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Между тем вопрос о замене, приостановлении или отмене мер по обеспечению исполнения исполнительного документа является не менее важным, чем вопрос, которому посвящена ч.2 ст. 257 ГПК.

Еще один недостаток процедуры рассмотрения вопроса о замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер связан с тем, что она не регламентирует, каким образом должны оформляться отрицательные результаты разрешения данного вопроса, когда он рассматривался по ходатайству одной из сторон исполнительного производства. Дело в том, что согласно ч.4 ст. 15 Закона об ИП по результатам рассмотрения ходатайства судебный исполнитель выносит постановление только «в случаях, предусмотренных настоящим Законом». Между тем в ст. 61 Закона об ИП (см. ч.7) можно найти упоминание только про «постановление судебного исполнителя о замене одной меры по обеспечению исполнения исполнительного документа другой мерой, о приостановлении или отмене принятых мер по обеспечению исполнения исполнительного документа», о противоположном по содержанию постановлении судебного исполнителя данная статья ничего не говорит.

Получается, что отказ в удовлетворении ходатайства о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры никак оформляться не должен. В пользу такого вывода говорит и то, что Инструкция по ИП в свое время (до того, как все приложения к ней Постановлением №92 были исключены) устанавливала лишь формы постановлений о замене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 23), о приостановлении принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 24) и об отмене принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 25). Формы постановления об отказе в замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры Инструкция по ИП не устанавливала, в ней можно было найти только форму постановления об отказе в принятии меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 22).

Однако с подобным регулированием сложно согласиться. Ведь возникает вопрос, каким образом сторона, заявившая ходатайство о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры, будет поставлена в известность об отрицательном разрешении поставленного ею вопроса. Кроме того,

¹ Скобелев В.П. Еще раз к вопросу об источниках регулирования цивилистического процесса // Юстиция Беларуси. 2019. №7. С. 20.

отсутствие соответствующего постановления судебного исполнителя значительно затруднит для стороны, заявившей ходатайство о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры, обжалование действий судебного исполнителя в виде отклонения данного ходатайства, потому что, во-первых, факт отклонения ходатайства, не оформленный в виде постановления, гораздо сложнее будет доказать, во-вторых, неизвестность мотивов отклонения ходатайства (которые должны были бы быть приведены в постановлении судебного исполнителя) создаст для стороны сложности в обосновании причин, по которым действия судебного исполнителя следует признать неправомерными. Отмеченное регулирование тем более удивительно, что применительно к случаям отказа судебного исполнителя в удовлетворении ходатайства о принятии обеспечительных мер в ч.4 ст. 61 Закона об ИП предусмотрено, что такой отказ оформляется постановлением, которое не позднее дня, следующего за днем его вынесения, направляется взыскателю.

Скоробогатова Анна Ильдаровна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Skorobogatova Anna Ildarovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogical Psychology and Pedagogy of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEPU)

E-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru

Ценностные пределы правовой социализации студентов

Value limits of legal socialization of students

Аннотация. Правовая социализация выступает важнейшим средством воздействия на сознание и поведение человека, определяя его ценностные ориентации и формируя пределы правомерного поведения. Прежде всего, речь идет о вторичной правовой социализации, которая связана с освоением индивидом правовых ценностей на основе осознанной интерпретации национальной правовой культуры. Цель государства при этом определить в нормативной форме ценностные пределы правовой социализации, в т.ч. ограничить возможности интерпретации законодательства интересами личности, общества и государства.

Ключевые слова: правовая социализация, правовые ценности, правовое воздействие? правовые ограничения, пределы действия права.

Abstract: Law socialization is the most important means of influencing a person's consciousness and behavior, determining his value orientations and forming the limits of lawful behavior. We are talking about secondary law socialization, which is associated with the individual's mastery of law values on the basis of a conscious interpretation of the national law culture. The goal of the state is to determine in normative form the value limits of law socialization, including limit the possibilities of interpreting legislation to the interests of the individual, society and the state.

Keywords: law socialization, law values, legal impact, legal restrictions, limits of legal implementation.

В современной гуманитаристике особую актуальность приобрела проблематика социализации личности. Эта тенденция является прямым следствием отказа от монополярности гуманитарных наук советского периода и современной ориентации на плюрализм в научных подходах и идеях. В то же время вопрос преимущественно изучается в рамках наук социально-психологической, педагогической направленности и вызывает недостаточно интереса представителей теоретической и отраслевой юриспруденции, несмотря на его чрезвычайно большое значение для повышения эффективности права, преодоления правового нигилизма, уменьшения проявлений деликвентного, аддиктивного¹ поведения и т.д. Это предполагает исследование данного явления в нормативно-ценностном аспекте как с точки зрения нормативного регулирования правового поведения индивида и социально-правовой коммуникации, так и в контексте ценностного воздействия на сознание субъекта права, направленное на формирование ценностных ориентаций на совершение действий, необходимых для удовлетворения потребностей человека, социума и государства, достижение и поддержание общественного правопорядка.

Исследование особенностей правового воздействия на социум предполагает осознание внутренней структуры общества, состоящего из определенным образом организованных, упорядоченных элементов, находящихся в социальной связи, взаимодействуя между собой. Базовым элементом такой структуры является человек, личность, олицетворяющая основные характеристики и качества сообщества. Вместе с включением в систему социальных отношений, овладением общественной культурой, человек вовлекается и в правовые отношения, интегрируется в правовую сферу. Однако при этом действия индивида не являются полностью свободными. Они ограничены как нормами права, так и ценностными ориентациями правосознания, которые формируются в процессе правовой социализации.

¹ Егиазарян, А. К. Правовая социализация и девиантное поведение молодежи / А. К. Егиазарян // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 493-496

Правовую социализацию с позиций коммуникативной теории права можно представить как «объективно-субъективный процесс включения индивида в правовую реальность в качестве социально активного субъекта (актора), усвоения им правовых норм и ценностей общества (локального сообщества), трансформации их в собственные нормы и ценности, определяющие содержание правового поведения»¹. Соответственно, правовая социализация студентов направлена не только на освоение ими правовых знаний, но и на формирование модели правового поведения², идентификацию индивида, связанную с освоением обучающимся норм и ценностей в тех пределах, которые для него определяет социум, с которым он себя отождествляет. Также велико влияние образовательной организации, в которой студент получает профессиональное образование³. Наличие правовых знаний у обучающихся не становится гарантией правомерного поведения, а лишь служит основой для его формирования. Гораздо более действенными оказываются ценностные основания образовательной деятельности вуза или учреждения СПО. Получение студентом профессиональных навыков становится толчком к развитию у него интереса к изучению правовых пределов осуществления будущей профессиональной деятельности, развития у себя определенных личностных качеств, в том числе правовых знаний уже не общего порядка, а связанных с будущей деятельностью.

Правовая социализация является амбивалентным процессом взаимодействия индивида и общества. С одной стороны, неопит, осваивая правовые нормы и ценности в процессе правовой социализации выступает адресатом вертикальной правовой коммуникации, потребляя правовую информацию, артикулированную социумом и направленную на формирование субъекта, обладающего высоким уровнем социально активного правосознания и ориентированного на то, чтобы своим правовым бытием воспроизводить социально-правовые нормы и ценности, способствуя поступательному развитию и эффективному функционированию общества, членом которого он является. в котором обе стороны являются активными. С другой стороны, формирование социальной системы норм права, необходимых для развития и функционирования общества, происходит в процессе горизонтальной правовой коммуникации, при которой все члены данного социума выступают одновременно адресатами и адресантами, определяя ценностные и нормативные пределы и содержание правовых действий и взаимодействий, показавших свою эффективность и составляющих часть социального правового опыта. Сконструированная при этом правовая информация в последующем будет транслироваться неопитам в процессе вертикальной коммуникации.

Студент как объект правовой социализации, с одной стороны, уже обладает сформированными правовыми знаниями, ценностными установками, опытом правового поведения, методами взаимодействия с агентами правовой социализации. С другой, правовая социализация обучающегося продолжается и выходит на новый уровень развития. В процессе студенческой жизни индивид учится избирательно воспринимать внешние условия, акты воздействия, проводя их через фильтры прежнего опыта и собственных ценностных установок. Одновременно студенты являются и агентами социализации для одноклассников, так как именно в этом возрасте по-прежнему очень важно одобрение поведения от сверстников. Данный аспект необходимо учитывать при планировании и проведении педагогических мероприятий, направленных на совершенствование правовых знаний и правомерного поведения молодежи, использования потенциала национальной культуры в данном процессе⁴.

Таким образом, внешние (объективные) условия определяют поведение человека лишь в той мере, в какой соотносятся с внутренними (субъективными) условиями, сложившимися в результате всего процесса правовой социализации. То есть, в процессе правовой социализации происходит не только формирование личности под влиянием общества, но и наоборот, личность как активный субъект в процессе своей деятельности реализует влияние на окружающую среду, в то же время изменяя и свою сущность, формируя у себя новые качества. Однако если в процессе первичной правовой социализации речь преимущественно идет об освоении индивидом транслируемой правовой информации, то в ходе вторичной правовой социализации этот процесс приобретает все более явно выраженный избирательный характер, отражая степень ценностных ориентаций субъекта на правовую активность. В процессе правовой социализации студента важно учитывать роль обучающего взаимодействия с педагогами

¹ Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив. СПб.: Алтейя, 2024. С. 374.

² Соколова, М. В. Правовая социализация молодежи (на примере студентов высших учебных заведений) / М. В. Соколова, Д. И. Петросян, И. В. Листратов // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 4(170). – С. 79.

³ Колодина, А. В. Роль института образования в правовой социализации молодежи / А. В. Колодина // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 529-532.

⁴ Соколов, В. П. Культурологический аспект воспитания и обучения как фактор правовой социализации молодежи / В. П. Соколов // Актуальные проблемы развития российского законодательства и практика его применения : Сборник научных статей по результатам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 15–16 ноября 2022 года. – Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2022. – С. 1233-1240

образовательной организации¹, имеющими и транслирующими определенные правовые ценности, нормативные установки и поддерживающими или ограничивающими поведение обучающихся.

При этом необходимо учитывать, что правовая определенность, характерная для континентальных правовых систем, обуславливает, что информация, транслируемая в процессе правовой социализации адресанту, носит относительно устойчивый характер в силу нормативного ограничения не только правил поведения, но и принципов, лежащих в их основе. В соответствии с этим чем больше индивид ориентирован на правовую коммуникацию, тем больше он не только потребляет, но и воспроизводит правовые нормы и ценности, артикулированные для него социумом. С этим связана ориентация российского правосознания на право-обязанности, в значительной степени детерминированные правовыми архетипами соборности и этатизма.

Благодаря этому происходит интеграция правовых ценностей не только в индивидуальное, но и социальное правосознание. В значительной мере это детерминирует особенности правового взаимодействия. С этой точки зрения, процесс правовой социализации, опосредованный ценностным компонентом, может быть представлен в следующей последовательности. На первом этапе происходит правовое воздействие на сознание и поведение индивида с целью формирования установки на совершение действий, необходимых для его правовой идентификации и достижения общественного правопорядка. Второй этап связан с импринтингом, интериоризацией и восприятием индивидом правовых норм и ценностей и формированием мотивации к правомерному поведению и позитивному взаимодействию, а также формирование интенции на достижение социальных, групповых и индивидуальных целей исключительно правовыми средствами и в пределах, артикулированных формальным правом. При этом происходит ментальная идентификация индивида с социумом. В ходе третьего этапа индивид осуществляет под влиянием ценностных установок правосознания поведенческие акты, направленные на реализацию воспринятой правовой информации с целью функциональной идентификации с социумом и достижения правопорядка в обществе. Завершающий четвертый этап выполняет роль трансформации индивида из адресата правовой коммуникации в адресанта. В результате совершаемых им правовых действий не только достигается идентификация неофита с обществом и достигается правопорядок, но и формируются общественные отношения с его участием, которые выступают основой для будущего социального правового опыта. Каждый этап правовой социализации студента по-своему важен, так как по мере становления профессионального правосознания студента развивается и его правовая культура в целом².

Правовая социализация в данном аспекте выступает как промежуточное звено, механизм адаптации правовых ценностей и норм к мировосприятию человека. Она является средством своеобразной транспортировки идеологической сущности от правового поля к индивидуальности человека, проводником от правового к социальному через психологическое. Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что правовые идеалы должны воплощаться в определенных явлениях или событиях объективной реальности для оптимального восприятия их человеком – так называемые факторы правовой социализации. Если представлять социализацию как канал, через который определенное смысловое наполнение попадает в сферу личных убеждений человека, то факторы являются транспортирующим средством, которое «снабжает» правовые идеи от абстрактной формы до их конечного воплощения в воображении, мышлении и действии. Они являются наиболее гибким элементом структуры, подвергающейся корректировке с целью повышения эффективности социального действия права. Одновременно эти факторы ограничивают пределы правовой социализации индивида, делают его социально полезным, ориентированным на подчинение эталонам, эксплицированным в законодательстве при одновременной интенциональности на конструирование правил, которые будут способствовать нормативно-ценностному развитию общества, членом которого он является.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Правовая социализация является специфическим социально-правовым явлением, характеризующимся включением индивида в систему правоотношений в обществе на основании усвоения им основ соответствующей правовой культуры. Учитывая природу и эффект правовой социализации, ее можно определить как структурный элемент системы социального действия права. Правовая социализация студентов определяется спецификой профессиональной подготовки специалистов, ценностными установками агентов правовой социализации, нормативными пределами развития правового поведения в обществе.

¹ Карпова, О. Л. Готовность педагога как фактор содействия правовой социализации студентов / О. Л. Карпова, Ю. М. Аникина // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 2(216). – С. 192-198.

² Dyachkova, T. S. Stages of socialization of students in the process of formation of moral and legal culture / T. S. Dyachkova // Философско-педагогические проблемы непрерывного образования : сборник научных статей V Международной научно-практической конференции, Могилев, 29 апреля 2022 года. – Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2022. – Р. 131-134.

Соколова Мария Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Национального исследовательского университета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Sokolova Maria Anatolyevna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, National Research University Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: ma.sokolowa@yandex.ru

К вопросу о совершенствовании правовой регламентации ограничений прав и свобод человека и гражданина

On the issue of improving the legal regulation of restrictions on human and civil rights and freedoms

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы правового закрепления ограничений прав человека в части 3 статьи 55 Конституции РФ, а также некоторые проблемы, связанные с детализацией этой нормы в федеральных законах. Сформулированы рекомендации по совершенствованию механизма правовой регламентации ограничений прав человека.

Ключевые слова: ограничение прав; правовой режим; закон; механизм правового регулирования.

Abstract: The article identifies the problems of legal consolidation of restrictions on human rights in part of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, as well as some problems related to the detail of this norm in federal laws. Recommendations are formulated to improve the mechanism of legal regulation of human rights restrictions.

Keywords: restriction of rights; legal regime; law; mechanism of legal regulation.

Статья 2 Конституции РФ гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»¹. В тоже время большинство прав может быть ограничено в установленных законодательством случаях для достижения важных для человека, общества и государства целей, достижение которых невозможно без этого. Не могут быть ограничены так называемые «абсолютные права», а в случае введения чрезвычайного положения – права, указанные в части 3 статьи 56 Конституции РФ.

Понятие «абсолютное право» понимается в научной литературе неоднозначно: одни авторы отрицают его существование (например, В. Е. Чиркин, Т. Я. Хабриева²), другие – спорят о критериях выделения абсолютных прав в качестве подвида (А. А. Малько³, Н. В. Витрук⁴, В. Д. Зорькин⁵). На наш взгляд, понятие «абсолютное право» имеет право на существование. Это подтверждается позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в ряде постановлений⁶. Их анализ позволяет сформулировать перечень прав, не подлежащих ограничению по какому бы то ни было основанию. В качестве примера можно привести право на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ)⁷.

В научных публикациях можно встретить различные классификации ограничений прав⁸. Мы выделим четыре группы ограничений в зависимости от основания их возникновения:

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (Дата обращения: 20.04.2024).

² Хабриева Т. Я. Теория современной конституции: монография / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. М.: Норма, 2019. С. 133-134.

³ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 94-94.

⁴ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности: монография. М.: Норма, 2018. С. 47-48.

⁵ Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки: монография. М.: Норма, 2007 // Электронная библиотека eLibrary. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 18.04.2024).

⁶ См.: Подмарев А. А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 71-73.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220-1 и 220-2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁸ Напр., см.: Конституционные права в России: дела и решения: учебное пособие. М., 2002. С. 58.

А) *Ограничения прав, обусловленные недопустимостью нарушения прав иных лиц.* Смысл данной группы ограничений прав очень точно раскрыт в цитате А. В. Малько: «свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок...»¹. Нормативно в общем виде это положение закреплено в части 3 статьи 17 Конституции РФ.

Б) *Ограничения прав, обусловленные охраной значимых для общества и государства ценностей.* Значимые для общества и государства ценности закрепляются в Конституции РФ, раскрываются в позициях Конституционного Суда РФ². Например, к таким ценностям можно отнести нравственность. Важно отметить, что данные ограничения не требуют введения специального режима, существуют вне связи с возникновением какого-либо обстоятельства, представляющего серьёзную угрозу.

В) *Ограничения прав, обусловленные противоправным поведением лица.* Юридическая ответственность подразумевает ограничение прав виновного лица в пределах и порядке, установленных законодательством. Данное основание является специфичным, так как в данном случае ограничения являются следствием определённых действий или бездействий человека³. Например, право на свободу может быть ограничено в качестве вида наказания – лишение свободы (ст. 56 Уголовного кодекса РФ) за совершение преступления.

Г) *Ограничения прав, обусловленные введением специального правового режима ввиду объективно возникших обстоятельств, представляющих серьёзную угрозу.* На анализе данного вида ограничений мы и остановимся в рамках данной статьи, так как именно он вызывает больше всего вопросов как в доктрине, так и на практике.

Проблема ограничений прав человека была предметом исследования Виноградова О.В.⁴, Толстика В.А.⁵, Пчелинцева С.В.⁶ и других авторов. Правовой основой ограничения прав человека выступает часть 3 статьи 55 Конституции РФ. Она носит общий характер: закрепляет порядок и цели правомерного ограничения прав и свобод, которые должны быть детализированы в соответствующих федеральных законах. Однако анализ данной нормы вызывает как минимум три вопроса, указывающих на ряд проблем, связанных с правовой регламентацией механизма ограничений прав.

Во-первых, все ли перечисленные цели ограничения прав имеют схожую природу?

Во-вторых, каковы должны быть пределы ограничения прав, чтобы это являлось правомерным? Используемая в Конституции РФ фраза «в той мере, в которой необходимо» является оценочной.

В-третьих, достаточно ли на сегодняшний день данная норма обеспечена соответствующей нормативной правовой базой?

Постараемся ответить на каждый из этих вопросов, рассмотрев в качестве примера (ввиду ограничения объёма статьи) ограничения прав в целях охраны здоровья.

Отвечая на первый вопрос, заметим, что правовая природа целей ограничения прав, закреплённых в части 3 статьи 55 Конституции РФ, существенно различается. Некоторые из ограничений (вводимые в целях защиты нравственности, прав и законных интересов других лиц), как уже отмечалось выше, не требуют введения специального правового режима и принятия отдельного федерального закона. Достаточно точечного закрепления этих ограничений в нормативных правовых актах, регулирующих ту или иную сферу общественных отношений. В частности, такие виды ограничений были рассмотрены нами в первой и второй выделенных группах. Например, пункт 5 части 4 федерального закона от 13.03.2006 (с изм. и доп.) № 38-ФЗ «О рекламе» закрепляет недопустимость наличия в рекламе информации порнографического характера.

Оставшиеся ограничения прав (вводимые в целях защиты основ конституционного строя, здоровья, обеспечения безопасности и обороны государства) являются более серьёзными, предполагают введение специального правового режима. Для его установления необходимо принятие отдельного федерального закона, детализирующего содержание ограничений прав. К вышеназванным целям, на наш взгляд, также следует добавить охрану окружающей среды.

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. С. 104.

² Любитель Д. И. Конституционные ценности и правовые позиции Конституционного Суда РФ // Конституция РФ - правовая основа развития современной российской государственности: сборник статей / под общ. Ред. С. А. Белоусова. Саратов, 2014. С. 124.

³ Василевич С. Г. Конституционные принципы – основы правореализации // Конституция РФ - правовая основа развития современной российской государственности: сборник статей / под общ. Ред. С. А. Белоусова. Саратов, 2014. С. 124.

⁴ Виноградов О. В. Правовые основания и пределы ограничения прав и свобод личности в условиях военного положения // Актуальные проблемы юридического обеспечения прав человека: сборник научных статей по материалам международного круглого стола. 2015. С. 32-42.

⁵ Толстик В. А. Противоречия в понимании и практике ограничения прав и свобод человека и гражданина // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 1998. Ч. 1. С. 158-164.

⁶ Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория и практика: дисс. ...докт.юрид. наук. М., 2006.

Данное направление является очень важным, не охватывается в полной мере ни одной из закреплённых в Конституции РФ целей. Охрана окружающей среды предполагает установление как общих ограничений (например, статья 42 Земельного кодекса РФ гласит, что собственник вправе использовать землю только в соответствии с её целевым назначением, способами, которые не нанесут вреда окружающей среде), так и специальных (введение специальных правовых режимов для охраны природных территорий¹).

Таким образом, считаем целесообразным конкретизировать часть 3 статьи 55 Конституции РФ следующим образом: *«Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты прав и законных интересов других лиц, а также нравственности. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, здоровья, охраны окружающей среды, обеспечения обороны и безопасности государства требует принятия отдельного федерального закона, устанавливающего специальный правовой режим»*.

Такое разделение необходимо, так как введение правового режима касается всех граждан, включает в себя комплекс серьёзных мер, распространяется на определённую территорию и (или) период времени.

Отвечая на второй вопрос, подчеркнём, что на сегодняшний день пределы ограничения прав сформулированы очень обобщённо. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отмечает: «...Опасность произвольного вторжения законодателя в сфере конституционных прав человека резко возрастает в условиях террористической активности, социально-экономических, экологических кризисов и пандемий. В подобных ситуациях у органов государственной власти возникает большой соблазн пойти по пути ограничения прав граждан ... этот более лёгкий путь далеко не всегда бывает верным. Во всяком случае если и двигаться по нему, то не очень далеко и очень осторожно»².

Общие правила определения пределов ограничений прав установлены Конституционным Судом РФ. В информации Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 года «Методические аспекты Конституционного контроля» он отмечает, что «соразмерность (пропорциональность) ограничения прав и свобод предполагает ... соответствие предпринимаемых регулятивных мер критерию необходимости, что означает отсутствие иных средств, подходящих для достижения этой цели при меньшем вмешательстве в основные права»³.

Данный тезис является очень важным. Однако не ясен статус данного документа. Статья 71 федерального конституционного закона от 21.07.1994 (с изм. и доп.) № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не закрепляет такого вида решений. В связи с этим необходимо дополнить данную статью, добавив в неё в качестве самостоятельного вида – разъяснения. Данный документ содержит важные критерии, которыми руководствуется Конституционный Суд РФ при принятии решений, а также начала, которыми должны руководствоваться органы государственной власти при осуществлении правосудия.

При оценке ограничений прав в каждом конкретном случае важно обратить внимание на два момента. Во-первых, на их обоснованность соответствующим профессиональным мнением. Например, медицинским сообществом, если мы говорим об ограничениях, связанных с охраной здоровья.

Во-вторых, на контроль за законодательным установлением ограничений и их адекватным соблюдением. Первый вид контроля осуществляет Конституционный Суд РФ, границы такого контроля существенно расширились по сравнению с его изначальным пониманием (п. 1 ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), а также суды общей юрисдикции (их роль будет раскрыта в ответе на следующий вопрос), второй – прокуратура – орган надзирающий за законностью. Целесообразно выделить в качестве самостоятельного вида прокурорского надзора «Надзор за законностью ограничений прав и свобод человека и гражданина», дополнив главой 2.1 федеральный закон от 17.01.1992 (с изм. и доп.) № 2202-1 «О прокуратуре РФ».

Отвечая на третий вопрос, необходимо отметить, что на сегодняшний день существует достаточно много проблем, связанных с правовым регулированием ограничений прав человека. Прежде всего, они касаются уровня правовой регламентации таких ограничений. Данный вопрос стал особенно актуален в период введения ограничений, связанных с пандемией⁴. В частности, широкие полномочия были переданы руководителям регионов. На наш взгляд, это было обусловлено, прежде всего, двумя факторами: во-первых, действовать нужно было быстро – принятие закона требует немало времени, во-вторых, в разных регионах была разная ситуация с заболеваемостью.

Однако из буквального толкования положений части 3 статьи 55 Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно только федеральным законом, так как данные действия

¹ См.: Федеральный закон от 14.03.1995 (с изм. и доп.) № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства РФ. 20.03.1995. № 12 ст. 1024.

² Председатель КС РФ отметил опасность вторжения в сферу прав человека при пандемиях // URL: <https://www.interfax.ru/russia/799974> (Дата обращения: 20.04.2024).

³ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402879492/> (Дата обращения: 20.04.2024).

⁴ Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. т. 15. № 12. С. 48-56.

являются очень значимыми, нуждаются во всестороннем обсуждении. Эта позиция была подтверждена и в постановлениях Конституционного Суда РФ¹.

1 апреля 2020 года были внесены дополнения в федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», определение «чрезвычайной ситуации» было дополнено «распространением заболевания, опасного для окружающих». На наш взгляд, это не совсем верно, так как название закона иначе ограничивает сферу его действия.

Наиболее правильным представляется внесение соответствующих дополнений в федеральный закон от 30.03.1999 (с изм. и доп.) № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». В нём должны прописываться и раскрываться все меры, ограничивающие права граждан, а также указываться степень ограничения прав и свобод в зависимости от уровня заболеваемости. Это снизит количество споров, предупредит возможные злоупотребления. На подзаконном федеральном уровне должен устанавливаться порядок реализации и контроля за исполнением этих мер. Регионы не должны участвовать в этом процессе². Единственно должен приниматься Указ руководителя региона о введении определённого уровня федеральных ограничений с учётом ситуации с заболеваемостью в данном субъекте РФ. В случае если нижестоящий уровень (федеральные органы исполнительной власти, региональные органы государственной власти) пытается регламентировать вопросы, регулирование которых должно осуществляться законом, такие нормативные правовые акты должны признаваться недействующими судами общей юрисдикции (гл. 21 КАС РФ).

Подводя итог, необходимо сделать вывод, что часть 3 статьи 55 Конституции РФ нуждается в совершенствовании и более тщательной детализации на уровне федеральных законов. Предлагаемые нами меры позволят защититься от серьёзных угроз при минимально возможном в данной ситуации ограничении прав человека.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ // Собрание законодательства РФ. 19.06.2000. № 25 ст. 2728; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С. Н. Шевцова» // Собрание законодательства РФ. 06.06.2005. № 23 ст. 2311.

² Курбатов А. Я. О невозможности делегирования полномочий по ограничению прав в контексте ч. 3 ст. 55 Конституции РФ // URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/30/o_nevozmozhnosti_delegirovaniya_polnomochij_po_ogranicheniyu_prav (Дата обращения: 21.04.2024).

Тарасов Иван Семенович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Tarasov Ivan Semenovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

E-mail: 89159366400@mail.ru

Евразийская концепция отечественного уголовного судопроизводства и правовые ограничения

Eurasian concept of local criminal proceedings and legal restrictions

Аннотация: В данной статье автор рассуждает о реализации правовых ограничений в уголовном судопроизводстве. Само понятие и содержание правовых ограничений представляет собой баланс прав и обязанностей и имеет правовое и духовно-ценностное измерение. Автор сравнивает либеральный и евразийский взгляды на реализацию правовых ограничений в уголовном судопроизводстве. В ходе сравнительного анализа взглядов приводятся аргументы в пользу выбора евразийского подхода к правовым ограничениям: наличие специального понятия «правообязанность», его признаков, позволяющих раскрыть всю духовно-нравственную глубину реализации правовых ограничений в отечественном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: евразийство, правообязанность, служебный долг, личность, духовные ценности, культура

Abstract: The paper discusses the implementation of legal restrictions in criminal proceedings. The notion and content of legal restrictions represent a balance of rights and obligations and can be viewed from both legal and moral values perspective. The author compares the liberal and Eurasian views of implementation of legal restrictions in criminal proceedings and on this basis offers arguments in favor of Eurasian approach to legal restrictions: the use of the notion of rights-to-obligations behaviour, determination of its basic features that makes it possible to reveal all moral values manifesting in the implementation of legal restrictions in the Russian criminal proceedings.

Keywords: Eurasianism, rights-to-obligations behavior, duty, personality, moral value, culture

В уголовном судопроизводстве, как и в других отраслях права, при регулировании соответствующих правоотношений возникает необходимость применения правовых ограничений. Такая необходимость продиктована спецификой самого уголовного судопроизводства, поскольку это деятельность специально уполномоченных должностных лиц по раскрытию и расследованию уголовных дел, рассмотрению уголовных дел по существу.

Понятие «правовое ограничение», в значении законодательно установленных рамок поведения, предстает перед нами как комплексное понятие.

Правовые ограничения должны, с одной стороны, наметить границы, пределы свободы усмотрения должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, а с другой стороны, участвовать в формировании культурно-нравственной личности следователя, дознавателя, прокурора и судьи, являться частью ценностной системы уголовного судопроизводства.

Таким образом, сущность правовых ограничений имеет как минимум два направления воздействия на следователя, прокурора и судью: внешнее, проявленное в регламентировании правил поведения в конкретных нормах УПК РФ, предусматривающее ответственность за нарушения предписаний и внутреннее, являющаяся воздействием правовых ограничений на личность участника уголовного судопроизводства, производящего следственные, судебные и иные процессуальные действия, по сути, это влияние на душу должностного уполномоченного лица.

Названные выше обе стороны, внешняя и внутренняя, правовых ограничений рассматриваются как единое целое. Если мы будем законодательно, на уровне теории и практики, прикладывать усилия по развитию только одной стороны правовых ограничений, а другую сторону сознательно игнорировать, то

сама сущность правовых ограничений потеряет смысл, это будет «мёртвый текст» закона с выхолощенным содержанием.

Также не стоит забывать, что правовые ограничения имеют глубокий нравственный смысл. За формулировкой в законе любого правового ограничения лежит нравственно-ценностное ядро, которое и даёт возможность существовать правовому ограничению.

Если говорить о правовых ограничениях более конкретно и обстоятельно, то можно увидеть сбалансированную систему. Одна сторона представлена в виде прав, возможностей, полномочий, которые могут реализовывать как обычные участники уголовного судопроизводства (такие как: обвиняемый, потерпевший, свидетель и т.д.), так и должностные лица, уполномоченные УПК РФ, производящие процессуальные действия. Другая сторона выражена в виде обязанностей, которые должны выполнять участники уголовно-процессуальных отношений.

Только когда есть наличие прав и обязанностей, свободных действий и их ограничений, то мы можем говорить о полноценной реализации правовых ограничений в уголовно-процессуальных отношениях.

В теории уголовного процесса есть как минимум два взгляда на описанную выше сбалансированную систему правовых ограничений в уголовном судопроизводстве: это либеральный и евразийский подход к правовым ограничениям. Данные воззрения являются противоположными друг другу, в основе которых лежат различные морально-нравственные ценности, продиктованные культурой и религиозными аспектами. Другими словами, это диаметрально противоположный взгляд на возможность и необходимость установления ограничений.

Начнём с либерального подхода к сущности правовых ограничений в уголовном судопроизводстве.

В основе этого подхода лежит концепция естественных прав личности в интерпретации Б. Спинозы и Дж. Локка. Изначально естественные права личности связаны были с законами мироздания, созданные по велению природы или Бога. Как пишет А.А. Васильев: «Естественное право в традиционной картине мира объективно и не зависит от человеческого произвола»¹. Но затем из-за специфической трактовки указанными выше европейскими учёными из естественного права убирается объективность, богоданность, а место Бога-творца в картине мира занимает человек-творец. Теперь именно сам человек творит себя, устанавливает границы своего поведения, и он становится обладателем неотчуждаемых прав, которые не зависят от признания их государством.

Итак, современная версия концепции естественных прав, с учётом влияния протестантской религии, а также рациональной логики, устанавливает следующий постулат: должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу является творцом самому себе, то есть, по сути, становится атомарной личностью. Это означает, что следователь, прокурор или судья имеет лишь полномочия, определённый УПК РФ и другими законами круг прав выполнение или не выполнение которых зависит от самого должностного лица-участника уголовно-процессуальных отношений.

Атомарность личности конкретного судьи или следователя связана с тем, что «человек есть мера всех вещей» и теперь он сам волен распоряжаться свободой в реализации полномочий.

Либерализм в сочетании с протестантизмом позволяют участнику уголовного судопроизводства, наделённому властными полномочиями, совершать любые действия, которые в неконтролируемом состоянии способны превратиться в произвол. Такое поощрение вседозволенности возможно, когда происходит сознательное удаление или дистанцирование от Бога, от Божественной благодати, идёт укоренение в грехах (алчность, гордыня и т.д.), моральное разложение следователя или судьи.

По сути своей либеральный подход к правовым ограничениям гласит: есть только права и нет обязанностей. Баланс прав и обязанностей нарушается и неизбежно влечёт: вначале деградацию личности конкретного должностного лица (например, следователя или судьи), затем это вызывает деградацию сообщества или коллектива, где работает должностное лицо. В конечном итоге, совокупность или каскад негативных явлений ведёт к деградации или разрушению уголовно-процессуальной системы в целом.

Если уголовно-процессуальные отношения реализуются в обстановке «противостояния эгоизмов», то ни о каком объективном и справедливом уголовном судопроизводстве, судебном разбирательстве речи не идёт. Например, если судья, вынося приговор по конкретному уголовному делу, будет руководствоваться не фактами, не собранными по делу доказательствами, а своими желаниями, эмоциями и корыстью, то итог непредсказуем: вполне вероятно такой судья может оправдать маньяка или посадить в тюрьму невиновного человека.

Поэтому, наличие прав и полное отсутствие обязанностей, эгоизм атомарной личности следователя или судьи не имеющая границ, влечёт искоренение из уголовного судопроизводства морально-нравственного фундамента, наступление всеобщего коллапса в отлаженной уголовно-процессуальной системе. Поэтому, либеральный подход к правовым ограничениям считается неприемлемым и опасным для отечественного уголовного судопроизводства.

¹ Васильев А.А. Охранительная концепция права в России. - М.: "Юстицинформ", 2013. – С.67

Перейдём теперь к евразийскому взгляду на правовые ограничения. Этот подход, в отличие от либерального, в своей основе содержит духовно-нравственные ценности, как фундамента уголовного судопроизводства.

Евразийская концепция отечественного уголовного судопроизводства в своей основе построена на культурных ценностях народов России-Евразии, объединённых общей исторической судьбой и месторазвитием. В свою очередь, культура проявлена в единстве трёх элементов: географического, туранского и православного («Земля – Люди – Небо»). Благодаря влиянию этих элементов культуры, формируется духовно-ценностное ядро отечественного уголовного судопроизводства, в котором проявлены компоненты уголовно-процессуальной деятельности.

В духовно-нравственном ядре уголовного судопроизводства правовые ограничения по отношению к должностным лицам, осуществляющих процессуальные действия и принимающих процессуальные решения, приобретают специфическую форму и содержание.

Когда речь идёт о форме правовых ограничений, следует вначале пояснить следующее. Для следователя, прокурора или судьи законодатель устанавливает определённый круг полномочий, реализуя которые данные лица осуществляют производства по уголовным делам по заранее установленным правилам УПК РФ. Полномочия, в свою очередь, иногда называют как права и обязанности органа рассматривающего или разрешающего уголовное дело путём вынесения итоговых процессуальных документов.

Духовно-нравственное ядро уголовного судопроизводства позволяет найти баланс между правами и обязанностями, в отличие от рассмотренного ранее либерального подхода к правовым ограничениям.

Евразийская концепция уголовного судопроизводства вводит специальное понятие «правообязанность», подчёркивая всю специфику полномочий органов расследования и судов, а также устанавливая баланс между правами и обязанностями. Совокупность правообязанностей образуют компетенцию должностных лиц, ответственных за производства по уголовным делам.

Рассмотрим более подробно правообязанности, их форму и содержание, как проявление правовых ограничений для органов расследования, прокуратуры и судов.

Правообязанность, как категория евразийской юриспруденции, имеет сложную структуру. Не стоит понимать данную категорию евразийской юриспруденции как некое механическое соединение, сочетание прав и обязанностей, которое надо выполнить под угрозой применения санкций (например, признание собранных доказательств по делу недопустимыми). Такое понимание правообязанностей лишено духовно-ценностной природы, здесь будет выхолено всё нравственное и оставлено всё материально-техническое.

Правильным будет понимание правообязанностей как органического сочетания прав и обязанностей, а также представление таковых правообязанностей в виде сложноорганизованной системы.

Саму сложную структуру или комплексность понятия правообязанности можно представить в виде цепочки ключевых элементов (или признаков), выстроенных в определённой последовательности: от духовно-нравственного ядра уголовного судопроизводства до практической реализации правовых ограничений посредством выполнения правообязанностей. Выделение названной цепочки признаков правообязанностей должностных лиц, производящих процессуальные действия и принимаемых процессуальных решений, носит чисто научный характер, поскольку все они в практической деятельности уголовного судопроизводства представлены единой органической системой, по аналогии с процессом доказывания, где точно нельзя сказать в каком моменте завершает своё действие один элемент и начинает действовать другой.

Схематично все элементы сущности правообязанностей можно представить так:

1. божественное происхождение;
2. гармоничное сочетание прав и обязанностей;
3. нравственное содержание (формирование личности судьи и следователя);
4. реализация правовых ограничений (служебный долг).

Теперь раскроем содержательную сторону всех названных элементов или признаков правообязанностей должностных лиц-участников уголовного судопроизводства со стороны государства (следователь, дознаватель, судья и т.д.).

Первый признак правообязанностей уполномоченных должностных лиц в уголовном судопроизводстве раскрывает Божественное происхождение органической совокупности прав и обязанностей. Источником для правообязанностей выступает Библия, в которой сконцентрированы православные ценности. Начиная с Заповедей Божьих, данных Моисею на горе Синай и Заповедей Блаженства, которые исходили от Иисуса Христа в Нагорной проповеди, формируют и развивают в тексте Священного Писания права и обязанности христиан и православных. Стоит уточнить, что сформулированные в Библии права и обязанности (или правообязанности) являются не приземленным юридическим термином, а особым проявлением духовно-нравственного смысла, то есть этот термин отражает веру человека в Бога. Всё вышесказанное можно отнести и к личностям участников уголовного судопроизводства, которые совершают процессуальные действия и принимают промежуточные и

итоговые процессуальные документы. Через правообязанности идёт приобщения человека к Божественной истине, к Божественной благодати, становится возможным живое общение человека с Богом. Человек, созданный по образу и подобию Божьему, ищет живого общения с Богом. Оно постоянное, а не временное, случайное. Душа любого человека, в том числе и участника уголовного судопроизводства, наделённого властными полномочиями, постоянно с помощью своих мыслей поддерживает диалог с Богом. Уголовно-процессуальные отношения, реализация правообязанностей представляет собой живое общение как вербальные и визуальные взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства.

Второй признак правообязанностей, как прямого продолжения первого, проявлен в балансе прав и обязанностей, в поиске и нахождении гармонии между свободой творчества и ответственностью за совершённые действия. Как мы выяснили, в Библии установлены права и обязанности, опирающиеся на православные ценности русской общности. Интерес вызывает соотношение прав и обязанностей, которые отражены в содержании правообязанностей должностных лиц уголовного судопроизводства. В Библии, особенно в Евангелии, по мнению С. Комарова, «Господь не перечисляет наши права, но многократно сообщает об обязанностях, ведь заповеди Божьи есть не что иное, как то, что мы обязаны выполнять»¹. Это означает, что в евразийской концепции отечественного уголовного судопроизводства в соотношении прав и обязанностей приоритет отдаётся обязанностям.

Право личности-участника уголовного судопроизводства реализуется через нравственный долг, внутреннее самообязывание и самоограничение. Границы правомочий устанавливаются не столько законом внешним (например, силой принуждения выполнить предписания), сколько законом внутренним, признанным самим человеком. Этот закон и становится нравственной обязанностью. Когда участник уголовного судопроизводства, наделённый властными полномочиями, свободно принимает и несёт ношу юридических обязанностей, то он становится свободен в творчестве, саморазвитии, в выборе тактики и методики расследования и рассмотрения уголовных дел. Для евразийского уголовного судопроизводства важно сохранить свободу духа, независимости человеческой совести от внешних формальных средств и механизмов принуждения.

Третий признак правообязанностей более подробно раскрывает нравственный характер, формирование личностей-участников уголовного судопроизводства с сильным духовно-нравственным стержнем.

Здесь стоит пояснить, как евразийская концепция отечественного уголовного судопроизводства понимает личность. Евразийская юриспруденция подходит к пониманию личности в широком значении, подразделяя личности на индивидуальные (например, следователь или прокурор, имеющий правомочия в сфере уголовного судопроизводства) и на коллективные (например, следственный отдел или судебный орган). Все названные личности объединены воедино, но не механически, а органически. Таковые личности-участники уголовного судопроизводства иначе именуются как евразийские или культурно-личности. Поэтому, учитывая влияние всех трёх элементов культурной самобытности народов России-Евразии, а именно географического, туранского и православного элементов, мы можем утверждать, что индивидуальные и коллективные личности являются личностями с духовно-нравственным стержнем. Поэтому, когда мы говорим о том, что, реализуя правообязанности, должностные лица, ответственные за расследование и рассмотрение уголовных дел, становятся личностями с сильным духовно-нравственным стержнем, то мы имеем в виду как индивидуальные, так и коллективные личности, а также обязательно подчёркиваем органическую связь между, например, прокурором и прокуратурой, между личностью и коллективом, объединёнными общими духовно-православными ценностями.

Законодательно закрепить правообязанности необходимо, но следует иметь в виду, что закон носит вторичный характер. Дело всё в том, что полномочия, проявленные в виде правообязанностей у личности-участника уголовного судопроизводства, становятся внутренним законом, поскольку, благодаря влиянию туранского и православного элементов культуры или культурной самобытности народов России-Евразии, все права и обязанности погружаются в подсознание конкретного участника уголовного судопроизводства. Эти права и обязанности в подсознании должностного лица, ответственного за производство процессуальных действий, обретают понятные и чёткие схемы уголовно-процессуальных отношений и тем самым позволяют реализовать служебный долг.

Теперь перейдём к четвертому, завершающему, признаку правообязанностей, который объединяя содержание трёх ранее исследованных нами признака правообязанностей, нацеливает должностных лиц, ответственных за производство по уголовным делам, реализовывать правовые ограничения, которые стали уже внутренним законом этих участников уголовного судопроизводства. Реализация правовых ограничений выражена понятием «служебный долг».

Служебный долг, как правовая категория евразийской юриспруденции, имеет духовно-нравственный смысл и связан с понятиями соборности и совести. Само понятие «правообязанность»

¹ Сергей Комаров. О правах и обязанностях христианина // Сайт «Православие.ru»
URL: <https://pravoslavie.ru/105909.html> (дата обращения: 01.04.2024).

является калькой немецкого понятия «die Rechtspflicht» (правовой долг), поэтому служебный (или правовой) долг – ключевой термин, лежащий в основе органической связи прав и обязанностей.

Раскрывая содержание служебного долга должностных лиц, уполномоченных расследовать и рассматривать уголовные дела о преступлениях, обратим внимание на ключевые аспекты.

Служебный долг следователя, дознавателя и судьи в культуре народов России-Евразии, которая, как мы уже знаем, являет собой единство трёх элементов. Все три элемента культуры: географический, туранский и православный – в равной степени влияют на формулирование и становления содержания служебного долга специально уполномоченных участников уголовного судопроизводства. Особенно выделяется роль православного элемента культуры, который через такие категории как соборность и совесть, позволяет наполнить служебный долг, как форму реализации правовых ограничений в уголовном судопроизводстве, духовно-нравственным содержанием.

Служебный долг должностных лиц уголовно-процессуальных отношений воспринимается как нравственное право, религиозный акт, голос совести, связанный с объективно-субъективными переживаниями правды-благодати участников уголовного судопроизводства, наделённых властными полномочиями.

Если мы говорим о совести, как компоненте служебного долга, то тут важно заострить внимание на понимании совести, как чувства нравственной ответственности следователя и судьи, проявленного в виде вынесения справедливых решений (например, справедливость приговора). Более того, совесть входит в евразийское правосознание, построенное на православных ценностях, таких как соборность, духовная цельность, богоизбранность и других. Тем самым, совесть, как составная часть служебного долга участников уголовного судопроизводства, участвует в формировании мировоззрения сотрудников правоохранительных органов, которые ведут расследования уголовных дел, на основе культурных ценностей России.

Когда речь идёт о соборности, как компоненте служебного долга, то тут важно подчеркнуть органическую связь целого и его частей. Поэтому, служебный долг распространяется как на индивидуальную личность (следователь), так и на коллективную (следственный отдел). Православные ценности, реализуемые в идеи соборности, позволяют формировать личности участников уголовного судопроизводства с духовно-нравственным стержнем (при этом личность может быть индивидуальной или коллективной).

Подводя итог исследованию реализации правовых ограничений в евразийской концепции отечественного уголовного судопроизводства, мы можем высказать следующие соображения.

В отличие от либерального взгляда на правовые ограничения, где есть только права и нет никаких обязанностей, евразийский подход к правовым ограничениям построен на органическом сочетании прав и обязанностей, именуемых как правообязанности.

Правообязанность, как форма реализации правовых ограничений в евразийском уголовном судопроизводстве, представлена как органическое единство сбалансированных прав и обязанностей, основанное на православных ценностях русской общности, имеющее высшую форму проявления как служебный долг, способствующую формированию личностей-участников уголовного судопроизводства, уполномоченных расследовать и рассматривать уголовные дела, с сильным духовно-нравственным стержнем.

Тюленева Марина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Tyuleneva Marina Alexandrovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department civil law and process, Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky

E-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Ограничения в авторском праве (на примере трудов В. Д. Спасовича)

Limitations in copyright (based on the example of the works of V. D. Spasovich)

Аннотация: В статье исследуются взгляды правоведа В. Д. Спасовича относительно развития авторского права, а также об объеме необходимых ограничений в указанной сфере. Проводится сравнительный анализ воззрений В. Д. Спасовича и положений дореволюционного законодательства Российской империи, регулировавшего права авторов произведений.

Ключевые слова: авторское право, произведение, ограничение, срок, право доступа, автор, общество

Abstract: The article examines the views of the jurist V.D. Spasovich regarding the development of copyright law, as well as the scope of necessary restrictions in this area. A comparative analysis of the views of V.D. Spasovich and the provisions of the pre-revolutionary legislation of the Russian Empire, which regulated the rights of authors of works, is carried out.

Keywords: copyright, work, limitation, term, right of access, author, society

В процессе взаимодействия субъекты гражданского права вступают в разнообразные правоотношения, одним из элементов которых является их содержание, включающее в себя субъективные права и юридические обязанности. При этом свобода реализации субъективных прав одного участника правоотношений ограничена пределами, за которыми начинается свобода реализации прав других лиц. Так, например, положения статьи 10 Гражданского кодекса РФ запрещают злоупотребление правом.

Авторское право во многом подвержено тем или иным ограничениям, которые выражаются как в установлении срока действия авторского права, так и в законодательном закреплении права доступа и права автора на неприкосновенность произведения, которые можно рассматривать в качестве гарантий, предоставленных автору. Так, в соответствии с предусмотренным статьей 1292 Гражданского кодекса РФ правом доступа, «автор произведения изобразительного искусства вправе требовать от собственника оригинала произведения предоставления возможности осуществлять фото- и видеосъемку произведения, если договором не предусмотрено иное»¹. Таким образом предусматривается определенное ограничение прав правообладателя произведения в пользу его автора. Также ст. 1266 Гражданского кодекса РФ предусматривает запрет на внесение в произведение изменений, сокращений и дополнений, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями без согласия автора. В данном случае также приоритет отдается интересам автора, который может защищать свои права предусмотренными действующим законодательством РФ способами.

Еще в дореволюционный период в Российском государстве велись доктринальные дискуссии относительно допустимого объема ограничений в сфере авторского права.

В начале XIX века авторское право отличал монопольный характер прав на издательство, распространявшийся на некоторых юридических лиц, которые пользовались государственной поддержкой. Пробел, связанный с отсутствием правового регулирования авторского права физических

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Российская газета 2006, 22 декабря.

лиц был устранен позднее. При этом следовало не только предусмотреть определенные права авторов, но и предоставить гарантии, в том числе связанные с определенными ограничениями прав субъектов правоотношений. В XIX веке наиболее значимые нормативные правовые акты по указанному вопросу принимались в 1828 г.¹, 1830 г.², 1846 г.³ и в 1857 г.⁴ Необходимость определения вектора дальнейшей эволюции авторского права обусловила активный интерес к этой проблеме известных правоведов. Так, значительный вклад в развитие российского авторского права внес выдающийся правовед XIX-начала XX вв. Владимир Данилович Спасович, воззрения которого по исследуемому вопросу нашли отражение в отдельной монографии⁵.

Профессиональная принадлежность В. Д. Спасовича к корпорации присяжных поверенных обусловила активный интерес правоведа к разработке правовых норм, направленных на регулирование в том числе и правозащитной деятельности. В этой связи в поле зрения ученого находился вопрос о распространении авторского права на публичные правозащитные речи присяжных поверенных, поскольку нормативно предусматривалось распространение авторского права на публично озвученные речи⁶. Вместе с тем, нельзя не учитывать тот факт, что ко времени активной научной и правозащитной деятельности В. Д. Спасовича общественная жизнь претерпела существенные изменения. Так, одним из постулатов, на которых основывалась Судебная реформа 1864 года, являлась гласность судопроизводства, которая предполагала открытость судебных процессов. Следовательно отличающиеся красноречием выступления присяжных поверенных становились достоянием общественности и, неизбежно, передавались слушателями третьим лицам и иным образом транслировались вовне. В этой связи возникала необходимость определения тонкой грани, которая разделяла бы правомерное использование и распространение публичных речей присяжных поверенных от случаев нарушения авторского права. Так, «В. Д. Спасович отмечал, что любое употребление адвокатских и иных речей не в целях соблюдения принципа гласности публичных судебных заседаний являлось нарушением авторского права. Обращает на себя внимание определение ученым тонкой грани между действиями по удовлетворению общественного интереса и необходимостью сохранения принципа адвокатской тайны и иных положений судебной этики, действия по нарушению которых, по мнению ученого, посягают и на авторское право»⁷.

Общественные отношения, которые могли быть предметом регулирования авторского права, закономерно развивались и усложнялись. Например, возникновение искусства фотографии требовало законодательного закрепления прав авторов на результаты их творческой деятельности. В середине XIX века защита фотографии как объекта авторского права предусматривалась только в п. 6 Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «О продолжении срока литературной и художественной собственности»⁸. Однако, кроме данного однократного упоминания, больше нигде не указывались условия действия авторского права в отношении фотографий и порядок его защиты в случае нарушения. Вероятно, это было связано с тем, что фотографические изображения стали появляться только в начале XIX века. Существовавший пробел в законодательстве требовал преодоления, что послужило причиной теоретических разработок В. Д. Спасовича в указанном направлении.

По мнению ученого, фотографии только тогда являются объектами авторского права, когда изображение каким-либо образом было видоизменено фотографом⁹. Нами предполагалось, «что в данном

¹ Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собрание второе: в 55 т. Т. 3 (1828). – СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК), 1830. Ст. 1979; Высочайше утвержденное положение о правах Сочинителей 1828 г. // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 3 (1828). – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. Ст. 1980.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 8 января 1830 г. «О правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей» // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 5 (1830): в 2 отд. Отд. 1: от № 3399-3882. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1831. Ст. 3411.

³ Высочайше утвержденное положение о собственности художественной от 1 января 1846 г. // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 21 (1846): в 3 отд. Отд. 1: от № 19569-20186. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1847. Ст. 19569.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 15 апреля 1857 г. «О продолжении срока литературной и художественной собственности» // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 32 (1857): в 2 отд. Отд. 1: от № 31349-32628. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1858. Ст. 31732.

⁵ Спасович В. Д. Права авторские и контрафакция. – СПб.: Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1865. 106 с.

⁶ Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 3 (1828). – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. Ст. 1979.

⁷ Тюленева М. А. Влияние политико-правовых взглядов В. Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве: вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 116.

⁸ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 15 апреля 1857 г. «О продолжении срока литературной и художественной собственности» // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 32 (1857): в 2 отд. Отд. 1: от № 31349-32628. – СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1858. Ст. 31732.

⁹ Спасович В. Д. Права авторские и контрафакция. – СПб.: Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1865. С. 42.

случае речь идет, например, о ретушировании изображения, когда фотограф не только совершал механическую деятельность по фотографированию объекта, но и с использованием своего творчества видоизменял объект. Место фотографии в системе видов искусства ученый определял между искусством и промыслом»¹.

Справедлива точка зрения В. Д. Спасовича, что «права на произведение фотографии неосуществимы на практике при цензурном уставе 1828 г., но они могут стать осуществимы в будущем, когда ненужные формальности будут отменены или, по крайней мере, упрощены и доведены до более рациональных размеров»².

В. Д. Спасович не являлся сторонником расширения объема авторского права на фотографии. Сначала он предлагал десятилетний срок авторской монополии на фотографические изображения³, однако впоследствии изменил мнение и считал целесообразным ограничить срок защиты авторского права на фотографии до 5 лет⁴. Указанная точка зрения обуславливалась более легким по сравнению с иными произведениями искусства процессом создания фотографического изображения, а также отсутствием в тот период времени уверенности в том, что фотография будет долгое время сохраняться в неизменном состоянии.

Следует отметить, что «воззрения В. Д. Спасовича в сфере авторского права характеризовались стремлением к поддержанию разумного компромисса между интересами авторов и общества. В связи с этим ученый не разделял тенденцию, прослеживавшуюся в законодательстве, по увеличению срока действия авторского права и призывал к его сокращению не только в отношении фотографии, но и вообще всех объектов авторского права»⁵.

Так, монополия автора на издание его произведений первоначально по Высочайше утвержденному Уставу о цензуре от 22 апреля 1828 г.⁶ составляла 25 лет, но в 1857 г.⁷ этот срок был увеличен до 50 лет со дня его смерти, после чего книга становилась общественной собственностью. Представляется, что «первоначально ученый считал достаточным 25-летний срок действия авторского права. Точку зрения В. Д. Спасовича можно объяснить тем, что невозможно предоставлять бессрочный или слишком долгий срок авторской монополии, поскольку это может отрицательно сказаться на правах других членов общества использовать новые идеи, что, в свою очередь, могло негативно отразиться на дальнейшем развитии общества и государства»⁸.

Правовед М. П. Чубинский отмечал, что, ученый «более важными признает интересы просвещения, свободы и быстрого обращения мысли»⁹. Сложно согласиться со столь безапелляционным выводом правоведа, поскольку полагаем, что воззрения В. Д. Спасовича имели более сложную основу, и все-таки были направлены на соблюдение баланса между индивидуальными и социальными интересами. В отличие от В. Д. Спасовича, известный цивилист Г. Ф. Шершеневич интерес общественного образования и обучения ставил выше интересов наследника автора. Такой вывод следует из того, что Г. Ф. Шершеневич настаивал на ограничении авторского права сроком жизни автора и пятью или десятью годами после его смерти¹⁰.

Обнаруженные В. Д. Спасовичем пробелы и несовершенства действовавшего законодательства в сфере реализации прав авторов, с его точки зрения, могли быть устранены посредством его

¹ Тюленева М. А. Влияние политико-правовых взглядов В. Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве: вторая половина XIX - начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 118.

² Спасович В. Д. Права авторские и контрафакция. СПб.: Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1865. С. 97.

³ Спасович В. Д. Права авторские и контрафакция. СПб.: Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1865. С. 104.

⁴ Труды первого съезда русских художников и любителей художеств, созванного по поводу дарования галереи П. и С. Третьяковых городу Москве. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1900. С. 28.

⁵ Тюленева М. А. Влияние политико-правовых взглядов В. Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве: вторая половина XIX - начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 119.

⁶ Высочайше утвержденный Устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 3 (1828). СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. Ст. 1979.

⁷ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 15 апреля 1857 г. «О продолжении срока литературной и художественной собственности» // ПСЗРИ: Собрание второе: в 55 т. Т. 32 (1857): в 2 отд. Отд. 1: от № 31349-32628. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1858. Ст. 31732.

⁸ Тюленева М. А. Влияние политико-правовых взглядов В. Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве: вторая половина XIX - начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 119.

⁹ Чубинский М. П. Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса, 1906-1911 гг.: в 2 т. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. Т. 2. С. 53 – 54.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Экономическое обоснование авторского права. Казань: Тип. Императорского Университета, 1890. С. 25 – 26.

модернизации. Усовершенствованное законодательство, по мнению ученого, должно было «соответствовать современным условиям гласности, развития литературы и общественной жизни»¹.

В первую очередь, В. Д. Спасович возлагал на новое законодательство надежду на значительное сокращение срока авторского права. Скорректировав свои убеждения, в конечном итоге целесообразный срок авторского права ученый представлял в виде 30 лет со дня смерти автора для подавляющего большинства объектов, и 5 лет для фотографий. Указанная точка зрения нашла отражение в изданном ученым в 1894 г. проекте Положения об авторских правах². В данном случае предполагались ограничения как прав авторов, так и интересов общества. При этом также прослеживается последовательная тенденция убеждений ученого в направлении достижения разумного компромисса в предоставлении субъектам правоотношений определенных гарантий.

В 1911 году произошла кодификация авторского права, в результате которой было издано Высочайше утвержденное Положение об авторском праве³. Данный нормативный правовой акт закреплял тот компромисс между авторскими правами частных лиц и интересами общества, необходимость которого осознавалась В. Д. Спасовичем еще в середине XIX в., что безусловно объясняло тот факт, что многие убеждения В. Д. Спасовича нашли отражение указанном нормативном правовом акте.

Таким образом, необходимость ограничений в сфере авторского права осознавалась еще правоведами дореволюционного периода. При этом, некоторые ученые безусловный приоритет отдавали отстаиванию интересов общественного развития перед интересами автора. В. Д. Спасович, напротив, стремился к поддержанию разумного компромисса между интересами автора и общества.

¹ Тюленева М. А. Влияние политико-правовых взглядов В. Д. Спасовича на развитие правосудия и правозащитной деятельности в Российском государстве: вторая половина XIX - начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 123.

² Спасович В. Д. Проект положения об авторских правах. – СПб.: Тип. и литогр. В. А. Тихонова, 1894. 8 с.

³ Высочайше утвержденное Положение об авторском праве (Высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон от 20 марта 1911 г. «Об авторском праве») // ПСЗРИ: Собрание третье: в 33 т. Т. 31 (1911): в 2 отд. Отд. 1: от № 34629-36390. СПб.: Гос. тип., 1914. Ст. 34935.

Филипова Ирина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового
и экологического права, юридического факультета Национального
исследовательского Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Filipova Irina Anatolyevna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor
of Department of Labor and Environmental Law, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: irinafilipova@jur.unn.ru

Исследование правовых ограничений в сфере регулирования искусственного интеллекта на юридическом факультете ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Study of legal restrictions in the field of regulation of artificial intelligence at the Law Faculty of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Аннотация: В статье представлена хронология исследования правовых ограничений в сфере регулирования искусственного интеллекта на юридическом факультете Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, обозначены цели научной работы в данной области, ведущейся силами сотрудников и молодых исследователей факультета, описаны основные этапы программы исследований, перечислены достигнутые результаты и намечены перспективы на будущее.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовые рамки, научная коммуникация, научные исследования

Abstract: The article presents the chronology of the study of legal restrictions in the field of artificial intelligence regulation at the Faculty of Law of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, outlines the goals of scientific work in this field conducted by staff and young researchers of the faculty. The main stages of the research program are described, the results achieved are listed and prospects for the future are outlined.

Keywords: artificial intelligence, legal framework, scientific communication, scientific research

В контексте данной статьи термин «правовые ограничения» понимается автором предельно широко, фактически совпадая по значению с другим термином – «правовые рамки», то есть речь пойдет об исследовании быстро развивающегося правового регулирования в сфере искусственного интеллекта. Искусственный интеллект (ИИ) как группа цифровых технологий, на которых строится сегодня цифровая трансформация общества, является ключевым элементом, способным сконцентрировать возможности, возникающие благодаря развитию смежных групп технологий, таких как робототехника, нейротехнологии, технологии виртуальной реальности и т. д., и «выдать» результат, во многом превосходящий ожидания.

Искусственный интеллект сегодня проник во все сферы жизнедеятельности общества, не только в экономическую (через нарастающую цифровую трансформацию производства и сферы услуг) и политическую (искусственный интеллект уже внедряется в государственное управление) сферы, но также в социальную и культурную.

Реализация новой национальной программы «Экономика данных», заменившей программу «Цифровая экономика», будет запущена в 2025 году, эта программа, подобно предыдущей, будет включать и федеральный проект «Искусственный интеллект», задача которого, по словам министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М. И. Шадеева «повсеместное внедрение технологий ИИ»¹, проект будет крупнейшим по объему финансирования. Задача проекта – сделать использование технологий искусственного интеллекта обыденностью в государственном управлении, здравоохранении, образовании и иных областях.

Распространение искусственного интеллекта меняет жизнь людей, это легко продемонстрировать на примере трудовых отношений. Если ранее работник трудился среди людей, делая работу без помощи

¹ Минцифры: Программу «Национальная экономика данных» утвердят в середине 2024 года. https://www.cnews.ru/news/top/2023-11-01_mintsifry_programmu_natsionalnaya (дата обращения: 07.04.2024)

искусственного интеллекта, то теперь все чаще труд осуществляется с помощью компьютерных программ, включающих элементы искусственного интеллекта, все большее число интеллектуальных задач, которые вынуждены были решать люди, передаются виртуальным интеллектуальным системам. На производстве людей все чаще окружают коллаборативные роботы, а промышленные роботы занимают целые цеха производств, ранее наполненных людьми. За последние годы в мире кратно возросло число «умных» заводов, на подобных предприятиях не только производство, но и управление процессами осуществляется системами искусственного интеллекта, почти без присутствия людей.

Все вышесказанное заставляет задуматься над адаптацией правового регулирования к новым условиям. Предпосылки к этому появились ранее, что послужило отправной точкой для начала в 2016 – 2017 годах исследований формирующегося регулирования отношений, в которых в каком-либо качестве задействуется искусственный интеллект, на юридическом факультете ННГУ имени Н. И. Лобачевского. В первые годы шло изучение имеющегося российского и зарубежного опыта регулирования, как правило, это было этическое регулирование, как предтеча правового, или так называемое «мягкое» право, примером которого являются резолюции Европейского парламента, первой из которых в сфере искусственного интеллекта стала «Резолюция относительно норм гражданского права о робототехнике»¹, посвященная вопросу возможного признания специального правового статуса – электронного лица – для сложных роботов, принимающих самостоятельные решения в процессе функционирования. Осенью 2017 года появился первый результат научных исследований юридического факультета ННГУ имени Н. И. Лобачевского – в журнале «Российская юстиция» вышла научная статья по тематике влияния искусственного интеллекта на сферу труда и возникающих вследствие этого новых тенденциях правового регулирования². В 2018 году коллектив преподавателей юридического факультета выиграл грант Российского фонда фундаментальных исследований, тема грантового проекта также касалась влияния искусственного интеллекта на сферу труда и вытекающей из этого влияния потребности в создании адекватного изменению правового регулирования. Уже в 2019 году вышла первая монография по проекту³. Изначально исследования касались преимущественно сферы труда, так как базировались на недавно созданной на юридическом факультете кафедре трудового и экологического права, но со временем была осознана необходимость расширения базы исследований, что привело к новым научным результатам, а также результатам образовательного характера, главным из последних стало создание программы нового учебного курса для магистров «Правовое регулирование искусственного интеллекта» и массового открытого онлайн курса (МООС) «Правовое регулирование искусственного интеллекта» в 2020 году. Реализация учебного курса по регулированию искусственного интеллекта в магистратуре юридического факультета ННГУ имени Н. И. Лобачевского была начата осенью 2020 года, а первый поток массового открытого онлайн курса прошел весной 2021 года, следующие четыре потока проходили регулярно в каждом новом семестре (2021 – 2023 годы). В настоящее время доступ к материалам онлайн-курса открыт, все желающие могут ознакомиться как с видеолекциями по всем темам курса, так и с их текстовыми расшифровками, дополнительными материалами курса (учебными пособиями и вебинарами)⁴.

В 2021 – 2022 годах вышел целый ряд научных статей исследователей из ННГУ имени Н. И. Лобачевского по тематике правового регулирования искусственного интеллекта и смежных цифровых технологий в ведущих российских юридических журналах, таких как «Государство и право», «Журнал российского права», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Право», «Право. Журнал Высшей школы экономики», «Правоприменение» и т. д.

С 2022 года начато тесное взаимодействие с иностранными исследователями, специализирующимися на правовом регулировании искусственного интеллекта, вылившееся как в совместно проводимые исследования, результатом чего стали коллективные научные труды, например, двухтомник «Искусственный интеллект в трудовых отношениях», изданный в Бразилии⁵, так и в чтение открытых лекций по тематике исследований преподавателями ННГУ им. Н. И. Лобачевского в зарубежных университетах (Российско-Армянском Университете, Казахском национальном университете, Самаркандском государственном университете, Шанхайском университете политических наук и права и т. д.). В это же время сотрудники университета подключились к работе создаваемого специализированного научного периодического издания – журнала, посвященного цифровым

¹ European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0/EN> (дата обращения: 07.04.2024)

² Филипова И.А. Искусственный интеллект и трудовые отношения: социальные перспективы и тенденции правового регулирования // Российская юстиция, 2017. № 11. С. 65-67.

³ Филипова И.А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право. Н. Новгород: ННГУ, 2019. 89 с.

⁴ Правовое регулирование искусственного интеллекта. Открытые онлайн-курсы Университета Лобачевского. <https://mooc.unn.ru/course/view.php?id=346> (дата обращения: 07.04.2024)

⁵ Artificial intelligence in labor relations. Ed. by Selma Regina Carloto. Leme – Sao Paulo, vol 1. 2022, vol. 2. 2023.

технологиям и праву¹. Работа в редакционной коллегии журнала, рецензирование научных статей, посвященных схожим темам, расширило горизонты видения проблем в исследуемой области и положительно сказалось на качестве научных изысканий.

С 2023 года на юридическом факультете ННГУ имени Н. И. Лобачевского была начата реализация проекта «Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт»². Финансирование первого года реализации проекта ведется благодаря гранту Благотворительного фонда В. Потанина. Проект рассчитан на трехлетний период, в течение которого будет вестись дальнейшее изучение опыта разных стран и регионов мира в создании правового регулирования, комплексный анализ всех доступных к изучению материалов позволит выделить лучшие практики и дать рекомендации по конструированию правовых норм в исследуемой области. Особенно важным является учет имеющегося опыта в создании правовых рамок для использования систем искусственного интеллекта в государственном управлении и правоохранительной деятельности, а также в здравоохранении и образовании. По состоянию на 2024 год основная часть исследований по проекту направлена на изучение европейского и китайского опыта, так как именно европейский и китайский подходы к регулированию искусственного интеллекта являются наиболее сформированными, в силу чего на них ориентируются остальные страны и регионы мира, стараясь учесть «плюсы» и избежать «минусов», сопутствующих каждому из названных подходов.

В целях совершенствования процесса исследований и максимальной эффективности получаемых научных и практических результатов в 2024 году было принято решение о создании научно-исследовательского центра соответствующего профиля при ННГУ имени Н. И. Лобачевского. Создание центра позволило четче сформулировать цели для исследователей, сосредоточив работу на их достижении, усилить взаимодействие с иными аналогичными научно-исследовательскими центрами в России и за ее пределами, в первую очередь, в государствах – членах Евразийского экономического союза и странах БРИКС.

2024 – 2025 годы, как ожидается, будут периодом бурного развития законодательства в сфере искусственного интеллекта в России и зарубежных странах, данный фактор повысит значение исследований и позволит усовершенствовать учебную программу курса в магистратуре, тем самым, заложит основы для усиления исследовательского блока на юридическом факультете ННГУ имени Н. И. Лобачевского молодыми учеными, заинтересованными в проведении научных изысканий по тематике нового центра в структуре национального исследовательского университета.

¹ Journal of Digital Technologies and Law: сайт журнала. <https://www.lawjournal.digital/jour> (дата обращения: 07.04.2024)

² Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт. Проекты: сайт юридического факультета ННГУ. <https://law.unn.ru/sci-projects/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-zarubezhnyj-opyt/> (дата обращения: 07.04.2024)

Фроловичев Ярослав Владимирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и
процесса юридического факультета Национального
исследовательского Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Frolovichev Yaroslav Vladimirovich
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure, National Research Nizhny Novgorod State University N.
I. Lobachevsky

E-mail: frolovichev@mail.ru

Актуальные проблемы правовых ограничений в уголовно-исполнительном законодательстве России

Actual problems of legal restrictions in the penal enforcement legislation of Russia

Аннотация: В структуре действующего уголовно-исполнительного (пенитенциарного) законодательства России особое место занимают правовые ограничения, устанавливаемые в отношении лиц, отбывающих наказание. Во многом это обусловлено тем, что данные ограничения оказывают непосредственное влияние на конституционно-правовой статус осужденных, составной частью которого является их правовое положение, регулируемое уголовно-исполнительными нормами. В содержательном плане правовые ограничения осужденных зависят от целого ряда обстоятельств, связанных с процессом отбывания наказания, которые являются основой механизма в рамках пенитенциарного законодательства России, позволяющего определить характер и направленность подобных ограничений. Однако указанный механизм не лишен недостатков, выявленных автором в результате анализа законоположений, предусматривающих ограничения для осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарное законодательство, уголовно-исполнительная сфера, правовые ограничения, осужденные, отбывание наказания, механизм.

Abstract: In the structure of the current penal enforcement (penitentiary) legislation of Russia, a special place is occupied by legal restrictions imposed on persons serving sentences. This is largely due to the fact that these restrictions have a direct impact on the constitutional and legal status of convicts, an integral part of which is their legal status regulated by penal norms. In terms of content, the legal restrictions of convicts depend on a number of circumstances related to the process of serving a sentence, which are the basis of the mechanism within the framework of the penitentiary legislation of Russia, which makes it possible to determine the nature and direction of such restrictions. However, this mechanism is not without drawbacks, identified by the author as a result of the analysis of legal provisions providing for restrictions for convicts.

Keywords: penitentiary legislation, penal enforcement sphere, legal restrictions, convicts, serving sentences, mechanism.

Действующий Уголовный кодекс РФ¹ (далее – УК РФ) закрепляет основную и дополнительную системы наказаний (ст. 44 и 88 соответственно). Нормативной основой для практической реализации мер государственного принуждения, образующих содержание названных систем наказаний, является Уголовно-исполнительный кодекс РФ² (далее – УИК РФ). Его положения непосредственно определяют, каким образом должны исполняться и отбываться уголовные наказания. Тем самым, реализация уголовно-правовых мер государственного принуждения в рамках пенитенциарного законодательства России включает в себя два взаимосвязанных процесса – исполнение наказания и отбывание наказания. Каждый из этих уголовно-исполнительных процессов подчиняется определенным законодательным правилам, применение которых придает исполнению и отбыванию наказания упорядоченный характер.

В контексте настоящего исследования нас интересует не весь уголовно-исполнительный процесс реализации мер государственного принуждения, а только его часть, т. е. отбывание наказания. Выделение именно этой части продиктовано тем, что правовые ограничения, устанавливаемые в отношении осужденных, напрямую сопряжены с отбыванием наказания. Исходя из этого рассмотрение правовых

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.). Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. N 1-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.). Собрание законодательства РФ. 1997. N 2. Ст. 198.

ограничений в уголовно-исполнительной сфере должно осуществляться во взаимосвязи с особенностями отбывания конкретного наказания.

Прежде чем перейти к рассмотрению указанных ограничений, прежде всего, необходимо отметить, что вопросы правовых ограничений применительно к пенитенциарному законодательству России стоят достаточно остро, поскольку в уголовно-исполнительной сфере, как ни в одной другой, конституционно-правовой статус лиц, отбывающих наказание, претерпевает наибольшие негативные изменения. В связи с этим в научной литературе правовым ограничениям осужденных уделяется особое внимание, в том числе и в плане проблемных моментов регламентации подобных ограничений. В целом анализ такой литературы показывает, что в научном сообществе встречаются разные точки зрения относительно правовых ограничений в уголовно-исполнительной сфере¹. Разнообразием точек зрения способствует тот факт, что правовые ограничения осужденных в УИК РФ не объединены в единую систему или, иначе говоря, в УИК РФ отсутствует обобщенный перечень правовых ограничений, устанавливаемых в отношении осужденных. По этой причине одни авторы проводят исследование правовых ограничений осужденных с учетом вида наказания, порядка и условий его исполнения и отбывания, другие же авторы – с учетом оснований ограничения прав, свобод и законных интересов осужденных². Несмотря на то что правовые ограничения осужденных становились предметом многих научных исследований, весь спектр проблем, связанных с регламентацией ограничений правового положения (статуса) лиц, осужденных к уголовным наказаниям, не исчерпан. В свете сказанного вопросы правовых ограничений, возникающих в уголовно-исполнительной сфере, весьма актуальны.

Теперь, принимая во внимание вышеизложенное, рассмотрим указанные ограничения в структуре пенитенциарного законодательства России. Итак, ранее отмечалось, что правовые ограничения осужденных сопряжены с процессом отбывания наказания. Этот уголовно-исполнительный процесс представляет собой сложную правоприменительную деятельность, при осуществлении которой подлежат учету определенные обстоятельства, нашедшие отражение в пенитенциарном законодательстве России. К ним относятся: вид наказания; вид учреждения (органа), исполняющего наказание; поведение осужденного в период отбывания наказания. Перечисленные обстоятельства, по сути, выступают в качестве юридических критериев, которые определяют характер и направленность ограничений, распространяющих свое действие на лиц, отбывающих уголовные наказания. Иными словами, обстоятельства, связанные с процессом отбывания наказания, позволяют решить вопрос о том, какие правовые ограничения должны применяться к осужденным.

Так, в зависимости от вида наказания осужденные могут находиться как в условиях изоляции от общества, так и в условиях, не связанных с ней. Наличие либо отсутствие изоляции от общества влияет на отнесение отбываемого осужденным наказания к соответствующей пенитенциарной группе наказаний. Таких групп наказаний в структуре УИК РФ выделяется две:

- наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества (раздел II УИК РФ;
- наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества (разделы III, IV, главы 19, 20 раздела V УИК РФ).

Отбывание любого из наказаний, входящих во вторую группу, предполагает, что осужденные будут ограничены в свободе передвижения, выборе места пребывания. Приведенные ограничения непосредственно затрагивают конституционные права, закрепленные в ч. 1 ст. 27 Конституции РФ³. Здесь также следует отметить, что отбывание наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, влечет и другие ограничения, которые, в частности, вытекают из содержания Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений⁴ (например, осужденным запрещается продавать,

¹ Подробнее об этом, например, см: Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 88-93; Илюхин А. В., Илюхина В. А. Конституционно-правовые ограничения прав и свобод человека и гражданина и практика их применения учреждениями и органами ФСИН России в отношении осужденных в Российской Федерации // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2017. № 4 (14). С. 37-47; Савушкина Ю. В. Правовые ограничения как средство формирования правомерного поведения осужденных // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1 (26). С. 76-82.

² Подробнее об этом, например, см: Омарова Д. М., Эсенбулатова Э. Х. Правовой статус лиц, осужденных к ограничению свободы // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6 (157). С. 274-275; Храмов А. А. О правовых основаниях ограничения переписки осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 77-90; Шемаров В. А. Целесообразность наличия отдельных видов правовых ограничений, применяемых в отношении осужденных к лишению свободы // Современное право. 2020. № 12. С. 116-120.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2024).

⁴ Приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. N 110 (в ред. от 29 ноября 2023 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (зарегистрировано в Минюсте России 5 июля 2022 г. N 69157). <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2024).

покупать, дарить, принимать в дар, отчуждать иным способом в пользу других осужденных к лишению свободы либо присваивать вещи, предметы и продукты питания, находящиеся в личном пользовании других осужденных к лишению свободы – пп. 12.10 п. 12).

Вместе с тем важно подчеркнуть, что отбывание наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, тоже влечет ограничения для осужденных. Однако степень этих ограничений не столь высока, как в случае с наказаниями, отбывание которых предполагает изоляцию осужденного от общества. Например, осужденный к ограничению свободы, отбывает данное наказание по месту его жительства, которое он по общему правилу не может изменить. Тем не менее, при наличии исключительных личных обстоятельств уголовно-исполнительная инспекция может разрешить осужденному изменить место жительства (ч. 5 ст. 50 УИК РФ).

Вид учреждения (органа), исполняющего наказание, обуславливает возникновение у осужденных ограничений лишь в случаях, когда отбывание наказания подразумевает нахождение осужденного вне пределов места его жительства (пребывания) – глава 8.1, разделы III, IV, главы 19, 20 раздела V УИК РФ. При этом характер правовых ограничений зависит от условий содержания осужденных в таких учреждениях. Так, например, для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения, наиболее мягкие условия содержания предусмотрены в воспитательных колониях (глава 17 УИК РФ), а наиболее строгие условия содержания – в исправительных колониях особого режима (ст. 124-127 УИК РФ). Соответственно, в воспитательных колониях у осужденных минимальное количество ограничений, а в исправительных колониях особого режима количество ограничений достигает максимума.

В зависимости от поведения осужденного в период отбывания наказания к нему могут применяться меры взыскания. Некоторые из этих мер влекут дополнительные ограничения для осужденных. Например, осужденным, водворенным в штрафной изолятор, запрещаются свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания, получение посылок, передач и бандеролей (ч. 1 ст. 118 УИК РФ).

Таким образом, в структуре пенитенциарного законодательства России существует механизм, с помощью которого устанавливаются правовые ограничения в отношении осужденных. Основу этого юридического механизма составляет ряд обстоятельств, относящихся к процессу отбывания наказания, исходя из которых правоприменитель может определить характер и направленность ограничений.

Между тем, анализ положений УИК РФ в части правовых ограничений осужденных позволил выявить недостатки (проблемы) указанного выше механизма. Они выражаются в следующем.

Во-первых, ограничения осужденных, являясь элементом их правового положения, не закреплены в главе 2 УИК РФ. Вместо этого законодатель указал только на то, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан РФ с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ (ч. 2 ст. 10 УИК РФ); осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами РФ, законодательством РФ о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ (ч. 3 ст. 10 УИК РФ). Отсутствие самостоятельного перечня ограничений прав и свобод осужденных усложняет правоприменительную деятельность в уголовно-исполнительной сфере, поскольку сотрудникам учреждений (органов), исполняющих наказания, в целях определения характера и направленности указанных ограничений необходимо обращаться к большому массиву норм, содержащих их описание. Кроме того, отсутствие самостоятельного перечня ограничений свидетельствует о недостаточной законодательной регламентации правового положения осужденных и, как следствие, негативно сказывается на нем.

Во-вторых, отдельные правовые ограничения осужденных вступают в противоречие со смыслом закона. Речь идет о тех ограничениях, которые возникают при отбывании наказания в виде принудительных работ. Дело в том, что принудительные работы зафиксированы в группе наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (раздел II УИК РФ), поэтому их отбывание, по смыслу закона, не должно сопровождаться ограничениями, присущими изоляции от общества. Однако анализ положений главы 8.1 УИК РФ подтверждает обратное – осужденные к принудительным работам фактически изолированы от общества (они, в частности, обязаны постоянно находиться в пределах территории исправительного центра и не покидать предназначенные для осужденных общежития в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации исправительного центра – п. «в» ч. 2 ст. 60.4 УИК РФ), в результате чего их правовое положение значительно ухудшается в сравнении с осужденными, отбывающими другие наказания без изоляции от общества.

Совершенно очевидно, что обозначенные недостатки (проблемы) правовых ограничений осужденных должны устраняться посредством внесения изменений в пенитенциарное законодательство России. При этом представляется целесообразным закрепление в главе 2 УИК РФ самостоятельного перечня правовых ограничений осужденных и приведение ограничений осужденных к принудительным работам в соответствие с тем, что данный вид наказания не связан с изоляцией от общества.

В заключение отметим, что ввиду комплексного характера правовых ограничений, возникающих в уголовно-исполнительной сфере, требуется дальнейшее их исследование в целях выявления проблем законодательной регламентации и путей их преодоления.

Чистякова Юлия Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры европейского и международного права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Tschistjakova Julia Alexandrovna

Candidate of Philosophie, Associate Professor of the Department of European and International Law of the Faculty of Law of Lobachevsky University

E-mail: Iouliiatsh@yandex.ru

Ограничения ответственности поставщика в рамках общих условий поставки

The limitation of the supplier's liability within the general terms of delivery

Аннотация: общие условия поставки; инструменты ограничения ответственности поставщика, используемые в общих условиях

Ключевые слова: поставка, ответственность

Abstract: general terms of delivery; methods of the limitation of supplier's liability used in the general terms

Keywords: delivery, liability

Общие условия поставки создаются крупными поставщиками с целью выработки единообразного подхода к поставке товаров различным клиентам. Европейские производители осуществляют продажу продукции исключительно на основании собственных разработанных условий поставки, мы анализировали условия поставки крупнейших европейских производителей¹. Эти общие условия поставки как правило содержат положения о ценах и условиях платежа, сроках поставки, порядке перехода права собственности и рисков, условиях обеспечения платежей, гарантийных обязательствах, порядке возмещения ущерба, применяемом праве и месте рассмотрения споров. Среди прочих вопросов внимание уделяется проблеме ответственности поставщика и возможности ограничения пределов этой ответственности. Давайте рассмотрим варианты ограничения пределов ответственности, которые используют поставщики в своей деятельности.

Самое распространённое нарушение, которое может допустить поставщик – это просрочка поставки. Ответственность за просрочку определяется в форме пени за определённый период просрочки. Для ограничения пределов такой ответственности возможно использование ряда инструментов. Во-первых, это установление периода времени, который просрочкой не признаётся. Например, санкции за просрочку начинают действовать начиная с истечения десятого рабочего дня после наступления срока поставки. Это даёт шанс поставщику успеть произвести поставку и избежать санкций за просрочку. Во-вторых, это установление минимального размера пени в рамках общепринятых значений, которые обычно колеблются в пределах от 0,05 до 0,2% за каждый день просрочки. В-третьих, как правило применяется ограничение максимального размера пени, который может быть начислен за просрочку. Например, ограничение может быть установлено в процентах от стоимости партии товара, поставка которой просрочена, или в процентах от стоимости общего оборота товаров между поставщиком и покупателем за определённый период.

Также поставщик может поставить товар, качество которого не соответствует договору. И в этой ситуации существует возможность ограничения ответственности поставщика. Прежде всего недостатки делятся на те, которые можно обнаружить при приёмке товара в рамках его визуального осмотра, и скрытые. Обычно поставщик ограничивает сроки обнаружения обоих видов недостатков товара. Заявить о наличии явных недостатков можно исключительно в момент приёмки и подписания товаросопроводительных документов, затем претензии по данному виду недостатков поставщиком не принимаются. Сроки обнаружения скрытых недостатков также ограничены, и по их истечении претензии к качеству товара предъявить невозможно. При этом поставщик указывает, что сообщить о недостатках покупатель обязуется немедленно после их обнаружения, иначе покупатель также не вправе ссылаться на наличие таких недостатков. В ряде случаев предъявляются жесткие требования к форме уведомления

¹ www.siemens.com, www.vw.com (Дата обращения 01.04.2024)

о недостатках товара по качеству, и при несоблюдении требований покупатель теряет право на предъявление претензий.

Помимо упомянутых возможностей ограничения ответственности, поставщик зачастую указывает в общих условиях поставки возможность ограничения ответственности по своим гарантийным обязательствам. К ним относятся ограничение гарантийного срока по времени, пробегу, моточасам или иному способу использования товара; исключение из гарантийных обязательств в ряде случаев (например, нарушения при эксплуатации товара; отсутствие технического обслуживания в указанный поставщиком срок и иные).

Мы рассмотрели наиболее часто используемые инструменты ограничения ответственности поставщика, отраженные в общих условиях поставки. Таким образом, поставщик использует разнообразные возможности для ограничения своей ответственности перед покупателем.

Абдуллина Лейсан Рафисовна

Адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России

Abdullina Laysan Rafisovna

Adjunct of the 3rd faculty (training of scientific and scientific-pedagogical personnel), Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: abdullinalleysan@yandex.ru

Принцип разумности в учении И. Канта: ограничительная и расширительная интерпретация

The principle of reasonableness in the teachings of I. Kant: restrictive and expansive interpretation

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципа разумности в научной интерпретации И. Канта. Именно учение Иммануила Канта, основателя философского критицизма, обосновывавшего тезис о преобладании практического разума, заложило новый вектор в исследовании разумности. Дифференциация разумности и его осмысление производится через унифицирование правил понимания для всех субъектов - носителей разума, который и является источником определенных понятий и принципов. Разум сам по себе содержит источник определенных понятий и принципов, которые он не заимствует ни из чувств, ни из понимания. Разум представляет собой способность делать выводы, то есть судить опосредованно. Разумность в этом смысле выполняет ограничительную функцию.

Ключевые слова: разумность, разум, право, принцип, практический разум, чистый разум, разумное поведение, разумное лицо, примат.

Annotation. The article is devoted to the study of the principle of reasonableness in the scientific interpretation of I. Kant. It was the teaching of Immanuel Kant, the founder of philosophical criticism, who justified the thesis of the predominance of practical reason, that laid a new vector in the study of reasonableness. The differentiation of reasonableness and its comprehension is carried out through the unification of the rules of understanding for all subjects - carriers of reason, which is the source of certain concepts and principles. The mind itself contains a source of certain concepts and principles that it borrows neither from the senses nor from understanding. The mind is the ability to draw conclusions, that is, to judge indirectly. Reasonableness in this sense performs a restrictive function.

Keywords: reasonableness, reason, law, principle, practical reason, pure reason, reasonable behavior, reasonable person, primacy.

Стабильность всей правовой системы российского общества в условиях динамичного развития общественных отношений обеспечивается посредством реализации принципа разумности, выступающего основой, на которой базируется право. Исследуемый принцип является своеобразной гарантией сохранения права как ценности, поскольку способствует адекватному пониманию юридических потребностей общества.

Серьезный вклад в разработку концепции разумности внес Иммануил Кант, в учении которого был утверждён безусловный примат практического разума.

В системе Канта слово «разум» используется в двух смыслах: разум в широком смысле относится ко всей способности к познанию (включая понимание и чувствительность), в то время как в более узком смысле под ним подразумевается часть когнитивной способности, которая направляет понимание для достижения высшего и систематического единства познания¹.

1 См.: Кант И. Критика практического разума / Иммануил Кант [перевод с немецкого Н.М. Соколова]. - М.: Эксмо, 2023. С. 210.

Кант характеризует разум в контексте саморефлексивной процедуры. Разум – это сила, обеспечивающая единство правил понимания в соответствии с регулируемыми принципами. Разум сам по себе содержит источник определенных понятий и принципов, которые он не заимствует ни из чувств, ни из понимания. Разум представляет собой способность делать выводы, то есть судить опосредованно. Разумность в этом смысле выполняет ограничительную функцию.

Немецкий философ все же признаёт, что не существует отдельных явлений – «чистый разум» и «практический разум». Фактически, речь идет о одной способности – разумности. Однако, разумность как таковая обнаруживает себя в двух видах применения. С одной стороны, разум в плоскости «чистого применения» присущ всем и каждому и не отягощен ни эмпирическим опытом, ни объективно-субъективными факторами. С другой стороны, интерес представляет именно практическая реализация разумности, что доступно, и что воплощаемо в социальном и правовом аспекте. Тем самым практическому разуму отдается превосходство, ввиду того, что применение его связывается не с простыми когнитивными способностями, которые можно обнаружить и у лиц с психическими расстройствами, и даже у животных.

В своей критической философии Кант осуществляет постановку важнейшего и фундаментального вопроса, касающегося разума: на какую практическую значимость может претендовать разум? В предисловии к «Критике практического разума» Кант утверждает, что существует чистый практический разум, и по этой причине он критикует всю практическую способность разума. Кант развивает эту мысль в «Критике», задаваясь вопросом, может ли так называемый «чистый разум» в принципе определять свободу воли. Естественно, отождествлять «эмпирически обусловленное» использование практического разума с осуществлением связей, необходимых для получения гипотетических императивов на службе действий, направленных на эмпирически обоснованные объекты. Практичность чистого разума, с другой стороны, состояла бы в способности разума априори определять волю как управляемую категорическим императивом. Соответственно, отправной точкой Канта является эмпирически обусловленное использование практического разума как независимо определяемого, более или менее соответствующего концепции воли разумного существа.

По аргументации известного философа следует разграничивать теоретическое и практическое разума, последнее из которых представляет собой категорию более высокого порядка.

Доказывая преобладание практического разума, основатель философского критицизма, указывает, что даже теоретический интерес не может быть реализован в отрыве от практической составляющей разума, позволяющей привести рационального агента (человека мыслящего) к определенным действиям. Теоретический интерес проявляется через призму понимания возможностей, последствий и в конечном счете алгоритмов. Практический интерес побуждает не просто жаждать чего-либо, но отдавать отчет в том, что за этим интересом стоит практическое воплощение, какие-либо поведенческие матрицы, включающие в себя условия, действия и последствия. Тем самым чистый практический разум позволяет сконструировать шаблон, который охватывает требования-императивы правильно-разумного поведения в широком понимании.

Чистый практический разум наполняется смыслами морально-нравственного, социально-правового контекста. При этом рациональный агент может действовать разумно и правильно согласно категорическому императиву исключительно из страха перед последствиями явного и неявного толка. Иными словами, поведение будет благоразумным, отвечающим требованиям закона, морали и нравственности, не благодаря истинному желанию и соотносимо с спекулятивным (теоретическим) разумом. Внутренняя воля останется неудовлетворенной и не соответствующей демонстрируемому поведению именно исходя из моральных ограничителей. По мнению немецкого философа вторичные интересы не могут быть сочетаемы с первичной ценностью морали.

Практический разум и его интерес является определяющим базисом для теоретического разума, не связанного с эмпирическим опытом.

Поскольку теоретическое и практическое применение разума, согласно Канту, являются двумя видами применения одной способности, необходимо поставить вопрос о соотношении между этими видами применения. В частности, возникает вопрос о возможном упорядочении двух занятий: «о прерогативе одного [из занятий] быть первым определяющим основанием связи со всеми остальными»¹. Вопрос о первенстве, согласно Канту, должен решаться посредством рассмотрения рациональных интересов, поскольку последние управляют соответствующими проявлениями разума. Следовательно, Кант актуализирует вопрос о систематическом определении связи между двумя основными видами деятельности разума.

Кант аргументирует, что примат практического разума обусловлен тем, что практический разум должен гарантировать, что преследование теоретического интереса не препятствует преследованию иных интересов, в том числе вторичных. Говоря позитивно, интерес разумного порядка формируется в

1 См.: Кант И. Критика практического разума / Иммануил Кант [перевод с немецкого Н.М. Соколова]. – М.: Эксмо, 2023. С. 212.

процессе рационального самоопределения, и предполагает адекватность, корреляцию и оправданность, чтобы устранить вероятность конфликта между теоретическим и практическим интересами.

Практический разум в кантовской трактовке требует закрепления постулатов. Кант утверждает, что принципы чистого практического разума имеют необходимое отношение к отдельным теоретическим установкам: «практический разум сам по себе имеет исходные априорные принципы, с которыми неразрывно связаны определенные теоретические положения, в то время как они исключены из любого возможного понимания спекулятивного разума»¹.

Ограничительное свойство разума в части практического применения раскрывается в рефлексии Канта о категорическом императиве и выведенных им принципах поведения мыслящего и разумного субъекта. Так называемые максимы представляют собой неоспоримые правила и требования, предъявляемые к каждому лицу, претендующему на статус разумного.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что постулаты, представленные И. Кантом, определяют систематическое единство применения разума в том смысле, что они утверждают примат практического и, по крайней мере, в этой степени формирует определяющую основу теоретического применения разума.

Сказанное, как никогда актуально для интерпретации современных закономерностей развития права и государства, поскольку разумность выступает в качестве правового ограничителя, с помощью которого обеспечивается сбалансированность и устойчивость правопорядка.

1 См.: Кант И. Критика практического разума / Иммануил Кант [перевод с немецкого Н.М. Соколова]. - М.: Эксмо, 2023. С. 218.

Аверин Игорь Юрьевич

*преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД
учебно-научного комплекса противодействия экономическим и
налоговым преступлениям Нижегородской академии МВД России*

Averin Igor Yurievich

*lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the
Department of Internal Affairs of the educational and scientific complex of
counteraction economic and tax crimes Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia*

E-mail: averin-igor-ord@mail.ru

Использование правовых ограничений в целях противодействия преступлениям экстремистской направленности

The use of legal restrictions in order to counter extremist crimes

Аннотация: статья посвящена формирующейся в России правоприменительной практике привлечения к уголовной ответственности по ст. 282.4 УК РФ. Автор констатирует, что правонарушения, связанные с нанесением на тело запрещенной символики посредством татуировок, носят далеко не единичный характер, обращает внимание на отсутствие контроля содержания эскизов татуировок, предлагаемых в тату-салонах, предлагает, наряду с правовыми ограничениями, усилить профилактическую работу среди молодежи.

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, татуировка, пропаганда нацистской атрибутики.

Abstract: The article is devoted to the emerging law enforcement practice in Russia of bringing to criminal responsibility under Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author states that offenses related to the application of prohibited symbols to the body through tattoos are far from isolated, draws attention to the lack of control over the content of sketches of tattoos offered in tattoo parlors, suggests, along with legal restrictions, to strengthen preventive work among young people.

Keywords: extremism, extremist crimes, tattooing, propaganda of Nazi paraphernalia.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 г., к числу задач, которые необходимо решить для достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности, относит «предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи»¹. Между тем статистические данные свидетельствуют: «в январе - декабре 2023 года зарегистрировано 2382 преступления террористического характера (+6,7%) и 1340 преступлений экстремистской направленности (-14,4%)»².

Статистические данные по Нижегородской области за период январь-июль 2023 г. свидетельствуют: «зафиксировано 7 уголовно-наказуемых деяний экстремистской направленности (-12,5%; 2022 г. - 8) и семь – террористического характера (стабильно)»³.

Борьба с преступлениями экстремистской направленности является комплексной проблемой, требует объединения усилий ученых самых различных областей научного знания. «Экстремизм» относится к числу мультидисциплинарных понятий, поскольку используется не только в юриспруденции, но и в социологии, истории и в других гуманитарных науках.

Преступления экстремистской направленности⁴ разнообразны, обратимся к одному из них. В 2022 г. Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 282.4

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 г. // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (дата обращения: 03.05.2024).

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. М., 2024.

³ Официальный сайт ГУ МВД России по Нижегородской области. URL: <https://52.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Statistika> (дата обращения 03.05.2024).

⁴ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1

«Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»¹.

Действующее административное законодательство содержит ст.20.3 КоАП РФ «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами».

Диспозиция статьи сформулирована следующим образом: «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния».

В настоящее время начинает формироваться правоприменительная практика по статье 282.4 УК РФ. В Нижегородской области в начале 2022 года сотрудниками полиции в отношении гражданина З. 2002 года рождения был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ст.20.3 КоАП РФ, по факту публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики. Объективная сторона правонарушения состояла в том, что З. демонстрировал татуировки, имевшиеся на груди и на запястье левой руки.

Татуировка, сделанная З. на руке, представляла собой изображение эмблемы третьей танковой дивизии СС «Мёртвая голова»: чёрный щит с нарисованным в центре человеческим черепом, повернутым вправо. Данное изображение было внесено Министерством юстиции РФ под номером 3662 в федеральный список экстремистских материалов². Кроме того, З. демонстрировал имевшееся у него на груди изображение «Чёрное солнце» – оккультный символ, также внесённое Министерством юстиции РФ под номером 3269 в указанный список экстремистских материалов.

В конце 2022 г. З. повторно продемонстрировал вышеуказанные татуировки публично, таким образом совершил деяние, содержащее признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ. В отношении гражданина З. СУ СК по Нижегородской области было возбуждено уголовное дело.

Опыт деятельности правоохранительных органов свидетельствует, что правонарушения, связанные с нанесением на тело запрещенной символики посредством татуировок, носят далеко не единичный характер. Между тем, содержание татуировок (тату, татуаж или tattoo), выступающих элементом молодежной культуры, в настоящее время не нашло достаточного отражения в современной юридической литературе.

Самым известным трудом на стыке психологии и юриспруденции, посвященным данному феномену, является работа В.Ф. Пирожкова «Законы преступного мира (криминальная субкультура)», в которой расшифровывается язык криминальных татуировок, каждый из используемых в тату символов описывается на основе системы ценностей криминальной среды³.

Вместе с тем, современные исследования педагогов, психологов и психолингвистов свидетельствуют о том, что интерес молодежи к тату растет: «33% россиян являются обладателями перманентных татуировок, 29% из которых являются людьми до 24 лет, 13% – людьми до 35 лет»⁴.

Результаты проведенных исследований позволили констатировать изменение роли тату в современном обществе. Если когда-то сотни лет назад изображения на теле человека носили ритуальный характер, позднее стали демонстрацией принадлежности конкретного человека к определенной группе, то сегодня их функции изменились. На первый план выходят коммуникационные связи, тату в современных работах определяется как «знаковая система коммуникации, передающая определенную информацию о носителе другим людям»⁵. В среде молодежи изображения, нанесенные на тело, выступают, по сути, невербальным средством коммуникации.

На сегодняшний день приходится признать, что перечень эскизов татуировок, предлагаемых в тату-салонах, определяется самим тату-мастером, то есть зависит от его субъективных предпочтений, уровня общей и правовой культуры. Возникает вполне закономерный вопрос: возможно ли, и если да, то

от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020). Перечень № 20. URL: <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie> (дата обращения 05.05.2024).

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: Экстремистские материалы: Министерство юстиции Российской Федерации (minjust.gov.ru) (дата обращения 05.05.2024).

³ Пирожков В.Ф. Законы преступного мира (криминальная субкультура) – Тверь: Приз. 1994. 323 с.

⁴ Чернышева Е. В. Семиотика молодежных татуировок // Российский девiantологический журнал. 2022. № 2 (4). С. 408–417.

⁵ Бородин А.Э. Татуирование как знаковая система общения в молодежной среде // Организационная психолингвистика. 2020. № 3 (11). С. 106-118.

каким образом, использование правовых ограничений в данной сфере в целях противодействия совершению преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ?

Тату-произведения относятся специалистами разновидности произведений искусства¹. Исходя из содержания предлагаемых дефиниций, можно констатировать, что исследования юристов по большей части сосредоточены в направлении защиты авторских прав создателей рисунков.

Характер и результаты деятельности по предоставлению услуг по татуировке являются весьма специфическими. С одной стороны, существует эскиз изображения, который может как содержаться в предлагаемом мастером альбоме, так и быть предложен самим клиентом.

С другой стороны, человек, на чьем теле выполнено тату-изображение, появляется в общественных местах, а в ряде случаев (например, если этот человек работает в модельном бизнесе), демонстрирует изображение на своем теле в процессе своей профессиональной деятельности. Вместе с тем, некоторые татуировки наносятся на те места человеческого тела, которые не принято демонстрировать в общественных местах.

Нанесение татуировки в виде изображения, находящегося в списке экстремистских материалов, запрещено. Еще в 1995 г. был принят Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»².

Правоприменительная практика по привлечению к ответственности тату-мастеров начинает складываться. Как правило, в ходе мониторинга аккаунтов тату-мастеров в социальных сетях сотрудниками полиции выявляются рекламные изображения в виде уже выполненных мастером татуировок. Нарушителей привлекают к административной ответственности, изображения удаляются.

Вместе с тем, в ходе привлечения нарушителей к ответственности возникают проблемы, обусловленные отсутствием нормативного закреплённого описания запрещенной символики. Требуется назначение производства экспертных исследований, однако верифицированные экспертные методики также отсутствуют³.

Одним из важнейших направлений противодействия преступлениям экстремистского характера является воспитательная и профилактическая работа, особенно в молодежной среде. В сети Интернет существуют группы, которые пропагандируют среди молодёжи экстремистскую деятельность, экстремистскую и нацистскую символику, призывают к совершению террористических актов. Необходимо принимать меры, направленные на блокировку таких каналов и групп.

В то же время сотрудникам правоохранительных органов следует создавать группы, которые имеют целью профилактику преступности. Одна из таких групп «Безопасность детей НН» создана сотрудниками УУР ГУ МВД России по Нижегородской области в мессенджере «Telegram».

¹ Бундин Ю.И. Авторское право на произведения искусства татуировки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 93.

² СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1928.

³ Арестова Е. Н. Стратегический подход к решению проблемы идентификации запрещенной символики (атрибутики) // Приоритеты и механизмы стратегического планирования в Российской Федерации : сборник статей XII Международной научной конференции, Москва, 26–27 апреля 2023 года. – Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2023. С. 238-244.

Бирюкова Валерия Павловна
*Преподаватель, соискатель кафедры международного и
евразийского права юридического факультета Воронежского
государственного университета*

Biriukova Valeria Pavlovna
*Lecturer, Postgraduate candidate of Department of International and
Eurasian Law, Law Faculty, Voronezh State University*

E-mail: biriuckova.valerya@yandex.ru

Международно-правовые ограничения, связанные с нейтралитетом государства: опыт Швейцарии

International legal restrictions related to state neutrality: the Swiss experience

Аннотация. В условиях формирования многополярного мира крайне важными являются правовые инструменты, направленные на поддержание мира и безопасности, а также беспристрастности государства в международных отношениях. Одним из таких инструментов служит институт постоянного нейтралитета государств, однако он, помимо всего прочего, накладывает на государство определенные обязанности и ограничения. К нейтральным государствам относится, в частности, Швейцарская Конфедерация. Данная статья имеет своей целью выявление основных характеристик швейцарского нейтралитета и связанных с ним международно-правовых ограничений, а также анализ дальнейшей перспективы развития данного института.

Ключевые слова: нейтралитет, правовые ограничения, Швейцарская Конфедерация, правовой статус, Конституция Швейцарии, Гаагские конвенции.

Abstract. In the context of the formation of a multipolar world, legal instruments aimed at maintaining peace and security, as well as the impartiality of the state in international relations, are extremely important. One of these instruments is the institution of permanent neutrality of states, but, among other things, it imposes certain responsibilities and restrictions on the state. Neutral states include, in particular, the Swiss Confederation. This article aims to identify the main characteristics of Swiss neutrality and the associated international legal restrictions, as well as to analyze the further prospects for the development of this institution.

Keywords: neutrality, legal restrictions, Swiss Confederation, legal status, Swiss Constitution, Hague Conventions.

Современный этап развития международных отношений характеризуется, среди прочего, формированием многополярного мира. В данных условиях представляется крайне важным для государства сохранять беспристрастность. Одним из способов достижения данной цели является нейтралитет.

В доктрине международного права нейтралитет означает такое положение государства, при котором оно не участвует в войне и не оказывает непосредственной помощи воюющим¹. Более детально содержание нейтрального статуса государства раскрыто в Гаагских конвенциях 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной² и морской³ войн.

Анализ данных положений позволяет сделать вывод, что нейтралитет государства представляет собой правовые ограничения в сфере взаимодействия с другими государствами, находящимися в состоянии войны. Кроме того, с развитием международного права институт вооруженного нейтралитета также претерпел изменения, был расширен круг прав и обязанностей нейтральных государств.

Тем не менее, в силу ограничительного характера института постоянного нейтралитета государства, обладающие постоянным нейтральным статусом, крайне малочисленны. Одним из известнейших и старейших примеров нейтрального государства является Швейцарская Конфедерация, где постоянный нейтралитет представляет собой многовековую традицию в сфере международного права.

¹ Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. / отв. ред. С. А. Егоров. – М: Статут, 2014. – 495 с. – С. 240.

² Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны : заключена в Гааге 18 октября 1907 г.

³ Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае морской войны : заключена в Гааге 18 октября 1907 г.

При этом затруднительно установить точную дату, положившую начало данной традиции, поскольку длительное время нейтралитет был фактическим, имел форму конкретных политических мер органов власти Конфедерации по воздержанию от участия в вооруженных конфликтах. Признание же международного сообщества швейцарский вооруженный нейтралитет получил лишь в 1815 г. на Венском конгрессе, а юридическое закрепление – в 1907 г. с подписанием Швейцарией ранее упомянутых Гаагских конвенций¹. Примечательно, что в силу сложившейся в Швейцарской Конфедерации монистической модели соотношения международного и национального права, предусматривающего приоритет международных норм, положения данных конвенций не нуждались в дополнительном имплементационном акте национального законодательства.

Законодательство Швейцарии в вопросах нейтралитета ограничивается лишь его упоминанием в Конституции². Речь идет о положениях ст. 173 и 185, обязывающих Федеральную Ассамблею (парламент) и Федеральный Совет (правительство) принимать меры для обеспечения внешней безопасности, независимости и нейтралитета Конфедерации. Однако ни Конституция, ни иные законодательные акты Швейцарии не раскрывают содержание этого статуса в полной мере. Таким образом, права и обязанности Швейцарии как нейтрального государства описаны лишь в международных актах.

Итак, согласно Гаагским конвенциям, в период военного конфликта деятельность нейтрального государства имеет следующие ограничения:

1. Государство должно воздерживаться от участия в войне;
2. Государство должно воздерживаться от предоставления наемников воюющим сторонам;
3. Государство должно воздерживаться от предоставления своей территории воюющим сторонам, равно как и разрешать провоз по своей территории боевых и иных припасов и др.

Кроме того, хоть это и не закреплено в тексте конвенций, в мирное время нейтральные государства воздерживаются от присоединения к военным альянсам.

На наш взгляд, международно-правовые ограничения, которые содержит нейтральный статус государства, несомненно, носят положительный характер, поскольку с их помощью государство воздерживается от участия в конфликте, поддерживая тем самым международные мир и безопасность. Однако некоторые исследователи склонны считать, что нейтральный статус делает Швейцарию государством-«аутсайдером» исторического процесса и сводит к минимуму ее участие в важнейших глобальных событиях³.

Мы склонны не согласиться с данным тезисом ввиду следующих причин.

В первую очередь, стоит отметить, что с момента установления нейтрального статуса Швейцария неоднократно становилась площадкой международных переговоров, начиная с учреждения Лиги Наций в 1920 г. и выбора Женевы в качестве штаб-квартиры организации⁴. Более того, нейтралитет по настоящее время служит одной из основных причин, по которой та или иная международная организация размещается именно в Швейцарии⁵, ведь в таком случае непрерывность и безопасность их деятельности гарантирована.

Кроме того, с начала 1990-х гг. швейцарский нейтралитет претерпел множественные преобразования, сменившие его характер с пассивного (неучастие, неприсоединение) на активный. Так, на референдуме 2001 г. швейцарские граждане единогласно одобрили вооружение швейцарских групп, участвующих в миротворческих миссиях, а в 2002 г. страна присоединилась к Организации Объединенных Наций⁶.

Таким образом, с учетом изложенных фактов Швейцария никоим образом не может быть причислена к «аутсайдерам» истории.

Наконец, швейцарский нейтралитет также подвергается переосмыслению в контексте присоединения Конфедерации к экономическим санкциям, вводимым против определенных государств. В 2022 г. Швейцария присоединилась к экономическим санкциям, введенным в отношении Российской Федерации Европейским союзом. При этом в академической среде до настоящего момента не сложилось единого мнения по данному поводу, свидетельствует ли присоединение к санкциям об отказе от

¹ <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/fr/home/politik-geschichte/die-schweiz-und-die-welt/neutralitaet.html> (дата обращения: 20.04.2024)

² Constitution fédérale de la Confédération suisse du 18 avril 1999

³ Picard, Jacques. “Switzerland as a ‘Bystander’ of History? On Neutrality in a Time of Global Crisis and Genocidal War.” in: Maxwell, Elisabeth; Roth, John K. (Hg.): Remembering for the Future: The Holocaust in an Age of Genocide, vol. 1, Basingstoke 2001, S. 71-103. (2001): n. pag. Print.

⁴ Zogg, Benno. “Switzerland and the Ongoing Challenge of Permanent Neutrality.” / The neutrality option for in-between states / под ред. Т. М. Бухсбаума, Е. Прейгермана, А. Ивановой. – Минск : Колорград, 2021.

⁵ <https://www.ungeneva.org/en/about/organization> (дата обращения: 21.04.2024)

⁶ <https://www.eda.admin.ch/aboutswitzerland/fr/home/politik-geschichte/die-schweiz-und-die-welt/neutralitaet.html> (дата обращения: 21.04.2024)

нейтралитета, «пристрастности» Конфедерации в международно-правовых вопросах или же лишь о развитии нейтралитета как института¹.

Следует сделать вывод, что нейтралитет как правовой статус государства динамичен; опыт Швейцарии показывает, что в настоящее время постоянный нейтралитет значительно эволюционировал по сравнению с его пониманием, содержащимся в Гаагских конвенциях. В этой связи возникает вопрос, каким образом возможно его укрепление и защита?

Население Швейцарии выбрало в качестве способа усиления нейтралитета юридическое его закрепление на уровне основного закона. Так, в 2022 г. была выдвинута народная инициатива о внесении в Конституцию Швейцарии специальной статьи, раскрывающей суть нейтрального статуса Конфедерации в его современном виде². На наш взгляд, данная инициатива представляется целесообразной, поскольку она направлена на модернизацию правового регулирования нейтрального статуса Швейцарии и придание ему конституционной основы.

¹ Быканов Д. Д. Поддержка Швейцарией антироссийских санкций: конец швейцарского нейтралитета или его эволюция? / Д. Д. Быканов // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 8, № 2(34). – С. 132-139.

² <https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/2022/2694/fr> (дата обращения: 22.04.2024)

Герасименко Юлия Андреевна
аспирант кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС

Gerasimenko Julia Andreevna
Postgraduate student of the Department of Theory and History of Law and State of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPA

E-mail: Julia.tsikolenko@mail.ru

Ограничительное толкование права посредством норм-оговорок

Restrictive interpretation of law by means of reservation rules

Аннотация: автором анализируется сущность такого специального приема юридической техники, как норма-оговорка, через призму ограничительного толкования права. Выявляются особенности законодательного закрепления предписаний с оговорками, имеющих ограничительное свойство. На основе изучения законодательных актов, судебной и иной правоприменительной практики, а также юридической доктрины установлены наиболее типичные юридико-лингвистические приемы закрепления ограничительных норм-оговорок, в числе которых: «кроме случаев», «за исключением», «в части, касающейся», «как правило». Констатируется универсальный характер норм-оговорок как средств объективации дозволительного и ограничительного правового воздействия. Делается вывод, что нормы-оговорки «как правило», «за исключением», изначально указывающие на необходимость ограничительного толкования правового положения, могут олицетворять иной подход, при котором становится возможным максимально полное удовлетворение интересов субъектов и реализация их прав.

Ключевые слова: норма права, правовая норма-оговорка, толкование права, ограничительное толкование права, юридическая техника.

Annotation: the author analyzes the essence of such a special technique of legal technique as a norm-reservation through the prism of a restrictive interpretation of law. The peculiarities of the legislative consolidation of prescriptions with reservations having a restrictive property are revealed. Based on the study of legislative acts, judicial and other law enforcement practice, as well as legal doctrine, the most typical legal and linguistic techniques for fixing restrictive norms-reservations have been established, including: "except in cases", "except for", "in part concerning", "as a rule". The universal nature of the reservation norms as a means of objectification of permissive and restrictive legal effects is stated. It is concluded that the reservation rules "as a rule", "with the exception", which initially indicate the need for a restrictive interpretation of the legal provision, may embody a different approach, in which it becomes possible to fully satisfy the interests of subjects and the realization of their rights.

Keywords: rule of law, legal norm-reservation, interpretation of law, restrictive interpretation of law, legal technique.

Проблематика толкования права традиционно выступает одной из фундаментальных тем в отечественной юриспруденции. Это объяснимо, поскольку для правового государства важно не только сформировать эффективную нормативную правовую базу, способную отвечать потребностям общества, но и добиться правильного понимания положений законодательства, что станет гарантом непротиворечивой реализации нормативных установлений.

Особенно ярко значение и роль толкования права проявляется в части осуществления интерпретации нормативных положений, объем правового предписания которых меняется в сторону сужения или расширения. Как известно, относительно данного критерия классифицировать толкование принято на три вида: буквальное (оно же адекватное), расширительное (или распространительное) и ограничительное¹. Остановимся более подробно на последнем из представленных видов.

Так, ограничительное толкование, как форма выражения нормативного разъяснения, обеспечивает правильное уяснение сути положения и его последующее применение при возникшем несоответствии между истинной волей законодательного органа и внешней, реальной смысловой формулировкой правового акта. При этом, данное разъяснение будет отталкиваться от того, что реальная, истинная

¹ См., например: Закон: создание и толкование / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998. С. 65-69.

сущностная основа, заложенная в нормативное положение, уже (т.е. беднее, меньше) текстового выражения, закреплённого в нормативном правовом акте.

Ограничительное толкование, реализуемое повсеместно и применительно к различным нормативным положениям, приобретает специфические особенности в силу использования законодателем особых приемов изложения своей воли. К таковым, например, относятся нормы-оговорки¹. Мы полагаем, что это такая разновидность «нормативного предписания, которая выступает следствием специализации правил поведения, закрепляет изъятия и (или) дополнения в правовом регулировании, а также направленная на конкретизацию и детализацию данного процесса путем установления связи узкого (адресного) предписания с генеральной нормой поведения»².

Изучение законодательных актов, судебной и иной правоприменительной практики, а также юридической доктрины позволяет констатировать удивительное многообразие нормативных оговорок, при помощи которых правоприменитель ориентируется на сужение действия предписания, необходимость его ограничительного уяснения и разъяснения. Вместе с тем, существующая палитра так называемых ограничительных оговорок позволяет установить наиболее типичные юридико-лингвистические лексемы, которые используются в качестве приемов закрепления ограничительных норм-оговорок. В их числе: «кроме случаев», «за исключением», «в части, касающейся», «как правило».

К примеру, даже текст основного закона нашего государства не избежал использования вышеуказанных норм-оговорок. Так, при помощи оговорки «кроме случаев» Конституция Российской Федерации ограничивает в правах иностранных граждан и лиц без гражданства³, а словосочетание «в части» приобрело устойчивое значение, например, для ограничения действия тех нормативных правовых актов, которые имели юридическую силу «на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции»⁴.

Особое значение (и в силу количественных показателей, и учитывая многообразие смысловых вариаций) имеет ограничительная норма-оговорка «за исключением». Только текст основного закона нашего государства прибегает к ней по меньшей мере 10 раз. Свой регулятивный потенциал норма-оговорка с юридико-лингвистической лексемой «за исключением» распространяет на: действия по отчуждению государственных территорий (ч. 2.1 ст. 67); формирование органов публичной власти, в части назначения федеральных министров (п. «д» ст. 83); компетенционные полномочия сенаторов (ч. 6 ст. 95) и многое другое.

Обратим внимание, что норму-оговорку с лексемой «за исключением» следует рассматривать через призму более широкой, родовой категории. Таковой выступает, как нам представляется, норма-изъятие. В числе первых авторов, обративших пристальное внимание на закономерности использования в правотворческом процессе норм-изъятий был профессор И.Н. Сенякин, выделивший их среди специальных правовых предписаний⁵.

Изъятие, как юридическая лексема, в нормативных правовых актах применяется для ограничения, сужения действия правового предписания, что соответствует общеупотребительному пониманию данного термина. Как известно, синонимом термина «изъять» является глагол «изымать», означающий «устранять, исключать из употребления»⁶. В свою очередь, как форма правового воздействия, изъятие основывается на обособлении и выделении внутри существующих общественных отношений требуемых компонентов, с последующим их исключением из процесса правового регулирования.

Интересно, что ряд ученых полагают, что процесс ограничения в правовом регулировании может быть связан не только с автономным действием такого приема юридической техники, как нормы-оговорки, но и их совокупного использования с законодательными отсылками. К примеру, А.Г. Репьев развивая данное положение, убежден, что в результате отсылочного предписания правовое регулирование не только может дополняться, но из него могут делаться и изъятия⁷. Мы в свою очередь считаем, что норма-оговорка – это универсальный технико-юридический прием конструирования правил поведения, который используется правотворческими органами для изъятия и дополнения правового регулирования. При совокупном использовании в тексте нормативного правового норм-оговорок и

¹ См.: Репьев А.Г. Нормы-оговорки как средства изъятия и дополнения в правовом регулировании // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 8-15.

² Герасименко Ю.А. Норма-оговорка в российском законодательстве: понятие и сущность // Пролог: журнал о праве. 2023. № 2. С. 23.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ч. 3 ст. 62 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

⁴ Там же, ч. 2 заключительных и переходных положений.

⁵ См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / под ред. проф. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 43.

⁶ См.: Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А-Л. С. 850.

⁷ См.: Репьев А.Г. Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 19.

отсылочных положений расширяется регулятивное поле, это позволяет законодателю воплощать метод сочетания императивного конструирования правовых предписаний и диспозитивного изложения правил поведения, обеспечивая достижение компромисса.

Нормы-оговорки, даже изначально указывающие на необходимость ограничительного толкования правового положения, могут олицетворять такой подход, при котором становится возможным интегрирование в регулирование общественных отношений строго позитивистского и естественно-правового начал, антропо-гуманистического взгляда на нормы и правила поведения, вкрапление в их содержание общечеловеческих ценностей, нравственных регуляторов, религиозных канонов и пр.

К примеру, конституционное право на отдых гарантируется нормами трудового законодательства¹. Вместе с тем, регулирование видовых правоотношений корректируется при помощи соответствующих положений специальных нормативных правовых актов. Так, часть 9 ст. 56 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ содержит две нормы-оговорки: «сотруднику органов внутренних дел, замещающему должность педагогического работника <...> основной отпуск и дополнительный отпуск за стаж службы в органах внутренних дел предоставляются, как правило, в период каникулярных отпусков курсантов, слушателей, за исключением случая предоставления такому сотруднику путевки на лечение в иное время»². В данном случае, лексема «как правило» указывает на необходимость ограничительного толкования и сужает возможности субъекта по самостоятельному выбору времени для отдыха. Мотивы установления подобного изъятия из общего порядка правового регулирования полагаем лежат на поверхности – приоритетным в образовательной организации является педагогический процесс, для качественного обеспечения которого лучше будет, если профессорско-преподавательский состав станет реализовывать право на отдых в одно время с обучающимися. Однако с другой стороны, словосочетание «за исключением случая» демонстрирует согласование интересов, поскольку устанавливаемое изъятие не должно ухудшать правовое положение педагогических работников и ущемлять их иные права, в частности, на медицинское обслуживание.

Таким образом можно констатировать, что норма-оговорка выступает средством максимально полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, приемом установления конкретных и реальных объемов, требуемых для выполнения юридических обязанностей.

Нормы-оговорки демонстрируют приоритеты в распределении благ, иерархию прав и дозволений, реализуемых в определенной сфере. При помощи оговорок-изъятий «как правило», «за исключением», «кроме случаев» фиксируются наиболее значимые потребности правового регулирования. В этом значении, использование законодательными органами норм-оговорок есть показатель уровня развития не только правотворческих компетенций, но и правового сознания и правовой культуры правоприменения, и одновременно средство их дальнейшего совершенствования и укрепления.

¹ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023), ст. 2, 21 и др. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3; 2022. № 29. Ст. 5250.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 05.12.2022), ч. 9 ст. 56 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020; 2022. № 50. Ст. 8792.

Есаева Екатерина Андреевна
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Esaeva Ekaterina Andreevna
lecturer of the Department of Theory and History of State and Law

E-mail: eaesaeva1221@gmail.com

Правовые ограничения культуры внешнего вида населения Вьетнама в XIX веке: историко-правовой аспект

Legal restrictions on the culture of appearance of the population of Vietnam in the 19th century: historical and legal aspect

Аннотация: В статье анализируются ограничения, установленные правом Вьетнама XIX века в отношении внешнего вида подданных. Рассматриваются нормы законодательства, ограничивающие вьетнамских чиновников и простых подданных в выборе одежды, цветовой гамме и украшениях. Делается вывод об обоснованности применения данных норм в указанный период.

Ключевые слова: правовые ограничения, Вьетнам, традиционная одежда, символика цвета и вышивки.

Abstract: The article analyzes the restrictions established by the law of Vietnam in the 19th century regarding the appearance of citizens. The legislation that restricts Vietnamese officials and ordinary citizens in the choice of clothing, colors and decorations is considered. A conclusion is drawn about the validity of the application of these norms during the specified period.

Keywords: legal restrictions, Vietnam, traditional clothing, symbolism of color and embroidery.

Одежда каждого народа имеет глубокую социальную и культурную значимость, являясь одним из элементов отражения национального духа. Культура внешнего облика Вьетнама затрагивала жизнь каждого подданного. Право во Вьетнаме регулировало многие стороны жизни, регулировало многие сферы жизни, в том числе и вопросы внешнего облика, устанавливая в том числе и вопросы внешнего облика.

Изображения на барабанах донгшонской культуры дают нам представление о древнейшей одежде предков вьетнамцев. Судя по сохранившимся изображениям костюмы были разнообразными. И состояли преимущественно из двух частей.¹ С I века до н.э. государство Намвьет² попало под зависимость китайской династии Хань. «После подчинения вьетнамских территорий ханьцами... чиновничья одежда стала создаваться по китайскому образцу.»³ Однако, в сельской местности китайская культура повлияла на одежду жителей в меньшей степени.

Вместе с ханьской династией на территории Вьетнама начала распространяться конфуцианская идеология, даосизм и буддизм. Одевание не только указывало на социальный статус его носителя, но и служило особой знаковой системой. Каждый цвет и орнамент служил особым ранговым показателем. Тщательное соблюдение всех церемоний, этикета, выполнение регламента в ношении одежды, движениях отделяло чиновников от простых подданных. Культура одежды высших слоёв вьетнамского общества воспринимала конфуцианские идеи, проявляя внимательное отношение к одежде.

Вьетнамский синкретизм религиозно-философских учений создал сложную и уникальную материальную культуру. Определённые представления о символике и интерпретации цвета во вьетнамской одежде берут начало у господствовавшей в азиатских странах на протяжении нескольких веков теории у-син.

¹ https://www.dtv-ebook.com/trang-phuc-viet-nam_17623.html#gsc.tab=0 Đoàn Thị Tĩnh, Trang Phục Việt Nam (Dân tộc Việt). Vietnamese costumes through the ages // Đoàn Thị Tĩnh; xb lần t.2 có bổ sung. HN.: NXB Mỹ Thuật, 2006. trang. 9 (Дата обращения: 15.04.24)

² Намвьет – древнее государство, образовавшееся при распаде империи Цинь в 207 г. до н.э. Занимало территорию современного Северного Вьетнама и китайских провинций Гуандун и Гуанси.

³ Минина Юлия Дмитриевна Традиционный костюм ао зай как социокультурный феномен в истории развития вьетнамского общества // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. №3 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-kostyum-ao-zay-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-v-istorii-razvitiya-vietnamskogo-obschestva> (Дата обращения: 15.04.24)

Согласно этой теории, каждый цвет имеет своё сакральное значение. Например, красный цвет связан с праздничной атрибутикой, плодородием, красотой, удачей, радостью.¹ Желтый цвет (или золотой) показывал принадлежность к императорской семье. Символизирует центр земли и идею государственности. Черный и тёмно-синий цвет ассоциировался со знаниями, интеллектом, широко использовался в одежде учёных-конфуцианцев. В деревнях черный и коричневые цвета были также популярны среди населения из-за доступности красителей. Сине-зеленая гамма служила выражением молодости, весны, благим начинаниям. Белый цвет символизировал упадок и угасание, поэтому траурная одежда была белой.

В эпоху династии Поздних Ли (XI-XIII века) в рамках государственных реформ регламентацию получала императорская и чиновничья атрибутика, в том числе одежда. В XV веке император Ле Нян Тонг запретил простым подданным носить одежду желтого цвета. В уголовном кодексе династии Нгуен² содержалась нормы о нарушении правил ношения одежды. Кроме того, данные нормы содержали в себе строгую регламентацию формы одежды чиновников и других предметов быта. Например, согласно статье 156 уголовного кодекса Зялонга, церемониальный костюм гражданских и военных чиновников первого класса выше первого или первого ранга состоял из шапки, длинного одеяния, красного пояса, нижней юбки, сапог и чулок. Шапка была украшена золотой окантовкой, спереди и сзади золотыми цветами, двумя золотыми бляшками высотой в шесть рядов и двумя драконами Giao с жемчужиной. Чиновники выше первого ранга носили длинные одеяния красно-коричневого цвета с изображением дракона или змеи. Чиновники первого класса первого ранга на церемонии надевали длинные одеяния синего, зеленого, голубого и бледно-зеленого цвета с вышивкой дракона Mang. Цвет одежды выбирал сам чиновник. Одежда подвязывалась красным поясом, украшенным золотой пластиной с изображением дракона. Нижняя юбка украшалась фигурами птиц. На ногах - черные сапоги с квадратными носами и чулки. Цвет чулок не регламентировался.

Гражданские чиновники и первого класса седьмого ранга могли носить во время церемоний неокаймленные шапки, украшенные спереди и сзади серебряными цветами. Длинную верхнюю одежду синего, зеленого, голубого и бледно-зеленого цвета, подвязанную красным поясом, украшенным черными роговыми пластинами, окаймлёнными серебром. Сверху красный нагрудник с вышитой птицей похожей на гуся. Нижнюю юбку из шелка зеленого или голубого цвета.

Одежда сыновей чиновников также была регламентирована. Существовали ограничения по цвету, форме воротника и украшениям.

Подданным не разрешалось использовать золотую вышивку или вышитые нагрудники для своей одежды. Простому населению разрешалось носить одежду из грубого шелка и сатина. Желтый цвет в одежде простых людей был под запретом. Ношение украшений для женщин было ограничено. Разрешалось только одно золотое украшение на голову и золотые сережки. Остальные украшения разрешалось носить только из серебра. При этом украшения не должны были содержать цветочный орнамент.

Кроме того, статья 156 уголовного кодекса династии Нгуен регламентировала вид дома, внутреннее убранство, предметы роскоши и быта для чиновников и простых людей. Так, согласно статье 156 УК династии Нгуен, дома, жилища, средства передвижения, одежда и всякого рода вещи у чиновников и простого народа различны. Чиновники, нарушающие ранговые правила ношения одежды и самовольно использующие запрещенную для них атрибутику, наказывались сотней ударов палкой и снятием с должности без права восстановления. Подданный, использующий предметы или одежду, которыми он не имел права пользоваться наказывался пятидесятью ударами ротанга. Причем, вместе с правонарушителем наказанию подлежал и глава его семьи, как неисправившийся со своими обязанностями. Ремесленники, изготавливавшие от имени чиновников предметы в нарушении правил, наказывались пятидесятью ударами ротанга. Лица, незаконно использующие вышивку Дракона или Феникса, наказывались сотней ударов палкой и тремя годами каторжных работ. Во всех вышеперечисленных случаях «запрещенные» вещи конфисковывались в пользу государства. Государство поощряло лиц, выявивших данные нарушения.

Необходимо отметить, что основное население часто пренебрегало данной нормой, особенно в части использования цветовой гаммы. Коричневый и черный цвета были официально разрешены для подданных. В крестьянской среде эти цвета ассоциировались с плодородием. Желтый цвет простые люди почитали и связывали его с богатством, поэтому иногда красили свою одежду в бледно-желтый цвет. Император Нгуен Хоанг-тонг (Кхай Динь 1885-1925) двенадцатый император Вьетнама в 1916 году

¹ Минина Юлия Дмитриевна Символическая модель цвета вьетнамского национального костюма аозай: исторические предпосылки и толкования // Вьетнамские исследования. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolichesky-model-tsveta-vietnamskogo-natsionalnogo-kostyuma-aozay-istoricheskie-predposylki-i-tolkovaniya> (Дата обращения: 15.04.24)

² Hoang Viet luat le, 1812-1813гг. Уголовный кодекс династии Нгуен или Кодекс Зялонга (Жа Лонга, Гиа Лонга, Зя Лонга. В литературе встречаются разные написания имени императора) Кодекс фактически являлся сводом законодательства Вьетнама в XIX веке.

отмечал: «Раньше, когда я был принцем, я часто видел людей в желтой одежде, что было нарушением закона... посему запрещаю простым подданным носить одежду желтого цвета, а также цветов близких к желтому, для сохранения социального различия»¹

В начале XX века, под французским влиянием, во Вьетнаме постепенно распространился европейский костюм и западная модель интерпретации цвета. Так, белый цвет стал ассоциироваться с молодостью, учением, невинностью.² Примечательно, что после отречения последнего императора Вьетнама Бао Дая и революции 1945 года ограничения по поводу одежды были официально упразднены.

Таким образом во Вьетнаме на протяжении веков складывалась двойственная ситуация: с одной стороны, для чиновников и простого населения существовали правовые ограничения в одежде. Данные ограничения, государство использовало для утверждения власти каждого чиновника и поддержания смиренного состояния общественных масс. Ограничения в цветовой гамме, украшениях и материалах (тканях) в начале XIX века были обусловлены необходимостью утверждения власти новой династии Нгуен. С другой стороны, народные массы часто пренебрегали запретами и нарушали правовые ограничения. Символизм модели цвета в одежде, насаждаемый с времён «Северной зависимости» в среде обычных подданных Вьетнама прижился частично, несмотря на правовые ограничения, местные верования и предпочтения народа оказались сильнее.

¹https://drive.google.com/file/d/0B39Ak451HYTkYjAtVTZEVmt6eWs/view?resourcekey=0--6_6T9NYtcmjlq1dAQDBqg
Đồng Khánh, Khải Định chính yếu, NHÀ XUẤT BẢN THỜI ĐẠI Nhà B15, Mỹ Đình 1 - Từ Liêm - Hà Nội, 2010, trang 431-432 (Дата обращения: 15.04.24)

² Форма многих женских учебных заведений Вьетнама с 1917 года была белого цвета.

Завурбеков Фаридун Завурбекович

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Zavurbekov Faridun Zavurbekovich

Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: zfz2005@gmail.com

Правовые ограничения в отношении этноконфессиональной одежды: опыт Шахского Ирана

Legal restrictions on ethno-confessional clothing: the experience of Shah Iran

Аннотация. В статье рассматривается проблематика введения правовых ограничений в отношении этноконфессиональной одежды в историческом контексте Шахского Ирана. Автор анализирует ряд правовых норм, регулировавших внешний вид поданных персидского монарха в 1930-х годах. Отмечается важность этой проблематики для иранских властей, поскольку она обусловлена целями господствующего политического режима по вестернизации или теократизации общества.

Ключевые слова: правовые ограничения, Иран, кашф-е хиджаб, дресс-код, шариат, вестернизация, шах.

Abstract. The article deals with the introduction of legal restrictions on ethno-confessional clothing in the twentieth century of the Shah of Iran. The author analyzes a number of legal norms that regulated the appearance of the subjects of the Persian monarch in the 1930s. This problem is noted for the Iranian authorities, since it is caused by representatives of the ruling regime to Westernize or theocratize society.

Keywords: legal restrictions, Iran, hijab cafe, dress code, Sharia, westernization, shah.

Вмешательство во внутренние дела суверенных стран, вызванное непониманием культурных и цивилизационных особенностей местных обществ, является сегодня актуальной проблемой. Необдуманные действия внешних и внутренних игроков по перелому политических, культурных, экономических и социальных традиций народов создают вихрь изменений, который нередко заканчивается трагически. Речь идет об интенсивном давлении западных политических систем на общества, которые в силу ряда исторических событий вынуждены развиваться на пути социально-экономического прогресса в индивидуальном темпе. Однако, увлекаясь собственным политико-правовым видением «правильного», нетерпеливые (нередко некомпетентные) правительства западных стран под предлогом «защиты прав человека», «гуманитарной интервенции» и т.п. установили негласный обычай международных отношений, согласно которому вмешательство в дела другого государства допустимо, если они считают его дисфункциональным.¹ Практика показала, что большинство таких действий оканчивались для «облагодетельствованных» государств колоссальными экономическими и социальными потерями.

Один из примеров неадекватного восприятия внутренних социально-политических конфликтов и аналогичную реакцию на них мы видим в отношениях западных стран и Ирана. В июле 2022 года власти Ирана, продолжая теократическую практику по расширению влияния религии на все сферы жизни общества, ввели очередные правовые ограничения (хеджаб-е иджбари), согласно которым все женщины в стране были обязаны носить головной платок, закрывающий волосы, что вызвало закономерное недовольство части населения.² Несмотря на то, что возникший конфликт был вызван, скорее, внутренними причинами и имел историческую подоплеку, ряд западных правительств в категоричной

¹ Ашавский Б.М. Принципы невмешательства во внутренние дела государств и уважения и соблюдения основных прав и свобод человека: границы дозволенного в процессе их взаимодействия // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики: материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова. М., 2016. С. 73-81

² Дунаева Е.В., Мамедова Н.М., Сажин В.И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. №4. «Институт востоковедения Российской академии наук», Москва, 2022. С. 9

форме призвали немедленно вмешаться в ситуацию и «спасти иранских женщин от тоталитарного гнета»¹, подкрепляя свои воззвания пропагандистской и финансовой поддержкой вспыхнувших вскоре беспорядков.

Между тем, практика установления в праве границ, в пределах которых люди могут носить одежду только определенного рода, для иранских властей не нова, имела место в иных исторических условиях и применялась, в том числе, правительством «прозападной» ориентации.

В частности, речь идет о 30-ых годах прошлого века, когда, опираясь на турецкий опыт и заключив, что европейская жизнь «прогрессивнее», чем мусульманская, персидский шах Реза Пехлеви попытался насильно вестернизировать государство. Среди прочих инициатив он установил правовые ограничения, регулирующие внешний вид населения, поскольку они затрагивали абсолютное большинство народа как социально, так и географически, и одновременно демонстрировали степень власти монарха над эстетическими, гендерными, этническими и религиозными представлениями подданных.²

Для реализации этих целей в 1929 году были изданы ряд указов, важнейший из которых в статье 1 предусматривал, что «все иранские подданные мужского пола, которые [не] обязаны носить специальную одежду в связи с работой в правительстве, должны ходить в формальной одежде внутри страны». Статья 2 этого же указа предусматривала исключения из этого правила для определенных групп населения: «1) Моджахеды, владеющие иджазами, предоставленными источниками подражания, и занимающиеся духовными вопросами. 2) Религиозные авторитеты в деревнях и районах, прошедшие специальную проверку. 3) Муфтии-сунниты, которые должны иметь лицензии от двух религиозных авторитетов суннитского течения. 4) Руководители молитв, отвечающие за михраб (направление молитвы) мечети. 5) Проповедники религиозных традиций, связанных с Пророком, после того как их знания будут подтверждены двумя моджахедами. 6) Студенты, изучающие фикх и усуль, которые смогут сдать экзамен по своей специальности. 7) Преподаватели мусульманского права и теологии. 8) Немусульманские священнослужители, проживающие в Иране». Таким образом, для исламского духовенства, невообразимого без соответствующей одежды, сделали исключение. Статья 3 предусматривала, что «жители городов, нарушающие закон, будут подвергнуты штрафу в размере от одного до пяти туманов или тюремному заключению на срок от одного до семи дней, а в тех случаях, когда они не проживают в городах, они будут приговорены к тюремному заключению на срок от одного до семи дней в соответствии с приговором по решению суда».³ Средства, изъятые у населения в виде штрафов, использовались муниципалитетом для приобретения формальной одежды для бедных. 26 января 1929 года министерство внутренних дел издало нормативный правовой акт, в котором разъяснялось значение термина «формальная одежда» и более точно определялись исключения из него, касающиеся священнослужителей. Статья 1 определяла это как ношение шляпы пехлеви и европейского костюма; статья 2 запрещала ношение любых других одеяний; а статья 5 возлагала на родителей ответственность за соблюдение новых правил их отпрысками мужского пола.⁴

Продолжая свою политику, шах издал указ с призывом «снять платок» (кашф-е хиджаб).⁵ Указом от 8 января 1936 года женщинам запретили появляться на публике в чадре или аналогичной этноконфессиональной одежде, чем частично исключили их из общественной жизни.

Власти пытались внедрить эти правила. Как сообщает Т. Атабаки, в Кермане местный начальник полиции распорядился, чтобы мужчинам, не носящим новую одежду, было запрещено посещать какие-либо общественные мероприятия или обслуживаться в кафе.⁶

Тем не менее, если вестернизация национального «дресс-кода» проходила успешно с приближенными правителя, высшими сословиями и чиновниками, то остальное население не имело ни возможностей, ни желания менять традиционные одежды на костюмы. Народ встретил инициативы шаха глухим сопротивлением,⁷ некоторая его часть пошла в тюрьму ради права ходить в традиционном наряде.⁸

Действительно, в Иране произошла вестернизация, но исключительно поверхностная, декоративная, а внутренняя сущность осталась неизменной. Вместе с тем, резкие и необдуманные преобразования, в которых не было особой нужды, нанесли сильный удар по веками устоявшимся

¹ World Leaders React To Death Of Hijab Victim, Protests In Iran [Electronic resource] // Iran International. 2022. URL: <https://www.iranintl.com/en/202209225700> (дата обращения: 14.04.2024).

² Saeidi E., Thompson A. Using Clothing to Unify a Country: The History of Reza Shah's Dress Reform in Iran. Ames: Iowa State University, Digital Repository, 2013. P. 31.

³ Donald W., Reza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran 1878–1944 // Hicksville, NY: Exposition Press, 1975. P. 138–39.

⁴ Ibid. P. 139.

⁵ Chehabi H.E. The Banning of the Veil and its Consequences, [in:] The Making of Modern Iran, ed. by S. Cronin, 2003. p. 193–210

⁶ Atabaki T., Zürcher E.J. Men of Order: Authoritarian Modernization Under Atatrk and Reza Shah. London: I.B.Tauris, 2003. p. 219

⁷ Fullerton A. To Persia for Flowers // Oxford: Oxford University Press. 1938. p. 157–58.

⁸ Burrell R.M. Iran Political Diaries 1881–1965, Volume 10, Michigan University. 2008, p. 28.

народным традициям и обычаям, прибавляя к старым проблемам новые. Общество разделилось на два отдельных лагеря - народ, проживающий вне крупных городов и подражательную Западу немногочисленную элиту. Конфликт сторонников и противников запрета на ношение религиозной одежды будет находиться в центре политического и культурного дискурса вплоть до наших дней, символизируя собой переход от старой системы общественных отношений к новой и наоборот.

Как бы то ни было, политика установления правовых ограничений, регулирующих вопросы внешнего вида, в современном Иране является прямым продолжением традиционных практик, демонстрирующих траекторию развития государства на данный исторический момент. Если для Шахского Ирана она заключалась в региональном доминировании и стремительной европеизации, то для современной иранской теократической республики - в создании общества, основанного на исламских принципах и ценностях. Несомненно, в будущем сторонники западных ценностей и традиционных найдут общий язык, научатся искусству бескровного разрешения внутренних противоречий, но для того чтобы это произошло иранскому обществу нужно время стабильного поступательного развития без внешнего вмешательства.¹

¹ Zaborowska M. From Compulsory Unveiling (kashf-e hejab) to Compulsory Veiling (hejab-e ejbari). Hejab in the Iranian Perspective, in: *Politics and Society in the Islamic World*, Izabela Kończak, Magdalena Lewicka, Marta Widy-Behiesse (eds.), Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego 2016. P. 229

Юридические пределы правового эксперимента

The legal limits of law experiment

Аннотация: В статье освещается важность и актуальность применения правового эксперимента в различных сферах современного законодательства Российской Федерации. Особое внимание уделяется изучению функции правового эксперимента как инструмента, позволяющего законодательству адаптироваться к изменениям в различных сферах. Автор акцентирует внимание на важности применения экспериментальных методик в правовом регулировании для оценки эффективности и соответствия действительности законодательства Российской Федерации. Рассматриваются вопросы законности и этичности применения правового эксперимента.

Ключевые слова: правовой эксперимент, метод регулирования, правовые ограничения.

Abstract: The article highlights the importance and relevance of the application of legal experiment in various areas of modern legislation of the Russian Federation. Special attention is paid to the study of the function of legal experiment as a tool that allows legislation to adapt to changes in various fields. The author also focuses on the importance of using experimental techniques in legal regulation to assess the effectiveness and compliance with the validity of the legislation of the Russian Federation. The issues of legality and ethics of the application of the legal experiment are considered.

Keywords: Legal experiment, method of regulation, legal restrictions.

На сегодняшний день интенсивный технологический рост и социальные трансформации, создали весьма динамичную общественную среду, которая с внедрением современных информационных-телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь, только ускоряет изменения общественных отношений. Появились новые высокотехнологические области, регулирование которых законодателем затруднено, что обусловлено: недостаточным количеством информации, стремительными переменами и потенциальными рисками. Поэтому законодательство необходимо соответствующим образом адаптироваться к этим тенденциям, для более эффективного управления возникающими рисками и, в то же время, использовать новые возможности, появляющиеся в результате этих изменений.

В процессе нормотворчества возникает определённая «шаблонизация» и предсказуемость использования регуляторных инструментов. Это приводит к избытку однообразия в методах регулирования, которые не учитывают специфику и разнообразие объекта управления, его ограниченную отзывчивость к применяемым мерам или, наоборот, уязвимость к деструктивному воздействию несогласованных правовых вмешательств. К тому же, традиционные, стандартизированные подходы не всегда эффективны при разработке плановых моделей новых норм. В таком случае эффективным может быть использование испытательных, ограниченных мер регулирования, которые позволяют оценить эффективность основной идеи регулирования, воплощенной в новом или предполагаемом нормативном акте, который будет функционировать на практике. Это и есть суть правового эксперимента: правовое регулирование испытывается в определенной форме и объеме, чтобы посредством апробации (а не только теоретических предположений) собрать данные о его эффективности, соответствии, релевантности и качестве. Целью такого тестирования является, при его успешном завершении, расширение этого регулирования на полный объем предполагаемой к урегулированию области и с полной прогнозируемой нагрузкой¹.

Одним из возможных инструментов решения вышеуказанных задач является правовой эксперимент. Использование этого метода обусловлено постепенным внедрением инновационных

¹ См: Дегтярев М. В. Некоторые размышления о правовой природе и онтологии регуляторного эксперимента //Аграрное и земельное право. 2022. №. 2 (206). С. 149.

технологий¹ и апробации современных методов правового регулирования², с целью соответствия правовой действительности сложившимся общественным отношениям. Он выполняет функцию оценки эффективности применения правовых норм на ограниченной территории, в ограниченное время и на ограниченный круг лиц.

В этой связи нельзя не отметить, законность применения правового эксперимента. Несмотря на то, что слово «эксперимент» может вызвать некоторое опасение и справедливое негодование, почему некоторые люди становятся участниками эксперимента? Справедливо ли то, что некоторые получают определённые преференции от участия в эксперименте, а на некоторых дополнительно накладываются обязанности?

На эти вопросы можно ответить следующим образом, изначально, на основании общей правоспособности, граждане имеют разный по своему объёму и содержанию набор субъективных прав и обязанностей. Равенство статусов, само по себе, не исключает возможность применения специальных правовых норм. В своё очередь экспериментальные правовые нормы являются разновидностью специальных норм, поскольку они распространяется на ограниченный круг лиц и отличаются лишь своей специфической целью - апробации правовой нормы.

Так же необходимо сказать и о пределах сфер правового экспериментирования. Очевидно, существует ряд отраслей, проведение экспериментов в которых априори невозможно и отрасли, где возможность проведения эксперимента весьма спорна³. В частности, сложно представляется проведение правового эксперимента в сфере конституционного права, так как данная отрасль является базовой и проведение экспериментов в ней невозможно, при действующей Конституции.

Одним из весьма спорных вопросов является применение правового эксперимента в уголовно-правовой сфере. Так, многие ученые по-разному оценивают возможность и приделы экспериментирования для совершенствования уголовного законодательства. Одни из них считают, что проведение экспериментов в сфере, определяющей уголовную ответственность, вообще недопустимо. Другие ученые, допускают возможность экспериментов в данной сфере законодательства лишь таких экспериментов, которые направлены на снижение уголовной ответственности или её дифференциацию⁴. Но нельзя забывать об имеющемся опыте в этой сфере, в частности, можно вспомнить пилотный проект «поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних» по внедрению ювенальных судов и эксперимент по применению судов присяжных заседателей⁵, что говорит о том, что полностью отрицать возможность применения правового эксперимента в уголовно-правовой сфере весьма преждевременно.

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что правовой эксперимент является одним из перспективных регуляторов, который широко используется на сегодняшний момент. Но в тоже время, использование правового эксперимента имеет ряд правовых ограничений, как ввиду с его непосредственной спецификой (ограниченность в территории, ограниченность во времени, ограниченность в пространстве) так и связанные со сферой применения.

¹ О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств: постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 // Российская газета 2024, 11 апреля.

² Об утверждении Положения о порядке организации экспериментов, направленных на развитие федеральной государственной гражданской службы: указ Президента РФ от 31 августа 2020 г. № 536 // Российская газета 2024, 11 апреля.

³ См: Репьев А.Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №. 1 (97). С. 47.

⁴ См: Никитинский В. И., Самощенко И. С. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства. Юрид. лит., 1988. (301). С. 50.

⁵ См: Постановление ВС "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях" РФ от 16.07.1993 N 5451/1-1 (с изм. от 30.12.2001). Российская газета 2024, 11 апреля.

Мальцева Татьяна Владимировна
Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Maltseva Tatyana Vladimirovna
Adjunct Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of
the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: matlsewa2210@mail.ru

Правовое ограничение как средство реализации предупредительной функции права: законодательная характеристика

Legal restriction as a means of implementing the preventive function of law: legislative characteristics

Аннотация: В статье рассмотрена предупредительная функция права через реализацию правовых ограничений в отечественном законодательстве, которые являются эффективными средствами на предупреждение правонарушений. Целью статьи является выявление ограничительных особенностей предупредительной функции права.

Ключевые слова: предупредительная функция права, правовое ограничение, запрет, предупредительное воздействие, законодательство.

Annotation: The article examines the preventive function of law through the implementation of legal restrictions in domestic legislation, which are effective means of preventing offenses. The purpose of the article is to identify the restrictive features of the preventive function of law.

Keywords: preventive function of law, legal restriction, prohibition, preventive effect, legislation.

Право, как социально-правовая программа, определяет границы допустимого, обязательного и запретного, регулируя тем самым общественные отношения, и таким образом, осуществляется его функция предупреждения совершения противоправного деяния.

В современном обществе, независимо от действующей законодательной политики объективно повышается роль предупреждения – именно этот способ борьбы с неблагоприятными последствиями наиболее эффективен, поскольку обеспечивает безопасность общества при минимуме затрат. Что же касается предупреждения о недопустимости совершения правонарушений и преступлений, то оно играет особую роль – являясь формально предупредительной мерой воздействия, имеет как адресный характер, так и на неопределенный круг лиц.

Предупредительная функция права – это одна из основных функций правовой системы, которая направлена на предотвращение возможных правонарушений и преступлений. Традиционно, предупредительная функция права ассоциируется с недопущением совершения правонарушений путем установления мер ответственности за их совершение. Для реализации данной функции используются различные правовые средства – одна из них это ограничение.

Правовое ограничение разными учеными по-разному понимается¹. А.В. Малько, который наиболее глубоко и всесторонне подошел к изучению данной области, и определяет правовое ограничение как «сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; как установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать»².

При анализе отечественного законодательства предупредительное воздействие в контексте нормативных актов по сдерживанию противоправного поведения и установлению правовых ограничений определяется неоднозначно. Так, в части 1 статья 4 «Административные ограничения, устанавливаемые при

¹ См.: Ишук И.Н. Ограничение в праве: общетеоретический аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006. 180 с.; Куликов М.А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 159; Репьев А.Г. Преимущества, ограничения и исключения как средства административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 64-67; и др.

² См.: Малько А.В. Стимулы и ограничение в праве: теорет.-информ. аспект. автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 19.

административном надзоре» Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 64-ФЗ¹, закреплены не правовые ограничения, а исчерпывающий перечень запретов для поднадзорного лица, имеющий императивный характер по соблюдению указанных запретов. Исходя из буквального понимания, законодатель не видит разграничения между правовым ограничением и запретом. Необходимо согласиться с мнением А.Г. Репьевым, который обращает внимание на некоторое «пренебрежение» законодателя при использовании таких категорий как ограничение, запрет и обязанность². Тем не менее, предупредительная функция права в данном законе регулирует отношения между государством и адресатом на сдерживание рецидивной преступности.

Следующий законодательный акт, который несет в себе неясность в понимании ограничений как средство реализации предупредительного воздействия на адресата – Федеральный закон «О государственной службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ³. В статье 16 Закона регулируются ограничения, связанные с гражданской службой, где в части 1 указаны обстоятельства, в котором государственный служащий не праве находится на службе. В нашем понимании «не может находиться» означает как запрет. Отметим, что законодательный запрет тех или иных деяний далеко не всегда подкреплён соответствующими правовыми предписаниями. Данный Закон регулирует отношение на предупреждение коррупционных правонарушений и преступлений со стороны государственных служащих. Аналогичное содержание правовых ограничений так же указаны в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ⁴.

Следовательно, правовые ограничения для реализации предупредительной функции имеют виды в зависимости от контекста, в котором они применяются в законодательстве:

1. по ограничению свободы;
2. по ограничению прав;
3. по ограничению доступа;
4. по ограничению деятельности;
5. по ограничению ответственности;
6. по ограничению возможностей;
7. по ограничению времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель ненамеренно искажает понимание правового ограничения, но для эффективности реализации предупредительной функции права, необходима ясность и доступность норм закона.

Законодательные акты, определяющие правовые ограничения должны написаны ясным и понятным языком, чтобы обеспечить их понимание всеми участниками правоотношений. Это способствует лучшему осознанию возможных юридических последствий действий или бездействия.

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (Дата обращения: 15.04.2024)

² См.: Репьев А.Г. Запреты и временные ограничения прав лиц, находящихся под административном надзором, как средство обеспечения правопорядка // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32).

³ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (Дата обращения: 15.04.2024)

⁴ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (Дата обращения: 15.04.2024)

Нефедова Евгения Валерьевна
аспирант кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС

Nefedova Evgeniya Valeryevna
Postgraduate student of the Department of Theory and History of Law and State of the South Russian Institute of Management, a branch of the RANEPA

E-mail: jenyaaanefedova@mail.ru

Квота как форма правового ограничения

Quota as a form of legal restriction

Аннотация: автор предпринимает попытку изучения такой популярной на сегодняшний день формы правового ограничения, как квота. Аргументируется тезис, что несмотря на существующее в науке понимание квоты как формы улучшения правового положения субъекта, ее сущностное восприятие наполнено и регулятивным потенциалом правового ограничения. На основе анализа нормативных правовых актов, интерпретационных и правореализационных документов констатируется, что квота проявляет свою правоограничительную сущность, с одной стороны, путем сдерживания поведения субъектов за счет установления каких-либо количественных и качественных границ допустимого потребления благ, а с другой стороны, в свете трансформируемых закономерностей развития права и государства (в частности, в рамках кризиса международных отношений и необходимости защиты национальных интересов). Доказывается, что определяя квоту в качестве средства сдерживания нежелательного поведения субъектов, государство преследует цель установления правового порядка, соблюдения прав человека, создания максимально справедливого режима распределения благ.

Ключевые слова: правовое ограничение, квота, лимит, правовое регулирование, правовое преимущество.

Abstract: The author attempts to study such a popular form of legal restriction as a quota. The thesis is argued that despite the scientific understanding of quotas as a form of improving the legal status of a subject, its essential perception is filled with the regulatory potential of legal restrictions. Based on the analysis of normative legal acts, interpretative and legal implementation documents, it is stated that the quota manifests its law-limiting essence, on the one hand, by restraining the behavior of subjects by establishing any quantitative and qualitative boundaries of permissible consumption of goods, and on the other hand, in the light of transformable patterns of development of law and the state (in particular, in within the framework of the crisis of international relations and the need to protect national interests). It is proved that by defining a quota as a means of deterring undesirable behavior of subjects, the state pursues the goal of establishing a legal order, respect for human rights, and creating the most equitable regime for the distribution of benefits.

Keywords: legal restriction, quota, limit, legal regulation, legal advantage.

Термин «квота» сегодня весьма популярен в юридическом и экономическом тезаурусе. Полагаем, многим известно о существовании, например, квот для иностранных рабочих, квот, выделяемых для оказания высокотехнологичной медицинской помощи, квот для поступающих в образовательные организации и пр.

Наличие такого разнообразия квот в законодательстве является свидетельством соответствующей правовой политики государства, по-видимому, направленной на диалектическое и совместное дозвольтельное и ограничительное воздействие на социум. Подобный вывод следует из того, что феномен «квота» сочетает в себе оба обозначенных функциональных вектора.

Так, с одной стороны, в наше время активно применяются квоты, направленные на стимулирование социально-активного поведения человека, обеспечивающие создание условий самореализации личности, достижения повышенных показателей в своей деятельности. К примеру, наиболее подготовленные и мотивированные абитуриенты, доказавшие потенциальному работодателю свою заинтересованность в получении профессии, могут рассчитывать на получение целевой квоты на обучение¹.

¹ Постановление Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1681 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (вместе с «Положением о целевом обучении по

С другой стороны, аппарат власти и публичного управления прибегает к квотам для установления правовых ограничений поведения субъектов, вводя различного рода лимиты (потребления природных ресурсов, использования результатов производственной деятельности и т.д.), что позволяет за счет механизмов выравнивания правового положения различных субъектов добиться повышения общего благосостояния населения, улучшить качество получения услуг, что служит базисом зрелого гражданского общества. Так, для удовлетворения личных нужд участники соответствующих правоотношений могут ознакомиться с установленными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации квотами использования объектов животного мира, добычи (вылова) водных биологических ресурсов¹.

Несмотря на сказанное, в юридической доктрине сложилось заузенное восприятие квот, которое лишь с одной стороны характеризует данный универсальный правовой феномен. В частности, А.Г. Репьев, исследуя систему правовых преимуществ выделил среди них и квоты, которые, по его мнению, представляют собой «нормативно установленное закрепление за определенным субъектом преимуществ в реализации прав на получение каких-либо благ, владение, пользование или распоряжение ими за счет выделения их гарантированной части, доли»².

Как было сказано выше, в нашем понимании представленная точка зрения излишне рельефно отражает такой характер квот, как направленность на улучшение правового положения субъекта, т.е. получение преимуществ в правах и свободах. Мы видим в правовом воздействии квот достаточно серьезный правоограничительный потенциал. К слову сказать, отдельные авторы при упоминании квот целенаправленно создают связку с ограничениями, именуя такие законодательные формы воздействия на общественные отношения, как «квотные ограничения»³, что видится лексическим плеоназмом.

Попробуем тезисно аргументировать необходимость восприятия квот не только в русле юридического преимущества, но и правового ограничения.

Во-первых, организационно-правовой механизм сдерживания нежелательного для государства поведения – крайне важная, если не основная составляющая квотирования. В особенности она проявляется при необходимости подстроиться под изменяющиеся, трансформируемые закономерности развития правовых отношений, в частности международных. Так, на фоне событий, вызванных недружественным поведением ряда государств, Российская Федерация ввела в качестве вынужденной меры квоты на экспорт металла⁴. При этом, подобное ограничение, объективируемое в виде квот, служит важным регулятивным средством, сдерживая рост цен на металл на внутреннем рынке.

Во-вторых, правоограничительный потенциал квоты раскрывается в сдерживании поведения субъектов путем установления каких-либо количественных и качественных показателей. Так, единым ведомственным нормативным правовым актом определяются и количественные объемы забора водных ресурсов из водного объекта и качественные характеристики такого изъятия⁵. Отдельные решения органов судебной власти также упоминают квоты как объективацию количественных и качественных ограничений чего-либо⁶.

В-третьих, определяя квоту в качестве средства сдерживания нежелательного поведения участников правоотношений государство преследует цель установления правового порядка, соблюдения прав человека, создания максимально справедливого режима распределения благ, соизмеримого с вносимым общественным и государственным вкладом, а также максимально широкое удовлетворение субъективных интересов и потребностей. В этой связи, квоты не должны ассоциироваться у общества с ущемлениями прав и свобод, нарушением равенства, попыткой дискриминационного воздействия.

образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», «Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета») (в ред. от 28 сентября 2023 г.) // Собрание законодательства РФ 2020, № 43, ст. 6783.

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 14 февраля 2024 г.), ст. 333.2 // Собрание законодательства РФ 2000, № 32, ст. 3340; 2024, № 8, ст. 1035.

² Репьев А.Г. «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 39.

³ См.: Зайцева Е.С. Экспертиза как средство установления пределов правового регулирования // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 300.

⁴ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 2022 г. № 1358 «О введении тарифной квоты на вывоз за пределы территории Российской Федерации отходов и лома черных металлов в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, и внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза» // Собрание законодательства РФ 2022, № 32, ст. 5834.

⁵ См.: Приказ Росводресурсов от 25 февраля 2010 г. № 32 «Об установлении лимитов (предельных объемов) и квот забора (изъятия) водных ресурсов из водного объекта и сброса сточных вод на период с 2010 по 2012 год» (в ред. от 6 ноября 2012 г.) // Российская газета 2010, 2 апр.

⁶ Обзор влияния практики Суда Евразийского экономического союза на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику в ЕАЭС (подготовлен Судом Евразийского экономического союза) // СПС «Консультант Плюс».

Посредством квот, как формы правового ограничения, соединяются две проекции регулятивного воздействия на субъекта:

- внешнее, путем нормативного закрепления предельной допустимости получения каких-либо благ и доведение данной информации до адресата;

- внутреннее, проистекающее в сознании участников правоотношений, вынужденных действовать в рамках установленных границ, объемах допустимого поведения.

Таким образом, квота выступает формой, а правовое ограничение – содержанием. Нормативное установление квот по своему потенциалу соответствует превентивной функции права, указывает правоприменителю на допустимые варианты правового поведения, соизмеряя их с установленными границами.

Плешаков Евгений Александрович
старший преподаватель кафедры судебной и прокурорской
деятельности Нижегородского исследовательского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

Pleshakov Evgeny Aleksandrovich
Senior lecturer of the Department of Judicial and Prosecutorial Activity
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

E-mail: law_pleshakov@mail.ru

**Международное сотрудничество в юридической науке и практике
во второй половине XIX в. (по материалам специализированной периодики)**

**International cooperation in legal science and practice
in the second half of the 19th century
(according to the materials of specialized periodicals)**

Аннотация: автор предпринимает попытку анализа современных тенденций установления правовых ограничений в рамках проводимой политики. Доказывается, что органы публичного управления, несмотря на общий посыл по стимулированию гражданской активности, поощрению правовой инициативы со стороны общества, между тем задействуют также и весь имеющийся арсенал форм сдерживания нежелательного поведения субъектов правоотношений. Подвергнув изучению тексты выступлений Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты, акты интерпретации, выдвигаются и аргументируются доводы в пользу включения в систему правовых ограничений приостановлений, изъятий, цензов. Доказывается, что использование приоритетов при осуществлении правоограничительной политики позволяет осуществить глубокую индивидуализацию и дифференциацию правового регулирования, обеспечить иерархическое построение ценностей общества и государства, что неминуемо приведет к укреплению правопорядка.

Ключевые слова: правовое ограничение, изъятие, приостановление, ценз, правовое регулирование.

Abstract: The author attempts to analyze current trends in the establishment of legal restrictions within the framework of the policy. It is proved that public administration bodies, despite the general message to stimulate civic engagement and encourage legal initiative on the part of society, thereby use the entire available arsenal of forms of deterrence of undesirable behavior of subjects of legal relations. Having studied the texts of speeches by the President of the Russian Federation, normative legal acts, acts of interpretation, arguments are put forward and argued in favor of including suspensions, exemptions, and censorship in the system of legal restrictions. It is proved that the use of priorities in the implementation of law enforcement policy allows for a deep individualization and differentiation of legal regulation, to ensure the hierarchical construction of values of society and the state, which will inevitably lead to the strengthening of law and order.

Keywords: legal restriction, withdrawal, suspension, censorship, legal regulation.

Формирование основных направлений правовой политики России на современном этапе строится при совокупном использовании доктринальных концепций и практико-ориентированных моделей их реализации. Несмотря на бытующее в политико-правовой науке мнение, что современная политика выстраивается в рамках либертарного дискурса, направлена в большей степени на поиски новых механизмов и средств утверждения максимальной свободы личности, ее правового стимулирования, поощрения¹, убеждены, что средства сдерживания нежелательного поведения субъектов по-прежнему находятся в фокусе внимания государства. По меткому выражению А.И. Солженицына, «существование общества “необузданных прав” невозможно. Устойчивость общества может быть достигнута не на равенстве сопротивлений, но на сознательном ограничении»².

¹ См., например: Баранов В.М. Критика законодательства как универсальное направление и особая разновидность правовой аналитики (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 39-49; Репьев А.Г. Правовая политика по установлению специальных норм социальной помощи и защиты субъектов с особым юридическим статусом // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 1. С. 39-48.

² Солженицын А. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения. // Литературная газета. 1990. № 38.

Как думается сложно найти более авторитетный источник получения информации о приоритетных, стратегических планах развития нашего государства, чем выступления национального политического лидера. Характерно, что Президент РФ достаточно часто для определения наиболее фундаментальных, главенствующих направлений реализации государственной политики употребляет лексему «приоритет». Сказанное объяснимо, поскольку в общеупотребительном значении выделить приоритеты означает определить главенствующее в общем, важнейшее среди всего массива, или иными словами, осуществить определенную дифференциацию и выстроить иерархию¹.

Так, в рамках послания Федеральному Собранию РФ в 2023 году в прямой постановке не менее шести раз глава государства произнес термин «приоритет»², а в рамках аналогичного конституционного института в нынешнем году юридическая лексема «приоритет» прозвучала уже десять раз. Кроме того, еще не менее десяти раз В. Путин заменил ее устоявшимися синонимами, по смыслу отражающими общенаучное понимание термина «приоритет»: «в первую очередь», «наиболее важно», «главная задача», «основное направление», «стратегическая задача», «ориентир всего государства» и даже, «высокая миссия»³.

Изучение нормативных правовых актов, в том числе, утверждающих документы стратегического планирования (концепции, доктрины, программы и пр.), а также эмпирических данных, позволяет утверждать, что в рамках современной правовой политики России используется все многообразие форм правовых ограничений. При этом, их сущностная основа, целевые установки демонстрируют направленность отнюдь не на умаление прав и свобод и граждан. Даже на первый взгляд существующие правовые средства и механизмы сдерживания нежелательного поведения субъектов преследуют цели установления конституционного правопорядка, утверждение основополагающих принципов законности, справедливости, уважения прав и свобод граждан. Вероятно прав профессор Б.С. Эбзеев, указывающий на допустимость восприятия существующей системы правовой регламентации в качестве конституционализма, который, в свою очередь, выступает духовным направлением и практикой ограничения, но не прав человека, а государственной власти⁴.

Обозначим здесь, что мы придерживаемся широкой трактовки феномена «правовое ограничение», который в силу нормативного закрепления потребностей в уменьшении свободы поведения субъектов, приобретает различные формы объективации. Речь идет о приостановлениях, изъятиях, лимитах, цензах и пр.⁵

Так, *приостановление* расследования уголовного дела как форма правового ограничения, применяемая в рамках процессуальной деятельности следователя (дознателя), по справедливому мнению ученых⁶, выступает приоритетом прокурорского надзора и методом воплощения в практику принципа законности правосудия. За 2022 год всего прокурорами в Российской Федерации отменено 387214 постановлений о приостановлении предварительного расследования⁷, что наглядно демонстрирует количественные показатели деятельности по восстановлению прав участников уголовного судопроизводства.

Юридическая действительность демонстрирует и иные приоритетные направления объективации в общественных отношениях такой формы правового ограничения, как приостановление. В частности,

¹ Подробнее о правовой природе юридического приоритета и основных формах его проявления см.: Плешаков Е.А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 35-43; Плешаков Е.А. Юридический приоритет: необходимость разработки доктринальной концепции. Рецензия на диссертацию Н.Н. Хрони «Приоритетная обязанность в структуре специального правового статуса» (Москва, 2023. 220 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 198-208; Плешаков Е.А. Юридический приоритет и правовая аналитика: методологические и технико-юридические проблемы взаимовлияния // Юридическая техника. 2024. № 18: Материалы XXV Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Правовая аналитика: интеллектуальные технологии юридической деятельности» (Нижний Новгород, 20-23 сентября 2023 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2024. С. 266-275.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023 // Российская газета 2023, 22 февр.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29.02.2024 // Российская газета 2024, 1 марта.

⁴ См.: Эбзеев Б.С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 24.

⁵ О различных формах правовых ограничений см. подробнее: Баранов В.М. Государственная защита нравственности как цель правового ограничения (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 56-72; Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 5. С. 19; Репьев А.Г. Преимущества, ограничения и исключения как средства административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 64-67.

⁶ См.: Войтович А.П. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием в свете приказа Генерального прокурора РФ // Мировой судья. 2022. № 3. С. 10-13.

⁷ См.: Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. Генеральная прокуратура РФ – Официальный сайт [Электронный ресурс]. Путь доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 14.03.2024).

приоритет публичных обязанностей при приостановлении трудового договора¹, или приоритеты приостановления использования сетей связи и средств связи при угрозе возникновения и при возникновении чрезвычайных ситуаций², и др. Все они, как это не парадоксально, преследуют цели выстраивания паритета частных и публичных начал в праве, гармонизацию прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений, баланс интересов личности и государства.

Небезытересные тенденции приоритетов формирования и закрепления юридических ограничений в современной правовой политике России можно наблюдать на примере *изъятий*. Как известно, нормативные изъятия направлены на установление специального, отличающегося от общеустановленного порядка правового регулирования, как правило, путем ограничения действия общей правовой нормы. По словам профессора И.Н. Сеникина, нормы-изъятия создают исключения из общего правила, содержат отклонения от него³.

Установление приоритетов в части реализации такой формы правового ограничения как изъятия, – крайне важное направление современной отечественной правовой политики, особенно в условиях нарастающего давления со стороны недружественных стран, устоявшейся за последние годы «традиции» установления новых санкционных мер в экономике. Так, статьей 6 Конвенции о защите прав инвестора закреплён не только перечень изъятий, в соответствии с которым не подлежат приватизации, акционированию или иным формам разгосударствления конкретные отрасли, предприятия и организации, но и установлены соответствующие приоритеты, в рамках которых «вводятся льготные условия привлечения инвестиций»⁴.

В период проходящей (на момент подготовки материала) избирательной кампании по выборам Президента РФ, крайне актуальным является рассмотрение приоритетов через призму такой формы правового ограничения, как *цензы*. Речь идет о том, что в нашей стране, с учетом необходимости упрочения демократических начал формирования органов государственной власти, не первый год остро стоит вопрос определения избирательных цензов. По меткому выражению ряда специалистов, это «приоритетная практико-ориентированная проблема»⁵. Цenz, как известно, это условие, ограничивающее участие кого-либо в осуществлении собственных права⁶. Речь может идти не только о вышеобозначенных политических правах, но и, к примеру, личных, таких как право на образование, или на занятие трудовой деятельностью.

Так, установление образовательных цензов традиционно выступает важным условием формирования высококвалифицированного кадрового ядра, отбора кандидатов для осуществления конкретной трудовой деятельности в узкой сфере общественных отношений. При этом, политика государства, направленная на установление подобных ограничений в форме образовательного ценза, нередко вызывает у гражданского общества дискриминационные ассоциации. Вместе с тем, верные интерпретационные акценты расставил Конституционный Суд РФ, указав, что государственная политика в области образования хотя и основывается на общедоступности, приоритетным направлением здесь должно выступать «установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)»⁷. В нашем понимании, это не только свидетельство или констатация достижения лицом определенного уровня компетентности, но самое главное, это еще и стимул к непрерывному самовоспитанию и обучению, совершенствованию своих навыков и умений.

Тезисно изложенный материал позволяет констатировать следующее.

¹ См., например: Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) «О системе государственной службы Российской Федерации», ст. 12.1 // Собрание законодательства РФ 2003, № 22, ст. 2063.

² Постановление Правительства РФ от 20.05.2022 № 921 «О приоритетном использовании, а также приостановлении или ограничении использования любых сетей связи и средств связи при угрозе возникновения и при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ 2022, № 22, ст. 3668.

³ См.: Сеникин И.Н. Специальные нормы советского права / под ред. проф. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 75.

⁴ Конвенция о защите прав инвестора (заключена в г. Москве 28.03.1997), ст. 6 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 1997. № 8.

⁵ Старостина И.А. Конституционная направленность обновления власти на основе выборов в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 51-56.

⁶ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3: Р-Я. М.: АСТ, Астрель, 2006. С. 793.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.05.2006 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы» // Собрание законодательства РФ 2006, № 22, ст. 2375.

Формирование и закрепление юридических ограничений в современной правовой политике России на основе правильно выбранных приоритетов, основывающихся на потребностях социума, позволяет адаптировать состояние политической сферы, экономики к новым вызовам.

В рамках современного государственного строительства органы публичной власти максимально задействуют всю систему правовых ограничений, что объективируется в закреплении в нормативных правовых актах приостановлений, изъятий, цензов и пр.

Несмотря на общерегулятивный потенциал всей системы правовых ограничений, направленный на сдерживание нежелательного поведения участников правоотношений, обоснованное определение приоритетов позволяет обеспечить стимулирующий, поощрительный потенциал лимитирования благ и возможностей различных субъектов.

Приоритеты формирования и закрепления юридических ограничений в современной правовой политике России отчетливо демонстрируют нацеленность государства на установление правового порядка, упрочение социальных начал осуществления публичной власти, путем юридической индивидуализации, дифференциации, использования иерархии ценностей государства и общества. Добиться этого позволяет научно-обоснованное, апробированное теорией и практикой использования приоритетов в праве.

Юридический приоритет, таким образом, представляет собой *средство дифференциации и иерархичного построения многообразия элементов правовой системы, на основе которого государство устанавливает различия относительно значимости элементов правовой системы (норм права, правовых институтов, правовых отношений, правового сознания, правовых статусов и пр.), а затем выстраивает внутреннюю иерархию опираясь на ценности общества и преследуемый интерес*¹.

¹ Плешаков Е.А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 40.

Плясунова Екатерина Сергеевна
ассистент кафедры публичного права юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

Plyasunova Ekaterina Sergeevna
assistant of the Department of Public Law of the Law Faculty of the
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Chuvash State University named after I.N. Ulyanov"

E-mail: plyasunova2000@mail.ru

Мораторий как форма законодательных ограничений на проведение контрольно-надзорных мероприятий на землях сельскохозяйственного назначения

The moratorium as a form of legislative restrictions on the conduct of control and supervisory activities on agricultural lands

Аннотация: автором анализируются законодательные ограничения, направленные на осуществление контрольно-надзорных мероприятий в области сельского хозяйства. Выявлены правовые аспекты моратория на проверки, рассмотрены основные этапы установления моратория в Российской Федерации. Проанализированы положительные и негативные аспекты применения «надзорных каникул».

Ключевые слова: мораторий, контрольно-надзорная деятельность, государственный надзор, надзорные каникулы.

Abstract: The author analyzes legislative restrictions aimed at implementing control and supervisory measures in the field of agriculture. The legal aspects of the moratorium on inspections are identified, and the main stages of establishing a moratorium in the Russian Federation are considered. The positive and negative aspects of the use of "supervisory holidays" are analyzed.

Keywords: moratorium, control and supervisory activities, state supervision, supervisory holidays.

Понятие мораторий в российском праве встречается в разных областях: уголовном, гражданском, финансовом и других отраслях права. Наиболее распространенное использование термина приходится на сферу финансов и банкротства. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» дает следующее определение мораторию: приостановление исполнения должником денежных обязательств и уплаты обязательных платежей, которое применяется для поддержания стабильности экономики в особых случаях, таких как чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, кардинальное изменение курса рубля и подобные обстоятельства¹.

Последние пять лет мораторий стал неотъемлемой частью жизни всей контрольно-надзорной сферы, охватывая практически все виды деятельности. Появление и распространение COVID-19 положило начало затяжному мораторию, который в некоторых сферах продолжается до настоящего времени. В целях поддержки малого и среднего предпринимательства были приостановлены любые виды проверок, за исключением вопросов, несущих риски для жизни и здоровья граждан. Это решение позволило сохранить предприятия и рабочие места от пагубного воздействия массовой эпидемии². Коронавирусный мораторий привнес в контрольно-надзорную деятельность важную особенность: при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий стали активно использоваться различные цифровые технологии. Ковидный мораторий продлился до окончания пандемии, пока на смену ей не пришли санкции, вызванные специальной военной операцией, а потому возникла необходимость нового этапа «надзорных каникул». На основании проб и ошибок, в системе государственного контроля и надзора удалось выработать новый более совершенный по качеству, скорости и прозрачности механизм. В

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Собрание законодательства Российской Федерации 2002, 28 октября. № 43 ст. 4190.

² «План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» (утв. Правительством РФ 17.03.2020).

инструментарий контрольно-надзорных органов добавились обязательное применение риск-ориентированного подхода и цифровая платформа, фиксирующая все контрольные мероприятия. Кроме материально-технических нововведений, мораторий 2022 года начал затрагивать не только малый и средний бизнес, но и остальных субъектов предпринимательства.

Согласно Постановлению Правительства РФ, № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» был введен мораторий на проведение плановых проверок и установлены ограничения на проведение внеплановых проверок для поддержки всего российского бизнеса. Благодаря нововведениям внеплановые проверочные мероприятия стали осуществляться только в случаях угрозы жизни и здоровью граждан, безопасности страны, а также в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и только с согласия органов прокуратуры. При возникновении вышеописанных ситуаций на предприятиях повышенного класса опасности, контролирующие органы вправе незамедлительно, без согласия прокуратуры, приступить к проведению внеплановых мероприятий с последующим извещением. Либо без согласования органов прокуратуры по поручению Президента, Председателя Правительства и его Заместителя по требованию прокурора, при представлении контролируемым лицом сведений об исполнении предписания в целях возобновления ранее приостановленного действия лицензии, аккредитации или иного документа, имеющего разрешительный характер¹. Изначально такие нововведения планировались только до конца 2022 года, однако мораторий хорошо себя зарекомендовал, так как снизил количество проверок в пять раз по сравнению с 2019 годом. Снижение административной нагрузки позволило субъектам предпринимательства сэкономить более 80 млрд. рублей, такие данные привел Минэкономразвития в 2022 году. Таким образом, благодаря существенным административным послаблениям субъекты бизнеса смогли направить имеющиеся ресурсы на решение насущных задач, необходимых для подъема экономики и рыночного сектора. Позже Постановлением Правительства от 14 декабря 2023 года №2140 надзорные каникулы были продлены до конца 2024 года². Возникает вполне логичный вопрос – насколько такие ограничения совместимы с термином «мораторий»?

По мнению А.В. Мартынова и В.В. Черникова установление обстоятельств, которые допускают проведение внеплановых проверок не может расцениваться как мораторий, так как Постановление устанавливает конкретные ситуации, при которых проведение контрольно-надзорных мероприятий допустимо, что по своей сути не является временным приостановлением проверочных мероприятий³. Вероятно, целесообразнее было бы внести поправки, затрагивающие новый подход в контрольно-надзорной деятельности, чтобы он органично работал в связке с риск-ориентированным подходом, вместо постоянного продления моратория.

К тому же, у моратория, как показала практика, имеется ряд существенных недостатков. По мнению Ю.А. Браташовой мораторий на проверки хоть и сократил количество плановых проверок, но вместе с тем увеличил количество внеплановых⁴. Если до моратория предприниматели могли ознакомиться с планом проверок в едином реестре и подготовиться к ней, то теперь сделать это стало существенно труднее. Изначально предполагалось, что «надзорные каникулы» являются подготовительным этапом к переходу к риск-ориентированному подходу, однако после внедрения второго, мораторий продолжают продлевать, тем самым создавая дополнительную нагрузку на поднадзорные органы. Связано это с тем, что в большинстве случаев стали проводиться профилактические визиты, которые в отличие от проверок не ограничены в количестве. Так, например, в рамках государственного земельного надзора Россельхознадзором в 2023 году территориальными управлениями Россельхознадзора было проведено 58 957 контрольных (надзорных) мероприятий в отношении земель сельскохозяйственного значения, в то время, когда количество профилактических мероприятий осуществлено больше ста тысяч. Большая часть профилактических мероприятий проводилась в форме консультирования, которые осуществлялись посредством видеоконференцсвязи – 61 155 ед. Также было выдано более 40 тысяч предостережений о недопустимости нарушений обязательных требований. Более 6 млн. гектар земли было обследовано с воздуха с использованием беспилотных летательных аппаратов без взаимодействия с контролируемыми лицами⁵. Огромное

¹ Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля». Собрание законодательства Российской Федерации 2022, 14 марта. № 11 ст. 1715

² Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2023 № 2140 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336». Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 2023, 15 декабря. № 0001202312150035

³ Мартынов А.В., Черников В.В. Мораторий на проверки как специальный метод регулирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник ННГУ. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moratoriy-na-proverki-kak-spetsialnyy-metod-regulirovaniya-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti> (дата обращения: 04.04.2024).

⁴ Браташова Ю. А. Проблемы совершенствования системы государственного контроля в современных условиях // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – №. 11. – С. 28-33.

⁵ <https://fsvps.gov.ru/news/itogi-2023-zemelnyj-nadzor-i-vovlechenie-neispolzuemyh-uchastkov-v-oborot/> (Дата обращения 03.04.24)

количество профилактических мероприятий несомненно благотворно влияют на своевременное выявление нарушений земельного законодательства, однако такая ситуация не снижает нагрузку на поднадзорных субъектов, даже наоборот.

На наш взгляд, ситуация, которая сложилась сегодня не совсем подпадает под понятие «мораторий», так как временного приостановления деятельности не наблюдается. В словаре русского языка мораторий определяется как отсрочка или приостановление каких-либо действий, выполнения каких-либо обязательств, которая происходит в силу чрезвычайных обстоятельств¹. Данное определение не предполагает наличие исключений или обстоятельств, которые отменяли бы мораторий. Более того, в контрольно-надзорной деятельности исключить проведение проверок категорически невозможно. Полноценный мораторий на проверки чреват простоем в контрольно-надзорной деятельности и ухудшению состояния важных объектов. Если брать в пример государственный надзор за использованием земель сельскохозяйственного назначения, то отсутствие контроля даже на небольшой промежуток времени может привести к незаконному использованию земли, что повлечет за собой деградацию ценных земельных ресурсов и ущерб окружающей среде. Таким образом, напрашивается вывод – введение моратория на контрольно-надзорную деятельность требует внимательной оценки и осторожного подхода с учетом потенциальных рисков и выгод. Необходимо соблюдение баланса между временным приостановлением и результатами, которые преследует введение моратория. Считаем целесообразным отменить мораторий на проверки и направить силы в совершенствование риск-ориентированного подхода, который уже успел хорошо себя зарекомендовать.

¹ <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> (Дата обращения 04.04.24)

Правовые ограничения внедрения цифровых платформ в системы социального обеспечения: аспекты цифровой трансформации

Legal restrictions on the introduction of digital platforms into social security systems: aspects of digital transformation

Аннотация: Необходимость непрерывного развития и улучшения систем функционирования социального обеспечения обусловлена тем, что данный институт является основной мерой государственной поддержки граждан. Статья представляет важную тему о внедрении цифровых платформ в системы социальной поддержки населения, их роль в цифровой трансформации, а также о правовых ограничениях, связанных с вышеуказанным нововведением. Произведен анализ преимуществ и вызовов, связанных с данным процессом, а также описаны практические шаги по успешному внедрению инноваций в рассматриваемую сферу. В статье также обсуждаются тенденции и перспективы развития цифровых платформ в данной области и их влияние на повышение эффективности и доступности социальных услуг для населения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая платформа, цифровизация, социальное обеспечение, государство, население, государственная поддержка, правовые ограничения.

Abstract: The need for continuous development and improvement of social security systems is due to the fact that this institution is the main measure of state support for citizens. The article presents an important topic about the introduction of digital platforms in social support systems, their role in digital transformation, as well as the legal restrictions associated with the above innovation. An analysis of the advantages and challenges associated with this process is made, and practical steps for the successful implementation of innovations in the area under consideration are described. The article also discusses trends and prospects for the development of digital platforms in this area and their impact on increasing the efficiency and accessibility of social services for the population.

Keywords: digital transformation, digital platform, digitalization, social security, state, population, government support, legal restrictions.

За последнее десятилетие социальная сфера претерпевает изменения посредством цифровой трансформации, с развитием которой появляются новые возможности и улучшения для граждан и государственных органов. Поскольку социальное обеспечение является основной мерой государственной поддержки граждан, существует необходимость непрерывного развития¹ и улучшения систем функционирования данного института. Постепенно увеличивается количество категорий граждан, которым предоставляются меры социальной поддержки, а также происходит расширение перечня и модернизация самих мер. В связи с этим возникает потребность в автоматизации механизмов предоставления социальных услуг. Процесс цифровой трансформации представляет собой механизм внедрения цифровых технологий и инноваций для улучшения эффективности, доступности и качества предоставления социальных услуг гражданам. Важным шагом в направлении улучшения качества жизни людей и оптимизации работы систем социального обеспечения является внедрение цифровых платформ. С 1 января 2024 года в России началось постепенное создание Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере², которая позволит обеспечить комплексный подход к реализации процессов, необходимых для назначения и предоставления мер социальной поддержки.

Развитие и функционирование цифровых платформ в социальной сфере играют ключевую роль в улучшении качества жизни людей и оптимизации работы систем социального обеспечения. Новые

¹ Павленко Ю.С. Понятие, сущность цифровой трансформации социальной сферы // Вестник науки. 2024. №1 (70). С. 5

² <http://government.ru/news/50580/> (Дата обращения: 18.04.24)

разработки позволят гражданам получать доступ к социальным услугам онлайн, что значительно упростит процесс получения необходимой помощи. Одним из преимуществ является увеличение прозрачности работы систем социального обеспечения, что укрепит доверие граждан к государственным органам. Также будет упрощен процесс получения комплексной поддержки¹ посредством объединения различных видов социальных услуг в единой системе, что значительно облегчит жизнь лицам, для которых посещение государственных организаций в целях оформления и получения различного рода социальной помощи проблематично или невозможно (многодетные семьи, люди с ограниченными возможностями здоровья, пожилые люди). Улучшения коснутся и сотрудников систем государственной поддержки. Так, например, цифровые платформы позволят собирать и анализировать данные о предоставлении услуг, что поможет улучшить мониторинг процессов и принимать более обоснованные решения. Один из важных аспектов – автоматизация процессов. Постепенно внедряясь, цифровые платформы позволяют автоматизировать рутинные задачи, освобождая время специалистов для более качественного взаимодействия с клиентами и предоставления индивидуализированной помощи.

На основе анализа данного нововведения можно выделить ряд недоработок и трудностей, с которыми могут столкнуться пользователи. В частности – отсутствие полноценного и четкого правового регулирования. В нашей стране существует лишь несколько² нормативно – правовых актов, посвященных созданию, основной сути и функционированию единственной на данный момент цифровой платформы в области социального обеспечения³. Кроме того, отсутствие четкого и единообразного регулирования может создавать правовую неопределенность и способствовать возникновению различных споров между пользователями платформ и государственными органами. Необходима детальная разработка правовой базы, которая будет регламентировать наиболее узкие вопросы и проблемы функционирования внедряемых цифровых платформ.

Следующий аспект – риск утечки данных. Цифровая платформа в области социального обеспечения для более полного предоставления услуг содержит большое количество данных граждан, которым необходимо обеспечить конфиденциальность⁴. Самым надежным способом является разработка систем шифрования. К примеру, система Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере разработана на базе действующих информационных ресурсов. Следовательно, можно предположить, что система защиты данных основана по аналогичным принципам.

Необходимо отметить, что пожилые люди как категория граждан, получающих социальную помощь от государства, может столкнуться с различного рода трудностями. Большинство представителей старшего поколения не обладают умениями и навыками в использовании современных технологий, поэтому переход от живого общения к автоматизации в рассматриваемой сфере будет достаточно неудобен. В связи с этим возникает необходимость функционирования системы социального обеспечения в двух форматах: онлайн и офлайн. Также можно предложить создание специальной услуги предоставления помощи в пользовании данной платформой на дому сотрудниками организаций (к примеру, сотрудники Социального фонда России) или волонтерами. Данная услуга облегчит жизнь пожилых людей, в особенности одиноких.

Цифровые платформы в области социального обеспечения имеют тенденции и перспективы развития. Среди таковых можно выделить: улучшение доступности предоставляемых услуг; оптимизацию процессов, способствующую повышению эффективности работы органов социальной защиты и сокращению времени ожидания решения по запросам граждан; повышение качества обслуживания, к примеру, онлайн-консультации, возможность отслеживания статуса заявления и обратной связи с пользователем; развитие персонализированных услуг, способствующих более эффективному распределению ресурсов и повышению результативности социальных программ и использование аналитики данных, что поможет улучшить стратегическое планирование, а также принимать более обоснованные решения и повысить эффективность социального обеспечения в целом. Развитие цифровых платформ в области социального обеспечения имеет потенциал значительно улучшить доступность, эффективность и качество социальных услуг для населения⁵. Однако при этом необходимо учитывать вопросы кибербезопасности, защиты данных и обеспечения равного доступа ко

¹ <https://ac.gov.ru/news/page/27688> (Дата обращения: 18.04.24)

² Постановление Правительства РФ "О государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере" (вместе с "Положением о государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере") от 29 декабря 2023 N 2386. Российская газета 2023

³ Указ Президента Российской Федерации от «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.июля 2020 г. № 474.

⁴ Павленко Ю.С. Понятие, сущность цифровой трансформации социальной сферы // Вестник науки. 2024. №1 (70) С. 5

⁵ <http://government.ru/news/50580/> (Дата обращения: 18.04.2024)

всем гражданам, чтобы обеспечить справедливое и эффективное функционирование цифровых систем социального обеспечения ¹.

В заключение можно отметить, что внедрение цифровых платформ в системы социального обеспечения играет ключевую роль в цифровой трансформации данной сферы. Новые технологии способствуют улучшению доступности, эффективности и качества социальных услуг для населения, делая процессы более удобными и персонализированными. Однако для успешной реализации цифровой трансформации в системах социального обеспечения необходимо учитывать технологические аспекты, обеспечивать защиту данных, а также равный доступ для всех граждан. Только при соблюдении этих принципов можно достичь справедливого и эффективного функционирования цифровых платформ в области социального обеспечения. Таким образом, цифровые платформы представляют собой мощный инструмент для улучшения систем социального обеспечения, и их внедрение способствует повышению качества жизни граждан и оптимизации работы органов социальной защиты.

¹ Морозова М.А. Индикаторы цифровой трансформации социально- экономической сферы // Хроноэкономика. 2019. №1 (14). С. 12

Сергеев Илья Дмитриевич

ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, аспирант 1 курса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

Sergeev Ilya.Dmitievich

Assistant of the Department of Criminal Law and Procedure Faculty of Law 1st year graduate student National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod

E-mail: liazsid2@mail.ru

Проблема диссенсуса в определении понятия злоупотребление правом на защиту, ведущая к законным правовым ограничениям в УПК РФ

The problem of dissonance in defining the concept of abuse of the right to protection, leading to legitimate legal restrictions in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Аннотация: В статье рассматривается проблема диссенсуса, которая существует при определении понятия злоупотребление правом на защиту. Автор выявляет понятие злоупотребление правом на защиту, а также способы его правового ограничения. На основании различных правовых позиций автор проводит анализ данного явления и сравнивает позицию различных учёных в возможности правового ограничения злоупотребления правом на защиту. Также в результате исследования автор предлагает использовать правовой опыт Швейцарии. В результате проведенного исследования, автор выделяет доктринальные определения злоупотребления правом на защиту. Также был сделан вывод, что на основе существующих правовых позиций и всех представленных доктрин, с активным применением зарубежного опыта необходимо концептуализировать и нормативно провести модернизацию института злоупотребления правом на защиту в отечественном уголовном процессе, а конкретно законодательно установить рамки этого злоупотребления, а также выявить и закрепить само понятие и дефиницию злоупотребления правом на защиту в уголовном процессе.

Ключевые слова: диссенсус, правовое ограничение, злоупотребление, правоприменитель, правовед, защита, обвинение, уголовный процесс, судебная практика, принципы, судебная практика, рациональность.

Annotation: The article examines the issue of dissonance that arises in defining the concept of abuse of the right to protection. The author defines the concept of abuse of this right, as well as methods for its legal restriction. Based on various legal approaches, the author analyses this phenomenon and compares the opinions of different scholars on the possibility of legally restricting abuse of the right to protection. Additionally, as a result of the study, the author proposes using the legal experience of Switzerland. Following the conducted research, the author provides doctrinal definitions for abuse of the right to protection.. It was also determined that, based on existing legal positions and all the relevant doctrines, with active application of foreign experience, it is essential to conceptualize and legislate modernization of the institution of abuse of right to defense in national criminal proceedings. Specifically, it is necessary to establish the framework for such abuse at the legislative level, as well as to identify and consolidate the concept and definition of abuse of the right in criminal proceedings.

Keywords: dissension, abuse, legal restriction, law enforcement officer, jurist, defense, prosecution, criminal procedure, judicial practice, principles, judicial practice, rationality.

На сегодняшний день очень остро стоит вопрос как среди учёных правоведов уголовного процесса, так и в области уголовно-процессуального правоприменения, проблема диссенсуса при определении правовой дефиниции для такого понятия как злоупотребление правом на защиту и его законодательного урегулирования для того чтобы не допускать возможности такого злоупотребления ввиду необходимости соблюдения законных прав участников уголовного судопроизводства. Отметим, что активные споры ведутся в силу того, что УПК РФ не дает дефиницию злоупотребления правом на защиту, например, в ст.5 УПК РФ, которая посвящена основным понятиям уголовного судопроизводства, и которая могла бы логично содержать такое определение. Из-за этого часто можно наблюдать активные споры между

правоприменителями, которые отстаивают позицию стороны обвинения, а также оппонирующей им стороне защиты, из-за чего создается проблема невозможности ограничить данное право.

В связи с этим, важным фактором является изучение, зарубежного опыта, так, например, если изучить УПК Швейцарии, то можно заметить, что в указанном кодексе такое понятие как злоупотребления правом, введено в ранг принципов УПК 2007 г.¹. Стоит отметить, что указанный принцип является общим для любых видов злоупотребления правом, в силу чего он распространяется на всех участников уголовного судопроизводства, что не позволяет злоупотреблять тем или иным правом в принципе. Так, УПК Швейцарии пресекает попытки злоупотребления правом на защиту, так, например, можно выделить моменты, связанные с участием лица в судебных слушаниях, заявлении неуместных ходатайств, а также злоупотребления правом при ознакомлении с материалами дела.

Существует популярное мнение учёных правоведов, что необходимо внести изменения в Российский УПК, которые будут устанавливать принцип недопустимости злоупотребления любым правом, что также влечет за собой и не возможность злоупотребления правом на защиту, что было отмечено нами ранее. При этом всё это будет выступать сдерживающим фактором при определении участниками уголовного процесса возможности своего поведения, вычленив определённые критерии признания их действий недобросовестными, а также понять, как конкретно будут выстраиваться рамки допустимого юридического и этического поведения, что, следуя логике приведет к ограничению злоупотребления правом.

Однако, существует и альтернативная позиция, согласно которой положительных результатов от введения понятия и принципа таким как злоупотребление правом на защиту на практике ничего не даст, так как на сегодняшний день абсолютно достаточно существующих правовых институтов.

Если изучить второй подход, то действительно можно сказать, что для Российского уголовного процесса, данный институт раскрывается лишь в судебной практике². Отечественный законодатель в основном рассматривает данный вопрос в плоскости злоупотребления правом на защиту из-за чего и возникает проблема диссенсуса. Так можно выделить ряд факторов, которые и рассматриваются при злоупотреблении правом на защиту, а именно: необоснованные отказы от защитников с привлечением новых; действия стороны защиты по затягиванию сроков ознакомления с материалами дела; заявление немотивированных ходатайств и отводов, в том числе, повторных; непосредственное уклонение от явки в суд; недостойное поведение в рамках судебного заседания. Исходя из этого суды выработали определенную практику при разрешении недобросовестных действий защиты чтобы ограничить право на злоупотребление самим правом.

Стоит отметить, что некоторые моменты отражены и в УПК РФ так, например, согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ следователь может обратиться к суду с соответствующим ходатайством для ограничения времени ознакомления с материалами дела³. При всех аспектах нельзя говорить, что существующий механизм разрешает все проблемы, так как из-за отсутствия понятия злоупотребления правом на защиту возникают некоторые сложности, связанные с определением баланса между правом на защиту и обеспечением интересов правосудия, так как отсутствуют четкие ограничения. Если рассмотреть судебную практику, то можно сказать, что не всегда соблюдаются требование о обоснованности и мотивированности постановлений суда об установлении соответствующих ограничений ввиду размытости критериев признания адвокатом злоупотребления правом на защиту. Стоит отметить, что практике известен случай, когда судом была предпринята попытка ограничить в сроках ознакомления с материалами дела не только действующих в настоящий момент защитников, но и всех последующих - при их вступлении в уголовное дело⁴.

Изучив практику, а конкретно Постановление Пленума Верховного Суда от 30.06.2015 N 29, можно сделать вывод, что разъяснение Верховного Суда дает дефиницию искомого понятия, лишь в части. Так в пункте 18 данного постановления указано, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц⁵. Таким образом,

¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 411 с

² Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, 2012. № 43. С. 23.

³ Лизунов А., Лизунов А. Злоупотребление правом на защиту на этапе ознакомления с материалами уголовного дела // «Законность». 2018 г. № 10.

⁴ Трефилов А. А. Принципы уголовного процесса Швейцарии // Право. Журнал ВШЭ. — 2018. — № 2. — С. 170–192.

⁵ Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет– портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.02.2024).

суд отмечает то, что злоупотребление правом на защиту согласно части 3 статьи 17 Конституции РФ начинается лишь с момента, когда затронуты или ограничены права иных лиц¹.

В данном аспекте примечательна точка зрения стороны «обвинения». Правоведы, отстаивающие данную позицию, которые полагают, что существующих институтов вполне достаточно для пресечения злоупотребления правом на защиту, неуклонно апеллируют к позиции Верховного Суда, а также высказывают мнение, что есть определенный надзор со стороны суда за действиями защиты в уголовном процессе и это справедливо, поскольку, надзор, осуществляемый за следственными органами гораздо строже. По мнению учёных в этом и заключается определенный баланс, также они считают, что закрепление понятия «злоупотребление права на защиту» и введение правовых ограничений в УПК РФ позволит не допустить новых нарушений со стороны защиты так как недобросовестное поведение защитника может впоследствии приобрести те или иные новые формы, для превенции которых и необходимы нормы, которые четко закрепят понятие злоупотребления правом на защиту.

Мнение адвокатов, на данную позицию широко известно, сторона защиты полагает, что любые понятия и ограничения, связанные с «злоупотреблением правом на защиту» необходимо исключить из уголовного процесса вовсе, так как нигде не установлены пределы этого злоупотребления, более того это допускает субъективное мнение при определении действий защитника конкретным правоприменителем, что не может являться справедливым фактом. Учёные правоведы полагают, что в данном случае не учитывается специфика уголовного процесса, а также назначение уголовного процесса и его принципы, например, такие как состязательность. По мнению, ученых, если рассматривать позицию Верховного Суда, изложенную в его постановлении, то «Злоупотреблением правом на защиту» должны являться любые действия со стороны защиты, и особенно адвоката, так как возможность своей защиты лицом, в отношении которого ведется уголовное преследование, так или иначе будет пересекаться с действиями третьих лиц и затрагивать разные процессуальные права участников уголовного процесса, которые вступают в уголовное дело на каком-либо из этапов.

Если детально изучить две рассмотренные позиции, то можно заметить, что активные споры существуют лишь из-за того, что в Российском уголовном процессе отсутствует дефиниция и определение понятия злоупотребления правом на защиту, из-за чего невозможно законно ограничить данное право. Так можно констатировать, что разные стороны придут к консенсусу, если будет введено указанное нами понятие. При всём этом, стоит отметить, что на сегодняшний день, все участники правового спора сходятся во мнении, что существует ряд проблем, которые связаны с определением конкретных рамок злоупотребления правом на защиту, а именно вопрос, связанный с тем, с какого момента будет подтверждаться, то что произошло нарушение прав третьих лиц. В связи с этим необходимо проработать и определить конкретные меры и возможности поведения стороны защиты, а также указать их критерии, для признания того, что сторона воспользовалась злоупотреблением правом на защиту. Примером такого случая может служить необоснованный отказ обвиняемых от защитников по соглашению, влекущим за собой так называемую «конвейеризацию» защиты. На практике для ограничения таких случаев органы предварительного расследования и суды стали вопреки воле обвиняемых привлекать защитников по назначению, действующих наряду с защитниками по соглашению так называемую «двойную защиту» во избежание нарушения сроков, что породило ещё больше споров на практике.

Как упоминалось нами ранее, проблема диссенсуса в определении такого понятия как злоупотребление правом на защиту существует в силу того, что отсутствует какая-либо дефиниция в УПК РФ, которая позволяла бы проводить разграничения и на данный момент имеет исключительно субъективную оценку сторон уголовного процесса. В связи с этим можно обратиться к доктрине уголовного процесса и узнать какое определение дают правоведы. Так, например, В. П. Грибанов полагает, что злоупотребление правом – это форма реализации права, которая выходит за пределы, установленные законом². Обратимся к понятию данному О. И. Даровских, согласно его позиции «это деятельность участника уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, осуществляемая в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом, назначением и интересом самого участника процесса либо при отсутствии интереса, противоречащая интересам общества и государства и причиняющая, либо способная причинить вред или иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству»³ исходя из данных определений можно сделать вывод, что отечественным правоведам, достаточно сложно выйти за рамки где

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024, с изм. от 25.02.2024) // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.

² См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 243-О, Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2010 № 20-П, Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П, Определение № 1398-О от 27 июня 2017 г. и др.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

определяется правонарушение при попытке дать развернутую дефиницию и выделить конкретное определение, так как на наш взгляд указанные авторы достаточно узко ограничивают данное право.

Подводя итог, можно сказать, что проблема диссенсуса в определении понятия права на защиту и не возможность её эффективного ограничения существует, так как отсутствует само определение данного понятия, а также отсутствие четких законодательных границ и критериев, при учетывании рамок с какого конкретного юридического факта, процессуально начинается злоупотребление правом на защиту. Таким образом, стоит отметить, что было бы правильным решением на основе существующих правовых позиций и всех представленных доктрин, с активным применением зарубежного опыта концептуализировать и нормативно провести модернизацию института злоупотребления правом на защиту в отечественном уголовном процессе, а конкретно законодательно установить рамки этого злоупотребления, а также выявить и закрепить само понятие и дефиницию злоупотребления правом на защиту в уголовном процессе.

Сидорук Анастасия Юрьевна
*адъюнкт государственно-правовых дисциплин Академии управления
МВД России*

Sidoruk Anastasia Yuryevna
*Adjunct of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of
the Ministry of Internal Affairs of Russia*

E-mail: zhzhkaa@mail.ru

Критерии допустимости ограничения публичной власти

Criteria for the admissibility of limiting public power

Аннотация: Настоящая статья посвящена одной из актуальных проблем определения критериев допустимости ограничения публичной власти. Ведущая роль в разрешении проблемы принадлежит установлению системы оптимальных критериев допустимости в деятельности субъектов публичной власти в рамках формальных и материальных аспектов, что является одним из ключевых шагов к реализации демократических, правовых и социальных целей правового государства.

Ключевые слова: правовое воздействие, ограничения публичной власти, критерии допустимости ограничения публичной власти, права и свободы человека и гражданина.

Abstract: This article is devoted to one of the current problems of determining the criteria for the admissibility of limiting public power. The leading role in solving the problem belongs to the establishment of a system of optimal criteria for admissibility in the activities of subjects of public authority within the framework of formal and material aspects, which is one of the key steps towards the implementation of the democratic, legal and social goals of the rule of law.

Keywords: legal impact, restrictions on public power, criteria for the admissibility of restricting public power, human and civil rights and freedoms.

Проблема эффективности правового воздействия на общественные отношения приобретает все большее значение в современном российском обществе. Подчеркивается необходимость укрепления законности и верховенства права в процессе формирования демократического государства и гражданского общества. Ограничения публичной власти, закрепленные в государстве, играют ключевую роль в данной проблематике. Как считает Н.И. Матузов «предоставление всем одних только прав, без каких-либо обязанностей и ограничений означало бы фактически упразднение всякой свободы и демократии»¹, с чем мы безусловно согласны.

Ограничения в правах человека, общества и государства основаны на необходимости защиты интересов других лиц. Полномочия публичных органов и должностных лиц определяют границы допустимости ограничений, что делает абсолютную свободу невозможной. В обществе и государстве конституционный статус личности основан на установлении ограничений и регулировании ответственности, а также на возможности использования свободы. Личность обязана согласовывать свои поступки с общественными ценностями и в случае их нарушения подвергаться негативным санкциям (принуждению)².

В сфере теоретико-правовых исследований практически отсутствуют монографии, посвященные всестороннему анализу вопросов, связанных с содержанием понятия, природой, основаниями, формами, методами, пределами и классификацией ограничения прав и свобод граждан с использованием

¹ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность: юридическая литература / Н. И. Матузов. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. - С. 173.

² См.: Должиков А. В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук: 12.00.02. Тюмень, 2003. С. 31.

юридических средств¹, еще меньше работ рассматривающих особенности ограничения государства (публичной власти)².

Изучение ограничений в юридической науке проводится с учетом разнообразных подходов и точек зрения: правовых средств³; принципов и функций права⁴; правовых институтов⁵; механизма самоограничения власти⁶; исключения⁷; элемента правового статуса⁸; обязательного признака государственного принуждения⁹; свойства обеспечительных мер¹⁰.

По мнению А. В. Малько, правовые ограничения — «это правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; это исключение определенных возможностей в деятельности лиц»¹¹.

Для анализа указанной проблемы в данной статье необходимо установить, что под «ограничением публичной власти» понимается способ воздействия на государственные органы, который отражает необходимость ограничения установления и выполнения субъективных прав и юридических обязанностей власти. Это определение правовых рамок свободы субъектов публичной власти в общественном пространстве механизма правового регулирования — имеет целью целенаправленное управление правовой системой на всех уровнях ее функционирования.

Одной из наиболее актуальных проблем является определение критериев допустимости таких ограничений, поскольку она требует учета широкого спектра юридических, социальных и политических факторов. В контексте юридической науки критерий представляет собой теоретический инструмент, используемый для оценки успешности достижения правовыми нормами своих целей.

Вопросы, связанные с законностью, пропорциональностью и необходимостью ограничений, постоянно возникают в контексте современных вызовов, таких как национальная безопасность, общественное здравоохранение и защита конституционного строя. В Конституции Российской Федерации отсутствует четкая система критериев ограничения прав. Особенно важно отметить норму, которая предусматривает возможность ограничения основных прав федеральным законом только в случае необходимости для защиты некоторых конституционно-признаваемых целей (ст. 55, ч.3).

Оценка допустимости ограничения публичной власти может осуществляться через призму различных критериев¹², как формальных, так и материальных. Связь между позитивными и содержательными аспектами права определяет классификацию критериев, которые определяют допустимость ограничения публичной власти в рамках формальных и материальных аспектов.

Соблюдение прав человека, обеспечение стабильности и доступности законов, а также уважение достоинства личности и обоснованность равенства — основные формальные критерии допустимости ограничения публичной власти, которые определяют высокий уровень правовой защиты. Использование международных стандартов прав человека, соразмерность и сохранение сущностного содержания права

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько; Саратов. фил. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. - Второе изд., перераб. и доп. - Москва: Юристъ, 2005. - 248 с.; Беляева Г. С. Правовые ограничения и их институционализация в современном законодательстве: общетеоретическое исследование: монография / Г. С. Беляева, А. А. Умарова. - Москва: Юрлитинформ, 2021. - 141с.

² Вырлеева-Балаева О. С. Система правовых ограничений государственной власти современной России: теоретико-инструментальный и сравнительный анализ / Ольга Вырлеева-Балаева. 2012. - 281 с.; Милушева Т. В. Пределы деятельности государственной власти в России: вопросы теории и практики / Т. В. Милушева; под ред. О. И. Цыбулевской; М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Саратовская гос. акад. права". - Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2011. - 297 с.

³ Приходько И. М. Ограничения в российском праве: Проблемы теории и практики: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук 12.00.01 - Саратов, 2001. - 195 с.

⁴ Новиков М. В. Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук 12.00.01. - Владимир, 2004. - 171 с.

⁵ Умарова А. А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук 12.00.01 - Грозный, 2018. - 196 с.

⁶ Джавакян Г. З. Принцип разумной сдержанности как механизм ограничения власти в Российской Федерации: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук 12.00.02 - Москва, 2022. - 253 с.

⁷ Головистикова А. Н. Проблемы теории государства и права: учебник / А. Н. Головистикова, А. Ю. Дмитриев. — Москва.: Эксмо, 2005. — 824 с.; Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография / С. Ю. Суменков ; под ред. А. В. Малько. - Москва: Юрлитинформ, 2016. - 372 с.

⁸ Репьев А. Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук: 12.00.01 - Саратов, 2019. - 529 с.

⁹ Мельников В. А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел : монография / В. А. Мельников ; под ред. В. В. Денисенко ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Волгоградская акад. - Волгоград : Волгоградская акад. МВД России, 2013. - 422 с.

¹⁰ Фомин В. Ю. Обеспечительные меры в праве: теория, практика, техника: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук 5.1.1 - Нижний Новгород, 2024. — 254 с.

¹¹ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: Теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С. 59.

¹² См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 171–172; Конституционный статус гражданина / Отв. Ред. Б.Н. Топорнин. М., 1989. С. 40.

также играют важную роль в обеспечении гарантированности правовой защиты от произвола публичной власти, в виде материальных критериев.

Духовные и материальные блага, признанные человеком, обществом и государством в процессе исторического прогресса, занимают важное место среди основных прав, лежащих в основе материального критерия ограничения публичной власти. Оценка деятельности органов публичной власти основывается на материальных критериях, которые направлены на обеспечение прав человека и гражданина и учитывают иерархию конституционных ценностей. Необходимость соответствия содержанию законов, ограничивающих права, является одним из основных требований к правоприменительной деятельности.

Практика Конституционного Суда РФ является убедительным доказательством того, что деятельность органов публичной власти должна соответствовать содержательным требованиям. В частности, законодатель ограничен требованиями справедливости, соразмерности и другими конституционными и общими принципами права при нарушении основных прав (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г.)¹. Принцип уважения достоинства личности является ключевым материальным критерием, определяющим допустимость ограничений публичной власти. Этот принцип интегрирует и формирует конкретное содержание всей системы критериев, включая формальные. Государство имеет право ограничивать и защищать основные права, не умаляя их неотъемлемого и неотчуждаемого характера, что не противоречит их регулированию.

Одним из основных материальных критериев допустимости ограничения публичной власти является необходимость охраны государственного и общественного порядка, национальной безопасности, обеспечения обороны страны и сохранения суверенитета. Оценка правотворческой и правоприменительной активности государственных органов и лиц, занимающих должности в публичной сфере, строится на формальных критериях ограничения публичной власти, основанных на позитивистской теории права. Эти критерии направлены на проверку соблюдения норм права формальными аспектами, их юридической силой и процедурой принятия. По мнению Должикова А. В., «они обеспечивают стабильность и упорядоченность правового регулирования, предотвращая субъективизм законодателя и правоприменителя»². Для полноценной оценки допустимости ограничения публичной власти необходимо учитывать материальные критерии в сочетании с формальными критериями.

Соблюдение принципов права в современном обществе является необходимым условием для ограничения публичной власти. Среди них выделяются уважение достоинства личности, презумпция невиновности, справедливость, равенство, соразмерность, определенность и непротиворечивость законодательного регулирования. Эти принципы не только ограничивают власть, но и являются основой для соблюдения законности в обществе. Основными формальными критериями допустимости ограничения публичной власти, необходимо отметить:

- сохранение существа и реального содержания права;
- соразмерность ограничений публичной власти конституционно признаваемым целям (принцип пропорциональности и баланса публичных и частных интересов);
- обоснованность целей ограничения;
- приоритетность (важность) целей ограничения;
- соответствие степени общественной значимости целей ограничения.

Еще одним формальным критерием допустимости ограничения публичной власти являются международно-правовые нормы. В Основном законе нашего государства закрепляются нормы: характеризующие международное право, как элемент российской правовой системы (ч.4 ст. 15); признаются и гарантируются основные права согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч.1 ст.17). Система правовых норм в России включает международные договоры, которые согласно Конституции Российской Федерации, являются ее неотъемлемой частью. В случае несоответствия законов или других правовых актов международным договорам или общепризнанным нормам международного права, применяются правила, утвержденные этими договорами или нормами.

Следует признать точным высказывание А. В. Малько о необходимости международно-правовых норм для установления системы ограничения, «...но обязательно с определением целей и условий их применения, с тем чтобы, с одной стороны, выбить почву для произвола и злоупотребления властью со стороны чиновничества, а, с другой, - учитывая тенденцию российской правовой системы к интеграции с правовыми системами развитых стран, создавать общие механизмы реализации прав человека и их

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции"». Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

² См.: Должиков А. В. Конституционные критерии допустимости ограничения основных прав человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук: 12.00.02. Тюмень, 2003. С. 71.

ограничения»¹. В российском законодательстве оценка допустимости ограничения основных прав обеспечивается реализацией договорных норм, которые характеризуются формальностью, доступностью, стабильностью и общеобязательностью.

Стабильность и упорядоченность в законодательстве обеспечивают ограничения публичной власти, основанные на формальных критериях. Защита основных прав граждан от недопустимых вмешательств и посягательств - важная функция применения формальных критериев при оценке конституционности нормативных правовых актов. Субъективизм законодателей и правоприменителей предотвращается благодаря использованию формальных критериев, которые также способствуют предотвращению необоснованных вмешательств в права граждан и их объединений. Эффективность системы критериев допустимости ограничений публичной власти зависит от четких и универсальных критериев, которые должны быть разработаны с учетом меняющихся условий общественного и политического строя.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что проблемы и тенденции определения критериев ограничения публичной власти заключаются также в необходимости адаптации правовых систем к быстро меняющимся технологическим реалиям. В цифровую эпоху информационные технологии обеспечивают новые пути для расширения государственного вмешательства в частную жизнь. Это создаёт дополнительные риски злоупотребления властью и потенциально подрывает прочность фундаментальных прав и свобод. Учитывая эти факторы, будущее развития критериев допустимости ограничения публичной власти будет зависеть от способности социальных систем адаптироваться к меняющимся глобальным условиям и трансформировать правовые нормы в соответствии с непрерывно эволюционирующими принципами права и справедливости.

Перспективы разработки эффективных критериев допустимости ограничения публичной власти должны ориентироваться на комплексный подход, объединяющий правовые, социальные, экономические и этические аспекты. Учет актуальных научных исследований, международных стандартов и практик других стран будет способствовать поиску оптимальных форм ограничения власти. Перспективы урегулирования данной проблемы напрямую зависят от усовершенствования правового регулирования, в первую очередь, через конкретизацию норм и улучшение качества законотворческого процесса. Существенно важно, чтобы система критериев допустимости ограничения публичной власти выстраивалась, путем интегрирования в существующую правовую систему и была устойчива к изменениям политической конъюнктуры.

¹ См.: Малько А. В. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в проекте Конституции РФ // Государство и право. 1993. № 3. С.98.

Тихонова Елизавета Николаевна
старший преподаватель кафедры управления Нижегородской
академии МВД России

Tikhonova Elizaveta Nikolaevna
Senior Lecturer of the Department of Management Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: polia6608@yandex.ru

Служебные проверки в органах внутренних дел: правовые ограничения

Official inspections in the internal affairs bodies: legal restrictions

Аннотация: статья посвящена анализу типичных ошибок, допускаемых в ходе проведения служебных проверок в органах внутренних дел Российской Федерации, их негативным последствиям.

Ключевые слова: дисциплина, право, сотрудник полиции, служебная проверка, органы внутренних дел.

Abstract: The article is devoted to the analysis of typical mistakes made during official inspections in the internal affairs bodies of the Russian Federation, their negative consequences.

Keywords: discipline, law, police officer, internal affairs agencies.

Служебная дисциплина сотрудников находится на постоянном контроле руководителей всех уровней ОВД РФ, активно освещается в средствах массовой информации в рамках применения принципа публичности и открытости, содержащегося в статье 8 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹. При этом, формируя общественное мнение о нетерпимости к проявлениям коррупционной направленности, публикуются материалы как о достижениях государственных служащих, так и о фактах нарушений ими запретов и ограничений. Так, 02.04.2024 Министр внутренних дел России В.В. Колокольцев в своём докладе на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ заметил, что «по ряду ключевых направлений сохранились положительные тенденции. Сократилось число лиц, подвергнутых уголовному преследованию, допустивших проступки, а также грубые нарушения служебной дисциплины»².

К полицейским как к носителям публичной власти со стороны общества предъявляются повышенные репутационные требования в любом месте и времени суток. Данные требования ужесточились после реформы 2011 года. Однако, говорить о нулевых показателях данного критерия профессиональной деятельности в ближайшие годы не приходится.

В связи с этим, положения таких законодательных актов: Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации»³, Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»⁴, приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях

¹Статья 8. Деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-разыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций. Полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами.

²<https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-ministerstva-vnutrennikh-del-020424/> (дата обращения 07.05.2024).

³ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 // "Собрание законодательства РФ", 22.10.2012, N 43, ст. 5808.

⁴О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Российская газета. 2011. № 275.

Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ в обязательном порядке должны быть изучены каждым должностным лицом ОВД РФ. Неспроста в начале прохождения программ профессиональной подготовки, а также на первых курсах получения высшего юридического образования рабочими программами учебных дисциплин «Государственная служба в ОВД РФ» и «Прохождение службы в ОВД РФ» целые занятия посвящены изучению института служебной проверки.

Процессуальные и материальные нормы служебной проверки должны быть ясны до ее начала обеим сторонам (руководителю, назначившему служебную проверку, и ее исполнителю с одной стороны, а с другой - лицу, в отношении которого она проводится).

Встречающиеся на практике нарушения, допускаемые при проведении служебной проверки, многообразны по своей форме и содержанию. Они могут быть как значительными, влекущими признание ее резолютивной части незаконными, так и несущественными (например, технические ошибки).

Более чем 5-летний практический опыт автора в должности сотрудника, проводившего служебные проверки, позволяет говорить о том, что в ряде случаев исполнителями служебных проверок допускаются подмены понятий: факты нарушения действующего законодательства РФ (административного или уголовного) признаются дисциплинарными проступками и, соответственно, влекут за собой наложение дисциплинарной взысканий. Одним из возможных факторов подобных явлений может быть умышленное сокрытие факта совершения административного правонарушения/преступления лицом, которому надлежит установить обстоятельства произошедшего (например, личная заинтересованность, вызванная близкими отношениями с тем, в отношении кого проводится служебная проверка).

Другой возможной причиной, влекущей такой негативный результат, может служить халатность и безответственность при проведении служебного расследования. Впоследствии описываемые факты устанавливаются вышестоящими должностными лицами в рамках ведомственного контроля, а также прокуратурой или судом. Кроме того, встречаются и обратные ситуации, когда с целью исключения граждан из числа сотрудников правоохранительной службы события, в которые оказались вовлечены последние, трактуются проступками, порочащими честь сотрудника органа внутренних дел Российской Федерации.

Например, решением судьи районного суда г.Н.Новгорода от 19 мая 2023 года иски требования А. к территориальному органу о признании незаконным заключения по результатам служебной проверки, признании незаконным и отмене приказа об увольнении, восстановлении на службе, взыскании денежного довольствия за время вынужденного прогула отчасти были удовлетворены: приказ территориального органа об увольнении А. со службы из органов внутренних дел РФ признан незаконным; принято решение о восстановлении в ранее занимаемой должности на службе А.; принято решение о взыскании в пользу последнего заработной платы за время вынужденного прогула. Согласно описательной части решения суда, одним из оснований для принятия такого решения послужило, в том числе, то, что материалами служебной проверки, представленными в суд, не подтверждается совершение А. проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел².

Притом, на момент утверждения заключения служебной проверки по материалу проверки в отделе полиции, в рамках которого устанавливались обстоятельства случившегося события, расцененного представителем работодателя проступком, порочащим честь сотрудника ОВД, процессуальное решение еще не было принято.

Действующим законодательством РФ не предусмотрены процедуры приостановления и возобновления срока проведения служебной проверки. Хотя, в подобных случаях было бы весьма логичным дожидаться принятия процессуального решения компетентным органом, а уже после, беря решение за основу, утверждать выводы служебной проверки. В приказе МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» закреплено только какие временные периоды не входят в срок проведения служебной проверки (при наличии уважительных причин отсутствия на службе)³. Необходимость нормативного закрепления данных процедур неоднократно освещалась в трудах ученых, например, Беляевой Е.Г. в диссертационном исследовании⁴.

Кроме того, в приведенном в качестве примера решении суда был признан факт нарушения сотрудником, проводившим такую проверку, статьи 9 приказа МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об

¹ Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 (ред. от 12.11.2018). Зарегистрировано в Минюсте России 30.05.2013 № 28587 // Российская газета. 2013. № 127.

² http://kanavinsky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=61463693&case_uid=762e5b44-00a2-4cf5-a1a7-001aae84252d&delo_id=1540005 (дата обращения 07.05.2024).

³ Пункт 17. В срок проведения служебной проверки не включаются периоды временной нетрудоспособности сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, нахождения его в отпуске или в командировке, а также время отсутствия сотрудника на службе по иным уважительным причинам, подтвержденные соответствующей справкой кадрового подразделения органа, организации или подразделения МВД России.

⁴ <https://swsu.ru/upload/iblock/2ba/cxvtcbixrvfwfawfbp8632y5zqx07wrh/Dissertatsiya-Belyaeva-E.G.pdf>

утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹. Данное нарушение выразилось в совершении сотрудником, проводящим проверку, действий, отнесенных к компетенции органов дознания и предварительного следствия, во время установления умышленности действий Истца по нанесению физического лицу телесных повреждений.

Отметим, что 15 апреля 2024 года² при пересмотре анализируемого дела другим федеральным судьей того же суда принято диаметрально противоположное решение. Согласно резолютивной части решения заключение служебной проверки содержит подробные выводы о совершении А. проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, и необходимости увольнения его в соответствии с требованиями пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30.11.2011 № 342³.

Упоминая о совокупности знаний, умений и навыков исполнителей служебных проверок, нельзя не отметить встречающийся низкий анализ объяснений, полученных в ходе проверки (как виновных лиц, так и других, которым могут быть известны сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению или опровержению).

Некоторые из лиц, проводящих проверки, в описательную часть заключения включают полученные объяснения в полном объеме. Таким образом, в итоговый вариант результатов служебной проверки могут попасть и сведения, не относящиеся к исследуемому событию. Ряд сотрудников органов внутренних дел ошибочно полагает, что чем больше информации будет донесено до руководителя, тем менее строгий вид дисциплинарного взыскания будет применен. Автор не может согласиться с такой точкой зрения, ибо заключение служебной проверки становится громоздким. Руководителю же, утверждающему выводы, бывает сложно вычленив в массиве информации ключевое отношение самого сотрудника к событию. В случае необходимости руководитель может отдельно изучить объяснение, поскольку вместе с проектом заключения, предоставляются и собранные материалы.

Другие же участники служебной проверки уделяют абзацу «Объяснение сотрудника, в отношении которого проведена служебная проверка» лишь пару строк, констатируя лишь факт признания/непризнания вины. С таким подходом к составлению проекта заключения также нельзя согласиться. Объяснение государственным служащим причин и условий, способствующих совершению действий (бездействий), может повлиять на объективную оценку руководителем собранных фактов.

Полагаем необходимым исполнителям служебной проверки найти «золотую середину» между двумя выше представленными подходами к изложению информации, содержащейся в объяснениях сотрудников.

Помня о недопустимости выхода за пределы полномочий⁴ и о том, что в приложении приведет рекомендуемый, а не обязательный образец объяснения, можно рекомендовать исполнителям вносить в бланк объяснения перечень вопросов, на которые он хочет получить ответ в рамках дисциплинарного производства.

Отметим также, что часть 6 статьи 52 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержит права и обязанности сотрудника ОВД, в отношении которого проводится служебная проверка, перечень является закрытым. Единственная обязанность – давать объяснения в письменной форме по обстоятельствам проведения служебной проверки, если это не связано со свидетельствованием против самого себя⁵.

Некоторые из должностных лиц ОВД на стадии представления объяснения пытаются затянуть, увеличить сроки проведения служебной проверки, пытаются избежать дисциплинарной ответственности. Аргументами, как правило, являются: неверное трактовка дачи объяснения как права, а не обязанности; служебная занятость и прочее. Такое поведение хоть и не может учитываться при утверждении выводов заключения служебной проверки, но накладывает определенный отпечаток на мнение руководителя и самом сотруднике.

Также следует отметить, что действующим законодательством не предусмотрено такое явление, как дополнительное объяснение. Порой обстоятельства вынуждают получить дополнительную

¹ Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 (ред. от 12.11.2018). Зарегистрировано в Минюсте России 30.05.2013 № 28587 // Российская газета. 2013. № 127.

² http://kanavinsky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=169840330&case_u_id=4ea9b00c-f980-4a7f-b5cd-d08ec07acdd3&delo_id=1540005 (дата обращения 07.05.2024).

³ Контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел – увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

⁴ Статья 9 приказа МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации».

⁵ Пункт 1 части 6 статьи 52 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 275.

информацию, в то время как ранее дававший объяснение сотрудник отказывается это делать, аргументируя тем, что проверяющим уже получен документ от него.

Помимо прочего, вызывает двусмысленность понимания положения исполнителя относительно истребования объяснения: это его право или обязанность, поскольку статья 28.1 наделяет его правом предложить дать письменные пояснения, а статья 30.11 же обязывает лиц, обладающих интересующими сведениями.

В связи с вышеизложенным, полагается необходимым предложить упразднить статью 28.1 приказа МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹, а статью 30.11² изложить в новой редакции: «принять все возможные меры к истребованию письменных объяснений в случае необходимости, дополнительных) с сотрудников, государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, которым могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, в отношении которого решается вопрос о совершении (не совершении) им дисциплинарного проступка.

Только истинная, не оставляющая сомнений трактовка исполнителями служебных проверок действующих правовых норм, может привести к реализации истинных целей проверки. Допускаемые же нарушения становятся базисом для обжалования заключений служебных проверок и, как следствие, снижают общественное мнение обывателей о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

¹Сотрудник (председатель и члены комиссии), проводящий служебную проверку, имеет право предлагать сотрудникам, государственным гражданским служащим и работникам системы МВД России, которым могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе служебной проверки, давать по ним письменные объяснения.

²Сотрудник (председатель и члены комиссии), проводящий служебную проверку, обязан опросить сотрудников, государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, которым могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению в ходе служебной проверки

Щерова Наталья Сергеевна
*преподаватель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского*

Scherova Natalya Sergeevna
*Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the
Law Faculty of the Lobachevsky State University*

E-mail: natalya.scherova@yandex.ru

Определение тематики материалов в периодических изданиях второй половины XIX в. как правовое ограничение

Determining the subject matter of materials in periodicals of the second half of the 19th century as a legal restriction

Аннотация: В статье рассмотрены отдельные нормативные правовые акты Российской империи второй половины XIX в., посвященные ограничению обсуждения в периодических изданиях некоторых вопросов. На основе изучения законодательства делается вывод о том, запреты на распространение сведений могли быть вызваны различными причинами, чаще всего охраной государственного и общественного порядка.

Ключевые слова: периодические издания, тематика материалов, правовое регулирование, судопроизводство, Российская империя.

Abstract: The article examines certain regulatory legal acts of the Russian Empire in the second half of the 19th century, dedicated to limiting the discussion of certain issues in periodicals. Based on the study of legislation, it is concluded that prohibitions on the dissemination of information could be caused by various reasons, most often the protection of state and public order.

Keywords: periodicals, topics of materials, legal regulation, legal proceedings, Russian Empire.

Понятие «правовые ограничения» в научной юридической литературе понимается по-разному. Так, М.А. Куликов рассматривает его как «правовое средство, направленное на сдерживание участника правоотношений от совершения определенных действий посредством уменьшения возможностей реализации его интересов в целях упорядочения общественных отношений»¹. А.В. Хвостова считает, что это «правовые средства, используемые прежде всего для установления границ осуществления субъективных прав или правовой активности субъектов права»². По мнению С.Н. Ревиной, правовые ограничения являются «превентивными мерами защиты общества, государства, граждан от возможных злоупотреблений со стороны определенного круга лиц»³. Таким образом, можно назвать следующие особенности исследуемой категории: это правовая мера (средство), предусмотренная государством, содержание составляет закрепление пределов реализации субъективных прав в целях предупреждения нарушений.

Однако это понятие мы можем использовать не только для современного права, но и для Российской империи, применительно к различным общественным явлениям. К числу таковых относятся периодические издания, редакции которых во второй половине XIX в. сталкивались с различными ограничениями свободы своей деятельности, в частности, в области определения содержания публикаций. В рамках настоящей работы рассмотрим некоторые примеры правового закрепления подобных ограничений.

¹ Куликов М.А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 159.

² Хвостова А.В. «Правовое ограничение» в понятийно-категориальном аппарате современной юридической науки // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11, № 2. С. 30.

³ Ревина С.Н. О правовых ограничениях и запретах // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 37 (47). С. 63.

Одним из первых нормативных правовых актов, устанавливающих ограничения на обсуждение в периодике некоторых вопросов, были утвержденные 12 мая 1862 г. Временные правила по цензуре¹. Их анализ позволяет выделить следующие положения по рассматриваемому вопросу:

1) запрещались для опубликования сочинения и статьи, посвященные учениям о социализме и коммунизме, направленные на свержение существующего общественного и государственного строя;

2) разрешались материалы о недостатках действующего законодательства, но только в качестве специальных научных рассуждений и о тех несовершенствах, которых были обнаружены на практике, при этом запрещалось указывать имена лиц и названия государственных учреждений;

3) не допускались к печати статьи, в которых возбуждалась неприязнь и ненависть к отдельным социальным группам либо содержались оскорбительные насмешки над сословиями или должностными лицами.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что указанные ограничения определялись необходимостью сохранения государственного порядка, научным подходом к обсуждению законодательных актов, защитой прав сословий.

В соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 16 июня 1873 г. министру внутренних дел было предоставлено право исключать из обсуждения в печати некоторые вопросы внутренней и внешней политики, публичное рассмотрение которых могло причинить вред государству². Отмечалось, что издание этого нормативного правового акта не являлось стеснением той свободы, которая была предоставлена периодическим изданиям при обсуждении политических и общественных вопросов. Принятый закон мог быть применен только в «чрезвычайных и редких обстоятельствах», когда в случаях особой необходимости требовалось временно запретить опубликование в печати отдельных тем, не подлежащих оглашению. О подобных изъятиях редакторы изданий оповещались через Главное управление по делам печати. За нарушение этого положения министр внутренних дел мог приостановить выпуск газет и журналов на срок не свыше трех месяцев.

Еще одним тематическим направлением, которое подлежало ограничению по освещению в периодической печати, стало информирование о ходе производства по гражданским и уголовным делам. В 1862 г. Александр II утвердил «Основные положения преобразования судебной части в России»³, в которых были определены новые принципы и правила отечественного судопроизводства. В числе таковых был обозначен принцип гласности, выраженный, в частности, в предоставлении возможности опубликования окончательного решения, вынесенного по рассмотренному открыто судебному делу, как самим судебным органом, так и частными лицами. Однако право обсуждения судебных постановлений предоставлялось только юридическим журналам «с сохранением должного к Суду и его членам уважения» (ч. I, ст. 62).

В ноябре 1864 г. были подготовлены и утверждены Правила о размещении в периодической печати судебных решений в связи с осуществлением судебной реформы⁴. Подтверждалось предусмотренное в Основных положениях 1862 г. право публиковать в изданиях судебные решения, принятые в ходе открытых гражданских и уголовных заседаний, в том виде, в каком были изложены в постановлении суда. В отношении их обсуждения было сделано уточнение: подобное допускалось только в юридической, т.е. специализированной, печати или в периодических изданиях, в структуре которых содержался особый отдел юридической хроники.

В дальнейшем был принят ряд законодательных актов, устанавливающих запрет на обнародование в печати до судебного рассмотрения или прекращения дела сведений, которые были получены дознанием или предварительным следствием (Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 30 января 1870 г.), а также разрешающих периодическим изданиям публиковать только резолютивную часть решений, принятых в закрытых судебных процессах (Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 февраля 1875 г.). Тем самым мы можем говорить об установлении пределов реализации предоставленного в ходе реализации судебной реформы права на освещение судопроизводства.

Тематика публикаций в периодике ограничивалась и посредством издания циркуляров Главного управления по делам печати. Они были многочисленными и содержали указания о запрете размещения материалов, посвященных той или иной теме. Так, в отношении указанной выше информации о ходе производства по судебным делам в циркуляре от 18 января 1880 г. № 236 сообщалось о необходимости начальникам губерний осуществлять контроль за тем, чтобы в печати не появлялось никаких сведений

¹ Временные правила по цензуре: Высочайше утвержденные 12 мая 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. № 38270.

² О взыскании с периодических изданий, изъятых от предварительной цензуры, за оглашение вопросов, не подлежащих, в течение известного времени, опубликованию: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 16 июня 1873 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 48. № 52395.

³ Основные положения преобразования судебной части в России: Высочайше утвержденные 29 сентября 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. № 38761.

⁴ О дозволении печатать судебные решения в повременных изданиях: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. № 41481.

об арестах по политическим делам и осуществляемых по ним дознаниям и следствиям¹. Подобным образом под ограничения размещения в печати попадали разнообразные вопросы, выбор которых часто обосновывался необходимостью обеспечения общественного порядка, недопущения возникновения недовольства или паники среди населения. В качестве примера можно назвать отдельные циркуляры, в которых запрещались материалы, содержащие сведения о пожарах в отдельных губерниях Российской империи, об эпидемиях.

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые примеры законодательного закрепления тематики материалов периодических изданий, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, подобные ограничения предусматривались в специальных нормативных правовых актах. Во-вторых, направлены на ограничение обсуждения в печати различных вопросов, что свидетельствует о сужении круга тем, которые могли стать предметом публикаций в печати, и контроле со стороны государства. В-третьих, введение подобных положений преследовало различные цели: сохранение существующего государственного строя, защиту прав отдельных социальных групп, воспрепятствование распространению сведений, способных вызвать волнения в обществе, и т.д.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 14. Л. 94.

Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в журнале «Юридическая орбита»

1. Рукопись представляется:

- 1.1. В электронном варианте, в программе Word;
- 1.2. Объем статьи от 0,4 до 1 п.л.
- 1.3. Требования к оригинальности текста: оригинальность не менее 70%, цитирование не более 30%, самоцитирование (при наличии) не более 10%, совпадений (при наличии) не более 10%. Не рассматриваются статьи, выполненные с применением нейросетей, маскировкой заимствований.

2. Структура статьи:

- 2.1. Фамилия, имя и отчество автора, должность, место работы, ученая степень, ученое звание - на русском и английском языках; e-mail автора; название статьи на русском и английском языках; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова на русском и английском языках; текст статьи.

3. Требования к компьютерному набору:

- 3.1. Формат A4; шрифт – Times New Roman; междустрочный интервал – 1,5; размер шрифта текста – 14, сноска – 10; поля страницы все 2 см; абзацный отступ – 1,25; нумерация страниц внизу по центру; в электронном варианте статьи не должно быть переноса слов и макросов.

4. Рекомендации по техническому оформлению текста:

- 4.1. Инициалы отделяются друг от друга и от фамилии пробелом, в тексте ставятся до фамилии, а не после.
- 4.2. В тексте допустимо использовать следующие сокращения: т. д., т. п., пр., др., т. е., см., г., гг. (год, годы), в., вв. (век, века), ст. (статья, статьи, ст.ст. – недопустимое сокращение), п., пп. (пункт, пункты), ч., чч. (часть, части). Словосочетания «так как» и «так называемый» не сокращаются.
- 4.3. Денежные единицы (рубли, доллары, франки, фунты стерлингов) сокращаются до руб., долл., фр., ф. ст.
- 4.4. Для обозначения века используются римские цифры: XX в.
- 4.5. Дату документа, в состав которой входит день месяца (число), месяц и год, следует писать так: 22 августа 2014 г.
- 4.6. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении.

5. Таблицы, схемы, иллюстрации:

- 5.1. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице через 1,5 интервала и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечании), а не в названии таблицы. Для сноски применяется символ. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

- 5.2. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены отдельными файлами.

- 5.3. Иллюстрации (фотографии) должны быть черно-белыми и отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм (при условии сохранения масштаба 1:1 или более; при уменьшении масштаба разрешение пропорционально увеличить) и сохранены в файле в формате .tif или .jpg.

6. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах .tiff, .eps. Не желательно использовать файлы в формате .jpg. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы). При дальнейшем масштабировании изображений более чем на 20% разрешение сканирования увеличивается пропорционально.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

8. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в коллегия.

9. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)».

10. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

11. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Просьба статьи направлять по адресу: science@jur.unn.ru

Тема письма: ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРБИТА